Джеффри Дивер

Могила девы

I. Зал забоя скота

08:30

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте,

Ветер холодный — разве это хорошо?

Маленький желтый школьный автобус взобрался на крутой подъем шоссе, и она на мгновение увидела огромное покрывало блеклой пшеницы — раскинувшееся на тысячу миль пространство колыхалось и колыхалось под серым небом. Затем они снова нырнули вниз, и горизонт исчез.

Расправили птички крылья

И взмыли к клубящимся облакам.

Запнувшись, она посмотрела на девочек, которые одобрительно ей кивали. И поняла, что разглядывает густую пелену пшеницы, не обращая внимания на свою аудиторию.

— Нервничаете? — поинтересовалась Шэннон.

— Не спрашивай ее, — предостерегла подругу Беверли. — Плохая примета.

— Нет, — ответила ученицам Мелани, — она не нервничает, — и снова посмотрела на пролетавшие мимо поля.

Три девочки клевали носами, но остальные пять не спали и ждали продолжения стихотворения. Мелани снова начала читать его, но не успела закончить и первой строки, как ее перебили.

— Подождите, а что это за птицы? — нахмурилась Киэл.

— Не перебивай! — воскликнула семнадцатилетняя Сьюзан. — Перебивают только филистеры.

— А я не такая! — ощетинилась Киэл. — Кто такие филистеры?

— Тупые придурки, — объяснила Сьюзан.

— Тупые придурки? — удивилась Киэл.

— Дай ей закончить.

— Восемь маленьких птичек по небу всю ночь летали, — продолжала Мелани. — Пока на солнышко не попали.

— Стоп, вчера их было пять, — рассмеялась Сьюзан.

— Теперь ты перебиваешь, — заметила долговязая проказница Шэннон. — Значит, ты сама фи... как этот там? Филадель...

— Филистер, — поправила Сьюзан.

Круглолицая Джойслин, слишком робкая, чтобы как-то себя проявить, энергично закивала, словно тоже заметила оговорку, но постеснялась сказать вслух.

— Но вас-то восемь, поэтому я и поменяла число.

— А разве можно? — спросила четырнадцатилетняя Беверли, вторая по старшинству ученица в автобусе.

— Мое стихотворение, — отрезала Мелани. — Сколько захочу, столько и будет птиц.

— Сколько там будет людей? На декламации?

— Сто тысяч. — Казалось, Мелани говорит вполне серьезно.

— Не может быть! Правда? — живо отозвалась восьмилетняя Шэннон, тогда как Киэл, ее сверстница, выглядевшая намного старше, закатила глаза.

Мелани вновь посмотрела в окно, где проплывали унылые пейзажи среднего юга Канзаса с единственным цветным пятном — голубой силосной ямой компании «Харвестор». Стоял июль, но погода была холодной, и хмурое, затянутое облаками небо грозило дождем. Они проехали мимо огромных комбайнов и автобусов с рабочими-мигрантами, за которыми катились передвижные туалеты. Землевладельцы и издольщики управляли огромными тракторами «Мейси» и грузовиками «Харвестор», и Мелани представила, с какой тревогой они глядят на небо. Настала пора собирать озимую пшеницу, а ливень мог свести на нет восемь месяцев напряженного труда.

Мелани отвернулась от окна и, смущаясь, стала разглядывать ногти, которые каждый вечер старательно подравнивала и подтачивала. Их покрывал тонкий слой лака, и они казались настоящими перламутровыми чешуйками. Она подняла руки и предложила на суд девочек еще несколько стихотворений, выделяя со вкусом, словно нараспев, каждое слово.

Ни одна из девочек больше не спала: четыре смотрели в окна, три уставились на руки Мелани, а пухленькая Джойслин Вейдерман следила за каждым движением учительницы.

«Эти поля никогда не кончатся», — подумала Мелани.

Сьюзан проследила за ее взглядом.

— Черные дрозды. И вороны, — вздохнула она.

Да, именно они. И не пять, и не восемь, а тысяча, целая стая. Птицы косились на землю, на желтый автобус, смотрели в нахмурившееся лиловато-серое небо.

Мелани взглянула на часы. Они еще не выбрались на автостраду. До Топ*и*ки оставалось минимум три часа.

Автобус съехал в очередной пшеничный каньон.

Она почувствовала тревогу прежде, чем осознала ее причину. Потом Мелани рассудила, что это не было ни внутренним предупреждением, ни предчувствием. Дело было в больших красноватых пальцах миссис Харстрон, вцепившихся в руль.

Руки пришли в движение.

Глаза женщины слегка сузились. Плечи дернулись, голова чуть склонилась. Такие мелкие движения тела отражают то, чем занят мозг.

— Девочки спят? — отрывисто спросила миссис Харстрон, и ее рука тут же вернулась на руль. Мелани подалась вперед и сообщила, что никто не спит.

Близняшки Анна и Сузи, хрупкие словно перышки, приподнялись и, дыша в широкие плечи учительницы, посмотрели в ветровое стекло. Миссис Харстрон махнула им рукой.

— Сядьте нормально! Немедленно! И глядите в боковое окно. В левое.

Вот тогда Мелани увидела машину. И кровь. Много крови. Она заставила девочек сесть.

— Не смотрите, — предупредила Мелани. Ее сердце гулко стучало. Руки внезапно стали тяжелыми. — И пристегните ремни. — Она с трудом произносила слова.

Джойслин, Беверли и десятилетняя Эмили послушались сразу. Шэннон поморщилась и украдкой посмотрела вперед, а Киэл возмутилась:

— Сьюзан глядела, а я что, хуже?

Анна сразу присмирела и сложила руки на коленях. Она побледнела, и это было особенно заметно по сравнению с ее загорелой, как подрумянившийся на солнце персик, сестрой. Мелани погладила девочку по голове и показала в левое окно автобуса.

— Смотрите на пшеницу.

— Очень интересно, — фыркнула Шэннон.

— Бедняги. — Двенадцатилетняя Джойслин смахнула слезы с пухлых щек.

Красный «кадиллак» крепко ударился об оросительную заслонку. Из-под капота шел дым. Пожилой водитель наполовину вывалился из автомобиля, и его голова касалась асфальта. Мелани заметила и вторую машину — серый «шевроле». Столкновение произошло на перекрестке. Судя по всему, «кадиллак», имевший первоочередное право проезда, врезался в серую машину, потому что ее водитель не обратил внимания на знак, предписывающий остановиться. «Шеви» выбросило с дороги в высокую пшеницу. Внутри никого не было. Покореженный капот съехал набок, из радиатора валил пар.

Миссис Харстрон остановила автобус и потянулась к потертой хромированной ручке дверцы.

«Нет! — пронеслось в голове у Мелани. — Поезжай дальше — найди продуктовую лавку, какой-нибудь магазин или дом. Много миль они ничего не встречали, но должно же быть что-то впереди. Только не останавливайся! Двигайся вперед». Она не произнесла ни слова, но ее руки, должно быть, шевелились, потому что Сьюзан сказала:

— Это необходимо. Он ранен.

«Но кровь! — не могла успокоиться Мелани. — Нельзя, чтобы кровь попала на девочек. На свете есть СПИД и другие болезни».

Потерпевшие аварию нуждаются в помощи, но помощь должна прийти от властей.

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте...

Сьюзан, восьми годами младше Мелани, первой выскочила из школьного автобуса и побежала к раненому. Ветер разметал ее длинные черные волосы.

Следующей была миссис Харстрон.

Мелани медлила и только смотрела. Водитель напоминал набитую опилками куклу — одна нога вывернута под каким-то невероятным углом, голова повисла, толстые руки без единой кровинки.

Она еще ни разу не видела мертвецов.

Но он, конечно, не умер. Нет-нет, только ранен. Ничего страшного. Просто потерял сознание.

Девочки одна за другой поворачивались и смотрели на происходящее. Первыми, естественно, Киэл и Шэннон, эта неугомонная парочка, напоминавшая Мелани то ли известных корейских танцоров в стиле хип-хоп, то ли «Могучих рейнджеров», то ли Людей Икс. Затем хрупкая Эмили с молитвенно сложенными руками. (Родители заставляли девочку каждый день молиться, чтобы к ней вернулся слух. Она призналась в этом только Мелани.) Беверли схватилась за грудь: непроизвольный жест, — до сих пор у нее никогда не болело сердце.

Мелани вышла из автобуса и направилась к «кадиллаку». Но вдруг замедлила шаг: по контрасту с серым небом, серой пшеницей и тусклым шоссе кровь показалась ей очень красной. Она была повсюду: на лысине мужчины, на его груди, на дверце машины, на желтой кожаной обивке сиденья.

Сердце замерло от страха.

Миссис Харстрон, мать двух мальчиков-подростков, начисто лишенная чувства юмора, была умной, надежной, несгибаемой, как вулканизированная покрышка. Она запустила руку под свой пестрый свитер, высвободила из-под него блузку и, оторвав от нее лоскут на импровизированный бинт, наложила его на глубокую рану на голове мужчины. Наклонилась, что-то прошептала ему, надавила на грудь, подула в рот.

И прислушалась.

«А я не слышу, поэтому ничем не могу помочь, — подумала Мелани. — Ничего не могу сделать. Надо идти в автобус и присмотреть за девочками. Замершее сердце снова забилось. Вот и хорошо».

Сьюзан тоже нагнулась и попыталась остановить кровь, текущую из шеи водителя. Потом подняла глаза на учительницу, нахмурилась, увидев свои пальцы, испачканные в крови, и спросила:

— Почему так сильно течет? Взгляните на шею.

Миссис Харстрон посмотрела, тоже нахмурилась и покачала головой.

— Шея просто продырявлена. Похоже на пулевое отверстие.

У Мелани перехватило дыхание, а сердце снова замерло.

И тут она увидела сумочку.

В десяти футах от себя.

Радуясь возможности отвести глаза от раненого, подошла и стала разглядывать ее. Узор ткани свидетельствовал о том, что это дизайнерская вещь. Сельская девушка Мелани Черрол, зарабатывающая как учитель-практикант в школе для глухих шестнадцать с половиной тысяч долларов в год, за свои двадцать пять лет ни разу не прикасалась ни к чему дизайнерскому. Эта маленькая сумочка казалась очень дорогой, вроде тех, которые женщины вешают на плечо, отправляясь по делам в центре Канзас-Сити, на Манхэттене или в Лос-Анджелесе. Небрежно бросают на стол, достают серебряную ручку, пишут несколько слов, и все вокруг них приходит в движение — помощники и секретари бросаются исполнять их желания.

Но едва сделав шаг к сумочке, Мелани вдруг подумала: где же та женщина, которой принадлежала эта вещь?

В этот миг на нее упала тень.

Мужчина, не высокий и не толстый, но крепкий и мускулистый, с гладким молодым лицом, блестящими, коротко подстриженными волосами, широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. Мелани не верила в его добрые намерения.

Сначала ей показалось, что этот человек похож на лису, но потом она решила: скорее на ласку или горностая. За поясом его мешковатых серых слаксов торчал пистолет. Мелани судорожно вздохнула и вскинула руки, но не к лицу, а к груди.

— Пожалуйста, не трогайте меня!

Мужчина, заметив движение ее рук, рассмеялся.

Боковым зрением Мелани видела, как поднялись встревоженные Сьюзан и миссис Харстрон. К ним шел второй мужчина огромного роста, тоже одетый во все застиранно серое. У него не хватало зуба, и на лице застыло выражение голода. Медведь, машинально подумала Мелани и подала знак Сьюзан.

— Пошли! Быстрее! — Не спуская глаз с желтого автобуса, она направилась к семи приникшим к окнам испуганным лицам.

Горностай схватил ее за ворот. Мелани ударила его по руке, но не сильно, боясь разозлить.

Он что-то крикнул и встряхнул ее. Ухмылка стала холодной и настораживающей. Лицо потемнело. Мелани, ослабев от страха, уронила руки, и они повисли вдоль тела.

— В чем дело? — спросил Медведь. — Я считал, что мы... об этом.

Мелани начала глохнуть в восемь лет, когда уже овладела языком, поэтому читала по губам лучше большинства девочек. Но чтение по губам — очень сложный процесс. Он не сводится к тому, чтобы следить за движениями губ. Необходимо осмыслить выражение губ, языка, улыбки, глаз, рук и прочего. Положительный результат достигается лишь в том случае, если человек хорошо знает того, чьи слова пытается угадать. Медведь существовал в другой вселенной, совсем не в той, в которой жила Мелани. Не в ее мире староанглийского декора, где пили чай «Силестиэл сизонингз», не в мире маленьких городков и школ Среднего Запада. Она понятия не имела о том, что он сказал.

Великан рассмеялся и смачно сплюнул. Глаза скользнули по ее телу — по груди под бордовой блузкой с высоким воротником, подлинной темно-серой юбке, черным колготкам. Мелани скрестила руки на груди. Медведь повернулся к миссис Харстрон и Сьюзан.

Горностай, подавшись вперед, что-то говорил, может быть, кричал, как часто поступают люди, обращаясь к глухим (и это хорошо, потому что, крича, они произносят слова медленнее и движения их губ выразительнее). Он спрашивал, кто остался в автобусе. Мелани не шелохнулась. Не могла. Только вспотевшими пальцами вцепилась себе в предплечья.

Медведь опустил глаза на залитое кровью лицо раненого и, безразлично пихнув его голову обутой в сапог ногой, наблюдал, как она мотается из стороны в сторону. Мелани всхлипнула. Ее ужаснула обыденность и безнаказанность этого движения. Она расплакалась. Медведь толкнул Сьюзан и миссис Харстрон, велев им идти к автобусу.

Бросив взгляд на Сьюзан, Мелани вскинула руки.

— Не надо!

Но Сьюзан уже действовала.

Ее прекрасная фигура спортсменки-бегуньи напряглась.

Напряглись все ее сто двенадцать фунтов мышц.

Пришли в движение сильные руки.

Ладонь полетела к лицу Медведя, тот удивленно отпрянул и перехватил ее руку в нескольких дюймах от глаз. Затем, решив поразвлечься, вывернул девушке кисть, так чтобы Сьюзан упала на колени и вываляла черные джинсы и белую рубашку в пыли и грязи. Повернулся к Горностаю и что-то крикнул.

— Сьюзан, не надо! — снова воскликнула Мелани.

Но та уже вскочила на ноги. Однако и Медведь был готов к нападению. Схватив Сьюзан, он провел ладонью по ее рубашке, на миг задержав руку на груди. Но тут же ему надоела игра, и он крепко ударил Сьюзан под дых. Девушка повалилась на колени и, схватившись за живот, пыталась вздохнуть.

— Не надо, — снова подала ей знак Мелани. — Не сопротивляйся.

Горностай окликнул Медведя.

— Где… он?

Тот кивнул в сторону стены пшеницы. У него было странное выражение лица: словно он что-то не одобрял, но боялся открыто возражать. Только пробормотал:

— Нет… времени… фигней…

Мелани проследила за его взглядом и всмотрелась в стебли пшеницы. И хотя ясно ничего не увидела, по тени и смутным очертаниям поняла, что там стоял склонившийся над чем-то мужчина, жилистый, невысокий, с

рукой, вскинутой вверх, словно в фашистском приветствии. Мужчина надолго застыл в этой позе. А под ним Мелани различила человеческую фигуру в чем-то темно-зеленом.

И вслед за этим вспыхнула ужасная догадка — хозяйка сумочки.

«Нет, пожалуйста, нет...»

Рука мужчины неторопливо опустилась, сквозь колеблющиеся волны пшеницы блеснул зажатый в ладони металл.

Горностай слегка повернул голову. Услышав звук, он вздрогнул. Лицо Медведя расплылось в улыбке. Миссис Харстрон в ужасе зажала уши руками. Она прекрасно все слышала.

Плачущая Мелани всмотрелась в пшеницу. Неясная фигура все ниже нагибалась над женщиной. Высокие стебли качались на неугомонном июльском ветру. Рука мужчины поднялась и опустилась, раз, другой.

Миссис Харстрон смело взглянула на Горностая.

— Отпустите нас... мы ничем не повредим вам... мы не...

Мелани немного успокоило, что учительница не намерена сдаваться.

Горностай и Медведь, не обратив внимания на ее слова, погнали к автобусу всех трех: Сьюзан, миссис Харстрон и Мелани.

В салоне младшие девочки прижимались друг к другу на задних сиденьях. Медведь втолкнул старшую учительницу и Сьюзан внутрь и показал на свой карман, где лежал пистолет. Последней в автобус вошла Мелани. Горностай, толкнув ее в спину, последовал за ней. Девушка споткнулась, налетела на рыдающих близняшек и, обняв их, притянула к себе Эмили и Шэннон.

Чужой внешний мир... Их замкнуло в ужасе этого мира. Отгородиться от всего, что их окружает. От этого ужаса...

Мелани посмотрела на Горностая и поняла, что он сказал:

— Глухая, как все остальные...

Медведь втиснул свое жирное тело на водительское сиденье и завел мотор. Посмотрел в зеркало заднего вида, нахмурился и обернулся.

Вдалеке, в самом конце шоссе, появилась вспыхивающая световая точка. Медведь нажал на выключатель сигнала на руле, и Мелани ощутила в груди вибрацию автомобильного гудка.

— Какого черта? Я думал… — Медведь отвернулся, и все его остальные слова потерялись.

Горностай что-то крикнул в сторону пшеницы и, видимо, получив ответ от того, кто там прятался, кивнул. Тут же с поля на дорогу выехал серый «шеви» — сильно поврежденный, но способный двигаться — и остановился на обочине. Мелани взглянула в ветровое окно, желая рассмотреть, кто сидит за рулем, но помешал отсвет: показалось, что водителя в машине нет.

Затем «шеви», буксуя на асфальте бешено вращающимися задними колесами, рванул вперед. Автобус в синем облачке сожженной резины тоже тронулся с места. Медведь ударил ладонью по рулю, обернулся к Мелани и что-то прорычал. Это были сердитые, плохие слова, но какие, девушка не поняла.

Вспыхивающий свет приближался — красные, синие и белые огни. Это напоминало фейерверк на Четвертое июля в парке Хеврона две недели назад. Мелани любовалась взмывающими вверх и пересекающимися в небе цветными траекториями и ощущала кожей жаркие разрывы.

Она оглянулась на полицейскую машину и поняла, что их ждет. Впереди уже собрались патрульные автомобили. Они принудят автобус остановиться, и этим людям придется выйти с поднятыми руками. А ученицы и учительницы окажутся в каком-нибудь местном полицейском участке, где дадут показания. Представление в театре глухих в Топике на этот раз придется пропустить: даже если удастся вовремя добраться до места, после всего случившегося немыслимо выйти на сцену и выступить со стихами.

А ведь только возможность выступить потянула ее в дорогу.

Может, это знак, что не следовало ехать? Предостережение, чтобы она не строила никаких планов? Предзнаменование?

Теперь Мелани хотела только одного: оказаться в доме, который снимала, запереть дверь и выпить чашку чаю. Даже сдобрить черносмородиновой настойкой. Затем послать брату факс в больницу в

Сент-Луисе и рассказать ему и родителям, что с ней приключилось. Мелани, когда нервничала, наматывала свои светлые волосы на согнутый средний палец, тогда как остальные оставались прямыми. Этот жест руки означал «сияние».

Автобус тряхнуло. Медведь вслед за серой машиной свернул с дороги и поехал по проселку. Горностай нахмурился, что-то спросил у водителя, но Мелани не различила слов. Толстяк, не ответив, плюнул в окно. Поворот, еще поворот — они удалялись от шоссе, и местность становилась более холмистой. Приближались к реке.

Проехали под электрическими проводами, на которых сидели птицы. Большие птицы. Вороны.

Мелани посмотрела на машину, следующую впереди. Ей так и не удалось рассмотреть водителя, того, кто прятался на пшеничном поле. Сначала Мелани показалось, что у человека в «шеви» длинные волосы. В следующее мгновение она решила, что он лыс или коротко подстрижен, а затем — что на нем шляпа.

«Шевроле» повернул направо, на заросшую травой колею. Мелани догадалась, что водитель серого автомобиля увидел впереди десятки полицейских машин. Скосила глаза и посмотрела в ветровое стекло. Но никаких полицейских машин не увидела. Автобус последовал за «шеви». Медведь что-то бормотал себе под нос. Горностай оглядывался на едущую за ними патрульную машину.

Затем Мелани увидела, куда они направлялись.

«Нет, — подумала она. — Только не это!»

Теперь Мелани знала: надежды на то, что эти трое быстро сдадутся приближающимся полицейским, нелепы. Она поняла, куда они едут.

В самое плохое место на свете.

Серая машина свернула в заросшее сорняками поле. В его конце у реки приютилось давно заброшенное фабричное здание из красного кирпича. Темное и неприступное, как средневековая крепость. Перед ним еще сохранились остатки заборов, некогда разделявших загоны для скота, но большую часть поля захватила канзасская прерия с ее не такой уж высокой порослью — осокой, бородачом и буйволовой травой.

«Шеви» направился прямо к зданию, автобус последовал за ним. Обе машины остановились слева от входа.

Мелани посмотрела на красноватый кирпич.

Когда ей было восемнадцать лет и она училась в школе для глухих Клерка Лорена[1], ее привез сюда сверстник — будто бы на пикник, но на самом деле для осуществления того, чего хотят восемнадцатилетние мальчишки и чего, как казалось Мелани, хотела она сама. Но когда они, захватив с собой одеяло, вошли внутрь и Мелани увидела мрачное помещение, ее охватил страх. Она выскочила отсюда и больше никогда не видела ни оставленного ею в полном недоумении парня, ни этого здания.

Но хорошо помнила его. Заброшенная скотобойня, место смерти. Место тягостное, мрачное, опасное.

И темное. Как же Мелани ненавидела темноту! (В свои двадцать пять лет, в доме с шестью комнатами, она держала пять ночников.)

Горностай распахнул дверь автобуса и вытащил за собой Сьюзан и миссис Харстрон.

Патрульный автомобиль с одним-единственным полицейским внутри остановился у въезда на поле. Коп вышел из машины, держа в руке пистолет, но окаменел, увидев, что Медведь схватил Шэннон и приставил дуло к ее голове. Восьмилетняя девочка удивила бандита — вывернулась и больно пнула в колено. Вздрогнув от боли, он стал трясти ее, пока она не перестала извиваться. Медведь посмотрел в конец поля на полицейского — тот демонстративно вложил оружие в кобуру и вернулся в машину.

Бандиты стали подталкивать девочек ко входу на бойню. Медведь ударил камнем цепь, запирающую дверь, и разорвал ржавые звенья. Горностай взял из багажника серой машины несколько больших мешков, а ее водитель по-прежнему сидел за рулем и смотрел на здание. Блики на стекле все еще мешали Мелани разглядеть его, но ей показалось, что этот человек почувствовал себя свободнее и с любопытством рассматривает башенки и темные окна.

Медведь рывком открыл дверь и вместе с Горностаем втолкнул девочек в здание. Внутри пахло пещерой, и ничто не напоминало о том, что когда-нибудь здесь обитали люди. Грязь, экскременты, плесень, гниль, распространяющая приторную вонь, прогорклый животный жир — все это било в нос. Здание представляло собой лабиринт проходов и загонов. В загонах стояло ржавое оборудование, валялись остатки старых механизмов. Под потолком висели ряды ржавых крюков. И все окружала тьма — хоть глаз выколи, как и запомнилось Мелани.

Медведь провел учениц и учительниц в полукруглый зал, выложенный плиткой. Помещение без окон пропитывала сырость. На полу и стенах

темнели бурые пятна. Потертый деревянный пандус вел в левую часть помещения. Смонтированный над головой конвейер с крюками для туш исчезал справа. В центре располагался сток для крови.

В этом зале убивали животных.

Ветер холодный — разве это хорошо?

Киэл схватила руку Мелани и прижала к себе. Миссис Харстрон и Сьюзан, то и дело кидавшая на бандитов ненавидящие взгляды, обняли других девочек. Джойслин всхлипывала, близняшки тоже, у Беверли начался приступ астмы.

Восьми серым птичкам некуда лететь.

Они сгрудились на холодном сыром полу. В сторону метнулась крыса — шкура тусклая, словно старое, обветренное мясо. Затем снова открылась дверь. Мелани, защищаясь от яркого света, прикрыла рукой глаза.

Он стоял на пороге в холодном свете дня.

Низенький и худощавый.

Вдоль продолговатого лица висели блеклые, светлые космы. В отличие от других на нем была только майка с напечатанной фамилией: Л. Хэнди[2]. Но для Мелани он был отнюдь не Хэнди и не какой-нибудь Лэрри или Лу. Она почему-то сразу вспомнила актера, который играл Брута в последней постановке «Юлия Цезаря» в Канзасском театре для глухих.

Л. Хэнди положил на цементный пол два тяжелых полотняных мешка. Дверь закрылась, мертвенный свет потух, и Мелани рассмотрела его тусклые глаза и тонкие губы. Еще она заметила и поняла, что сказал Медведь:

— Какого черта? Мы отсюда ни за что не выберемся!

А затем будто ясно услышала голос Брута — такое иногда случается: глухие различают призрачные человеческие голоса, звучащие совсем не по-человечески:

— Не имеет значения. Абсолютно никакого.

Говоря это, он смотрел на Мелани, и его ледяная улыбка предназначалась именно ей. Указав на ржавые прутья, он велел двум другим мужчинам надежно запереть дверь.

09:10

За двадцать три года он ни разу не забыл об этой дате.

Образцовый муж.

Артур Поттер отогнул край пакета с упакованными в нем розами — сияющие цветы, оранжевые и желтые, широко распахнутые чашечки с пышными, чуть загнутыми по краям, безупречными по красоте лепестками. Он понюхал их. Любимые цветы Мэриан. Сочные краски — никакого белого или красного.

На светофоре зажегся зеленый свет. Осторожно положив букет на соседнее сиденье, он проехал перекресток. Рука прошлась по животу, туго стянутому ремнем. Артур Поттер поморщился. Ремень, служивший ему мерилом веса, теперь был застегнут на предпоследнюю дырочку, проделанную в потертой коже. «В понедельник сяду на диету», — бодро пообещал себе Артур Поттер. К тому времени он вернется в Вашингтон, великолепная стряпня родственницы давно переварится, и можно будет снова сосредоточиться на подсчете граммов жира.

Всему виной Линден. Еще бы... Вечером она подала отварную солонину, картошку с маслом, капусту с маслом, пресные лепешки, которые тоже предполагалось намазать маслом (и он не упустил случая), лимскую фасоль, жареные помидоры, шоколадный торт с ванильным мороженым. Линден была двоюродной сестрой Мэриан по линии Макгиллисов. Их общий предок имел двух сыновей, Имона и Харди, которые прибыли в страну третьим классом, в один год женились, и их жены родили дочерей: одна через десять, другая через одиннадцать месяцев после того, как дали женихам клятвы верности.

Сам Артур Поттер, оставшись сиротой в тринадцать лет, был единственным сыном. Его родители тоже не имели ни братьев, ни сестер. Он радостно влился в семью жены и много лет составлял генеалогию Макгиллисов. Рассылая письма, выяснял детали (писал от руки на дорогой бумаге, компьютером для набора текста так и не обзавелся) и благоговейно, почти суеверно разбирался в извивах ветвей генеалогического древа клана.

Магистраль «Конгресс экспрессуэй». Сначала направление на запад. Затем на юг. Руки на верхней трети руля, сам сгорбился, очки сидят на бледном мясистом носу. Поттер проезжал рабочие районы Чикаго. Доходные многоквартирные дома и ряд коттеджей на две семьи заливал неяркий свет хмурого неба, характерный для Среднего Запада.

Он подумал о том, что в разных городах и свет разный. Поколесив по миру, Артур Поттер накопил множество тем для путевых очерков, которые никогда не напишет. Изыскания по генеалогии и заметки о службе, откуда он скоро уйдет в отставку, видимо, будут его единственным литературным наследием.

Поворот, еще поворот. Он вел машину автоматически, почти небрежно. Артур Поттер, нетерпеливый по характеру, давно изжил в себе этот порок, если его можно назвать пороком, и никогда не нарушал наложенные на себя ограничения.

Направив взятый напрокат «форд» на Остин-авеню, он посмотрел в зеркальце заднего вида и заметил машину.

В серо-голубом седане сидели два неприметных молодых человека с удивительно стертой внешностью: хорошо выбритые, чистоплотные, с отбеленной совестью. Они висели у него на хвосте.

Федеральные агенты — было написано у них на лбу.

У Поттера екнуло сердце.

— Черт! — пробормотал он своим низким баритоном. Разозлившись, стиснул зубы, а затем, словно предвкушая гонку на предельной скорости, плотнее обернул цветы зеленой бумагой. Но когда нашел нужную улицу, повернул осторожно, не быстрее семи миль в час. Букет жены скатился на его полное бедро.

Артур Поттер не гнал: его стратегия заключалась в другом — он еще надеялся, что двое в серо-голубом седане едут по своим делам: продают компьютеры или предлагают типографские услуги, а в таком случае скоро исчезнут.

Оставят его в покое.

Но висевшая на хвосте машина не обгоняла и не отставала. Преследователи, соблюдая безопасную дистанцию, упрямо тащились за «фордом» Поттера, двигавшимся с раздражающе черепашьей скоростью.

Свернув на знакомую подъездную аллею и добравшись до конца, он остановился, быстро вылез из машины и, прижимая цветы к груди, пошел вразвалочку по дорожке. Пусть агенты сочтут его походку вызывающей и остановят его здесь.

Но как им удалось отыскать его?

Поттер вел себя очень осмотрительно. Оставлял машину за три квартала от квартиры Линден. Просил ее не отвечать на телефонные звонки и выключать компьютер. Эта женщина пятидесяти одного года родилась бы цыганкой, если бы могла перегруппировать свои гены (вот насколько они были разными с Мэриан, хотя в них и текла одна кровь), точно следовала его указаниям. Она привыкла к необъяснимым поступкам родственника. Считала его поведение опасным и неблагоразумным, а он не пытался разубедить ее, потому что, в сущности, она не ошибалась.

Агенты остановили машину за «фордом» Поттера и вылезли. Он слышал за спиной их шаги по гравийной дорожке.

Они не спешили, понимая, что теперь достанут его повсюду.

«Я ваш, самоуверенные сукины дети!»

— Мистер Поттер!

«Нет-нет, убирайтесь! Только не сегодня. Сегодня особенный день. Годовщина моей свадьбы. Мы поженились двадцать три года назад. Поймете, когда будете такими же старыми, как я.

Отвяжитесь!»

— Мистер Поттер!

Молодые люди были неотличимы друг от друга. Он не обратил внимания на одного, также поступит и с другим.

Поттер шел по газону к жене и думал: «Мэриан, прости меня за это. Со мной пришла беда. Мне так жаль!»

— Подите прочь, — прошептал он сквозь зубы, и вдруг мрачные белокожие типы в темных костюмах остановились, будто услышали его слова. Поттер встал на колени и положил цветы на могилу. Начал разворачивать зеленую бумагу, уголком глаза видя молодых людей. Повременил, зажмурился и закрыл ладонями лицо.

Он не молился. Теперь Артур Поттер больше вообще не молился. А раньше случалось. Время от времени. Хотя его ремесло выработало в нем тайные суеверия, он перестал молиться тринадцать лет назад, когда Мэриан живая превратилась в Мэриан мертвую, и произошло это в тот момент, когда он, сложив кончики пальцев, вел искусные переговоры с Богом, в существование которого более или менее верил всю жизнь. Тот, к кому он обращался, не внимал ему. Это не удивило и не разочаровало Поттера, но молиться он перестал.

Теперь, закрыв глаза и так же подняв вверх пальцы, он посылал ударную волну, ограждая себя от этих типов без особых примет.

Да, это федеральные агенты, но пусть они будут агентами богобоязненными (как это часто случается) и держатся на расстоянии.

Поттер не молился, но разговаривал с женой, которая лежала здесь все эти долгие годы. Его губы шевелились. Он получал ответы, потому что знал ее ум не хуже своего. Но присутствие типов, одетых в костюмы одного покроя, мешало. Наконец Поттер медленно поднялся и посмотрел на мраморный цветок, вправленный в гранит надгробия. Он заказывал розу, но получилось что-то вроде хризантемы. Наверное, резчик по камню был японцем.

Больше незачем тянуть.

— Мистер Поттер?

Он вздохнул и отвернулся от могилы.

— Я специальный агент Макговерн. А это специальный агент Кроули.

— В чем дело?

— Извините за беспокойство, сэр. Не согласитесь ли выслушать нас?

— Может, пройдем к машине? — предложил Макговерн.

— Что вы от меня хотите?

— Пожалуйста, идемте. — Никто не говорит это «пожалуйста» так, как агенты ФБР.

Сопровождаемый с двух сторон, Поттер направился к их автомобилю. И только рядом с машиной понял, какой неослабевающий и на удивление холодный для июля дует ветер. Он оглянулся на могилу — порыв шевелил зеленую упаковку цветов.

— Так. — Поттер резко остановился, решив, что дальше не тронется с места.

— Извините, что нарушили ваш отпуск, сэр. Мы звонили по тому телефону, где вы остановились, но никто не ответил.

— Туда тоже послали людей? — Поттер встревожился. Линда, конечно, огорчится, если агенты заявятся к ней в дом.

— Да, сэр, но как только мы нашли вас, сразу сообщили им по радио.

Поттер кивнул и посмотрел на часы. Вечером предполагалась пастушья запеканка. Зеленый салат. Он должен был купить что-нибудь спиртное. Для себя темное пиво «Сэмюэл Смит», для других крепкий портер. После ужина они собирались поиграть в бридж с Холбергами из соседней квартиры.

— И насколько все серьезно? — спросил он.

— ЧП в Канзасе, — ответил Макговерн.

— Очень серьезно, сэр. Он просит вас собрать группу чрезвычайного реагирования. Самолет «Дом Тран» ждет вас в Гленвью. Подробности здесь.

Поттер взял у молодого человека запечатанный конверт, посмотрел на свою руку и с удивлением увидел на большом пальце капельку крови. Должно быть, поцарапался о шип, притаившийся на стебле цветка, похожего на дамскую шляпку с мягкими полями. Он открыл конверт и прочел факс. Под ним стоял стремительный росчерк директора Федерального бюро расследований.

— Как давно они забаррикадировались?

— Первый доклад поступил примерно в восемь сорок пять.

— Уже вышли на связь?

— Пока нет.

— Изолированы?

— Вполне. Там канзасская полиция и с полдюжины агентов из нашего отделения в Уичито. Не проскочат.

Поттер застегнул, затем расстегнул спортивный пиджак. Он понял, что агенты смотрят на него слишком уж почтительно. Это действовало на нервы.

— Мне нужен Генри Лебоу для осуществления аналитического сбора информации и Тоби Геллер для связи. Его имя пишется необычно, с буквой «е» на конце, но произносится как «Тоби».

— Слушаюсь, сэр. А если их не удастся найти...

— Только их. Разыщите, где бы они ни были. Мне нужны только они. Необходимо, чтобы через полчаса они были на месте. И еще выясните, можно ли заполучить Анжи Скапелло. Она может быть в штаб-квартире или в Квонтико. Бихевиористский отдел. Доставьте и ее.

— Есть, сэр.

— Какое положение с ГСЗ?

Группа спасения заложников ФБР состояла из сорока восьми агентов и была самым большим в стране подразделением этого профиля.

Кроули предоставил Макговерну сообщить неприятное известие.

— С группой проблемы, сэр. Одна часть задействована в Майами. Двадцать два агента участвуют в рейде Управления по борьбе с наркотиками. Другая сейчас в Сиэтле. Там ограблен банк, преступники забаррикадировались с заложниками. Туда послали девятнадцать бойцов. Можно попробовать наскрести людей на третью группу, но придется отозвать несколько агентов из тех двух. Пройдет какое-то время, прежде чем все соберутся на месте.

— Свяжитесь с Квонтико и соберите группу. Я позвоню Фрэнку из самолета. Где он?

— На инциденте в Сиэтле, — ответил агент. — Если вы захотите собрать чемодан, мы будем ждать вас у дома...

— Нет, я еду прямо в Гленвью. У вас есть сирена и мигалка?

— Да, сэр. Но квартира вашей родственницы всего в пятнадцати минутах езды отсюда...

— Послушайте, может кто-нибудь из вас снять бумагу с цветов на могиле? Я буду очень признателен. И как-нибудь устроить, чтобы розы не унесло ветром.

— Хорошо, сэр. Я все сделаю, — быстро ответил Кроули. Значит, разница между ними все-таки есть. Поттер понял, что Макговерн не из тех, кто будет раскладывать цветы.

— Большое спасибо.

Он пошел по тропинке, Макговерн последовал за ним. Остановиться разок все же придется — купить жевательную резинку. Военные

самолеты так быстро набирают высоту, что у Поттера закладывало уши словно в скороварке. Против этого есть одно средство — сжевать целую пачку «Риглиз», едва колеса оторвутся от бетона. Как же он ненавидел летать!

«Я устал, — подумал Поттер. — Чертовски устал», — и, не оборачиваясь на могилу, прошептал:

— Я вернусь, Мэриан. Обязательно вернусь.

II. Правила схватки

10:35

Как всегда, не обошлось без элементов цирка.

Артур Поттер стоял рядом с «фордом-таурусом», лучшей машиной местного отделения ФБР, и изучал местность. Полицейские автомобили, как фургоны первых переселенцев на Запад, выстроились в круг, неподалеку стояли мини-вэны прессы, репортеры держали похожие на базуки тяжелые камеры. Повсюду ждали наготове пожарные машины (все помнили о трагедии в Уэйко[3]).

Один за другим прибыли три государственных седана и привезли одиннадцать агентов ФБР: половину из них — в темно-синей полевой форме, другую — в костюмах якобы от «Брук бразерз».

Предназначенный для перевозки гражданских лиц военный самолет двадцать минут назад приземлился в Уичито, и Портер пересел в вертолет, чтобы совершить восьмидесятимильный перелет на северо-запад, в маленький городок под названием Воронья Гряда.

Канзас оказался именно таким плоским, как он представлял себе, хотя широкую реку, вдоль которой летела вертушка, окружали деревья и местность все-таки была холмистой. Пилот объяснил, что здесь проходит граница полей, поросших травой, и прерии. На запад простиралась страна буйволов. Он показал точку — это был Ларнид, где сто лет назад еще бродило стадо в четыре миллиона голов. Пилот говорил об этом с нескрываемой гордостью.

Они пронеслись над огромными фермами в тысячу, а то и две акров земли. Вроде бы в июле еще рано убирать урожай, однако красные и зеленые с желтым комбайны уже освобождали округу от пшеницы.

Теперь Поттер стоял на пронизывающем ветру под хмурым, насупившимся небом. Его поразила безотрадная унылость местности — он не задумываясь променял бы этот край на Город ветров, который

совсем недавно покинул. В сотне ярдов возвышалось похожее на замок производственное здание из красного кирпича не иначе как столетней давности. Перед ним застыли маленький школьный автобус и искореженная серая легковушка.

— Что за дом? — спросил Поттер Хендерсона, начальника регионального отделения ФБР в Уичито.

— Старая скотобойня, — ответил тот. — Сюда сгоняли стада из Западного Канзаса и из Техаса, забивали животных и везли туши в Уичито.

Налетел такой свирепый порыв ветра, что Поттер невольно сделал шаг назад, чтобы сохранить равновесие.

— Ребята из штата предоставили нам вот это. — Высокий симпатичный агент кивнул на фургон, похожий на те, в которых Единая служба доставки посылок возит корреспонденцию. Фургон цвета хаки стоял на подъеме напротив скотобойни. — В качестве командного пункта. — Они подошли к машине.

— Слишком хорошая мишень, — неодобрительно заметил Поттер. — Даже спортсмен-любитель поразит из винтовки такую цель на расстоянии ста ярдов.

— Не получится, — возразил Хендерсон. — Он бронирован. Окна толщиной в дюйм.

— Вот как? — Бросив взгляд в сторону мрачного здания, Поттер открыл дверь и поднялся в командный пункт. Темный фургон оказался просторным. Салон освещали маленькие желтые потолочные лампы, мерцали экраны видеомониторов и светодиодные индикаторы. Поттер обменялся рукопожатием с молодым полицейским, который, увидев его, вытянулся по стойке «смирно».

— Как вас зовут?

— Дерек Элб, сэр. Сержант. — Рыжеволосый полицейский в прекрасно отутюженной форме объяснил, что он техник командного пункта. Он знал старшего специального агента Хендерсона и сам вызвался остаться на своем месте, чтобы оказывать посильное содействие. Поттер беспомощно посмотрел на хитроумные панели, экраны и группы выключателей и искренне поблагодарил сержанта. В центре салона стоял стол в окружении четырех стульев. Поттер сел на один из них, а Дерек, как заправский торговец, объяснял, какими возможностями наблюдения и связи обладает его техника. — Еще у нас есть шкаф со стрелковым оружием.

— Будем надеяться, что оно нам не понадобится, — отозвался Артур Поттер. За тридцать лет службы в ФБР, во время операций, он ни разу не стрелял из пистолета.

— Можете принимать сообщения по спутниковой связи?

— Да, сэр, у нас есть тарелка. Мы принимаем любой аналоговый, цифровой и микроволновый сигнал.

Поттер написал на карточке последовательность цифр и подал сержанту.

— Позвоните по этому номеру и попросите Джима Кво. Скажите, что говорите от моего имени, и дайте ему код.

— Код?

— Вот этот. Скажите, что нам необходим вывод спутникового сканирования на… — Поттер махнул рукой в сторону мониторов, — один из этих экранов. Технические детали он согласует с вами. Мне, признаться, это все недоступно. Сообщите ему широту и долготу местонахождения скотобойни.

— Слушаюсь, сэр. — Дерек взволнованно делал пометки. Он был на седьмом техническом небе от радости. — А что такое спутниковое сканирование?

— Система спутниковой разведки ЦРУ. Мы будем получать картинку визуального и инфракрасного сканирования местности.

— Здорово! Я читал об этом. Кажется в журнале «Попьюлар сайнс». — Сержант отошел сделать звонок.

А Поттер наклонился и навел свой полевой бинокль «Лейка» сквозь толстое стекло окна на скотобойню. Остов, выделяющийся на фоне выбеленной солнцем травы, напоминал запекшуюся кровь на желтой кости. Это была ассоциация Артура Поттера, который студентом изучал английскую литературу. Но в следующую секунду он превратился в Артура Поттера, переговорщика, помощника директора Бюро специальных операций и исследовательского подразделения ФБР, и его глаз подмечал все важные детали: толстые кирпичные стены, маленькие окна, расположение электрических проводов, отсутствие телефонных линий, открытое пространство вокруг здания, деревья, заросли травы и бугры, за которыми могут укрыться снайперы, как свои, так и чужие.

Тылы скотобойни выходили прямо к реке.

Река. Поттер задумался.

Можно ли использовать ее в своих целях?

Могут ли использовать ее в своих целях преступники?

Крыша здания, подобно средневековому замку, была обнесена парапетом. На ней дымовая труба и громоздкая будка подъемника, что затруднит посадку вертолета — во всяком случае, на таком порывистом ветру. Но вертушка может зависнуть и без труда доставить на крышу дюжину людей. Поттер не заметил ни одного слухового окна.

Здание давно исчезнувшей перерабатывающей компании «Уэбер и Штольц» больше всего напоминало крематорий.

— Пит, у вас есть мегафон?

— Конечно. — Хендерсон вышел из фургона и, пригнувшись, побежал трусцой к своей машине.

— У вас здесь не хватает только ванной комнаты. — Поттер повернулся к Дереку.

— Есть. — Почувствовав гордость за канзасскую технику, сержант указал на маленькую дверь.

В ванной Поттер надел бронежилет, на него рубашку, тщательно повязал галстук и натянул темно-синий спортивный пиджак. Он заметил, что ремешок жилета почти не пришлось подтягивать, но в теперешнем состоянии ума избыточный вес перестал его беспокоить.

День стоял прохладный. Поттер взял у Хендерсона черный мегафон и, пригибаясь, быстро пошел по дорожке, петляющей меж холмов и патрульных автомобилей, на ходу говоря полицейским — в основном молодым и рвущимся в бой, — чтобы они держали пистолеты в кобуре и оставались в укрытии. На расстоянии шестидесяти ярдов от бойни он лег на вершине холма и стал смотреть в бинокль. Внутри здания никакого движения. В окнах никакого света. Ничего. Поттер заметил, что в окнах на фасаде нет стекол, но не мог определить почему: выбили их засевшие внутри преступники, чтобы было удобнее целиться, или с ними расправились местные мальчишки, швыряя камнями и стреляя из мелкашек.

Он включил мегафон и, сдерживая себя, чтобы не кричать и не исказить голос, начал:

— Я Артур Поттер из Федерального бюро расследований, хочу поговорить с вами. У меня есть сотовый телефон, пришлю его вам

примерно через десять — пятнадцать минут. Мы не планируем захват. Вы в безопасности. Повторяю: мы не планируем штурм.

Он не ожидал ответа и не получил его. Пригнувшись, поспешил к фургону и спросил Хендерсона:

— Кто здесь главный из местных? Мне надо потолковать с ним.

— Вон он.

У дерева, чуть сгорбившись, стоял высокий мужчина в синем костюме и с соломенными волосами.

— Кто такой? — Поттер вытер линзы бинокля о лацкан пиджака.

— Чарлз Бадд. Капитан полиции штата. Прошел следственную и оперативную подготовку. В переговорах никогда не участвовал. Блестящие характеристики.

— Как долго в полиции? — Бадд показался Поттеру молодым и желторотым. Такими бывают продавцы в отделе электроники универмагов «Сирс», где они смущенно соблазняют покупателей увеличенными сроками гарантии.

— Восемь лет. Хороший взлет, быстро заработал нашивки.

— Капитан! — позвал Поттер.

Полицейский посмотрел на него голубыми глазами и зашел за фургон. Они крепко пожали друг другу руки и познакомились.

— Привет, Питер, — кивнул Бадд агенту ФБР.

— Здравствуй, Чарли. — Капитан снова повернулся к Поттеру. — Так вы и есть та важная персона из Вашингтона? Рад встрече. Это для меня большая честь.

Поттер улыбнулся.

— Так вот, сэр, все, что могу сказать о сложившейся ситуации. — Он показал на бойню. — Вон в тех двух окнах замечено движение. Блеск ружейного ствола или бинокля, точно не могу сказать...

— Мы к этому перейдем, капитан Бадд.

— Пожалуйста, называйте меня Чарли. Хорошо?

— Согласен. Сколько у вас людей?

— Тридцать семь полицейских, пять помощников здешнего шерифа и ребята Пита. То есть ваши.

Поттер занес цифры в маленькую черную записную книжку.

— Кому-нибудь из ваших мужчин или женщин случалось принимать участие в операциях по спасению заложников?

— Из полицейских? Кое-кого привлекали, когда случались ограбления банков и ночных магазинов. В основном их работа сводится к задержанию пьяных водителей и усмирению сельхозрабочих, которые по субботним вечерам имеют обыкновение играть в ножички, причем норовят воткнуть их друг в друга.

— Какова вертикаль командования?

— Я старший. У меня четыре командира: три лейтенанта и сержант — ему вот-вот присвоят офицерское звание. Они возглавляют тридцать семь полицейских, разбитых более или менее равномерно: два взвода по десять человек, один девять и другой восемь. Вы все это записываете?

Поттер снова улыбнулся.

— Где они разместили оружие?

Как генерал гражданской войны, на которого он когда-нибудь будет походить, Бадд обвел рукой группки своих людей.

— Оружие? Я имею в виду ваше.

— Пистолеты «глок» как личное оружие. Пятнадцать единиц травматики — двенадцатый калибр, ствол восемнадцать дюймов. У шести мужчин и одной женщины винтовки «М-16». Они среди тех деревьев и вон там. У всех оптические прицелы.

— Прицелов ночного видения нет?

Капитан рассмеялся.

— Не снабдили.

— Кто отвечает за местных ребят?

— Шериф Вороньей Гряды Дин Стиллуэл. Он вон там.

Полицейский показал на долговязого человека с копной волос, который, наклонив голову, разговаривал с одним из своих помощников.

Подъехала еще одна машина и, резко затормозив, остановилась. Поттер обрадовался, увидев, кто сидит за рулем. Из автомобиля вышел коротышка Лебоу и тут же надел на голову мятую твидовую шляпу с полями — его лысый блестящий череп представлял собой хорошую мишень в тех двух с лишним сотнях случаев захватов заложников, когда им вместе с Поттером пришлось вести переговоры с бандитами. Упитанный человечек, он был тем специалистом по сбору сведений во время инцидентов с заложниками, которого Поттер предпочел бы всем на свете.

Лебоу сгибался под тяжестью двух рюкзаков.

Они обменялись теплыми рукопожатиями. Поттер познакомил его с Хендерсоном и Баддом.

— Вот что мы здесь имеем, Генри: автоприцеп «Эрстрим» можно считать целиком нашим.

— С ума сойти! И речку, где можно порыбачить. Кстати, как она называется?

— Река? Арканзас. — Бадд сделал ударение на втором слоге.

— Картина из моей юности, — хмыкнул Лебоу.

По просьбе Поттера Хендерсон вернулся в свою машину и по радио попросил отделение ФБР в Уичито выяснить, когда прибудут Тоби Геллер и Анжи Скапелло. Поттер и Лебоу поднялись в фургон. Лебоу пожал руку Дереку и, открыв свои рюкзаки, извлек два ноутбука. Включил, вставил вилки в розетку в стене и подсоединил маленький лазерный принтер.

— Где выделенная линия? — спросил он у Дерека.

— Вот.

Как только оборудование было готово к работе, загудел принтер.

— Что там хорошенького? — спросил Поттер.

Лебоу посмотрел распечатку.

— Сведения из управления тюрем, отчеты об исполнении пробации, справки и обвинительные акты. Все очень предварительно, Артур. Сырье.

Поттер протянул ему материал, полученный от агентов в Чикаго, и собственные заметки, которые начал набрасывать в самолете. Скупыми словами они описывали побег Лу Хэнди и двух его сокамерников из федеральной тюрьмы в Южном Канзасе, убийство ими пары на пшеничном поле в нескольких милях от бойни и взятие заложников. Лебоу взглянул на распечатку и начал вбивать данные в один из своих компьютеров.

Открылась дверь и вошел Питер Хендерсон. Он объявил, что Тоби Геллер уже прибывает, а Анжи Скапелло появится в течение часа. Тоби прилетел из Бостона на военном «Ф-16», прервав свой курс по компьютерному профилированию как способу выявления личности преступника-хакера. И будет здесь с минуты на минуту. А Анжи летит из Квонтико на военно-морском самолете «Дом Тран».

— Анжи? — переспросил Лебоу. — Рад. Очень рад.

Агент Скапелло внешне напоминала Джину Дэвис[4]. Несмотря на неумение пользоваться косметикой, ее огромные карие глаза были прекрасны. Но радость Лебоу не имела отношения к наружности Анжи. Он ликовал, что рядом будет человек ее профессии — специалист по психологии лиц, вовлеченных в инциденты с заложниками.

По дороге ей предстояло заехать в школу Клерка Лорена и собрать сведения о тех, кто оказался в руках преступников. Насколько Поттер знал ее характер, она уже названивала в школу и составляла психологические портреты девочек.

Лебоу прикрепил над столом большой пустой лист бумаги, а рядом на шнурке подвесил фломастер. Лист был разделен на две половины. Левая носила заголовок «Обещания», правая — «Обман». На этот лист Лебоу будет заносить все предложения и всю ложь, с которыми Поттер обратится к Лу Хэнди. Это была обычная практика во время переговоров с лицами, захватившими заложников. Пользу подобной шпаргалки лучше всего объясняют слова Марка Твена, сказавшего, что лжецу необходима хорошая память.

— Вы в самом деле собираетесь их обманывать? — удивился Бадд.

Лебоу улыбнулся.

— А что такое, в сущности, ложь, Чарли? — спросил Поттер. — Правда — вещь очень ненадежная. Существуют ли вообще абсолютно честные слова? — Он вырвал листки из своей записной книжки и подал Лебоу. Тот взял их вместе с новыми распечатками принтера и начал забивать данные в компьютер под названием «Психологические портреты». Название было написано на липкой ленте, которая успела сильно загрязниться. Наклейка на втором компьютере была обозначена словом «Хронология». На мониторе светилось всего две строки:

08:40 — взяты заложники.

10:50 — группа чрезвычайного реагирования — Поттер, Лебоу — на месте.

Жидкокристаллические с задней подсветкой экраны отбрасывали на полное лицо Лебоу зловещий свет, от чего он походил на изображение человека на Луне, выполненное Артуром Рэкхэмом[5]. Чарли Бадд посмотрел на его пальцы, стремительно летающие по клавиатуре. Ничего себе, стер половину текста!

— Да, задачка, — обратился аналитик к Поттеру. — Паршивая ситуация. Здание такого рода, что сканирование со спутника невозможно. А для инфракрасного луча и микрофонов слишком малы окна. К тому же и ветер усложняет ситуацию.

Как и в большинстве подобных случаев, информация будет поступать из обычных источников — что-то расскажут освобожденные или вырвавшиеся на свободу заложники, что-то полицейские, которые доставят забаррикадировавшимся еду и воду и успеют бросить взгляд внутрь.

Лебоу тем временем создал на компьютере с наклейкой «Хронология» новое небольшое окно. Появились два цифровых секундомера: один с надписью «Затраченное время», другой — «Срок ультиматума».

В первый он ввел показание «два часа десять минут», нажал на клавишу и пустил в ход. Затем, обернувшись к Поттеру, вопросительно поднял брови.

— Все понимаю, Генри, — ответил тот. — Если не связаться с преступниками вскоре после захвата заложников, они начинают нервничать, полагая, что планируется штурм. Тоби вот-вот будет, и тогда все обсудим. — Он посмотрел на поля за фургоном — блеклое покрывало высокой травы покачивалось на холодном ветру. В полумиле ползли,

оставляя за собой плавный симметричный узор, комбайны, срезая пшеницу так, словно брили новобранца. Переговорщик вгляделся в карту района. — Все дороги перекрыты?

— Да, сэр, — ответил Бадд. — Сюда ведет всего один путь.

— Установим задний кордон здесь, на повороте дороги. Это будет место для журналистской палатки — чтобы ее не видели из здания бойни. У вас есть человек для общения с прессой?

— Нет. Если нужно, я сам делаю заявления о происшествиях в этом районе. Наверное, придется и сейчас.

— Я хочу, чтобы вы постоянно были при мне. Поручите это кому-то другому. Выберите офицера ниже вас по званию.

— Это федеральная операция, Артур — прервал Поттера Хендерсон. — Думаю, заявления следует делать мне.

— Нет. Нужен кто-то от штата и не очень высокого ранга. Таким образом мы заставим журналистов оставаться в палатке и ждать. Пусть считают, что кто-то вот-вот появится и все им расскажет. Очень нежелательно, чтобы они совали нос куда не следует.

— Даже не знаю, кто с этим справится. — Бадд с сомнением посмотрел в окно, словно надеялся увидеть там кого-то из своих людей, кто подходил бы на роль Дэна Рэзера[6].

— От него ничего и не потребуется, — объяснил Поттер. — Необходимо только говорить, что заявление будет сделано позже. Точка. Больше ничего. Подберите кого-нибудь, кто не побоится сказать: «Без комментариев».

— Им это не понравится. Я имею в виду ребят из прессы. Стоит на четырнадцатом шоссе случиться мелкой аварии, и журналисты тут как тут. Даю голову на отсечение: они явятся из самого Канзас-Сити.

Откомандированный в Канзас старший специальный агент Хендерсон рассмеялся, а Поттер едва сдержал улыбку.

— Си-эн-эн и Эй-би-си уже здесь, Чарли. Кроме них, «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс», Скай-ти-ви из Европы, Би-би-си и Рейтер. Остальной крупняк на подходе. Мы в центре самых главных новостных событий недели.

— Вы не шутите? И Брокау[7] будет здесь? Вот бы на него посмотреть.

— Установите свободную от журналистов зону на расстоянии мили от бойни по всему периметру с обеих сторон реки.

— Как?

— Посадите пять-шесть полицейских во внедорожники, и пусть начинают патрулирование. Если попадется репортер — или любой человек с камерой, — арестуйте, а камеру конфискуйте.

— Арестовывать репортеров? Разве мы имеем на это право? Вон их уже сколько.

— В самом деле, Артур, — начал Хендерсон. — Не хотелось бы этого делать. Вспомните Уэйко.

Поттер вежливо улыбнулся старшему специальному агенту. Он думал о сотне других вещей, сортировал, рассчитывал.

— И никаких вертушек прессы. Пит, вы можете вызвать парочку «хьюи» с базы Макконелл в Уичито?

— Вы серьезно, Артур?

— Время поджимает, — заметил Лебоу. — Заложники захвачены два часа семнадцать минут назад.

— И еще, — Поттер повернулся к Балду, — нам нужны номера в ближайшей гостинице. Есть здесь такая?

— «Дейз инн» в четырех милях отсюда. В центре Вороньей Гряды, если это можно назвать центром. Сколько нужно номеров?

— Десять.

— Хорошо. Для кого они предназначаются?

— Для родителей заложниц. Доставьте также туда врача и священника.

— Может, разместить их ближе? На случай если понадобится, чтобы они поговорили с детьми или...

— Не понадобится. И пошлите туда четверых или пятерых полицейских. Нельзя, чтобы родственников заложниц беспокоили журналисты. Пусть репортеры опасаются, что их...

— Арестуют, — пробормотал Бадд. — Ничего себе постановка вопроса.

— В чем дело, господин полицейский? — настороженно спросил его Лебоу.

— Знаете, сэр, что гимном штата Канзас считается песня «Дом на просторах»[8]? И в ней есть строка, в которой говорится, что на нашей земле не услышишь недоброжелательных слов?

— Да? И что из того? — поинтересовался Хендерсон.

— А то, что я знаю журналистов. Прежде чем все это закончится, вы услышите очень много нелестных слов.

Поттер рассмеялся и обвел рукой округу.

— Взгляните, Чарли. Ваши полицейские как на ладони. Я ведь говорил им не высовываться, но они не обратили внимания. Прикажите, чтобы прятались за машинами. Растолкуйте, что Хэнди уже убивал полицейских. Напомни, Генри, какие у него отношения с оружием.

Лебоу постучал по клавишам и прочел с экрана:

— Каждое из обвинений включает по крайней мере один эпизод с применением оружия. Он стрелял в четырех человек, двое из них умерли. Проходил подготовку в Форт-Диксе, на полигоне стабильно выбивает из винтовки «М-16» девяносто с лишним очков. По поводу владения пистолетом сведений нет.

— Ну вот. — Поттер повернулся к Бадду. — Скажите своим людям, чтобы пригибали головы.

Им в глаза ударил свет. Моргнув, Поттер заметил вдалеке комбайн, который включил фары. Непогода подгоняла, и со сбором урожая приходилось спешить. Переговорщик посмотрел на линию деревьев слева и справа от скотобойни.

— Еще одно, Чарли: оставьте снайперов на позиции, но отдайте приказ ни в коем случае не стрелять, если только преступники не пойдут на прорыв. Даже если они будут представлять собой прекрасную цель. Те полицейские с винтовками, о которых вы мне говорили, не из спецназа?

— Нет. Но отличные стрелки. Даже девушка, начинавшая с того, что охотилась на белок…

— И еще прикажите, чтобы все разрядили оружие. Абсолютно все.

— Что?

— Оставили патроны в обоймах, но изъяли из патронников.

— О, сэр, право, не знаю...

Поттер испытующе посмотрел на полицейского.

— Я только хотел спросить: и снайперы тоже? — быстро добавил Бадд.

— Передернуть затвор и выстрелить из «М-16» можно меньше чем за секунду.

— Передернуть затвор и восстановить наводку за секунду не получится, а преступники могут выпустить за секунду три пули..

«Какой же он напористый, способный и правильный, — удивился Поттер. — Ну и денек нам предстоит!»

— Бандиты не собираются выходить и на наших глазах расстреливать заложников. Если до этого дойдет, начнется настоящая перестрелка.

— Но...

— Разрядить патронники! — твердо повторил Поттер. — Буду очень признателен, Чарли.

Бадд нехотя кивнул и повторил приказ:

— Есть. Я пошлю кого-нибудь делать заявления для прессы — или лучше сказать, не делать заявлений для прессы. Соберу журналистов и выдворю их за пределы зоны на милю. Позабочусь о номерах в гостинице, велю всем не высовывать головы и передам ваши слова, чтобы держали оружие с пустыми патронниками и на предохранителях.

— Отлично.

— Эх! — Бадд вынырнул из фургона. Поттер смотрел ему вслед, пока он, пригнувшись, бежал к группе полицейских. Копы выслушали его, рассмеялись и начали выпроваживать репортеров из охраняемой зоны.

Через пять минут капитан снова был на командном пункте.

— Все исполнено. Журналисты недовольны, как я и предполагал. Я сказал им, что это приказ фэбээровца. Надеюсь, вы не против, что я так называю вас. — На этот раз в его голосе послышалось раздражение.

— Можете называть меня как угодно, Чарли. А теперь надо устроить здесь полевой госпиталь.

— «Медэвак»[9]?

— Нет, не эвакуационный. Команду травматологов и специалистов по сортировке раненых и оказанию им медицинской помощи. Развернуть так, чтобы не было видно из здания скотобойни. Но не дальше чем в ста метрах от нее. Быть готовым ко всему: от ожогов третьей степени и пулевых ранений до поражения перечным аэрозолем.

— Слушаюсь, сэр. Но, к вашему сведению, менее чем в пятнадцати милях отсюда есть настоящий, большой госпиталь.

— Пусть так. Но я не хочу, чтобы преступники слышали шум медицинского вертолета. По этой же причине здесь не должны летать вертолеты прессы. А «хьюи» надо поместить в такое место, чтобы звук от них не доносился сюда.

— Почему?

— Не хочу напоминать им о том, о чем они едва ли додумаются. А если даже и потребуют вертушку, оставляю для себя лазейку: скажу, что для использования вертолета слишком ветрено.

— Будет исполнено.

— А затем возвращайтесь и прихватите с собой своих командиров. Пригласите также шерифа Стиллуэла. Я проведу совещание.

В этот момент дверь отворилась и в фургон быстро вошел красивый загорелый парень с черными курчавыми волосами. Еще ни с кем не поздоровавшись, он бросил взгляд на панели управления и объявил:

— Превосходно!

— Привет, Тоби.

Тоби Геллер обратился к Поттеру:

— Девчонки в Бостоне все как одна милашки, и у всех остренькие титьки. Сломали мне весь кайф. Надеюсь, хоть по делу.

Пожимая ему руку, Поттер заметил, что дырочка от серьги в его ухе в этот день особенно выделялась. Поттер вспомнил, как Тоби объяснил начальству в Бюро, почему носил серьгу: когда был полицейским, имел задание работать под прикрытием. Это неправда. Просто Тоби любил серьги и имел их целую коллекцию. Выпускник Массачусетского технологического института и адъюнкт-профессор Американского и Джорджтаунского университетов в области компьютерных технологий со

всеми поздоровался, а покосившись на ноутбуки Лебоу, фыркнул и заметил, что они допотопные. Опустился на стул перед панелью связи, и вскоре они с Дереком оживленно обсуждали нюансы защищенных аналоговых сигналов, подсетей, интерфейса драйверов ЛВС, трехстороннего цифрового кодирования и систем установления осцилляции в различных наземных каналах связи.

— Как раз собирался начать совещание, — сказал Поттер Тоби. Отослав Бадда исполнять поручение, он обратился к Лебоу: — Дай-ка посмотреть, что у нас есть.

Аналитик повернул к нему ноутбук с данными.

— У нас не много времени, — предупредил он.

Но Поттер продолжал читать, погрузившись в текст, мерцающий на голубом экране.

11:02

Длинноухий калифорнийский чернохвостик — это не кролик, а заяц, и бойцовских качеств в нем меньше, чем в ком-либо в мире.

Это животное приспособлено к защите: камуфляжная шкурка (серая с темно-желтым в летние месяцы и белая зимой), уши, вращающиеся словно антенны, нацелены на звуки, представляющие опасность, глаза охватывают триста шестьдесят градусов окружающего пространства. Его челюсти пригодны для пережевывания травы, а у самцов еще для того, чтобы покусывать за плечо самку, когда они производят потомство длинноухих чернохвостиков.

Но если его загнать в угол и лишить шансов убежать, он нападает с потрясающей яростью. Охотники находят трупы лисиц и диких кошек, ослепленных, с распоротыми животами, потому что те неправильно оценили этого зверька и, настигнув в пещере, напали с наглой самонадеянностью хищников.

«Ограничение свободы — худший из наших страхов, — говорил в своих лекциях Артур Поттер. — И те, кто захватывает заложников, их самые беспощадные и решительные враги».

На командном пункте у Вороньей Гряды он обошелся без предисловий, а просто сказал собравшимся:

— Вы должны осознать, что люди, засевшие на скотобойне, очень опасны.

Поттер окинул взглядом аудиторию. Хендерсон, Лебоу и Тоби были сотрудниками ФБР. От штата присутствовали Бадд и его заместитель Филипп Молто — невысокий неразговорчивый парень, на вид не старше школьника, но командир одного из взводов. Остальные — двое мужчин и женщина в полной боевой экипировке — держались сугубо официально, без тени юмора и были преисполнены желания немедленно кинуться в драку.

Шериф Вороньей Гряды Дин Стиллуэл казался самым настоящим деревенским увальнем. Руки торчали из слишком коротких рукавов пиджака, прическа — как у ранних «Битлов».

Когда все собрались, Чарли Бадд представил переговорщика:

— Прошу любить и жаловать: Артур Поттер из ФБР. Это известный специалист по разрешению кризисов с заложниками, и нам повезло, что он сегодня с нами.

— Спасибо, капитан, — быстро сказал Поттер, опасаясь, как бы Бадд не вздумал приветствовать его аплодисментами.

— Вот еще что, — продолжил молодой капитан. — Забыл упомянуть. Я связался с Генеральным прокурором штата. Он собирает группу по освобождению заложников. Таким образом, это наша работа…

Поттер сделал шаг вперед.

— Если не возражаете, Чарли… — Он кивнул в сторону собравшихся. — Здесь не будет никаких групп штата. Сейчас формируется федеральная команда спасения заложников, которая прибудет днем, самое позднее — к вечеру.

— Но я считал, — начал Бадд, — что Генеральный прокурор…

Поттер твердо посмотрел на него и улыбнулся.

— Я уже переговорил с ним. Сейчас сюда летит губернатор.

Специалист по переговорам продолжил совещание.

Он рассказал, что утром трое заключенных Калланской федеральной тюрьмы строгого режима, расположенной в городе Уинфилд, на границе Канзаса и Оклахомы, убили охранника и вырвались на свободу. Их имена: Луис Иеремия Хэнди, Шепард Уилкокс и Рэй Сонни Боннер. Когда они ехали на север, их машина столкнулась с «кадиллаком». Бандиты убили находившихся в нем мужа и жену и заперлись на скотобойне. Полицейский не успел догнать их.

— Хэнди, тридцати пяти лет, отбывал пожизненное заключение за грабеж, поджог и убийство. Семь месяцев назад он, его подружка, Уилкокс и еще один преступник ограбили ссудо-сберегательный банк «Фармерз энд мерчантс» в Уичито. Хэнди закрыл двух служащих в помещении кассы и поджег здание; оно сгорело дотла, а сотрудники погибли. Во время бегства четвертый преступник был убит, подружка Хэнди скрылась, а Хэнди и Уилкокса арестовали. Генри, будь добр, дай нам их изображения.

При помощи оптического сканера Лебоу отцифровал полученные из полицейского архива фотографии троих преступников, захвативших заложников. Снимки анфас и три четверти, на которых видны шрамы и другие отличительные особенности, он разместил на одном листе. Лазерный принтер только что сделал распечатку, и аналитик передал листы собравшимся в фургоне.

— Оставьте один экземпляр себе, а остальные раздайте вашим людям, — проинструктировал Поттер. — Необходимо, чтобы каждый имел копию и запомнил лица. Если дело дойдет до того, что преступники решат сдаться, нельзя ошибиться и спутать их с другими людьми в штатском, которых здесь предостаточно. Пусть каждый твердо усвоит, как выглядят бандиты.

— Этот наверху — Хэнди. Ниже Шеп Уилкокс, самый близкий ему человек. В трех из четырех случаев они работали вместе. Последний, вот этот толстый, с бородой, Боннер. С Хэнди они какое-то время были, очевидно, знакомы, но вместе ни разу не работали. В послужном списке Боннера есть вооруженное ограбление, но в Каллану он попал за то, что совершил в другом штате, где его подозревали в серии изнасилований, но взяли только на последнем. Распалившись, он несколько раз ударил жертву ножом, однако она выжила. Семнадцатилетняя девушка, перенесшая одиннадцать пластических операций, все-таки свидетельствовала против него. Генри, что мы имеем по заложникам?

Слово взял Лебоу:

— Пока все очень отрывочно. Их десять человек; восемь учениц и две учительницы из школы Клерка Лорена для глухих в Хевроне. Это примерно в пятнадцати милях отсюда. Ехали на представление в театре для глухих в Топику. Ученицы от семи до семнадцати лет. Вскоре получу больше сведений. Доподлинно известно, что ни одна из них не слышит, кроме старшей учительницы, которая и слышит, и нормально говорит.

Поттер запросил переводчика с языка глухонемых, но, несмотря на это, предвидел трудности. Ему много раз приходилось вести переговоры за рубежом и с иностранцами в США, и он понимал всю опасность — и

подстерегающие неудачи, — когда от скорости и точности перевода зависит поставленная на карту жизнь людей.

— Мы образуем группу чрезвычайного реагирования, — продолжил он. — Генри Лебоу — мой аналитик и хронограф. Тоби Геллер отвечает за связь. Капитан Бадд будет посредником между мной и местной полицией, а также моей правой рукой. Старший в этом деле — я. Еще мне нужен помощник, чтобы командовал силами оцепления. Такого пока нет.

Во время кризисов с заложниками предусматривается два направления работы. Первое и основное — убедить преступников сдаться и отпустить захваченных людей. Второе — принимать участие в вооруженном решении вопроса, если захват будет признан необходимым. Это требует сбора разведданных, отвлечения преступников, манипулирования ими всеми возможными способами, чтобы снизить потери до приемлемого уровня.

В случаях с захватом заложников все хотят проявить себя героями и заставить преступников выйти с поднятыми руками. Но даже самый миролюбивый переговорщик должен помнить, что иногда единственное решение — открыть огонь. На занятиях в ФБР по тактике переговоров с преступниками, захватившими заложников, Поттер первым делом говорил слушателям: «Любой такой кризис, по существу, растянутое во времени убийство».

Глядя на выражение глаз собравшихся в фургоне, переговорщик вспомнил, что одно из самых ласковых его прозвищ — «толстокожий».

— Любой факт, который вы узнаете о преступниках, заложниках, месте их нахождения или о чем-либо другом, необходимо сразу же сообщить агенту Лебоу. Если требуется, даже прежде, чем мне. Я имею в виду, что вы обязаны делиться любой информацией. Если кому-то станет известно, что у одного из преступников насморк, пусть он не считает это маловажной деталью. — Поттер посмотрел на двух молодых полицейских — вполне современных парней, — и они многозначительно переглянулись. И, не сводя с них глаз, продолжил: — Это, например, может означать, что у нас появился шанс подмешать капли для отключки в средство от простуды. Или говорит о пристрастии человека к кокаину, что мы можем использовать в своих целях.

Парни ничуть не раскаялись, но гонора у них поубавилось.

— Мне необходим помощник по командованию силами оцепления. Капитан Бадд считает, что кое-кто из вас умеет вести себя во время

кризисов с заложниками. — Поттер посмотрел на группу задиристой молодежи. — Это так?

— Так точно, сэр, — быстро ответила женщина-полицейский. — Я умею. Прошла специальный курс при Национальной ассоциации сотрудников правоохранительных органов, где нас учили действиям во время кризисов с заложниками. И тактике переговоров с преступниками.

— Применяли свои знания на практике?

— Нет. Но несколько месяцев назад оказывала помощь переговорщику во время ограбления магазина ночной торговли.

— Это так, — кивнул Бадд. — Сэлли возглавляла боевую группу. Тоже отлично поработала.

— Мы поместили снайпера в самом магазине, — продолжила девушка. — Наверху, за звукоизолирующей плиткой. Все преступники были у него на прицеле. Но они сдались, прежде чем мы завалили хотя бы одного из них.

— У меня тоже есть кое-какой опыт, — сказал полицейский лет тридцати пяти. Его ладонь лежала на рукоятке служебного автоматического пистолета. — Я входил в группу, которая спасала служащего Средне-Западного ссудо-сберегательного банка в Топике. Мы расщелкали преступников, уложили всех, а заложники не получили ни одной раны.

Еще один полицейский во время службы в армии участвовал в двух успешных операциях по спасению заложников.

— Освободили всех без единого выстрела.

Питер Хендерсон слушал несколько обеспокоенно и наконец не выдержал:

— Может, Арт, эту роль лучше сыграть мне? Я все-таки прошел обычный курс и переподготовку. — Он усмехнулся. — И прочел вашу книгу. Дважды. Бестселлер не хуже, чем у Тома Клэнси[10]. — Его лицо потемнело, и он тихо добавил: — Думаю, это работа для меня. Я же из ФБР.

Дин Стиллуэл поднял голову и обвел глазами полицейских в бронежилетах и темно-серые патронташи и ремни. Тряхнул своей гривой, и это дало повод Поттеру потянуть с ответом Хендерсону.

— Вы что-то хотели сказать, шериф?

— Да нет, ничего.

— Смелее, — подбодрил его Поттер.

— Я не проходил никаких курсов и не отстреливал... террористов? Но у нас, в Вороньей Гряде, была парочка ситуаций.

Двое из полицейских улыбнулись.

— Расскажите, — попросил Поттер.

— Я об оказии два месяца назад с Эйбом Уитмэном и его женой. Тех, что с Залатанного проулка. Ну, что за Барсучьей падью.

Улыбки сменились хохотом.

Стиллуэл тоже добродушно рассмеялся.

— Звучит забавно. Не то что ваши рассказы о террористах.

Бадд строго взглянул на своих подчиненных, и те стали серьезными.

— Что произошло? — спросил Поттер.

— А то, что Эйб — прирожденный фермер, от Бога. Выращивает свиней. Лучше его никого нет.

Теперь и Хендерсон, хоть и был здешним начальником от ФБР, едва сдерживал улыбку. Бадд молчал. Поттер знаком показал шерифу, чтобы продолжал. А Генри Лебоу, как всегда, внимательно слушал.

— Ему крупно не повезло, когда прошлой весной рынок свинятины отправился ко всем чертям и развалился.

— Рынок свинятины? — Женщина-полицейский сделала большие глаза.

— Рухнул, — продолжал Стиллуэл, не заметив или не обратив внимания на ее иронию. — А банк требует: отдавай заем. Ну у него и поехала крыша. Всегда был маленько со сдвигом, а тут вообще слетел с катушек и спрятался в сарае с ружьем и ножом, которым свежевал свинок на собственный стол.

— Готовил себе свинятину на бекон, — пошутил один из полицейских.

— Верно, — с готовностью подтвердил шериф. — Хотя в этом животном есть что покушать, не только бекон. Знаете выражение: «В свинье все идет в дело, кроме визга».

Полицейские грохнули. Поттер ободряюще улыбнулся шерифу.

— Мне позвонили и сообщили, что у него на ферме что-то неладное. Ну мы выехали и нашли Эмму — они были в браке десять лет — перед сараем, порезанную от горла до груди, а руки, так те и вовсе отрублены. С Эйбом были еще два сына, и он грозил, что то же сделает и с ними. Брайан восьми лет и Стюарт — четырех, хорошие мальчишки.

Улыбки исчезли с лиц полицейских.

— Когда я приехал, Эйб хотел отрезать Стью пальцы, один за другим.

— Господи... — пробормотала женщина-полицейский.

— Как вы поступили, шериф?

Долговязый парень пожал плечами.

— Ничего особенного не придумал. Если честно, я не знал, что делать. Просто стал говорить. Подошел поближе, но не вплотную — бывал с ним на охоте и знал: стрелок он что надо. Присел на корточки за лоханью с кормом и начал. Видел Эйба в сарае не дальше пятидесяти футов. Он держал нож и сына.

— Сколько времени вы с ним говорили?

— Долго.

— Долго — это как?

— Что-то около восемнадцати — двадцати часов. Оба охрипли от крика, и я сказал ребятам, чтобы принесли пару этих самых мобильных телефонов. — Шериф рассмеялся. — Мне, прежде чем пользоваться, еще пришлось прочитать инструкцию. Понимаете, я не хотел подгонять к сараю патрульный автомобиль и говорить по радио или через мегафон. Решил: чем меньше он будет видеть копов, тем лучше.

— И оставались с ним все это время?

— Конечно. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Пару раз отходил, ну, понимаете, по естественной нужде. И еще раз — выпить чашечку кофе. И при этом ужасно боялся.

— Чем кончилось дело?

Шериф снова пожал плечами.

— Он вышел. Сдался.

— А сыновья? — поинтересовался Поттер.

— С ними все обошлось. Если, конечно, не считать, что на их глазах зарезали мать. Но с этим мы уж ничего не могли поделать.

— Позвольте, шериф, задать вам один вопрос. Вам не приходило в голову предложить себя вместо мальчиков?

— Нет. Ничего подобного, — смутился Стиллуэл.

— Почему?

— Мне казалось, что это только усилит его внимание к малышам. А я хотел, чтобы он забыл о них и думал только о нас двоих.

— И застрелить его вы не пытались. Разве он не представлял собой хорошую мишень?

— Думал об этом сто раз. Но мне казалось, что это самое последнее дело — не хотелось, чтобы кто-то пострадал: я, он, мальчики...

— Верный ответ, шериф. Вы будете моим помощником по оцеплению. Согласны?

— Хорошо, сэр. Сделаю все, что смогу. И буду гордиться, если сумею помочь.

Поттер посмотрел на недовольных офицеров полиции.

— Вы и ваши люди будете подчиняться шерифу.

— Постойте, сэр, — начал Бадд, толком не зная, как продолжить. — Шериф отличный парень. Мы друзья и все такое. Вместе ходим на охоту. Но... это технический вопрос. Понимаете, он выбран от города, работает от муниципалитета, а мы — полиция штата. Нельзя ставить нас под его начало. Требуется чья-то санкция или нечто подобное.

— Я даю такую санкцию, — ответил Поттер. — Считайте, что шериф Стиллуэл служит на федеральном уровне. Назначен мною.

Лебоу недоуменно посмотрел на коллегу, но Поттер только пожал плечами. Ни один из них понятия не имел о какой-либо процедуре, которая позволяла бы производить представителей местных правоохранительных органов в ранг федеральных агентов.

Теперь улыбался только Питер Хендерсон. Поттер повернулся к нему.

— Кстати, Пит, вас это тоже касается. Все агенты, не занятые в сборе информации, мероприятиях судебной экспертизы, не связанные с группой спасения, подчиняются шерифу Стиллуэлу.

Хендерсон кивнул.

— Можно переговорить с вами, Арт?

— У нас мало времени.

— Всего минуту.

Поттер, зная, какой разговор предстоит, и понимая, что он не должен произойти на глазах у остальных начальников, кивнул:

— Хорошо, отойдем. Что скажете?

В тени фургона Хендерсон прошептал:

— Прошу прощения, Артур. Мне известна ваша репутация, но я не отдам своих людей под командование деревенщины.

— Моя репутация, Пит, ни при чем. Важно то, что я обладаю властью.

Хендерсон снова рассудительно кивнул. Его безукоризненно накрахмаленная рубашка и серый костюм открыли бы ему вход в любой ресторан на милю в округе Капитолийского холма.

— Артур, я должен играть в этом деле более активную роль. Ведь я знаю этого Хэнди.

— Откуда? — удивился Поттер.

— Мои агенты присутствовали при его аресте в ссудо-сберегательном банке. Я допрашивал его после задержания. Помогал Генеральному прокурору собирать доказательства по делу. Мои люди занимались экспертизой, и благодаря этому удалось упрятать его за решетку.

Хэнди взяли на месте преступления, свидетели дали показания, поэтому экспертиза была формальностью. В самолете Поттер читал протокол допроса, который, судя по всему, вел сам Хендерсон. Арестованный на все вопросы отвечал одно: «Да пошел ты…»

— Все, что вы нам о нем расскажете, будет очень ценно, — проговорил Поттер. — Но у вас нет опыта, который нужен для изоляции преступников.

— А у Стиллуэла есть?

— У него подходящий для этого характер. И рассудительность. Он отнюдь не ковбой.

«И не бюрократ, — подумал Портер, — что так же плохо, если не хуже».

Хендерсон потупился и проворчал:

— Черт бы все побрал, Поттер! Я торчу в этой дыре неизвестно сколько времени. Здесь ничего не происходит, кроме мелкого воровства и краж диктофонов с авиабазы. Да еще индейцы, будь они неладны, писают в ракетные шахты «минитменов». Я хочу заняться делом.

— У вас нет опыта действий во время кризисов с заложниками, Пит. По дороге сюда я читал ваше досье.

— У меня гораздо больше опыта работы в правоохранительных органах, чем у этого Гомера Пайла[11], которому вы отдали предпочтение. Господи, да у меня же диплом юриста Джорджтаунского университета!

— Назначаю вас отвечать за тыл. Будете координировать все, что касается медицины, связи с прессой, обеспечения родственников заложников, боевой группы и группы спасения заложников, когда она прибудет сюда.

Хендерсон молчал и смотрел на коллегу из ФБР, лишь несколькими годами старше его, сначала с немым изумлением, затем с презрением. Овладев собой, он холодно улыбнулся.

— Черт вас возьми, Поттер! Мне известно о вас и другое. Вы ведь показушник. Работаете на публику.

— Тыл — очень важный аспект, — продолжил Поттер, словно не слыша его. — На этом месте вы будете особенно полезны.

— Святоша вы наш… А ведь лицемерите, не можете без лучей славы. Боитесь, как бы кто-нибудь не оказался ярче и не сыграл лучше вас перед камерой?

— Вы прекрасно знаете, что я руководствуюсь другими мотивами.

— Знаю? Ничего я не знаю, кроме того, что вы по высочайшему благословению ворвались в этот город и отставили нас от дела, приказав заваривать вам кофе. А после перестрелки, в которой могут погибнуть дюжина полицейских и заложников, соберете пресс-конференцию, все лавры присвоите себе, а во всех просчетах обвините нас. Потом слиняете. А кому расхлебывать здешнее дерьмо? Мне!

— Если вам больше нечего сказать…

Хендерсон застегнул пиджак.

— Не беспокойтесь, найдется. — Он пошел прочь, игнорируя рекомендацию Поттера не становиться мишенью для стрелков из здания бойни.

11:31

Войдя в фургон, Артур Поттер почувствовал, как настороженно следят за ним глаза собравшихся, и подумал, уж не подслушивали ли люди его разговор с Хендерсоном.

— Ну вот, — начал он, — переходим к правилам операции.

Он вынул из кармана факс. Во время полета из Гленвью Поттер проговорил по конференц-связи с директором ФБР, его заместителем по уголовному розыску и Фрэнком Данжело, командиром группы ФБР по спасению заложников, и записал правила операции в Вороньей Гряде. Этот процесс занял большую часть полета, и его результатом стал документ на двух страничках в один интервал, который предусматривал любую вероятность и давал Поттеру конкретные указания, как действовать в сложившейся ситуации. Текст был составлен с большой осмотрительностью. Бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии и взрывчатых веществах, а также ФБР учли критику своих действий во время кризиса с сектой Д. Кореша «Ветвь Давидова» в Уэйко и порицания за операцию девяносто второго года с Рэндэлом Уивером[12], когда ее правила были прописаны настолько широко, что снайперы решили, будто имеют право стрелять в любого совершеннолетнего с оружием, если он окажется хорошей мишенью. В результате стрелок ФБР убил по ошибке жену Уивера.

Начиная свою речь, Поттер смотрел в основном на шерифа Стиллуэла.

— Ваша задача — изолировать преступников. Это боевая функция, но совершенно пассивная. Мы не собираемся предпринимать какую бы то ни было попытку захвата.

— Есть, сэр.

— Вы будете держать преступников внутри того периметра, который я вам укажу. Это может быть сама бойня или линия в ста ярдах от здания. Где бы ни проходила граница, они не должны пересечь ее живыми. Если это случится — не важно, будут с ними заложники или нет, — вашим людям дается зеленый свет. Вы понимаете, что это значит?

— Они получают разрешение стрелять.

— Правильно. И стреляют на поражение. Не пытаются ранить или только напугать. Не делают предупредительных выстрелов. Либо убивают, либо не открывают огня.

— Есть, сэр.

— Никакой стрельбы в окна и двери без приказа одного из членов группы чрезвычайного реагирования, даже если вы увидите, что заложнику угрожает опасность.

Поттер заметил, что при этих словах у Бадда потемнело лицо.

— Ясно, — ответил Стиллуэл.

Другие командиры нехотя кивнули.

— Если обстреляют вас, вы занимаете укрытие и ждете разрешения на ответный огонь. Но если вам или другому полицейскому угрожает опасное для жизни насилие, вы вправе, защищая себя или другого человека, ответить таким же насилием. Однако лишь в том случае, если действительно уверены, что имеет место реально существующая опасность.

— Реально существующая опасность, — насмешливо повторил один из полицейских.

«Они воображают, что пришли пострелять, как на охоте», — подумал Поттер и, взглянув на часы на компьютере Лебоу, сказал:

— Примерно через пять минут мы установим с ними контакт. Я объявлю преступникам о периметре и дам вам, шериф, знать, что они предупреждены. И с этого момента вы будете держать их внутри, как я объяснил.

— Есть, сэр, — спокойно ответил Стиллуэл и пригладил пятерней копну волос, отчего те встали дыбом.

— На данный момент зона поражения будет соответствовать любому месту вне здания. После того как кто-нибудь из них появится, чтобы взять телефон, следующий выход возможен только под белым флагом.

Шериф кивнул. Поттер продолжил инструктаж:

— Генри будет снабжать вас важной для проведения операции информацией. О типах оружия, местонахождении преступников и заложников, путях их предполагаемых отходов и так далее. И никаких контактов между вами и бандитами. Не прислушивайтесь к тому, о чем я говорю с Хэнди.

— Понятно. А почему?

— Потому что я намерен установить с ним взаимопонимание и постараюсь быть убедительным. Вы не должны проникнуться к нему сочувствием, поскольку в следующий момент можете получить разрешение на стрельбу.

— Ясно.

— И без неожиданностей. Капитан Бадд уже объявил о том, чтобы все разрядили патронники. Так? И снайперы в том числе.

Бадд кивнул и недовольно поджал губы. Поттер понял, что злится, и подумал: до того как все закончится, он еще не раз выйдет из себя.

— У моих людей, — сухо заметил один из полицейских, — пальцы на спусковых крючках не зудят.

— Сейчас не зудят, а потом начнут. Через десять часов станете коситься на собственную тень. И вот еще что, Дин: возможно, заметив в здании вспышки отражения света, вы решите, что это оптические прицелы, а это просто зеркала. Те, кто отбывал срок, научились этой уловке в тюрьме. Так что скажите людям, чтобы не паниковали.

— Есть, сэр, — ответил медленно, как всегда, шериф.

— Несколько слов в заключение. — Поттер обвел глазами собравшихся. — Как правило, легче договориться с теми, у кого есть криминальное прошлое. Они не то что террористы — не ставят перед собой цели кого-то убить. У них одно намерение — скрыться. И если дать им достаточно времени, они начинают понимать, что заложники — большая обуза. А мертвые заложники — это одни неприятности. Но психология момента такова, что в данное время они здраво не рассуждают. Возбуждены выбросом адреналина. Напуганы и сбиты с толку.

Необходимо разрядить ситуацию — убедить Хэнди, что он останется в живых, если будет вести себя разумно. Время работает на нас. Мы не устанавливаем временных лимитов. Пусть все длится столько, сколько мы способны выдержать. А затем еще. И еще. Когда сюда прибудет группа спасения заложников, мы подготовимся к боевому решению вопроса, но это наш крайний выход. И пока Хэнди соглашается на переговоры с нами, попытки захвата не будет. Мы называем такой подход к освобождению заложников «тянуть жилы из свиньи». — Поттер улыбнулся шерифу Стиллуэлу. — Суть игры в проволочках. Преступники изматываются, им все надоедает, они сближаются с заложниками.

— Стокгольмский синдром, — заметил кто-то из полицейских.

— Именно.

— Что это такое? — спросил другой.

Поттер кивнул Лебоу.

— Психологический процесс, в результате которого возникает симпатия между жертвой и агрессором, — начал объяснять тот. — Термин возник примерно двадцать лет назад после ограбления банка в Стокгольме. Преступник вынудил четырех служащих банка спуститься в хранилище. Позже к нему присоединился его сокамерник. Они провели вместе с захваченными служащими банка больше пяти дней, а когда наконец сдались, оказалось, что некоторые заложники испытывают к ним симпатию и считают, будто зло не они, а полиция. Бандиты, в свою очередь, тоже привязались к заложникам и не помышляли причинить им вред.

— Пора браться за дело, — объявил Поттер. — Шериф, приступайте к мероприятиям по изоляции. А я установлю первый контакт с преступниками.

Дин Стиллуэл смущенно обратился к полицейским:

— Ребята, может, выйдем и там распределим ваших людей вокруг здания? Если не возражаете. Ну как?

— Бекон. — Это был единственный ответ, но прозвучал он очень тихо, и Поттер надеялся, что шериф не услышал.

Вода лилась сверху, как из душа, серебряные потоки падали из дыр в высоком потолке — наверное, просачивались из луж на крыше, оставшихся после дождей.

Капли стекали по ржавым крюкам для мяса, резиновой ленте конвейера и разобранным механизмам снаружи зала забоя, где сидела Мелани Черрол и присматривала за девочками. К ней жались семилетние близняшки Анна и Сузи. Беверли Клемпер откидывала длинные светлые волосы с лица, еще по-детски пухлого, хотя ей было уже четырнадцать, и судорожно втягивала воздух. Остальные собрались в дальнем конце зала забоя. Десятилетняя Эмили Стоддард яростно терла ржавое пятно на белых колготках, и слезы катились по ее щекам.

Мелани посмотрела на миссис Харстрон и Сьюзан Филлипс — они сидели рядом, вжавшись в пол, и переговаривались отрывистыми знаками. Обрамленное жесткими волосами бледное лицо девочки пылало яростью. И Мелани внезапно поняла, что у нее темные глаза настоящего бойца. Они говорили об ученицах.

— Боюсь, как бы они не ударились в панику, — предостерегла Сьюзан учительницу. — Надо держать их вместе. Не дай Бог, кто-нибудь побежит, эти гады ведь застрелят.

— Надо бежать! — заявила с отвагой восьмилетнего ребенка Киэл Стоун. — Нас больше, чем их. Мы вырвемся.

Сьюзан и миссис Харстрон не обратили на нее внимания, и в серых глазах девочки вспыхнула злость.

А Мелани мучила мысль: «Я не знаю, что делать, не знаю».

Мужчины не обращали на них внимания. Она встала и подошла к двери. Бандиты вытаскивали из полотняных мешков одежду. Брут стянул с себя майку и, покосившись на нее, встал под струю воды. Ощутив, как вода стекает по его телу, поднял лицо к потолку и закрыл глаза. Мелани видела, какое у него жилистое безволосое тело с десятком багровых шрамов. Другие двое с сомнением посмотрели на него и продолжили переодеваться. Когда они сняли робы, Мелани прочитала на майках имена. Горностай оказался С. Уилкоксом, а Медведь — Р. Боннером. Но, глядя на жирное тело Медведя и худощавое — Горностая, она продолжала думать о них как о животных, названия которых безотчетно пришли ей на ум.

Вглядевшись в застывшее выражение веселой злобы на лице того, кто, подобно Христу, стоял, раскинув руки, под струями воды, поняла, что имя Брут подходит ему гораздо больше, чем Л. Хэнди.

Он вышел из-под воды, обтерся старой майкой и надел другую, темно-зеленую, фланелевую. Достал пистолет из бочки для нефтепродуктов, посмотрел с любопытством на пленниц и

присоединился к товарищам. Они стали осторожно выглядывать из передних окон.

«Этого не может быть, — твердила себе Мелани. — Невозможно». Ее ждали. Родители. Дэнни завтра предстоит операция. После каждой из полудюжины операций, которые брату делали в прошлом году, она приходила к нему в послеоперационную палату. У Мелани возникло бредовое желание попросить бандитов отпустить их. Она не могла огорчить брата.

Еще было ее выступление в Топике.

И другие планы.

Попросить его. Вот сейчас. Умолять отпустить малышей. Хотя бы близняшек. Или Киэл и Шэннон. Эмили.

Беверли, которую мучила астма.

«Иди, сделай это».

Мелани поднялась, затем оглянулась. Все пленницы в зале забоя смотрели на нее. Сьюзан, несколько мгновений не сводившая с нее глаз, показала знаком, чтобы она вернулась. Мелани послушалась.

— Не волнуйтесь, — показала Сьюзан девочкам и притянула к себе каштановые головки хрупких близняшек. Улыбнулась. — Они скоро уйдут. И отпустят нас. Опоздаем в Топику, вот и все. Что вы хотите делать после того, как выступит Мелани? Рассказывайте!

«Она с ума сошла, — подумала Мелани. — Какая там Топика?» А потом догадалась, что Сьюзан делала это, чтобы успокоить остальных, и была права. Какое имеет значение, что происходит на самом деле? Только бы не паниковала малышня и не давала поводов мужчинам приближаться. Мелани с ужасом вспомнила, как Медведь стиснул груди Сьюзан и как прижимал Шэннон к своему жирному телу.

Но никто не поддержал игру, пока Мелани не предложила:

— Пойдем куда-нибудь пообедать?

— Сейчас бы сыграть в аркаду! — встрепенулась Шэннон. — В «Смертельную битву»!

— А я хочу в настоящий ресторан. — Киэл выпрямилась. — Съела бы среднепрожаренный бифштекс с картошкой и пирог.

— Целый пирог? — Сьюзан изобразила насмешливое удивление.

Борясь с желанием расплакаться, Мелани вздохнула и наконец сделала слабый жест.

— Да, по целому пирогу для каждой!

Девочки посмотрели на нее, но тут же снова перевели взгляды на Сьюзан.

— Животы разболятся, — нарочито нахмурилась миссис Харстрон.

— Нет! — возразила Киэл. — По целому пирогу — это обжорство. — Она возмущенно посмотрела на Сьюзан. — Только филистеры едят по целому пирогу. А мы закажем по кусочку. И я хочу еще кофе.

— Нам не дают кофе. — Чтобы прожестикулировать это, Джойслин даже перестала утирать слезы.

— Я пью. Черный, — отрезала Шэннон.

— Со сливками, — продолжила Киэл. — Мама всегда наливает кофе в стеклянную чашку и добавляет сливки, которые клубятся, как облако. Я хочу выпить кофе в настоящем ресторане.

— Может, лучше кофейное мороженое? — Беверли судорожно пыталась вздохнуть.

— С карамельными крошками, — предложила Сузи.

— С карамельными крошками и ореховыми пастилками, — эхом ответила Анна своей младшей на тридцать с чем-то секунд сестре. — Как в кафе-мороженом «Френдлиз».

И опять Мелани не нашла что сказать.

— Я не такой ресторан имела в виду. Фантастический ресторан. — Киэл не понимала, почему никого не вдохновило ее предложение.

Сьюзан широко улыбнулась.

— Решено: идем в фантастический ресторан. Всем бифштекс, пирог, черный кофе. Филистерам вход воспрещен.

Внезапно двенадцатилетняя Джойслин истерически разрыдалась и вскочила на ноги. Миссис Харстрон тут же поднялась, обняла толстушку,

прижала к себе. Девочка постепенно успокоилась. Мелани вскинула руки, собираясь сказать что-то ободряющее и остроумное.

— Всем на пирог взбитые сливки.

Сьюзан поглядела на нее.

— Вы все еще готовы выйти на сцену?

Молодая учительница, посмотрев на ученицу, улыбнулась и кивнула.

Миссис Харстрон метнула беспокойный взгляд в сторону главного помещения бойни, где стояли мужчины и, склонив друг к другу головы, о чем-то совещались.

— Может, Мелани еще раз прочитает свои стихотворения?

Мелани кивнула, но вдруг поняла, что все позабыла. Она готовилась прочитать со сцены два десятка стихов, но в голове осталось только первое четверостишие ее «Птиц на проводах». Она снова подняла руки.

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте.

Ветер холодный — разве это хорошо?

Расправили птички крылья

И взмыли к клубящимся облакам.

— Правда, красиво? — спросила Сьюзан, глядя на Джойслин.

Девочка вытерла лицо рукавом широкой блузки и кивнула.

— Я тоже пишу стихи! — воскликнула Киэл. — У меня их пятьдесят, нет, даже больше. Про Чудо-женщину и Человека-паука. Про Людей Икс, Джин Грей и циклопов. Шэннон читала их.

Шэннон кивнула. На ее левом предплечье красовалась татуировка, сделанная фломастером: девочка изобразила Гамбита, одного из Людей Икс.

— Прочитай нам что-нибудь, — попросила Сьюзан.

Киэл, немного подумав, призналась, что ее стихотворения еще нуждаются в доработке.

— Почему в вашем стихотворении птички серые? — поинтересовалась Беверли, жестикулируя так порывисто, словно хотела высказаться прежде, чем ее настигнет новый приступ астмы.

— Потому что в каждой из нас есть немного серого. — Мелани изумляло, что девочки общаются друг с другом, будто забыв о том, какой ужас окружает их.

— Если это о нас, я бы хотела быть красивой птичкой, — проговорила Сузи, и ее сестра кивнула.

— Могли бы сделать нас красными, — предложила Эмили, более женственная, чем другие ученицы. На ней было платье в цветочек от Лоры Эшли.

К удивлению девочек, ей ответила Сьюзан, более осведомленная во всем, чем даже Мелани. Круглая отличница, она собиралась на следующий год поступить в колледж Галлодета[13]. Она объяснила, что у птичек-кардиналов самцы красные, а самочки — коричневато-серые.

— Так ваши птички — кардиналы? — спросила Киэл, но так как Мелани промолчала, похлопала ее по плечу и повторила вопрос.

— Да, — ответила молодая учительница. — Речь, конечно, о кардиналах. Вы все — стайка очаровательных кардиналов.

— А не архиепископов? — Миссис Харстрон закатила глаза. Сьюзан рассмеялась. Джойслин кивнула, но явно расстроилась, что опять не она оказалась первой.

Сорванец Шэннон, любительница книг Кристофера Пайка[14], спросила, почему Мелани не сделала птиц ястребами с длинными серебристыми клювами и когтями, с которых капает кровь.

— Так это стихотворение о нас? — удивилась Киэл.

— Может быть.

— Но нас с вами девять, — заметила Сьюзан с неотразимой логикой подростка. — А с миссис Харстрон — десять.

— Правильно, — отозвалась Мелани. — Я могу поменять слова. — А про себя подумала: «Делай же что-нибудь! Сбитые сливки на пирог? Чушь! Бери инициативу на себя! Не сиди просто так. Поговори с Брутом».

Мелани поднялась, подошла к двери и выглянула из зала. Затем обернулась к Сьюзан.

— Что вы делаете? — знаками спросила та.

Мелани снова посмотрела на мужчин и подумала: «Нет, девочки, не полагайтесь на меня. Это заблуждение. Я не тот человек. Миссис Харстрон старше, Сьюзан сильнее. Когда она что-то говорит — слышащим или глухим, — к ней всегда прислушиваются. А я не могу. Можешь!»

Мелани ступила в основное помещение здания, и ее обдали брызги воды с потолка. Обойдя свисающий крюк для туш, она приблизилась к мужчинам. «Попрошу только о близняшках и Беверли. Кто откажется отпустить семилетних девочек? Кто не проникнется состраданием, узнав, что подросток мучается из-за приступов астмы?»

Медведь поднял глаза и, увидев ее, осклабился. Остриженный под ежик Горностай засовывал в портативный телевизор батарейки и не обращал внимания на девушку. Брут отошел от них и смотрел в окно.

Мелани постояла и обернулась назад, на зал забоя. Сьюзан хмурилась и снова спрашивала ее руками:

— Что вы делаете?

Почувствовав в ее словах осуждение, учительница ощутила себя школьницей.

— Только попрошу. Напишу слова: «Пожалуйста, отпустите малышек».

Ее руки дрожали, сердце замирало от страха. Медведь что-то сказал, и она ощутила вибрацию. Брут повернулся, посмотрел на нее и тряхнул сырыми волосами.

Мелани, перехватив его взгляд, знаком выразила желание что-то написать. Он подошел к ней, взял за руку, посмотрел на ногти, на маленькое серебряное колечко. Отпустил, взглянул Мелани в лицо и рассмеялся. Потом возвратился к товарищам и отвернулся от девушки, словно ее здесь не было.

И от этого Мелани стало хуже, чем если бы он ударил ее.

Слишком напуганная, чтобы снова подойти к нему, слишком пристыженная, чтобы вернуться к своим, Мелани стояла и смотрела в окно на патрульные машины, на пригнувшиеся фигурки полицейских и колышущуюся на ветру взлохмаченную траву.

Поттер смотрел на здание скотобойни через пуленепробиваемое автомобильное стекло.

Скоро они должны начать разговор. Лу Хэнди непомерно вырос в его сознании. В таких переговорах существует две опасности. Первая: слишком возвеличить преступника еще до начала разговора и, как следствие, с первой фразы занять оборонительную позицию. Именно в таком положении ощущал себя Поттер. Оборотная сторона — собственный стокгольмский синдром. С ним придется бороться позже. Поттер знал, что это неизбежно.

— Забрасываемый телефон готов?

— Почти. — Тоби вводил цифры в сканер на консоли. — Вставить в него всенаправленный микрофон?

Забрасываемые телефоны представляют собой легкие, но прочные мобильники, в которые помешен второй трансмиттер, передающий на командный пункт все разговоры и считывающий набираемые номера. Как правило, по таким телефонам преступники общаются только с теми, кто ведет с ними переговоры, однако порой звонят сообщникам или друзьям. Если группа чрезвычайного реагирования знает содержание таких бесед, это помогает ей заключить сделку или дает тактические преимущества.

Иногда в корпус трубки помещается миниатюрный всенаправленный микрофон: он действует даже тогда, когда преступники не пользуются самим телефоном. Мечта каждого переговорщика знать, о чем говорят по другую сторону баррикады. Но если микрофон обнаруживают, нередко следуют ответные меры, снижается доверие к переговорщику, и тот теряет свой единственный на этой стадии операции актив.

— Твое мнение, Генри? — спросил Поттер. — Он может его найти?

Лебоу постучал по клавиатуре компьютера и, вызвав все увеличивающееся досье Хэнди, пробежал его глазами.

— В колледже не учился. В школе был отличником по математике и точным наукам. Подожди... вот то, что нам надо. В армии немного изучал электронику. Но долго там не задержался — ударил ножом сержанта. Так, дальше все несущественно. Я бы не советовал встраивать микрофон. Он может его засечь. У него технический склад ума.

Поттер вздохнул.

— Не надо, Тоби.

— Обидно.

— Еще как.

Зазвонил телефон, и Поттер ответил. Специальный агент Анжи Скапелло прилетела в Уичито, и теперь ее переправляли на вертолете в Хеврон, в школу Клерка Лорена. Через полчаса она прибудет с сотрудницей полиции из Хеврона, которая возьмет на себя функции переводчика.

Поттер передал информацию Лебоу, и тот занес ее в компьютер.

— Через десять минут я получу выполненные программным способом схемы внутренних помещений здания. — Аналитик послал одного из местных агентов отыскать архитектурный или инженерный проект бойни. Он собирался воспроизвести его в виде схемы при помощи компьютерной программы вычерчивания.

Поттер обратился к Бадду:

— Нам надо объединить их: преступников и заложников. Хэнди потребует, чтобы мы организовали ему электропитание, но я не хочу этого делать. Дадим ему фонарь на батарейках. Слабый. Таким образом, им всем придется собраться в одном помещении.

— Что это даст?

— Если они соберутся в одном помещении, Хэнди придется разговаривать с заложниками, он узнает их ближе, — ответил Лебоу.

— Не уверен, сэр, — возразил капитан. — Ведь девочки глухие. Место там жуткое. И если они окажутся в помещении с одним карманным фонариком, то… как говорит моя дочь, у них крыша поедет.

— У нас нет возможности заботиться об их чувствах, — рассеянно проговорил Поттер, наблюдая, как Лебоу превращает записи в электронные скрижали.

— Не могу согласиться с вами, сэр, — сказал Бадд.

Воцарилась тишина.

Собирая мобильный телефон, Тоби следил на одном мониторе за передачами шести телевизионных станций. Сержант Дерек Элб чудесным образом разделил экран на шесть отдельных зон. Все местные новости были посвящены инциденту с заложниками. Компании Си-би-эс и Си-эн-эн вели специальные репортажи. Красотки и красавчики с

напомаженными волосами держали микрофоны, словно рожки с мороженым, и что-то горячо в них говорили. Поттер заметил, что Тоби управляется с контрольной панелью командного пункта, словно сделал ее под себя. А потом решил, что, наверное, так оно и есть: Тоби и рыжеволосый Дерек успели сдружиться.

— Вы только подумайте, — не отступал Бадд. — Там страшно и средь бела дня, а ночью и вовсе кошмар.

— Что бы ни случилось, следующие двадцать четыре часа будут для девочек отнюдь не приятными, — ответил Поттер. — Им надо пережить это время. А нам необходимо собрать вместе преступников и заложниц. Это осуществимо с помощью одного фонаря.

Капитан недовольно поморщился.

— Но есть еще и практическая сторона. Не исключено, что темнота очень напугает их, они попытаются бежать и только навредят себе.

Поттер посмотрел на кирпичную стену старой скотобойни, темную, словно запекшаяся кровь.

— Вы же не хотите, чтобы их подстрелили? — прозвучал голос Лебоу.

— Если мы включим им электричество, — ответил наконец Поттер, — это позволит Хэнди спрятать заложниц в десяти разных помещениях. — Он мял сложенные чашечками ладони, словно лепил снежок. — Надо, чтобы все были вместе.

— Можно подогнать автомобильный генератор, — предложил капитан. — И запитать линию на четыре-пять переносок — знаете, такие подвесные зарешеченные лампы. Тогда хватит напряжения, чтобы осветить главное помещение. А если вы прикажете идти на приступ, мы можем в любой момент обесточить их. А фонарь с батареями выключить нельзя. И еще: в какой-то момент нам придется связаться с девочками. Не забывайте, они глухие. Как мы сделаем это в темноте?

В его словах был резон — Поттер об этом не подумал. Принимая решение о захвате, надо будет проинструктировать заложниц. И сделать это на языке жестов.

— Хорошо, — кивнул он.

— Я займусь этим.

— Поручите кому-нибудь, Чарли.

— Так и поступлю.

Тоби нажал на кнопки, и помещение командного пункта наполнило шипение помех.

— Черт! — Он взглянул на Лебоу. — Два человека с «большими ушами» находятся ближе, чем следует. — Он говорил о маленьких параболических микрофонах, которые в другом случае улавливали бы шепот за сотню ярдов, но сегодня были бесполезны.

— Проклятый ветер, — пробормотал аналитик.

— Забрасываемый телефон и обе линии готовы к приему. — Тоби подвинул маленький рюкзачок цвета хаки.

— Прекрасно.

Зазвонил телефон. Поттер схватил трубку.

— Поттер слушает.

— Агент Поттер? Мы не знакомы, — гудел в телефоне приятный баритон. — Я Роланд Маркс, помощник Генерального прокурора штата.

— Чем обязан?

— Хочу поделиться с вами кое-какими мыслями.

«Как не вовремя», — поморщился Поттер.

— Я очень занят.

— Мыслями по поводу участия штата. Так сказать, бросить от себя пару золотничков.

У Поттера был Чарли Бадд, силы сдерживания и фургон с командным пунктом. Больше ему ничего не требовалось от штата Канзас.

— Боюсь, неподходящий момент.

— Это правда, что захвачены восемь маленьких девочек?

Поттер вздохнул.

— И две учительницы. Из школы для глухих в Хевроне. Все так. Мы как раз собираемся установить контакт с преступниками. И очень ограничены во времени. Поэтому не могу…

— Сколько всего преступников?

— Не имею возможности обсуждать с вами сложившуюся ситуацию. Губернатор проинформирован. Позвоните нашему старшему специальному агенту Хендерсону. Полагаю, вы знаете его.

— Разумеется, я знаю Пита. — Неуверенность в голосе Роланда Маркса свидетельствовала о том, что он мало ценит агента ФБР. — Боюсь, как бы не случилась трагедия.

— Что ж, мистер Маркс, моя задача в том и заключается, чтобы не позволить событиям развиваться в этом направлении. Надеюсь, вы позволите мне заняться моей работой.

— Я думал, вам понадобится адвокат или священник. У нас в Топике есть государственный отдел оказания подобной помощи. Там работают прекрасные специалисты.

— Все, — оборвал его Поттер. — Пит Хендерсон будет держать вас в курсе дел.

— Подождите...

Щелк.

— Генри, загляни в досье. Роланд Маркс, помощник Генерального прокурора штата. Прикинь: он способен устроить нам неприятности? Выясни, не собирается ли он куда-нибудь баллотироваться и не метит ли на какую-нибудь должность.

— Очень похож на очередного благодетеля человечества из либералов, — проворчал Генри Лебоу, который всю жизнь голосовал за демократов, в том числе за Юджина Маккарти.

— Ладно, — кивнул Поттер, моментально забыв о звонке помощника Генерального прокурора. — Теперь нам нужен доброволец с сильными руками. Но прежде кое-что выясним. — Поттер застегнул свой синий пиджак и поманил Бадда. — Чарли, давайте выйдем.

Они встали в тени фургона.

— Капитан, скажите, что вас гложет. Я наступил вам на мозоль?

— Нет, — последовал холодный ответ. — Вы — федерал, я — из полиции штата. Все прописано в конституции. Это называется соподчинением.

— Послушайте, — твердо проговорил Поттер, — у нас нет времени на обмен любезностями. Выкиньте все из сердца или живите с этим — как вам угодно.

— Чем мы занимаемся? — невесело рассмеялся Бадд. — Снимаем с себя знаки отличия и бросаемся в бой?

Поттер промолчал.

— Хотите знать, что меня гложет? Так вот: я понимаю, что вы мастер своего дела, а я никогда не участвовал в таких переговорах. Слышал, как вы раздавали приказы направо и налево и, судя по всему, не сомневались в том, что делали. Но забыли упомянуть одну вещь.

— Какую именно?

— Вы и трех слов не сказали о тех девочках.

— А что я должен был сказать о них?

— Мне казалось, вам следовало напомнить всем, что наша главная цель — вытащить их живыми.

— О! — удивился Поттер. Мысли его блуждали где-то далеко, а внутренний взор охватывал предстоящее поле сражения. — Дело в том, Чарли, что это вовсе не главная цель. Правила схватки абсолютно ясны. Я здесь для того, чтобы убедить преступников сдаться, а если они не захотят — помочь группе спасения заложников нейтрализовать их. Я сделаю все, чтобы захваченные люди остались в живых. Поэтому заправляю здесь я, а не спецназ. Но преступники не уйдут из Вороньей Гряды, кроме как в мешках для трупов или в наручниках. И если для этого заложникам придется умереть, они умрут. А теперь, будьте добры, найдите мне добровольца с сильными руками, чтобы зашвырнуть телефон. И еще: пожалуйста, дайте мегафон.

Полдень

Артур Поттер шел с Генри Лебоу по неглубокому овражку, упирающемуся в южную часть скотобойни.

— Нам нужны инженерные записи, касающиеся перестроек здания. А также из Управления по охране окружающей среды. Мне необходимо знать, нет ли здесь тоннелей.

— Все сделано, — кивнул аналитик. — Еще я проверил пристройки.

— Тоннели? — удивился Бадд.

Поттер рассказал ему о захвате террористами имения Вандербильтов в Ньюпорте, штат Род-Айленд, три года назад. Тогда группа спасения заложников удивила преступников тем, что проникла в подвал по паропроводу. Магнат распорядился, чтобы котельная располагалась вдали от особняка: шум и дым не должны тревожить его гостей. Ему и в голову не приходило, что через сто лет его забота о ближних спасет жизнь пятнадцати израильским туристам.

Переговорщик заметил, что Дин Стиллуэл перегруппировал полицейских и агентов, устроив вокруг бойни плотное оборонительное кольцо. На полпути к зданию Поттер вдруг остановился и посмотрел на поблескивающую вдали поверхность воды.

— Надо, чтобы по реке полностью прекратилось движение, — сказал он капитану.

— Мм... это же Арканзас, — смутился тот.

— Вы нам уже говорили.

— Но это большая река.

— Вижу.

— А зачем? Боитесь, что сообщники приплывут к ним на плотах?

— Нет. — Поттер не стал продолжать, предоставляя капитану разбираться самому. Он хотел, чтобы этот человек начал наконец думать.

— Опасаетесь, что они вплавь доберутся до какой-нибудь баржи? Невозможно. Наверняка утонут — здесь очень коварное течение.

— Но могут попытаться. Я хочу, чтобы у них даже мысли такой не возникло. Это так же как с вертолетом.

— Все сделаю, — кивнул Бадд. — Только кому звонить? Береговой охране? Не слышал, чтобы здесь на реках существовала береговая охрана. — Он явно растерялся. — С кем связаться?

— Не знаю, Чарли. Выясняйте сами.

Капитан позвонил по мобильному телефону к себе в участок и потребовал, чтобы для него навели справки, в чьей юрисдикции находится судоходство на реке. Разговор он закончил так:

— Не знаю. Выясняйте сами!

Старший специальный агент Хендерсон занимался организацией тыла: устраивал медицинский пункт и согласовывал вопросы с прибывающими в район полицейскими и особенно с сотрудниками Бюро по контролю за соблюдением закона об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии, взрывчатых веществах и Службе маршалов США. Представители службы прилетели, поскольку имело место применение оружия и побег из федеральной тюрьмы.

Поттеру не давали покоя горькие слова Хендерсона. «Не беспокойтесь, найдется».

— Генри, — попросил он Лебоу, — когда будешь изучать нашего приятеля Маркса, проверь-ка и Хендерсона.

— Хендерсона?

— Да. Это не должно влиять на наше дело, но мне необходимо знать, нет ли у него каких-нибудь тайных замыслов.

— Хорошо.

— Артур, — начал Бадд, — я подумал... может, надо доставить сюда мать этого парня? Я имею в виду Хэнди. Или отца, или брата, или еще кого-нибудь?

Лебоу покачал головой.

— Что такое? Я сказал глупость? — вспыхнул капитан.

— Вы насмотрелись кинофильмов, — ответил аналитик. — Священник и родственники нужны нам в последнюю очередь.

— Почему?

— В девяти случаях из десяти именно семья причина всех бед преступников. И в моей практике ни разу не случалось, чтобы священник положительно повлиял на того, кто захватил заложников, — напротив, только раздражал. — Поттера обрадовало, что Бадд отнесся к его словам как к информации, а не к назиданию. И кажется, это отложилось в его пытливом уме.

— Сэр! — услышали они голос шерифа Дина Стиллуэла. Он спешил к ним, приглаживая волосы. — Один из моих ребят готов пробежаться с телефоном. Подойди сюда, Стиви.

— Как вас зовут, полицейский? — спросил Поттер.

— Стивен Оутс. Но все называют меня Стиви. — Этот высокий худощавый парень вполне органично смотрелся бы на питчерской горке в белом костюме в мелкую полоску и с жевательным табаком за щекой.

— Хорошо, Стиви. Наденьте бронежилет и шлем. Я скажу им, что вы идете. Прижимайтесь к земле и ползите по тому склону у загона для скота. Видите? Там задержитесь и киньте сумку как можно ближе к передней двери.

Тоби подал полицейскому сверток цвета хаки.

— Сэр, а если я попаду в те камни?

— Это специальный телефон, и в мешке набивочный материал. Кроме того, если вы докинете сумку до тех камней, вам можно уходить из правоохранительных органов и выступать за команду «Роялз». Хорошо, беремся за дело.

Поттер взял мегафон и, пригибаясь, поднялся по склону к тому месту в шестидесяти ярдах от темных окон скотобойни, где в прошлый раз окликал Хэнди. Лег на живот, отдышался и поднес мегафон к губам.

— Снова говорит агент Поттер. Мы посылаем вам телефон. Наш человек постарается бросить его как можно ближе к вам. Это не уловка — обычный мобильный телефон. Вы разрешите ему подойти?

Ни звука в ответ.

— Люди внутри, вы слышите меня? Мы хотим говорить с вами! Позволите нашему человеку приблизиться?

Пауза тянулась бесконечно долго, затем в одном из окон помахали обрывком желтой материи. Вероятно, это означало согласие, поскольку отрицательным ответом скорее была бы пуля.

— Когда выйдете взять телефон, мы не будем стрелять. Даю вам слово.

Снова желтая тряпка.

Поттер кивнул Оутсу.

— Вперед.

Полицейский, прижимаясь к земле, стал подниматься по травянистому склону. Но Поттер понимал, что стрелок в здании бойни может легко попасть в него. Шлем на голове Стиви был из кевлара, но прозрачная маска — нет.

Все восемьдесят человек, окружающих бойню, замерли, никто не произнес ни слова. Только слышался свист ветра да где-то вдалеке просигналил грузовик. Временами доносилось гудение моторов тракторов и комбайнов, пробирающихся сквозь густую пшеницу, — приятные и тревожащие звуки. Оутс вскарабкался по склону и, одолев часть пути, лег на живот. Кинул взгляд в сторону бойни и вновь припал к земле. До недавнего времени забрасываемые телефоны имели изрядный вес и были связаны проводом с аппаратом переговорщика. Даже самый сильный полицейский не мог зашвырнуть их дальше тридцати футов, к тому же провод частенько запутывался. Мобильные технологии упростили процесс переговоров с преступниками.

Оутс, как бывалый каскадер, перекатился от одного куста бородача к другому и, переведя дух в зарослях буйволовой травы и золотарника, продолжил путь.

«Довольно, — подумал Поттер. — Теперь бросай».

Но полицейский не бросил, взглянул еще раз на скотобойню и, перебравшись через бугор у гниющих столбов и жердей загона для скота, прополз еще двадцать ярдов. С такого расстояния в него мог бы попасть даже никудышный стрелок.

— Что он делает? — раздраженно прошептал Поттер.

— Не знаю, сэр, — ответил Стиллуэл. — Я ему ясно растолковал, что требуется. Он сильно беспокоится о девочках и хочет выполнить все как надо.

— Дать себя подстрелить — это вовсе не то, что надо.

Полицейский продолжал ползти к бойне.

«Не строй из себя героя, Стиви», — думал переговорщик. Но его тревога не ограничилась мыслью о том, как бы не ранили или не убили этого человека. Полицейских в отличие от спецназа или офицеров разведки не обучают методам сопротивления при допросе. И, попав в руки молодчика вроде Лу Хэнди, вооруженного лишь ножом или английской булавкой, Оутс в две минуты выложит все, что знает: о местонахождении каждого полицейского, о том, что группа спасения заложников прибудет через несколько часов, о том, чем вооружены люди, — словом, все, что пожелает узнать преступник.

«Да бросай же ты этот чертов телефон!»

Оутс приподнялся во второй раз, быстро взглянул на скотобойню и снова припал к земле. И поскольку выстрелов не последовало, прищурился, размахнулся и швырнул телефон, который полетел по пологой дуге, миновал на высоте камни, о которых беспокоился полицейский, и приземлился всего в тридцати футах от арочного входа на фабрику «Уэббера и Штольца».

— Превосходно! — Бадд хлопнул Стиллуэла по спине, и шериф улыбнулся с застенчивой гордостью.

— Будем надеяться, что это хорошее предзнаменование, — сказал Лебоу.

Оутс, не желая подставлять спину темным окнам скотобойни, пятился в траве, пока не скрылся из вида.

— А теперь посмотрим, кто там самый храбрый, — пробормотал Поттер.

— В каком смысле? — не понял Бадд.

— Хочу выяснить, кто решительнее и импульсивнее из троих.

— Может, они кинут жребий.

— Нет. Думаю, двое из них не выйдут ни за какие деньги, а третьему не терпится. Вот и хочу посмотреть, кто этот третий. Поэтому я не обращался непосредственно к Хэнди.

— Готов поспорить, что выйдет Хэнди, — сказал капитан.

Но получилось не так: открылась дверь, и на пороге появился Шепард Уилкокс.

Поттер рассматривал его в бинокль.

Уилкокс оглянулся и развязной походной направился к телефону. На животе из-под ремня торчала рукоятка пистолета.

— Похоже на «глок», — прокомментировал Поттер.

Лебоу занес информацию в маленький блокнот. Вернувшись на командный пункт, он обработает данные.

— Воображает себя человеком из страны Мальборо, — хмыкнул он.

— Выглядит вполне уверенно, — заметил Бадд. — Наверное, у него все козыри на руках.

— Никаких у него нет козырей, — возразил Поттер. — Но уверенным можно себя чувствовать в обоих случаях.

Уилкокс подхватил сумку с телефоном и снова окинул взглядом ряд полицейских машин. На лице появилась широкая ухмылка.

— Вы только посмотрите... — рассмеялся капитан.

Треск выстрела эхом отозвался в поле, и пуля мягко ударила в землю в десяти футах от Уилкокса. В одно мгновение он выхватил пистолет и дважды выпалил в деревья, из-за которых стреляли в него.

— Нет! — Поттер вскочил и бросился в поле. Полицейские за патрульными автомобилями подняли ружья и пистолеты и загнали патроны в патронники. — Не стрелять! — рявкнул он в мегафон, бешено размахивая руками. Уилкокс дважды пальнул в него. Первая пуля ушла в затянутое облаками небо, вторая раздробила камень в ярде от ног Поттера.

Стиллуэл орал:

— Не отвечать огнем! Всем командирам: никакого ответного огня!

Но ответный огонь все-таки последовал. Вокруг Уилкокса взметнулись столбики пыли. Он рухнул на землю, тщательно прицелился и тремя выстрелами разнес ветровые стекла трех полицейских машин, а затем перезарядил оружие. Даже в такой опасной ситуации он проявил себя отличным стрелком. Из окна скотобойни раздался повторяющийся грохот полуавтоматического ружья, и в воздухе просвистела дробь.

Поттер оставался на виду и размахивал руками.

— Прекратить огонь!

А затем на поле внезапно опустилась тишина. Ветер прекратился, и все успокоилось. Серый день огласился надрывающим душу замогильным криком птицы. Нос щекотал густой сладковатый запах пороха и кисловатый — ртути от патронных капсюлей.

Уилкокс схватил телефон и попятился к бойне.

— Выясните, кто стрелял, — сказал Поттер Стиллуэлу. — Пусть тот, кто первым спустил курок — кем бы он ни оказался, — явится на командный пункт. А тех, кто последовал его примеру, удалите отсюда и объясните другим, почему я прогнал их.

— Есть, сэр! — Шериф побежал выполнять приказ.

Поттер смотрел в бинокль, надеясь разглядеть что-нибудь внутри бойни, когда Уилкокс откроет дверь. Оглядывая первый этаж, он заметил в окне, справа от входа, молодую женщину — белокурую, лет двадцати пяти. Она глядела прямо на него. На миг отвлеклась, посмотрела на что-то в глубине здания и снова повернулась к окну. В ее глазах застыл страх, губы шевелились, но как-то необычно широко раскрывшись. Она что-то пыталась сказать ему. Поттер вперил взгляд в ее губы, но слов разобрать не мог. Он протянул бинокль Лебоу.

— Генри, быстрее. Кто это? Есть какие-нибудь соображения?

В компьютере аналитика уже были приметы заложников, о которых они получили информацию, но пока Лебоу наводил на окно бинокль, женщина исчезла. Поттер описал ее внешность.

— Старшей ученице семнадцать лет. Это, наверное, одна из двух учительниц. Полагаю, та, что моложе. Мелани Черрол. Ей двадцать пять лет. Больше по ней пока ничего.

Уилкокс, пятясь, вошел в дверь скотобойни, и Поттеру не удалось увидеть ничего, кроме темноты. Дверь захлопнулась. Переговорщик снова направил бинокль на окна, надеясь, что молодая женщина опять мелькнет в одном из них. Но ее не было. Поттер молча повторял ее движения: губы сжаты, нижние зубы касаются верхней губы, снова сжаты, но по-другому, словно для поцелуя.

Лебоу тронул его за плечо.

— Пора звонить.

Поттер кивнул, и они поспешили к фургону. Бадд шел следом, бросая свирепые взгляды на одного из тех полицейских, что ответили на огонь Уилкокса. Стиллуэл все еще выговаривал ему за неподчинение приказу.

Губы, зубы, губы… Что же она пыталась сказать? — ломал голову Поттер.

— Генри, занеси: первый контакт с заложницей.

— Контакт?

— С Мелани Черрол.

— И что она сообщила?

— Пока не знаю. Только видел, как шевелились ее губы.

— Ну…

— Запиши: «Сообщение не понято».

— Хорошо.

— И добавь: «Объект исчез, прежде чем старший группы чрезвычайного реагирования успел ответить».

— Будет сделано, — отозвался педантичный Лебоу.

В фургоне Дерек спросил, что произошло, но Поттер, не ответив, взял у Тоби Геллера телефон, опустил перед собой на панель и зажал в ладонях.

Выглянув в поле из окна фургона, Поттер убедился, что возникшая после стрельбы суматоха улеглась. Передовая успокоилась, троих провинившихся полицейских шериф отправил в тыл, а оставшиеся в строю копы и агенты напряженно ждали, с восторгом и страхом предвкушая предстоящее сражение. С восторгом, наверное, потому, что их было по тридцать на каждого врага, их защищали автомобили заграждения и бронежилеты фирмы, они имели мощное оружие. А еще потому, что в уютных домиках их ждали жены с пивом и горячей запеканкой.

Поттер смотрел на холодные, продуваемые ветрами поля, и ему казалось, что в этом летнем дне почему-то чувствовался привкус Хэллоуина.

Вот сейчас все начнется.

Он отвернулся от окна и нажал на трубке кнопку быстрого набора. Тоби щелкнул выключателем и начал запись. Затем нажал другую кнопку, и в динамике над головами сквозь потрескивание послышался звук сигналов вызова.

Он прозвучал пять раз, десять, двадцать.

Поттер заметил, что Лебоу повернулся к нему.

Тоби скрестил пальцы.

Затем щелчок.

— Соединение установлено, — прошептал техник.

— Слушаю, — раздался голос в динамике.

Поттер глубоко вздохнул.

— Лу Хэнди?

— Да.

— Я Артур Поттер из ФБР. Хочу поговорить с вами.

— ...

— Лу, тот выстрел был сделан по ошибке.

— Да ну?

Поттер прислушался к голосу с легким горским, западно-виргинским акцентом. В нем звучали самоуверенность, насмешка и усталость. Это сочетание напугало его.

— Наш человек находился на дереве. Он соскользнул с ветки, и оружие непроизвольно выстрелило. Он будет наказан.

— Вы расстреляете его?

— Тот выстрел — чистая случайность.

— Случайности — забавная штука, — усмехнулся Хэнди. — Несколько лет назад я был в тюрьме Левенуэрте. Так вот, там один козел работал в прачечной и до смерти задохся, подавившись дюжиной носок. Тоже, наверное, случайность. Не стал бы он специально жевать носки. Ну и кто это сделал?

«Холоден как лед», — подумал Поттер.

— Вот и ваша случайность, похоже, вроде той.

— Самая заурядная, по типу «сделано в США», случайность, Лу.

— Да плевать мне, что это было. Сейчас застрелю одну из этих соплячек. Вот только выберу. Эне-бэне-раба...

— Послушайте, Лу.

Никакого ответа.

— Могу я называть вас «Лу»?

— Вы же нас окружили, так? Рассадили по деревьям козлов, которым слабо даже удержаться на ветке. Так что валяйте называйте меня, как вам угодно.

— Послушайте, Лу, ситуация действительно напряженная.

— Только не для меня. Мне как раз очень хорошо. Со мной тут одна блондиночка. Правда, титек почти нет. Но пожалуй, я все-таки выберу ее.

Он играет с нами. Восемьдесят процентов за то, что блефует.

— Лу, Уилкокс представлял собой отличную мишень. Наш человек, вооруженный «М-16» с оптикой, находился от него в восьмидесяти ярдах. Полицейские, если надо, попадают в цель за тысячу ярдов.

— Здесь ужасный ветродуй. Может, ваш парнишка не сделал поправки на ветер?

— Говорю вам: если бы мы хотели, Уилкокс был бы уже на том свете.

— Все это совершенно не важно, — прорычал Хэнди. — Вы никак не хотите понять: случайность это или нет, надо поучить ваших ребят хорошим манерам.

Фактор блефа упал до шестидесяти процентов.

«Сохраняй спокойствие», — сказал себе Поттер. Уголком глаза он заметил, как Дерек вытер о брюки вспотевшие ладони и бросил в рот жевательную резинку. Бадд нервно расхаживал и поглядывал в окно фургона.

— Давайте, Лу, будем считать это несчастным случаем, и поговорим о том, о чем нам надо с вами поговорить.

— А нам надо с вами о чем-то говорить? — изобразил удивление Хэнди.

— О многом, — бодро ответил Поттер. — Прежде всего о том, со всеми ли все в порядке. Никто не ранен? Никто не пострадал?

Инстинкт побуждал его задать вопрос о девочках, но переговорщики, насколько возможно, избегают упоминать заложников. И таким образом пытаются внушить преступнику, что захваченные им люди не представляют ценности для торга.

— Шеп, как вы догадываетесь, малость выбит из колеи, а остальные тип-топ. Но если повторите свой вопрос через пять минут, я скажу, что кое-кто чувствует себя не так хорошо.

«Что она пыталась мне сказать?» — лихорадочно думал Поттер. И снова представил лицо Мелани. Губы, зубы, губы...

— Вам нужны средства первой помощи?

— Да.

— Какие?

— Медицинский вертолет.

— Это нелегко. Я сейчас говорю о вещах попроще: бинтах, морфии и тому подобном. Антисептиках.

— Морфии? Чтобы мы все прибалдели? Вам бы это понравилось.

— Мы вам столько не дадим. Лу, вам вообще что-нибудь нужно?

— Да, мне нужно кого-нибудь застрелить. Вот эту маленькую блондиночку — всадить ей пулю между титьками, которых у нее нет.

— Это ничего не даст.

«Он любит поговорить, — думал Поттер. — Психически неуравновешенный, но потрепаться не прочь. Вот если молчат — это первейшая помеха в переговорах, иногда непреодолимая. Тихие всегда самые опасные». Переговорщик склонил голову набок и приготовился внимательно слушать. Ему нужно проникнуть в сознание Хэнди. Освоиться с его оборотами речи, научиться предугадывать, что он собирается сказать и в какие выражения облечь свою мысль. Он намерен играть в эту игру всю ночь, и к тому времени, когда кризис тем или иным способом разрешится, часть его превратится в Луиса Иеремию Хэнди.

— Ну-ка еще раз, как там тебя зовут? — спросил Лу.

— Артур Поттер.

— «Арт» пойдет?

— Лучше «Артур».

— Собрал на меня досье?

— Кое-что есть, но пока не много.

В голове Поттера непроизвольно всплыла фраза: «Я убил во время побега охранника».

— Когда мы бежали, я убил охранника. Знаешь об этом?

— Знаю.

«Вот и девчонка без титек значит для меня не больше куска дерьма», — подумал переговорщик.

— И эту блондиночку мне ухлопать — раз плюнуть.

Поттер нажал на кнопку приглушения звука — специальное устройство, выключающее микрофон, но так, чтобы собеседник не услышал щелчка.

— О ком он говорит? — Поттер взглянул он Лебоу. — О которой из заложниц? Блондинка лет двенадцати или моложе.

— Пока не могу сказать, — отозвался аналитик. — Мы не можем заглянуть внутрь здания, а информации недостаточно.

— Почему, Лу, вам непременно хочется причинить кому-нибудь страдания? — сказал Поттер в телефон.

И подумал: «Сейчас он переменит тему».

Но Хэнди не оправдал ожиданий.

— А почему бы и нет?

Теоретически Поттер понимал, что ему следует говорить о легкомысленных вещах, тянуть разговор, склонять собеседника на свою сторону, смешить. Еда, спорт, погода, условия внутри здания скотобойни, легкие алкогольные напитки. Не следует обсуждать с преступниками сам инцидент с захватом заложников. Но, оценивая риск того, что Хэнди убьет девочку, Поттер снизил вероятность блефа до тридцати процентов. В этих обстоятельствах он не мог позволить себе трепаться о гамбургерах и бейсбольной команде «Уайт сокс».

— Лу, по-моему, тебе вовсе не хочется кого-то убивать.

— Откуда такая мысль?

Переговорщик заставил себя хмыкнуть.

— Если начнешь убивать заложников, я решу, что вы намерены убить их всех. И тогда отдам приказ спецназу на захват.

Хэнди негром ко рассмеялся.

— Если этот спецназ у тебя есть.

Поттер и Лебоу, переглянувшись, нахмурились.

— Есть. — Поттер кивнул на ту часть листа, куда заносились не соответствующие действительности заявления, и Лебоу бегло записал: «Хэнди проинформирован, что группа спасения заложников на месте».

— Ты просишь меня не убивать ее?

— Я прошу тебя никого не убивать.

— Ну, право, не знаю, что делать… То ли убивать, то ли нет… Так часто бывает: сам не понимаешь, чего хочется — то ли пиццу, то ли биг-мак. Поди тут прими решение!

У Поттера екнуло сердце. На миг ему почудилось, что Хэнди говорит искренне и действительно не знает, как поступить. И что если он пожалеет девочку, то не благодаря его увещеваниям, а по собственной, и ничьей иной, прихоти.

— Вот что я тебе скажу, Лу: я прошу прощения за тот выстрел. И даю слово, что ничего подобного больше не повторится. Обещай, что, в свою очередь, ты не застрелишь девочку.

«Он хитер, расчетлив, ничего не говорит не подумав, — мысленно заключил переговорщик. — В нем не заметно ничего от психопата».

«Его коэффициент интеллекта», — написал он на бумажке и пододвинул Лебоу.

— У нас нет данных.

В трубке послышалось мурлыканье — Хэнди напевал песню, которую Поттер слышал давным-давно, но теперь не мог вспомнить. Затем в динамике раздался усиленный мужской голос:

— Может, я подожду.

Переговорщик с облегчением вздохнул, Лебоу показал ему большой палец, Бадд улыбнулся.

— Я ценю твое решение, Лу. В самом деле ценю. Как у вас с едой?

«Ты это серьезно?» — подумал Поттер.

— Ты кто? Сначала разыгрывал копа, потом медсестру, теперь корчишь бакалейщика.

— Я только хочу, чтобы все успокоились и всем было удобно. Если хотите, можете получить сандвичи и содовую.

— Мы не голодны.

— Предстоит долгая ночь.

Сейчас либо промолчит, либо скажет: «Не такой уж она будет долгой».

— Не думаю, чтобы она была настолько долгой. Слушай, Арт, сколько угодно заговаривай мне зубы лекарствами, едой и всякой прочей ерундой, какая придет тебе в голову. Но есть реально то, что нам нужно. И будет лучше, если вы предоставите нам все без проволочек. Иначе я начну убивать. Одну за другой.

— Хорошо, Лу, скажи мне, что вам нужно.

— Мы тут посовещаемся между собой, а затем продолжим разговор.

— Кто это «мы»?

— А то ты не знаешь? Я, Шеп и два моих брата.

Лебоу тронул Поттера за руку и показал на экран. Там появились слова:

«Хэнди — один из трех братьев. Судебный ордер выдан на Роберта, двадцати семи лет. Место проживания — Сиэтл. Не явился на слушания по обвинению в краже в крупных размерах, скрывается от правосудия. Старший брат Руди, сорока лет, пять лет назад убит неизвестным шестью выстрелами в затылок. Подозревался Хэнди, но обвинение не было предъявлено».

Поттер задумался об извилистых линиях генеалогического древа своего собеседника. Как выглядит этот Хэнди? Какая в нем кровь?

— Твои два брата? Я не ослышался? Они тоже с вами?

Долгая пауза.

— И еще четыре двоюродных братана Шепа.

— Большая компашка. Кто-нибудь еще?

— Док Холлидей[15], Бонни и Клайд, Тед Банди[16], хренова туча всяких типов из «Смертельной битвы» и Люк Скайуокер. Да, еще голодный призрак Джеффри Дамера[17].

— Пожалуй, это нам придется сдаваться.

Хэнди рассмеялся. Поттера удовлетворила его реакция. И еще он был доволен, что сумел ввернуть волшебное слово «сдаваться» и заронил его в голову преступника.

— Мой племянник собирает комиксы о супергероях. Он был бы счастлив получить автограф Человека-паука. Его, случайно, нет с вами?

— Поищем.

Загудел факсимильный аппарат, и из него выползли несколько страниц с текстом. Лебоу схватил их, пробежал глазами, задержал на одной взгляд и сверху написал: «Заложники». Затем показал на имя девочки, за которым следовал рукописный абзац. Это начали поступать предварительные сведения от Анжи Скапелло.

Переговоры во время кризиса с заложниками — процесс испытания возможностей. Поттер прочел факс и что-то отметил для себя.

— Послушай, Лу, хочу спросить тебя. У одной из девочек серьезные проблемы со здоровьем. Вы не отпустите ее?

Удивительно, как часто подобная прямая просьба оборачивается успехом! Надо только попросить, а затем замолчать.

— Вот как? — Голос Хэнди прозвучал озабоченно, — Больна? Что с ней такое?

— Астма. — Может, на Хэнди подействовали шутки и треп в духе персонажей мультиков?

— Которая из них?

— Четырнадцать лет, короткие светлые волосы.

Поттер прислушивался к шумам на заднем плане — ничего, одна пустота. В это время Хэнди, как он догадывался, оглядывал заложниц.

— Если она не получит лекарства, то может умереть. Отпустите ее, сделайте это для меня. И когда мы приступим к серьезным переговорам, я этого не забуду. Больше того, если вы отпустите ее, мы обеспечим вас кое-каким электричеством, чтобы у вас был свет.

— Подключите силовую линию? — Хэнди спросил так поспешно, что это озадачило переговорщика.

— Надо все проверить. Проводка не рассчитана на современное напряжение. — Поттер показал на колонку лжи, и Лебоу внес туда его слова. — Но мы протянем новую линию, чтобы у вас был какой-то свет.

— Приступайте, а потом поговорим.

Баланс сил сместился к Хэнди. А время поджимало.

— Хорошо. Это справедливо. А теперь послушай меня, Лу: не пытайтесь выбраться из здания. Вы станете мишенью для снайперов. А внутри вы в полной безопасности.

Как Поттер и предполагал, Хэнди разозлился. Последовало что-то вроде мини-приступа гнева. Посыпались ругательства, бранные восклицания.

— Я везде в полной безопасности, — прошипел он. — Пули меня не берут. У меня от них есть сильное средство. Когда я получу свет?

— Через десять — пятнадцать минут. Отдай нам Беверли, Лу. Если ты это сделаешь...

Щелк.

— Черт бы его побрал, — пробормотал Поттер.

— Слишком нажал, Артур, — заметил Лебоу.

Поттер кивнул: он совершил классическую ошибку — повел дело против себя. Надо всегда дожидаться, когда попросит противоположная сторона. Хотя вполне понятно, что, почувствовав колебание Хэнди, он заторопился, поднял ставку и тем самым напугал продавца. Впрочем, в какой-то момент все равно предстояло проделать этот опыт. На преступников, удерживающих заложников, можно до определенной степени давить, и их можно чем-то подкупать. Определить, до какой степени давить и в какой момент подкупать, — значит, наполовину выиграть сражение.

Вызвав Стиллуэла, Поттер сообщил ему: преступники предупреждены о том, что им запрещено выходить из здания.

— Теперь у вас зеленый свет на сдерживание, как мы договорились.

— Есть, сэр, — ответил шериф.

Переговорщик обратился к Банду:

— Когда расчетное время прибытия грузовика с генератором?

— Должен быть здесь через десять минут. — Капитан мрачно смотрел в окно.

— В чем дело, Чарли?

— Ни в чем. Просто я подумал, как хорошо то, что вы сделали, — отговорили его стрелять в девочку.

Поттер чувствовал, что у Балда на уме есть что-то еще, но не стал допытываться, только возразил:

— О, это сам Хэнди так решил. Я здесь ни при чем. И проблема в том, что я пока не понимаю, почему так произошло.

Выждав пять минут, Поттер нажал кнопку быстрого набора.

Сигнал прозвучал миллион раз.

— Тоби, можешь немного приглушить? — Поттер кивнул на громкоговоритель, висевший над головой.

— Конечно... Постойте, связь установлена.

— Ну что? — рявкнул Хэнди.

— Лу, силовая линия будет у вас примерно через десять минут.

Тишина.

— Так как насчет девочки? Беверли?

— Не получишь. — Слова прозвучали так грубо, словно Хэнди удивлялся, что Поттер сам еще не понял этого.

Еще несколько мгновений тишины.

— Но ведь ты говорил, что если мы дадим вам свет...

— Говорил, что подумаю. Подумал и решил: не отдам.

В таких ситуациях ни в коем случае нельзя пререкаться по мелочам.

— Вы обсудили с товарищами, что вам нужно?

— Мы к этому вернемся, Арт.

— Я надеялся...

Щелк.

— Связь прервана, — объявил Тоби.

Стиллуэл привел полицейского, смуглого молодого человека небольшого роста. Оставив у двери оружие, наделавшее переполох, он подошел к Поттеру.

— Прошу прощения, сэр, я сидел на ветке, а тут подул ветер, и я…

— Вам было сказано: не держать патрон в патроннике, — резко оборвал его переговорщик.

Полицейский обвел глазами командный пункт.

— Давай не телись. — Стиллуэл выглядел на редкость смешно в тяжелом бронежилете под пиджаком из универмага «Джей-Си Пенни». — Скажи агенту ФБР то, что говорил мне.

Полицейский холодно посмотрел на шерифа, явно не желая признать того за командира. И обратился к Поттеру:

— Я не получал такого приказа. С самого начала зарядил обойму и вложил патрон в патронник. Это обычный порядок наших действий, сэр.

Стиллуэл, поморщившись, сказал:

— Принимаю всю ответственность на себя, мистер Поттер.

— Черт! — Вперед выступил Чарли Бадд и официально обратился к Поттеру: — Сэр, должен признаться, что это моя вина. Только моя.

Переговорщик удивленно посмотрел на него.

— Я не передал снайперам ваш приказ разрядить патронники. Решил, что нельзя оставлять людей на позиции беззащитными. Это моя вина. Не этого человека и не Дина.

Поттер взглянул на снайпера.

— На позицию не возвращайтесь, отправляйтесь в тыловую зону в распоряжение старшего специального агента Хендерсона.

— Но, сэр, я сорвался с дерева! Все произошло случайно.

— Там, где я пытаюсь спасти заложников, случайностей быть не может, — холодно бросил Поттер.

— Но...

— Это все, — отрезал Дин Стиллуэл. — Вы слышали приказ. Свободны.

Полицейский схватил винтовку и выскочил из фургона.

— Простите, сэр, я тоже уйду, — начал Бадд. — Так будет лучше. Пусть вам помогает Дин. Я...

Поттер отвел его в сторону и прошептал:

— Мне необходима ваша помощь, Чарли. Но вы поступили своевольно. Вот этого мне от вас не нужно. Ясно?

— Да, сэр.

— Хотите продолжать работать в команде?

Капитан кивнул.

— Хорошо. А теперь идите и отдайте приказ разрядить патронники.

— Сэр...

— Артур.

— Когда я вернусь домой, мне придется посмотреть в глаза жене и сказать, что я ослушался сотрудника ФБР, который отдал мне ясный приказ.

— Сколько лет вы женаты?

— Тринадцать.

— Обручились еще в школе?

Бадд мрачно улыбнулся.

— Как ее зовут?

— Мег. Маргарет.

— Дети есть?

— Две девочки.

— А теперь идите и сделайте то, о чем я вас попросил.

Бадд вздохнул.

— Все выполню, сэр. Подобное больше не повторится.

— Не забывайте пригибать голову, — улыбнулся Поттер. — И никому не перепоручайте это дело.

— Хорошо, сэр. Проверю лично.

Стиллуэл сочувственно смотрел, как капитан, понурившись, выходил из фургона.

Тоби складывал в стопку аудиокассеты. Все разговоры с преступниками записывались на магнитофон, который имел специальное устройство двухсекундной задержки. Оно предназначалось для того, чтобы электронный голос, отсчитывающий на пленке минуты, не мешал записи. Тоби поднял глаза на Поттера.

— Кто это сказал: «Я встретил врага, и это были мы»[18]? Наполеон? Эйзенхауэр? Или кто-то другой?

— Вроде бы Пого, — ответил переговорщик.

— Кто это?

— Герой комиксов, — объяснил Лебоу. — Печатались до того, как ты родился.

12:33

В помещении становилось темно.

Время только перевалило за полдень, но небо набухло фиолетовыми облаками, а окна в здании бойни были совсем маленькими.

«Нужно электричество, причем немедленно», — думал Лу Хэнди, вглядываясь в темноту.

Капала вода, из угрюмого мрака под потолком свисали цепи. Повсюду крюки, над головой неподвижно застыли транспортеры. Ржавые механизмы напоминали части машин, в которые играли великаны, а потом они им прискучили, и гиганты разбросали опостылевшие игрушки по полу.

«Великаны! — рассмеялся про себя Хэнди. — Что за чушь лезет мне в голову?»

Он прошелся по первому этажу. Дикое место. Каково это — зарабатывать деньги, убивая животных? Хэнди сменил десятки работ. Обычно это был тяжелый труд, и его никогда не подпускали к сложным механизмам, что могло бы удвоить, а то и утроить заработок. Хэнди редко работал на одном месте дольше месяца или двух. Все кончалось спором с бригадиром, жалобами, драками, выпивками в раздевалке. У него не хватало терпения ужиться с людьми, не признававшими в нем незаурядного человека. Он был особенным, не как все. Белая ворона в мире, которому ни за что до него не дотянуться.

Пол был деревянным, но крепким, как бетон. Дубовые доски хорошо подогнаны. В отличие от Руди Хэнди не мастеровой, но способен оценить добросовестный труд. Его брат зарабатывал на жизнь тем, что стелил полы. Хэнди внезапно разозлился на этого козла Поттера, который почему-то заставил его вспомнить о Руди, и ему захотелось поквитаться с копом.

Он вошел в помещение, где они держали заложниц — отделанный кафелем полукруглый зал без окон, — и подумал: если, стоя посередине, выстрелить из ружья, звук будет такой оглушительный, что того и гляди лопнут барабанные перепонки.

Впрочем, этим-то пташкам без разницы. Хэнди оглядел девочек. Самое странное, что все они миловидные — особенно старшая, с темными волосами. Она обернулась, и на ее лице появилось брезгливое выражение: мол, шел бы ты куда подальше. Девчонке было лет семнадцать-восемнадцать. Хэнди улыбнулся ей. Она выдержала его взгляд. Он обвел глазами остальных. Да, смазливенькие — это поразило его. Ведь эти сопляки ущербные, с изъяном, поэтому он предполагал, что и внешность у них топорная, как, например, у умственно отсталых. Те, даже если красивы, все равно что-то где-то не так, что-то с чем-то не сходится. А здесь ничего похожего — выглядят вполне прилично. Но, черт побери, уж слишком громко ревут. Вот это раздражало — звуки, которые производили их глотки. Они ведь глухие, так почему же так верещат?

Внезапно перед внутренним взором Лу Хэнди возник брат.

И там, где его череп соединялся с туловищем, появилась красная точка. Еще точки — небольшой пистолет дергался в его руке. Брат замер — плечи вздрогнули, еще немного подергались в жуткой недолгой пляске — и рухнул замертво.

Хэнди решил, что сейчас ненавидит Поттера еще сильнее, чем сначала.

Он вернулся к Уилкоксу и Боннеру, вытащил из полотняного мешка пульт дистанционного управления и пробежался по каналам стоящего на бочке из-под масла маленького, работающего на батарейках телевизора. Все местные станции и одна крупная телесеть говорили о них. Кто-то из дикторов сказал, что это пятнадцать минут славы Лу Хэнди, хотя черт его знает, что он имел в виду. Копы заставили репортеров отойти от здания скотобойни, и ничего полезного Хэнди на экране не увидел. Он вспомнил дело О. Джея Симпсона[19]. Белый «форд-бронко» подъехал к дому. Вертолеты репортеров висели так низко, что были хорошо видны лица и человека за рулем машины, и полицейского на подъездной дорожке. Все белые в тюремной телевизионной комнате подумали: «Чтоб тебе вышибли мозги, ниггер». А все черные: «Вперед, О. Джей, мы с тобой!»

Хэнди выключил звук и, обведя глазами скотобойню, разозлился: долбаное место. Он чувствовал запах разлагающихся трупов. Внезапно его напугал голос:

— Оставьте меня, а их отпустите.

Он пересек отделанный кафелем зал и наклонился над женщиной.

— Ты кто?

— Их учительница.

— Знаешь язык глухонемых?

— Да. — Ее глаза сверкнули злобой.

— Чокнутая.

— Пожалуйста, отпустите их, оставьте меня.

— Заткнись! — Хэнди отошел от женщины и посмотрел в окно.

На гребне холма стоял высокий полицейский фургон. Он почти не сомневался, что в нем и сидит Арт Поттер. Хэнди достал из кармана пистолет и прицелился в желтый прямоугольник на борту. Сделав поправку на расстояние и ветер, опустил оружие.

— Они могли легко прихлопнуть тебя, если бы захотели, — обратился он к Уилкоксу. — Так мне было сказано.

Уилкокс тоже смотрел в окно.

— А их тут хренова туча. Кто он такой — тот козел, с которым ты говорил?

— Из ФБР.

— Твою мать! — скривился Боннер. — И фэбээровцы набежали.

— А ты кого ожидал? Забыл, что мы оторвались из федеральной тюрьмы?

— Кого ожидал? Томми Ли Джонса. — Посмотрев на учительницу, верзила перевел взгляд на девочку в белых чулках и платье в цветочек.

Хэнди проследил за его взглядом. «Навязался на мою голову долбаный придурок!»

— Даже не думай, Сонни. Держи петушка в своих вонючих джинсах, иначе вообще его лишишься.

Боннер что-то сердито проворчал. Он всегда злился, когда ему пеняли за то, в чем он на самом деле был виноват. И в таких случаях заводился с полоборота.

— Да пошел ты!

— Надеюсь, я проделал кому-нибудь из них лишнюю дырку, — заметил Уилкокс, как всегда неторопливо, с расстановкой, что и нравилось Хэнди.

— Ну так чем мы богаты? — спросил тот.

— У нас два дробовика и около сорока зарядов к ним, — ответил Уилкокс. — Один «смитти», но патронов всего шесть, нет, даже пять. Зато есть «глоки» и к ним навалом боеприпасов. Три сотни патронов.

Хэнди прошелся по зданию, перепрыгивая через лужи.

— Как же мне действует на нервы их рев! Долбит по мозгам. Особенно достает вон та кубышка, черт бы ее побрал! И что за стенами, тоже неизвестно. Этот агент очень скользкий, ни хрена ему не верю. Вот что, Сонни, ты оставайся с девками, а мы с Шепом осмотримся.

— А как насчет слезоточивого газа? — Боннер неуверенно посмотрел в окно. — Хорошо бы иметь какие-нибудь маски.

— Если они выстрелят сюда слезоточивым газом, просто помочись на контейнер, — посоветовал Хэнди.

— Что, помогает?

— Даже очень.

— При этих?

Хэнди взглянул в отделанный плиткой зал. Старшая учительница смотрела на него, в ее глазах был вызов и что-то еще.

— Как тебя зовут?

— Донна Харстрон. Я...

— Скажи мне, Донна, как имя вот этой? — Хэнди показал на старшую ученицу, самую хорошенькую, с длинными черными волосами.

Не успела учительница ответить, как девушка показала ему средний палец. Хэнди разразился хохотом. Боннер сделал шаг вперед и замахнулся.

— Ах ты, дерьмо!

Миссис Харстрон встала между ними, и девушка, ухмыляясь, убрала кулачок. Малышня издавала несносный птичий писк, а испуганная белокурая учительница умоляюще подняла руки. Хэнди схватил Боннера за запястье и оттолкнул в сторону.

— Не смей их бить, пока я не разрешу. — Затем ткнул пальцем в сторону девушки и спросил: — Как ее зовут?

— Сьюзан, — ответила миссис Харстрон. — Пожалуйста, не надо...

— А ее? — Он показал на светловолосую молодую учительницу.

— Мелани.

Ме-ла-ни. Только она действительно выводила его из себя. Застав ее у окна после пальбы, Хэнди схватил девушку за руку, и она так перепугалась, что чуть с ума не сошла. Он не запрещал ей разгуливать где угодно, понимая, что от нее нет никакой опасности. Сначала его развлекало, когда он наблюдал за этой трусихой, похожей на мышь, но потом стало злить. Хотелось топнуть, чтобы она в страхе отпрянула в сторону. Хэнди всегда бесили по-овечьи пугливые женщины.

Эта сучонка была полной противоположностью Прис. Вот бы свести их вместе. Прис достала бы выкидной нож, который, согревая собой, часто хранила в бюстгальтере на левой груди. Лезвие выскочит, Прис начнет

гоняться за этой белобрысой промокашкой, и та от страха обмочится. Она выглядела гораздо моложе своей ученицы Сьюзан.

Вот Сьюзан заинтересовала его. Тусклые глаза старушки Донны ему ничего не говорили, по глазам панически напуганной младшей учительницы Хэнди тоже ничего не мог прочитать. А выражение глаз мисс акселератки было очень красноречивым и говорило о том, что девушка ничего не собиралась скрывать. Хэнди решил, что она умнее двух своих учительниц, вместе взятых.

И задиристее.

«Похожа на Прис», — с одобрением подумал он и медленно произнес:

— Сьюзан, ты мне нравишься. Ты не тряпка. Ты не слышишь, что я тут горожу, но ты мне нравишься. — Он обратился к старшей учительнице: — Переведи.

Женщина сделала несколько знаков руками, и девушка бросила на Хэнди уничтожающий взгляд.

— Что она сказала?

— Она просит, чтобы вы отпустили малышей.

Хэнди схватил учительницу за волосы и сильно дернул. Девочки завизжали громче, Мелани тряхнула головой, у нее из глаз катились слезы.

— Твою мать! Что она сказала?

— Сказала: пошел к черту!

Хэнди дернул сильнее, и на пол полетели крашеные пряди. Миссис Харстрон застонала от боли.

— Она сказала... она сказала, что вы мудак.

Хэнди громко рассмеялся и толкнул учительницу на пол.

— Пожалуйста, отпустите девочек, а меня оставьте, — умоляла миссис Харстрон. — Какая вам разница, сколько у вас заложниц — одна или шесть.

— Есть разница, глупая клуша. Я могу парочку застрелить, и еще останется.

Женщина открыла от ужаса рот и поспешно отвернулась, словно вошла в комнату и обнаружила там жадно пялившегося на нее голого мужчину.

Хэнди подошел к Мелани.

— Ты тоже считаешь, что я мудак?

Старшая учительница подняла было руки, но Мелани ответила до того, как та успела перевести вопрос.

— Что она сказала?

— Спросила: почему вы нас обижаете, Брут? Мы вам ничего плохого не сделали.

— Брут?

— Так она вас называет.

Брут? Что-то знакомое, но Хэнди не помнил, где слышал это имя, и слегка нахмурился.

— Скажи ей, что она прекрасно знает ответ.

Уходя, он окликнул Боннера.

— Слышь, Сонни, я начал учить язык глухонемых. Хочешь, покажу?

Толстяк поднял голову, и Хэнди выставил в его сторону средний палец. Мужчины грохнули, и Хэнди с Уилкоксом отправились в глубь здания. Когда они исследовали коридоры и помещения для забоя скота и разделки туш, Хэнди посмотрел на товарища.

— Как считаешь, он не сорвется?

— Все будет в порядке. В другой ситуации бросился бы на них как петух, но когда за дверью сотня вооруженных полицейских, у тебя не очень-то стоит. Что делали в этом здании? — Уилкокс обвел глазами механизмы, длинные столы, цепные передачи, регуляторы и ленты транспортеров.

— Не догадываешься?

— Нет.

— Это же, мать ее, бойня.

— Фабрика обработки. А что такое «обработка»?

— Отстреливать и потрошить. Это и есть обработка.

— Посмотри! — Уилкокс показал на допотопный механизм.

Хэнди подошел и усмехнулся.

— Надо же — старый паровой двигатель. Ну и хрень.

— И что с ним делали?

— Понимаешь, вот из-за этого мир и погряз в дерьме, — объяснил Хэнди. — Вон там турбина. — Он ткнул пальцем в ржавую ось с лопастями. — Вал вращался и выполнял работу. Так обстояли дела в век пара, он же был веком газа. Потом наступил век электричества, которое не так-то просто разглядеть. Огонь и пар — это очевидно, но поди разберись, как действует электричество. Никто не понимал, и это стало причиной Второй мировой войны. Теперь мы живем в электронном веке. Везде компьютеры и прочая срань, но ни хрена не ясно, как эти штуки работают. Смотришь бараном на электронный чип и ни черта не можешь разглядеть, а он тем временем фурычит, делает свое дело. Мы потеряли способность управлять.

— Да, хренотень.

— Что: жизнь или то, о чем я сказал?

— Не знаю. Хренотень, и все. Наверное, жизнь.

Они оказались в большой сумрачной пещере, служившей когда-то складом. Задние двери были подперты или завалены.

— Копы могут их вышибить, — заметил Уилкокс. — Заложат пару зарядов, и дело в шляпе.

— С тем же успехом они могут сбросить на нас атомную бомбу. И в том и в другом случае девчонки умрут. Если им этого хочется, что ж, пожалуйста.

— А лифт?

— С этим мы почти ничего не поделаем. — Хэнди оглядел большую грузовую кабину. — Вздумают лезть по канатам, полдюжины уложим. Только помни: целиться надо в шею.

Уилкокс посмотрел на него.

— Ты что-то задумал?

«Это у меня выражение глаз такое, — размышлял Хэнди. — Прис постоянно повторяла то же самое. Черт, как же я по ней скучаю! Как хочется почувствовать запах ее волос, услышать звяканье браслетов на ее руке, когда она переключает передачи в машине, ощутить Прис под собой в ее квартире на ковре из грубого ворса».

— Давай-ка отдадим им одну.

— Одну из девчонок?

— Да.

— Которую?

— Не знаю. Может быть, Сьюзан. Нормальная девка, мне понравилась.

— Самая клевая; я бы трахнул ее. Так что лучше убрать ее с глаз Боннера. Он и так к ней принюхивается. Не знаю, дотерпит до вечера или нет. Или ту, вторую, Мелани.

— Нет, ее оставим. Со слабыми спокойнее.

— Согласен.

— Тогда так и порешим: пусть будет Сьюзан. — Хэнди рассмеялся. — Не много найдется девчонок, которые, глядя мне в глаза, осмелятся назвать меня мудаком.

Мелани, крепко обнимая Киэл, подумала, что плечи у нее для восьмилетней девочки слишком мускулистые. Затем потянулась, чтобы погладить по руке одну из близняшек.

Малышки прятались между ней и Сьюзан, и Мелани неохотно призналась себе, что этим жестом она лишь отчасти хотела утешить их, но еще ей надо было подбодрить себя, ощутить, что ее любимые ученицы рядом.

Руки Мелани до сих пор дрожали. Ее напугал Брут, цапнув за запястье, когда она смотрела в окно и пыталась передать послание стоящему в поле полицейскому. Мелани охватил еще больший ужас, когда он указал на нее и спросил, как ее зовут. Она покосилась на Сьюзан и увидела, что та сердито смотрит на миссис Харстрон.

— Что с тобой? — спросила ее знаком Мелани.

— Она сказала, как меня зовут. Не надо было этого делать. И общаться с ним не надо.

— Приходится, — ответила старшая учительница.

— Не стоит их злить, — добавила Мелани.

Сьюзан иронически рассмеялась.

— Какая разница, злятся они или нет. Нельзя поддаваться им. Они гады. Самые худшие из Иных.

— Нам нельзя... — начала Мелани.

Но Медведь в это время топнул ногой, она почувствовала вибрацию и подскочила. Толстые губы бандита двигались очень быстро, и Мелани лишь сумела разобрать: «Заткнитесь!» Она отвернулась — ей было невыносимо видеть это лицо и растущие из сальных пор завитки черных волос бороды.

Его глаза остановились на миссис Харстрон и Эмили.

Когда он отвернулся, Мелани подняла руки и перешла с американского языка глухонемых на английскую дактильную речь. Это был неудобный способ общения — ей приходилось составлять по буквам слова, а затем расставлять в нужном порядке. Но зато она двигала только пальцами и кистью и обходилась без бросающихся в глаза широких жестов, необходимых, чтобы общаться на американском языке глухонемых.

— Не зли их, — сказала она Сьюзан. — Терпи.

— Они подонки, — возразила та, не переходя на английский язык глухих.

— Согласна. Но не надо провоцировать.

— Они нас не тронут. Мертвые мы им ни к чему.

Мелани почувствовала, как в ней закипает раздражение.

— Они могут тронуть нас и не убивая.

Сьюзан поморщилась и отвернулась.

«Что она от нас хочет? — сердито подумала Мелани. — Чтобы мы отняли у них пистолеты и застрелили их? — И вместе с тем ощутила горечь. — Ну почему я не такая, как она? Какой у нее твердый взгляд. Она на восемь лет моложе меня, но рядом с ней я чувствую себя ребенком».

Отчасти зависть Мелани объяснялась тем, что Сьюзан принадлежала к высшей касте глухих: она оглохла до того, как научилась говорить, — такой родилась. Более того, появилась на свет от глухих — не слышал ни ее отец, ни мать. В семнадцать лет отличалась политической активностью и участвовала во всех начинаниях глухих, поступила в колледж Галлодета на полную стипендию, прекрасно владела американским и английским языками глухонемых и категорически отвергала орализм — практику насильно учить глухих говорить. То есть была яркой, современной девушкой из глухих, и Мелани в трудной ситуации предпочла бы иметь рядом одну такую Сьюзан, чем несколько мужчин.

Она почувствовала, что кто-то легонько потянул ее за блузку.

— Не бойтесь, — сказала она Анне. Близняшки, обнявшись, прижались друг к другу щеками; в их прекрасных, широко раскрытых глазах стояли слезы. Беверли сидела поодаль и, уныло глядя в пол, старалась продохнуть.

— Вот бы нам сюда Джин Грей и Циклопа, — вздохнула Киэл. Она имела в виду любимых персонажей из Людей Икс. — Они бы в момент разорвали их.

— Нет, — ответила Шэннон. — Нам нужен Зверь. Помните? У него еще слепая подружка. — Девочка увлекалась творчеством Джека Кирби и мечтала стать художницей комиксов о супергероях.

— И еще Гамбит, — добавила Киэл и показала на татуировку Шэннон.

«А ведь рисунки Шэннон на удивление хороши, настоящие комиксы!» — подумала Мелани. Для восьмилетней девочки она очень умело изображает героев со всякими изъянами: слепых или глухих, чтобы те, совершая подвиги — раскрывая преступления и спасая людей, — могли совершенствоваться. Две ученицы: долговязая темноволосая Шэннон и миниатюрная белокурая Киэл — начали спор, какое оружие лучше всего подойдет для их спасения: лучевые гранаты, плазменные ружья или экстрасенсорные мечи.

Эмили, поплакав в рукав платья, склонила голову и начала молиться. Мелани видела, как она подняла кулачки и раскрыла ладошками от себя. На языке глухонемых это соответствовало слову «жертва».

— Не бойтесь, — повторила молодая учительница смотревшим на нее девочкам. Но те словно не замечали ее. Внимание учениц привлекала только Сьюзан, хотя она не делала руками никаких знаков, но упорно не сводила глаз со стоящего у входа в зал Медведя. Она служила им

вдохновляющей идеей, и одно ее присутствие вселяло в них уверенность. Мелани едва подавляла желание расплакаться.

Как же темно здесь будет вечером!

Она подалась вперед, выглянула из окна и увидела, как пригибается на ветру трава. Неутихающий ветер Канзаса. Девушка вспомнила, как отец рассказывал ей, что у приехавшего в Уичито в начале девятнадцатого века морского капитана Эдварда Смита зародилась мысль соорудить на крытых фургонах паруса и превратить их в шхуны прерии. Она тогда рассмеялась, представив эту картину. Отец был человеком с юмором, и Мелани никогда не знала, шутит он или говорит серьезно. При воспоминании о нем сердце у Мелани сжалось, и ей отчаянно захотелось, чтобы что-нибудь, волшебное или реальное, унесло ее из этого чертога смерти.

Внезапно мелькнула мысль: что с тем человеком на поле? С полицейским?

Было нечто ободряющее в том, как он стоял на холме, когда Брут уже выстрелил из окна, а Медведь в панике забегал, тряся животом, и принялся терзать ящик с патронами, пытаясь открыть его. А мужчина на вершине холма махал руками, стараясь всех успокоить и прекратить перестрелку, и смотрел прямо на нее.

Как же его назвать? Никакое животное не приходило в голову. В нем не было ничего глянцевого, героического. Человек в возрасте — наверное, вдвое старше ее. Одет старомодно, стекла очков толстые, сам на несколько фунтов тяжелее, чем следует.

И вдруг ее осенило: де л’Эпе. Она назовет его в честь Шарля Мишеля де л’Эпе, монаха восемнадцатого века, который первым из людей проявил заботу о глухих и отнесся к ним как к нормальным человеческим существам. Именно он создал французский язык глухонемых, который стал прародителем такого же американского языка.

«Отличное имя для мужчины в поле», — думала Мелани. Кто понимает французский, знает, что слово «эпе» значит «клинок». Ее де л’Эпе был отважным. Как оружие, именем которого был назван, выступал против распространенного в церкви и в народе мнения, что глухие — неполноценные уроды. И теперь, стоя там, на холме, бросил вызов Бруту и Медведю и не испугался их, хотя пули свистели вокруг него.

Она передала ему послание. Своего рода молитву и предостережение. Видел ли он ее? Понял ли ее слова, даже если видел? Мелани закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на своих мыслях о де л’Эпе, но

ощутила лишь изменение температуры — становилось холоднее. Ее кольнул страх — к своему ужасу, она почувствовала вибрацию от шагов человека… нет, двух. Они приближались по гулкому дубовому полу.

Когда Брут и Горностай появились в дверях, Мелани бросила взгляд на Сьюзан. Лицо девушки снова ожесточилось, едва она увидела бандитов.

«Я тоже сделаю суровое лицо», — подумала учительница.

Попыталась. Но губы дрогнули, и она опять расплакалась.

«Ну почему у меня не получается быть такой, как Сьюзан?»

Медведь присоединился к остальным и показал в сторону основного помещения. На бойне сгущались сумерки, и ненадежная наука чтения по губам давала плачевный результат. Мелани показалось, что он сказал что-то насчет телефона.

— Пусть говнюк хоть обзвонится, — ответил Брут.

«Странно, — подумала учительница, когда желание разреветься стало не таким острым. — Почему именно его я понимаю так хорошо, а остальных нет?»

— Мы решили отпустить одну.

— Которую? — спросил Медведь.

— Глухую мисс акселератку. — Брут кивнул в сторону Сьюзан.

Старшая учительница с облегчением вздохнула.

«Господи! — подумала с отчаянием Мелани. — Сьюзан отпустят, и мы останемся без нее! Без Сьюзан! Нет!» Она подавила рыдание.

— Встань, милашка, — начал Брут. — Сегодня твой день. Иди домой.

Сьюзан покачала головой и, повернувшись к миссис Харстрон, отрывистыми, резкими знаками показала, что отказывается.

— Она говорит, что не пойдет. Требует, чтобы вы отпустили близнецов, — перевела учительница.

— Она от меня что-то требует? — рассмеялся Брут.

— А ну встать! — крикнул Горностай и вздернул Сьюзан на ноги.

Сердце Мелани гулко забилось, лицо вспыхнуло, и она, к своему ужасу, поняла, что ее первой мыслью была: «Ну почему не я?»

«Прости меня. Боже! Прости меня, пожалуйста, де л'Эпе! — Но позорное желание приходило снова и снова, обволакивало разум. — Я хочу домой! Хочу сесть одна с большой миской поп-корна и смотреть программу телевидения с кодированными титрами, надеть специальные наушники и ощущать вибрацию музыки Бетховена, Сметаны и Гордона Бока…»

Сьюзан вырвалась из лап Горностая и толкнула к нему близняшек. Но он, отпихнув их, грубо заломил ей руки за спину и связал. Брут выглянул в полуоткрытое окно и, толкнув Сьюзан к двери, прорычал:

— Вали! — После чего, повернувшись к Медведю, приказал: — Сони, присматривай за подружками нашей барышни. И держи наготове дробовик.

Сьюзан обернулась, и Мелани прочитала на ее лице: «Не бойтесь, я обо всем позабочусь».

Учительница лишь на мгновение встретилась с ней взглядом и тут же отвернулась, опасаясь, как бы Сьюзан не догадалась, какой позорный ее мучает вопрос: «Ну почему не я? Ну почему не я? Ну почему не я?»

13:01

Поттер посмотрел сквозь желтоватое окно фургона на здание бойни и прилегающие к нему поля. Полицейский протягивал к входу электрический провод, на конце которого висело пять забранных сеткой ламп. Оставив их у входа, коп вернулся. Затем из двери снова вышел Уилкокс с пистолетом в руке и закинул провод внутрь. Но не через дверь, как надеялся Поттер — тогда она осталась бы приоткрытой, — а через окно. После чего вернулся в здание, и толстая железная створка плотно захлопнулась.

— Дверь по-прежнему неприступна, — рассеянно промолвил Поттер, и Лебоу напечатал его слова.

Поступили новые факсы с биографическими данными Хэнди и сведениями из школы, где учились захваченные девочки. Аналитик жадно просматривал листы и заносил важные данные в компьютер с информацией. Пришли инженерные и архитектурные планы здания, но оказались полезными лишь в одном — подтвердили, насколько труден в этих условиях штурм. Тоннелей под зданием не было, и, если верить проектным документам от 1938 года, на крыше, в расчете на

строительство четвертого этажа, соорудили конструкцию, сильно затрудняющую высадку десанта с вертолета.

— Они открыли корпус телефона, — внезапно забеспокоился Тоби.

— Он еще работает?

— Пока да.

Ищут «жучки».

Молодой агент вздохнул с облегчением.

— Поставили крышку на место. Тот, кто это сделал, разбирается в оборудовании.

— Генри, кто? — спросил Поттер аналитика.

— Нет данных, чтобы установить это. Предположительно Хэнди. У него армейская подготовка.

— Установлена связь, — объявил Тоби.

Поттер покосился на Лебоу и, когда прозвенел звонок, взял трубку.

— Привет, Лу, это вы?

— Спасибо за свет. Мы проверили лампы на микрофоны. И телефон тоже. Никаких идиотских штук не нашли. Вы человек слова.

«Честь что-то значит для него», — отметил про себя Поттер, стараясь охватить мыслью то, что очень трудно давалось пониманию.

— Арт, в каком ты чине? Начальник? Старший специальный агент? Так это у вас называется?

Нельзя признаваться преступникам, захватившим заложников, что имеешь право принимать важные решения. В таком случае появляется возможность потянуть время и передохнуть, сославшись на необходимость согласовывать вопросы с начальством.

— Нет, обычный подвернувшийся под руку специальный агент.

— Брось заливать.

— Забыл? Я же человек слова. — Поттер бросил взгляд на лист, где регистрировалась сказанная им ложь.

Пора попытаться несколько разрядить обстановку и установить с засевшими на бойне хоть какие-то отношения.

— Как насчет еды, Лу? Не начать ли жарить для вас бургеры? Любишь бургеры?

«Сейчас клюнет», — подумал переговорщик.

Но ошибся.

— Слушай, Арт, хочу, чтобы ты понял, какой я отличный парень. Я отпускаю одну из заложниц.

Эта новость неимоверно расстроила Поттера. Как ни странно, своим добровольным жестом великодушия Хэнди поставил их в положение обороняющихся. Это был блестящий тактический ход. Теперь, оказавшись должником преступника, Поттер почувствовал, как нарушился баланс сил между хищником и жертвой.

— Это чтобы ты не думал, будто я такой уж плохой.

— Хорошо, Лу, я ценю твой шаг. Это Беверли? Больная девочка?

— У-гу.

Поттер и другие, вытянув шеи, стали всматриваться. Блеснул свет — это приоткрылась дверь бойни.

«Не думай о заложниках!» — приказал себе Поттер.

— Лу, так вы решили, что вам еще надо? Пора начать серьезную торговлю. Что скажешь?

В телефоне щелкнуло и больше не слышалось ничего, кроме потрескивания.

Дверь фургона внезапно распахнулась, и в салоне показалась голова шерифа.

— Они отпускают одну из заложниц.

— Знаем.

Стиллуэл исчез.

Поттер ерзал на вращающемся стуле: ему было плохо видно. Облака опустились еще ниже, и свет на поле померк, словно земля внезапно попала в полосу затмения.

— Тоби, давай попробуем видео.

Экран ожил, и на нем появилось отчетливое черно-белое изображение фасада бойни. Дверь была открыта, и внутри, судя по всему, горели все пять электрических ламп.

Тоби отрегулировал чувствительность, и картинка установилась.

— Кто это, Генри?

— Старшая из девочек, Сьюзан Филлипс, семнадцати лет.

— Может, все окажется проще, чем мы ожидали, — рассмеялся Бадд, — и он всех их отпустит?

На экране Сьюзан оглянулась на дверь. Чья-то рука вытолкнула ее наружу, и створка закрылась.

— Здорово! — с воодушевлением воскликнул Лебоу, смотревший с переговорщиком из окна. — Семнадцать лет, отличница. Она по полной нагрузит нас информацией о том, что происходит внутри.

Девушка шла от здания бойни по прямой. Сквозь очки Поттер видел, какое мрачное у нее лицо. Руки Сьюзан были связаны за спиной, но, казалось, она не страдала от этого временного неудобства.

— Дин, — приказал по рации Поттер, — пошли людей встретить ее.

— Есть, сэр, — ответил шериф теперь уже нормальным тоном — он наконец освоился с ситуацией.

Полицейский в бронежилете и шлеме выскользнул из-за патрульного автомобиля и, пригибаясь, стал осторожно приближаться к девушке, которая уже отошла от здания скотобойни футов на пятьдесят.

Внезапно у Поттера перехватило дыхание.

Возникло ощущение, будто он погрузился в ледяную воду, и, поняв, что происходит, содрогнулся всем телом.

Наверное, подсказала интуиция, выработанная во время сотен переговоров с преступниками, захватившими заложников. И подкрепленная памятью о том, что никогда прежде заложников не

отпускали так рано. И сознанием того, что Хэнди — безжалостный убийца.

Поттер не сумел бы сказать наверняка, где таилась подсказка, только почувствовал, как сердце сковал беспредельный ужас.

— Нет! — Переговорщик вскочил на ноги, опрокинув стул.

Лебоу бросил на него быстрый взгляд.

— Нет! Господи, нет!

Чарли Бадд переводил взгляд с одного на другого.

— Что случилось? Что происходит? — шептал он.

— Он собирается убить ее, — так же шепотом ответил аналитик.

Поттер распахнул дверь и выбежал наружу. Схватив с земли бронежилет, он проскользнул между двумя машинами. Задыхаясь, обогнал полицейского, которого послал к девушке шериф, и бросился к ней.

Видя его поспешность, полицейские занервничали, хотя некоторые улыбнулись, глядя, как толстый маленький человечек бежит с тяжелым бронежилетом в одной руке и, держа в другой белый бумажный носовой платок, размахивает им.

Сьюзан, находившаяся в сорока футах от него, уверенно шла по траве. Она выбрала направление с таким расчетом, чтобы встретиться с ним.

— Ложись! Ложись! — кричал ей Поттер. Он бросил платок, и тот, подхваченный сильным ветром, полетел вперед. Переговорщик отчаянно жестикулировал, показывая девушке, чтобы она упала на землю. — Ложись!

Но она, разумеется, не слышала его и только хмурилась.

Несколько полицейских, разобрав его слова, вышли из-за машин, которыми пользовались как прикрытием. Неуверенно потянулись к оружию. Стали кричать вместе с Поттером. Одна из женщин-полицейских отчаянно махала руками.

— Ложись, дорогая! Ради Бога, ложись!

Ничего из этого Сьюзан не слышала. Остановившись, она внимательно осматривала землю, видимо, решив, что он предупреждает о каком-то

скрытом от глаз колодце или проводе где-то впереди. Видимо, опасается, как бы она не упала или не споткнулась.

Поттер задыхался, его сердце, сердце уже немолодого человека, выскакивало из груди, но он все-таки сократил расстояние между собой и девушкой до пятнадцати футов.

Агент ФБР был так близко, что, когда единственная пуля угодила Сьюзан в спину и над ее правой грудью расплылось темно-красное пятно, услышал тошнотворный шлепок. Из непривычной к нормальной речи гортани Сьюзан вырвался нечеловеческий стон.

Девушка резко остановилась, будто на что-то налетела, и боком упала на землю.

«Нет, нет, нет...»

Поттер подбежал к Сьюзан и прикрыл ей голову бронежилетом. Его догнал полицейский и присел рядом, беспрестанно повторяя:

— Боже, Боже, Боже!

Он прицелился из пистолета в окно.

— Не стреляй! — приказал Поттер.

— Но как же?..

— Не сметь! — Переговорщик оторвал взгляд от потускневших глаз Сьюзан и посмотрел на фасад бойни. В окне, слева от двери, мелькнуло худощавое лицо Лу Хэнди. А правее, в глубине, ярдах в тридцати, Поттер различил ошеломленное лицо молодой учительницы — белокурой девушки, которая посылала ему загадочное сообщение и чье имя он никак не мог теперь вспомнить.

Звуки можно чувствовать.

Звуки — это всего лишь сотрясение воздуха, вибрация, они накатывают на нас как волны, касаются лба, словно ладони любовников, причиняют боль и могут заставить расплакаться.

Она по-прежнему ощущала в груди звук выстрела.

«Нет, — думала Мелани. — Нет. Это невозможно! Не может быть!»

Но она видела то, что видела. Мелани не доверяла голосам, но глаза редко обманывали ее.

Сьюзан — Глухая от Глухих.

Сьюзан — смелая, какой ей никогда не стать.

Сьюзан — у ног которой лежали и мир Глухих, и мир Иных.

Она ступила во враждебное Вне и это Вне убило ее. Ушла навсегда. В ее спине появилась маленькая дырочка, взметнулись черные волосы, и она споткнулась на пути, который так трусливо хотела пройти сама Мелани.

Она с трудом дышала, в глазах потемнело. Пол уходил из-под ног, лицо и шею заливал пот. Мелани медленно повернулась и посмотрела на Брута. Он прятал за пояс еще дымящийся пистолет. Ее охватило чувство безнадежности. Потому что она не ощутила в убийце ни удовлетворения, ни страсти, ни зла. Он сделал то, что планировал, и уже забыл о смерти девушки.

Снова нажав на кнопку пульта дистанционного управления телевизора, Брут обернулся ко входу в зал забоя, где в беспорядке сидели и стояли семь девочек. Одни смотрели на Мелани, другие — на миссис Харстрон. Та, рухнув на пол, рыдала и рвала на себе волосы. Ее лицо так исказилось, что напоминало сейчас страшную красную маску. Учительница видела, как стрелял Хэнди, и, конечно, поняла, что это значит. А девочки нет. Джойслин отбросила с лица прядь темных волос, мешающую смотреть, и, подняв руки, беспрестанно спрашивала:

— Что случилось? Что случилось? Что случилось?

«Надо им сказать, — подумала Мелани. — Но я не могу».

Беверли, самая старшая после Сьюзан, догадывалась, что произошло что-то ужасное, но не сознавала правды или не хотела принять ее. Она взяла Джойслин за пухлую руку и подняла глаза на Мелани. Другой обняла сестер-близняшек, с трудом втягивая воздух в свои больные легкие.

Мелани не назвала Сьюзан по имени — почему-то не сумела, — употребив вместо имени безликое «она», и показала в сторону поля.

— Она...

«Как я это скажу? Боже, не имею представления!» Мелани не сразу вспомнила слово «убита». Это понятие выражалось жестом правой руки:

указательный палец касался снизу вверх перевернутой и сложенной чашечкой ладони левой руки.

«Похоже на входящую в тело пулю», — подумала Мелани.

Она так и не сумела это сказать. Видела, как от удара взметнулись волосы Сьюзан. Видела, как она упала на землю.

Но употребила слово «умерла», которое выражалось другим жестом: раскрытая вверх ладонь правой руки быстро поворачивалась вниз, а ладонь левой руки одновременно делала противоположное движение вверх. Мелани, не в силах оторвать глаз от своей правой руки, размышляла: до чего этот жест похож на то, как засыпают землей могилу.

Девочки отреагировали каждая по-своему, но, по сути, одинаково: слезы, судорожные вздохи, ужас в глазах.

Руки Мелани дрожали, она снова повернулась к окну. Де л’Эпе поднял Сьюзан и уносил с поля в сторону полицейского кордона. Мелани заметила, как болтались руки ее подруги, как струились за ней волосы и что одна ее нога была босой.

Красавица Сьюзан.

«Личность, какой и я хотела бы стать, если бы вообще могла кем-то стать».

Де л’Эпе скрылся за патрульным автомобилем, и часть беззвучного мира Мелани стала еще беззвучнее. Это было очень трудно вынести.

* * *

— Я складываю с себя обязанности, — тихо проговорил Чарли Бадд.

Поттер зашел в туалет сменить рубашку на новую, которую дали ему люди Стиллуэла. Свою, испачканную кровью, он бросил в мусорную корзину. Убившая Сьюзан пуля порядком забрызгала его.

— В чем дело, Чарли? — рассеянно спросил переговорщик, подходя к столу. Тоби и Дерек молча сидели за пультом управления. Даже Генри Лебоу прекратил печатать и смотрел в окно, хотя со своего места видел только далекое пшеничное поле, да и то окрашенное в цвет охры толстым пуленепробиваемым стеклом.

В окне, в противоположной стенке, вспыхивали проблесковые маячки «скорой помощи», увозившей тело Сьюзан.

— Ухожу, — продолжал капитан. — С этого поста и вообще из полиции. Это моя вина. Все произошло из-за того случайного выстрела полчаса назад. Из-за того, что я не отдал приказ снайперам разрядить оружие. Я позвоню в Топику и попрошу, чтобы прислали замену.

Поттер, заправляя свежую рубашку в брюки, повернулся к нему.

— Не уходите, Чарли. Вы мне нужны.

— Нет, сэр. Я совершил ошибку и должен ответить за последствия.

— До конца этой ночи у вас будет масса возможностей взять на себя ответственность. Дело вовсе не в выстреле снайпера. То, что сделал Хэнди, не имеет к вам никакого отношения.

— Тогда зачем? Объясните, ради Бога, зачем он это сделал.

— Выложил карты на стол. Дал нам понять, что не шутит. И его дешево не купить.

— И для этого хладнокровно убил заложницу?

— Самый трудный вариант переговоров, Чарли, — вступил в разговор Лебоу. — Обычно после убийства человека на глазах у всех единственный способ спасения заложников — молниеносный захват.

— Ставки слишком высоки, — пробормотал Дерек Элб.

«Выше некуда, — подумал Артур Поттер. — Господи, что

за денек мне предстоит!»

— Установлена связь, — объявил Тоби, и через секунду зазвонил телефон.

Поттер взял аппарат и ровным голосом спросил:

— Лу?

— Арт, ты должен кое-что понять. Мне наплевать на этих девчонок. Для меня они все равно что воробьи, которых я стрелял дома с крыльца. Моя цель — выбраться отсюда, и если для этого понадобится уложить всех, я так и поступлю. Ты понял меня?

— Понял, Лу, — ответил Поттер. — Но давай уясним одну вещь: только я могу вытащить тебя отсюда живым. И никто другой. Так что я тот самый единственный человек, с которым тебе надо считаться. А ты понял меня?

— Я перезвоню тебе и сообщу наши требования.

13:25

Все это было ненадежно, опасно и не имело отношения к перевыборам.

А касалось приличий и жизни людей.

Так говорил себе Дэниэл Тримэйн, входя в дом губернатора.

Прямой как жердь, он прошел на удивление скромные помещения и оказался в просторном кабинете.

— Добрый день, капитан.

— Добрый день, губернатор.

Достопочтенный губернатор штата Канзас А. Р. Степпс смотрел на едва различимый горизонт — точь-в-точь такие же пшеничные поля когда-то помогли его отцу создать страховую компанию, что, в свою очередь, позволило сыну заняться общественной деятельностью. Тримэйн считал Степпса превосходным губернатором: он имел необходимые связи, не доверял Вашингтону, возмущался преступлениями в Топике и тем, что из Миссури в его Канзас-Сити проникают всякие уголовники, — но уживался со всеми и не замахивался выше маячащей звезды отставки, когда он будет преподавать в Канзасском университете в Лоренсе и плавать с женой по туристическим маршрутам компании «Скандия лайнз».

Но вот случилась эта неприятность у Вороньей Гряды.

Оторвав взгляд от факса, губернатор взглянул на Тримэйна.

Ну и смотри сколько влезет. Давай не стесняйся. В своей черно-синей экипировке капитан казался совершенно неуместным среди вставленных в рамы репродукций с изображением дичи и старинной мебели черного дерева, натертой политурой. Чаще всего губернатор задерживал взгляд на большом автоматическом пистолете полицейского, который тот поправил на поясе, усаживаясь в раздражающе вычурное кресло.

— Он уже убил одну?

Тримэйн кивнул коротко остриженной, лысеющей головой. Он заметил маленькую дырочку на плече небесно-голубого пуловера губернатора, а также и то, что сидящий перед ним человек ужасно напуган.

— Что случилось?

— Выглядит как заранее обдуманный шаг. Я еще получу полный отчет, но, похоже, в убийстве не было необходимости. Выпихнул девушку из двери, словно решил отпустить, и выстрелил в спину.

— Господи! Сколько ей лет?

— Самая старшая. Подросток. Но тем не менее…

Степпс кивнул в сторону серебряного сервиза:

— Хотите чаю? Или кофе? Нет? Вы здесь раньше не были?

— В резиденции губернатора? Нет. — Слово «резиденция» не вязалось с обычным красивым домом, пропитанным семейной атмосферой.

— Мне нужна помощь. Ваш опыт.

— Сделаю все, что в моих силах, сэр.

— Странная ситуация. Преступники убежали из федеральной тюрьмы. Как это понимать, капитан?

— При всем моем уважении, сэр, тюрьма в Каллане — проходной двор. — Тримэйн вспомнил четыре побега за пять лет. Нескольких беглецов поймали его люди — результат гораздо лучше, чем у федеральных шерифов, которых капитан считал слишком высоко оплачиваемыми няньками.

Губернатор начал очень осторожно, как человек, ступающий на некрепкий ноябрьский лед.

— Формально — они федеральные беглецы, но с другой стороны, были кандидатами на приговоры суда штата. Когда бы их ни вынесли: в трехтысячном году или раньше, — не важно: факт остается фактом — они и наши преступники.

— Но ситуацией занимается ФБР. — Помощник Генерального прокурора дал Тримэйну понять, что в его помощи в деле решения кризиса с заложниками не нуждаются. Капитан не очень разбирался в иерархии власти, но даже школьнику ясно, что Генеральный прокурор и его подчиненные работают на губернатора. На исполнительную власть. — Придется им уступить. Хотя, может, это и к лучшему.

— Поттер — прекрасный человек. — Интонация прозвучала вопросительно.

Дэн Тримэйн, полицейский, научился говорить только то, что нельзя использовать против него. Он усвоил это прежде, чем узнал, как держать под прицелом расположенные одна напротив другой двери, когда врываешься через окно в занятый преступниками дом.

— Как мне говорили, гордость ФБР. — Капитан гадал, есть ли под столом у губернатора магнитофон или нет.

— Но… — Степпс изогнул бровь.

— Я так понимаю, что он придерживается жесткой линии.

— И что из этого следует?

Поле за окном бороздили молотилки.

— То, что он будет ломать Хэнди, пытаясь заставить сдаться.

— Рано или поздно Поттер осуществит захват? Если в этом возникнет необходимость?

— Он только переговорщик. Сейчас комплектуется федеральная команда спасения заложников, которая должна прибыть сюда к вечеру.

— Если Хэнди не сдастся, они ворвутся и…

— Нейтрализуют его.

На круглом лице губернатора появилась улыбка. Мечтательно посмотрев на пепельницу, он снова перевел взгляд на Тримэйна.

— Скоро ли после прибытия группа пойдет на штурм?

— Правило таково: приказ на штурм отдается только в самом крайнем случае. Несколько лет назад корпорация РЭНД[20] провела исследование. Выяснилось, что девяносто процентов заложников гибнут, когда ситуация становится особенно напряженной и правоохранительные органы идут на приступ. Но у меня на этот счет есть кое-какие соображения.

— Говорите прямо.

Из-под отвратительно-голубого рукава пуловера губернатора торчал уголок листа, и Тримэйн узнал в нем собственное досье. Гордясь своим послужным списком в полиции штата, он спрашивал себя, уж не потому ли попал в этот дом, что губернатор прочел короткий абзац о его службе

советником, которая после демобилизации из морской пехоты завела его сначала в Африку, затем в Гватемалу.

— Исследования корпорации РЭНД не вызывают сомнений. Но в данной ситуации, сэр, прослеживается еще один фактор. Если убийство заложника происходит на такой ранней стадии, переговоры редко приводят к положительному результату. После убийства преступнику почти нечего терять. Иногда присутствует психологический момент: человек, захвативший заложников, специально поднимает требования до невыполнимого уровня, чтобы получить оправдание снова отнимать жизни.

Губернатор кивнул.

— Как вы оцениваете Хэнди?

— По дороге сюда я прочитал его досье и составил психологический портрет.

— Что он собой представляет?

— Не псих, но, без сомнений, аморальный тип.

Тонкие губы губернатора искривились в улыбке. «Уж не потому ли, — подумал Тримэйн, — что я, в прошлом головорез и наймит, употребил слово „аморальный“?»

— Полагаю, — не спеша продолжал он, — что Хэнди будет убивать еще. Может, даже прикончит всех. А если ускользнет от нас, то уничтожит заложников ради симметрии убийства.

«„Симметрии“, — мысленно хмыкнул капитан. — Ну-ка, сэр, оцените словцо. И справьтесь с тем параграфом моего досье, который говорит о моем образовании. Я окончил с отличием Канзасский университет и был первым в группе на курсах подготовки офицеров полиции».

— И вот что еще надо иметь в виду: утром Хэнди не очень старался скрыться от преследующего их полицейского.

— Неужели?

— Полицейский был один, а преступников трое. Вооруженные бандиты захватили людей. Складывается впечатление, что Хэнди хотел провести какое-то время…

— Провести какое-то время?

— С заложниками, если вы понимаете, о чем я. Все они женского пола.

Губернатор поднял со стула свое грузное тело и прошелся к окну. На поле комбайны продолжали причесывать плоский пейзаж; две неуклюжие машины неуклонно сближались. Степпс вздохнул.

«Чертовски симметрично аморальная жизнь. Не так ли, сэр?» — невольно подумал капитан.

— Он, губернатор, не типичный преступник, захвативший заложников. В нем есть садистская жилка.

— И он способен… обидеть девочек? Вы понимаете меня?

— Да. Но только в том случае, если сможет одновременно следить за тем, что творится снаружи. С ним товарищ, Сонни Боннер, он отбывал срок за изнасилование. Формально за другие вещи, но, по сути, именно за это.

На столе у губернатора стояли в рамках фотографии белокурых жены и дочерей, черного лабрадора-ретривера и изображение Иисуса Христа.

— Хороша ли ваша команда, капитан? — Теперь губернатор говорил шепотом.

— Очень хороша.

Степпс протер сонные глаза.

— Вы можете выкурить их?

— Да. Весь вопрос в том, сколько это потребует жертв. Мне необходимо подготовить тактический план операции и оценить возможные потери.

— Сколько на это уйдет времени?

— Я приказал лейтенанту Карфалло раздобыть план здания и карты прилегающей территории.

— Где он?

Полицейский посмотрел на часы.

— Думаю, на улице, сэр.

— Пригласите его сюда.

Вскоре вошел лейтенант, невысокий кряжистый молодой офицер, развернул карты и старый план.

— Доложи, — отрывисто приказал ему Тримэйн.

Короткий палец лейтенанта отметил несколько мест на планах.

— Возможные места проникновения здесь и здесь. Врываемся, используем ослепляющие гранаты и устраиваем простреливаемые зоны. — Молодой человек сказал это так легко, что губернатору стало не по себе. И не мудрено: Карфалло был тот еще тип. — По моим подсчетам, в нашем распоряжении от шести до восьми секунд. И уноси холодненьких.

— Он имеет в виду шесть секунд от момента, когда вышибут дверь, до того, как мы возьмем на мушку, то есть, я хотел сказать, наведем оружие на всех троих преступников, — объяснил капитан.

— Это хорошо?

— Прекрасно. Означает, что потери среди заложников будут минимальными или их вообще не будет.

— Но и Господь не дает нам никаких гарантий.

— Нет, не дает.

— Спасибо, лейтенант, — поблагодарил Степпс.

— Свободен, — сказал Тримэйн.

Выражение на лице молодого человека не изменилось, когда он повернулся кругом и вышел.

— А как быть с Поттером? — спросил губернатор. — Ведь командует операцией он.

— И всем, что с ней связано, — кивнул полицейский. — Чтобы дать штурму зеленый свет, нужна причина.

— Какой-то предлог, — небрежно бросил Степпс и, нахмурившись, стал теребить вытянутую из манжета свитера зеленовато-голубую нитку.

— Скажем, что-то нарушит связь между Поттером и Хэнди и между ним и полицейскими на позициях, и кто-то из моих людей заметит в здании скотобойни опасную активность, угрожающую жизни полицейских или заложников. Нечто такое, на что Поттер будет не в состоянии

отреагировать. В таком случае мы вполне официально можем начать штурм и ликвидировать опасность.

— Да, сэр. Полагаю, у вас будет такое право.

Губернатор хлопнул ладонью по крышке стола.

— Хорошо, капитан, вот вам мои инструкции: вы отправляете в Воронью Гряду группу спасения заложников штата и на месте оказываете всемерное содействие агенту ФБР Поттеру. Но если окажется, что агент Поттер не в состоянии управлять ситуацией и преступники будут угрожать жизни людей — заложников, полицейских или других гражданских, — у вас есть право предпринять все необходимые действия, чтобы разрядить обстановку.

Это вполне можно записать и на пленку. Кто будет спорить с мудростью и дальновидностью сказанного?

— Слушаюсь, сэр. — Тримэйн скатал планы и карты. — Будут еще какие-нибудь указания?

— Понимаю, что время имеет решающее значение, — проговорил Степпс, решив устроить полицейскому последнее испытание. — Но может, у нас найдется минутка вместе помолиться?

— Почту за честь, сэр.

Боец и его господин, взявшись за руки, опустились на колени. Тримэйн закрыл глаза. Кабинет наполнился потоком слов — быстрых и четких, словно они шли от сердца самого Всевышнего, встревоженного судьбой бедных девочек, которые могли умереть в коридорах скотобойни Уэббера и Штольца.

«Как ни крути, тебе надо возвращаться домой».

Посмотрев на рухнувшую на пол женщину, Мелани подумала: «Нет, человек не может так много плакать». Она похлопала миссис Харстрон по руке, но учительница только сильнее разрыдалась.

Они по-прежнему находились в адской бездне зала забоя скота. От пролитой нефти пенистые лужи на полу светились радужными кругами. Грязный кафельный пол. Ни одного окна. Запах плесени и экскрементов. И разложения — мертвые животные в стенах. Все это напомнило Мелани сцену в душевой из кинофильма «Список Шиндлера».

Ее взгляд был прикован к сточной воронке в середине зала, от которой разбегались паучьи лапы желобов. Все запятнано бурым — старой-старой кровью. Мелани представила теленка, который брыкался и сопротивлялся, когда ему резали горло, и кровь, пульсируя, убегала под пол.

Девушка заплакала, и вновь в ее голове прозвучали сказанные прошлой весной слова отца: «Как ни крути, тебе надо возвращаться домой. Домой. Домой».

От отца мысли Мелани перескочили к брату, который лежал в больнице в шести сотнях милях от бойни. Наверняка он уже слышал новость об убийстве мужа и жены в «кадиллаке» и о захвате заложников. И до смерти перепугался.

«Извини, Дэнни. Как я хотела бы оказаться рядом с тобой».

Орошенный кровью воздух...

Миссис Харстрон дрожала, ее лицо посинело, и Мелани испугалась, что у учительницы случился удар.

— Успокойтесь, — попросила она ее знаками. — Девочки перепуганы.

Но женщина никак не отреагировала.

«Как ни крути...»

Мелани вытерла ей лицо и подложила руки под голову.

«...тебе надо возвращаться домой».

Если бы она была дома, как хотели родители (точнее, отец, но решение отца и есть решение родителей), то ее здесь не было бы.

Никого бы из них здесь не было.

А Сьюзан была бы жива.

Хватит об этом думать!

Мимо зала забоя прошел Медведь и заглянул в дверь. Подергал себя за ширинку, над которой нависал живот, и что-то рявкнул Шэннон. Показал на свое колено и спросил, не хочет ли она опять ударить его. Шэннон хотела, чтобы ее взгляд выразил дерзость, но, потирая полустершуюся татуировку супергероя, опустила голову.

Брут что-то крикнул Медведю, тот вспыхнул. Толстяк боялся Брута — Мелани поняла это по выражению его глаз. Он издевательски расхохотался. Покосился на миссис Харстрон, задержал взгляд на маленьких девочках, особенно на близняшках и Эмили, которая по случаю предполагаемого выступления Мелани в Канзасском театре для глухих надела специально купленное для этого платье, белые чулки и черные туфельки из натуральной кожи. Мучительно долго он разглядывал ее и наконец нехотя вернулся в главное помещение бойни.

«Освободи их, — думала Мелани. — Чтобы ни пришлось для этого сделать, освободи. — Но вслед за этим пришла другая мысль: — Не могу. Брут убьет меня. Изнасилует. Он — само зло, он Иной».

Как был прав отец!

«Тебе надо возвращаться домой».

Тогда она осталась бы в живых.

И не было бы тайно от всех назначенных встреч после выступления в Топике. Ни лжи, ни трудных решений.

— Отодвиньтесь к стене, — дала она знать девочкам. Надо держать их подальше от Медведя, чтобы не бросались ему в глаза. Заплаканные дети послушались: все, кроме худенькой забияки Шэннон, которая опять злилась и проявляла свой непокорный нрав. И Киэл тоже, хотя она не злилась и не восставала, но была так подавлена, что не могла двигаться. Мелани боялась за эту девочку. Что выражали ее глаза? Тень того, что случилось со Сьюзан? Перед Мелани был ребенок с лицом женщины. Боже, сколько в нем мстительности, холодности, ненависти. Неужели ей суждено сыграть роль единственной последовательницы Сьюзан? Мелани вздохнула.

— Он Магнето, — убежденно сказала Киэл и указала Шэннон на Брута. Такое прозвище она дала Хэнди.

Но ее подружка не согласилась:

— Нет, он мистер Злыдень. Даже в Братство не входит. Худший из худших.

Киэл обдумала ее слова.

— Но я считала...

— Заткнитесь! — прервала их спор Беверли. Ее руки поднимались и опускались в такт судорожному дыханию. — Это вам не ваша дурацкая игра!

— Перестаньте болтать, — поддержала ее Мелани. Ох, миссис Харстрон! Девушка внутренне возмутилась. Сколько можно плакать? Лицо то краснеет, то синеет. Сама трясется. Ее руки взметнулись. — Мне не справиться одной.

Но миссис Харстрон проявляла все ту же беспомощность. Лежала молча на полу зала забоя, уронив голову в желоб, по которому некогда струилась и исчезала в воронке горячая кровь телят и ягнят.

Мелани подняла глаза. Все девочки смотрели на нее.

Надо что-то делать.

Но все, что она могла припомнить, — это вошедшие в ее сознание, словно призрачная тень, слова отца. Он сказал их ей прошлой весной, сидя на переднем крыльце их дома на ферме. Стояло прекрасное утро. И отец говорил: «Это твой дом, и здесь тебе всегда рады. Видишь ли, Господь определяет нам место, где жить. Твое место здесь, чтобы ты по силам трудилась там, где твоя проблема не будет доставлять тебе неприятностей. Такова воля Божья. Как ни крути, тебе надо возвращаться домой», — закончил отец и пошел отвозить бочку с аммиаком, не дав ей возможности написать ответ в блокноте, который у нее всегда был под рукой. В тот раз Мелани прекрасно понимала смысл слов — даже с немыслимыми свистящими и гортанными смычными. Так же ясно, как сейчас понимает Хэнди — Брута.

Вдруг Мелани увидела, как у Беверли задергалась голова, и поняла, что у девочки сильный астматический приступ. Ее лицо потемнело, глаза страдальчески закрылись, она отчаянно пыталась вдохнуть. Мелани погладила ее по влажным волосам.

— Сделайте что-нибудь! — показала ей Джойслин своими толстыми неловкими пальцами.

В зал поползли тени от механизмов и проводов, стали резче, качнулись, задергались. Мелани встала и вышла из зала. Брут и Горностай по-новому развешивали лампы.

«Может, они дадут одну и нам? Хоть бы дали...»

— Чтоб он сдох! — вспылила белокурая Киэл. — Как я его ненавижу! — Она посмотрела на Брута, и ее круглое лицо исказилось злобой.

— Успокойся!

— Чтоб он сдох!

— Прекрати!

Беверли легла на пол и жестом попросила:

— Помогите!

В соседнем зале Брут и Горностай сели рядом под качающейся лампой, и ее свет отражался от коротко остриженного черепа Горностая. Они смотрели телевизор и переключали каналы. Медведь стоял у окна и считал. Полицейские машины, догадалась Мелани.

Она направилась к мужчинам и остановилась в десяти футах от них. Брут посмотрел на ее темную юбку, красную блузку и золотую цепочку — подарок брата Дэнни. Он отвратительно улыбался и откровенно изучал ее. Но рассматривал не тело и ноги, как Медведь, а лицо и особенно уши. Вот так же он глядел на бедную миссис Харстрон — словно добавлял еще один экземпляр к своей коллекции трагедий.

Мелани показала, чтобы он дал ей на чем написать.

— Говори, — медленно ответил он и так громко, что она почувствовала на себе неслышные вибрации голоса. — Говори.

Мелани показала на шею.

— Ты еще и немая?

Нет, говорить она не станет, хотя голосовые связки у нее вполне здоровые. И поскольку Мелани оглохла относительно поздно, она знала основы произнесения слов. Но, следуя точке зрения Сьюзан, отказывалась от орализма, поскольку в их среде это было немодным и порицалось. Сообщество глухих отвергало тех, кто старался пристроиться к двум мирам: миру Глухих и миру Иных. Мелани за пять или шесть лет не произнесла ни одного слова.

Она показала на Беверли, изобразила, что задыхается, и дотронулась до груди.

— Это она больная? Что с ней?

Мелани сделала знак, будто принимает лекарство.

Брут покачал головой.

— Мне плевать. Возвращайся на место и сиди смирно.

Девушка умоляюще сложила руки. Брут и Горностай расхохотались. Брут что-то сказал Медведю, и она внезапно почувствовала вибрацию приближающихся шагов. Рука обхватила ее грудь и потащила по полу. Пальцы больно стиснули соски. Мелани стряхнула с себя руку и расплакалась.

В зале забоя вырвалась и опустилась на пол. Схватила одну из лежащих ламп и, горячую, маслянистую, прижала к себе. Она жгла пальцы, но Мелани вцепилась в нее как в спасательный круг. Медведь посмотрел на девушку так, будто собирался что-то спросить.

Но Мелани вела себя так же, как в тот весенний день, когда отец сидел на крыльце. Ничего не ответила — просто отвернулась.

Тогда она поднялась по скрипучей лестнице и села в своей спальне в кресло-качалку. А теперь легла на пол. Снова почувствовала себя ребенком, моложе сестер-близняшек. Спасаясь от окружающего, закрыла глаза и отключилась. Со стороны казалось, что она потеряла сознание. Мелани и на самом деле больше здесь не было — она унеслась в другое место, где ей не грозила опасность и о котором не знала ни одна душа на свете.

Отбирая переговорщиков для работы с преступниками, захватившими заложников, Артур Поттер обнаружил, что ему приходится общаться с клонами себя самого — добродушными, плохо одетыми копами среднего возраста.

Одно время считалось, что для таких переговоров следует привлекать психиатров. Но хотя любой кризис с заложниками во многом напоминает сеанс терапии, врачи мало подходят для этого занятия. У них слишком аналитический склад ума и они слишком сосредоточены на установлении диагноза. Тогда как задача переговорщика не определить характер заболевания преступника согласно «Руководству по диагностике и статистике психических расстройств», а убедить его выйти с поднятыми руками. Для этого необходим здравый смысл, сосредоточенность, острый ум, терпение (над этим качеством характера Поттер упорно работал), здравое суждение о самом себе, редкое умение хорошо говорить и редкий талант слушать.

И самое главное: переговорщиком может быть только тот, кто умеет контролировать свои эмоции.

Вот этим теперь и занимался Артур Поттер — всеми силами старался забыть, как на его глазах что-то разорвало изнутри грудь девушки и его лицо окропило горячей кровью. Он много раз вел переговоры с преступниками, захватившими заложников. И тогда тоже гибли люди. Но впервые столкнулся настолько близко с таким хладнокровным убийством.

Позвонил Хендерсон. Репортеры слышали выстрел и били копытом, требуя информацию.

— Отвечайте, что в течение получаса я сделаю заявление. Вам я скажу, только не проговоритесь: он убил девушку.

— Боже! — воскликнул старший специальный агент, но, судя по голосу, вовсе не был расстроен, а даже почти рад. Видимо, потому, что в разворачивающейся трагедии ключевую роль играл не он, а Поттер.

— Расстрелял. Убил в спину. Все это может плохо кончиться. Потеребите Вашингтон, потребуйте, чтобы ускорили отправку группы спасения заложников.

— Почему он это сделал?

— Без всяких видимых причин, — ответил Поттер, и они разъединились. — Генри, — обратился он к Лебоу. — Мне нужна помощь. Чего нам следует избегать?

Переговорщики стараются укрепить контакт с преступником, обсуждая его личные дела. Но если коснуться нежелательных тем, можно привести его в ярость и даже подтолкнуть к убийству.

— Данных маловато, — ответил аналитик. — Я бы не говорил о военной службе и о его брате Руди.

— Родители?

— Отношения с ними неизвестны. Я бы придерживался общих тем, пока не узнаем о нем больше.

— Девушка есть? Как ее имя?

— Присцилла Гандер. Здесь, похоже, все ясно. Вообразили себя Бонни и Клайдом.

— Если только она не бросила Хэнди, когда его засадили в тюрьму, — заметил Бадд.

— Ценная мысль. — Поттер решил, что наведет Хэнди на разговор о подружке и будет реагировать по ситуации.

— Определено избегай разговора о его бывшей жене, — продолжал Лебоу. — Похоже, они не выносят друг друга.

— Следовательно, личные отношения в самом общем плане, — подытожил Поттер. Во время кризисов с заложниками часто возникает обратная ситуация: психически взбудораженные преступники стремятся поговорить о бывших супругах, которых по-прежнему любят. Поттер посмотрел на здание бойни и объявил: — Я намерен выторговать одну из девочек. Что нам известно о заложниках на данный момент?

— Всего несколько разрозненных фактов. Нам не получить ничего существенного, пока не приедет Анжи.

— Вот что я подумал... — начал Бадд.

— Говорите.

— Там есть девочка с астмой. Вы уже спрашивали о ней. Хэнди достаточно насмотрелся на ее приступы. Насколько я знаю эту болезнь, наблюдать, как астматик борется с удушьем, крайне неприятно. Хэнди — человек раздражительный; может, согласится избавиться от нее и выпихнет из здания?

— Хорошая мысль, Чарли, — сказал Поттер. — Но психология переговоров такова: если получил отказ, следует переходить к другой теме или другому лицу. Поэтому Беверли пока вне переговоров. Просить о ней — значит проявить слабость. А отпустить девочку будет с его стороны еще большей слабостью — ведь один раз он уже отказал. Генри, есть что-нибудь по другим?

— Вот, например, Джойслин Вейдерман. Я получил записку от Анжи, что она среди заложниц. Ее кандидатуру можно обсуждать, поскольку эта девочка подвержена депрессии. Плачет не переставая, бьется в истерике. Если поддастся панике, побежит, и ее застрелят.

— Разумно, — кивнул Бадд.

— Решено, — согласился переговорщик. — Попробуем с ней.

Он уже потянулся к телефону, но Тоби поднял руку.

— Установлена связь.

Зазвонил телефон, и одновременно включился магнитофон.

— Слушаю.

Молчание.

— Как дела, Лу?

— Неплохо.

Прямо перед глазами Поттера было толстое стекло окна, но он смотрел на повешенную Лебоу схему — смоделированный компьютером план внутренних помещений бойни. Для спецназа здание представляло собой настоящий кошмар. Место, где, по всей вероятности, находился Хэнди, было единственным большим залом — сюда загоняли скот. Зато в глубине находились небольшие рабочие комнаты, где осуществлялись разделка, упаковка и измельчение мяса, набивка колбас и хранение продуктов. Их связывали узкие коридоры.

— Вы там, наверное, ужасно устали, — начал переговорщик.

— Слушай, Арт, я тебе скажу, что нам надо. Думаю, у тебя там крутится магнитофон, хотя ты будешь отрицать это.

— Разумеется, мы записываем каждое слово. Лгать не буду. Ты знаешь правила.

— Ненавижу свой голос на пленке. Как-то, когда меня в очередной раз судили, поставили запись с моим признанием. Ох как мне не понравилось. Вообще не понимаю, чего меня дернуло признаваться. Наверное, захотелось рассказать, что я сотворил с той девчонкой.

Поттер, желая узнать как можно больше об этом человеке, спросил:

— Что же ты такого с ней сделал, Лу? — Про себя он построил ответ: «Гнусную вещь. Тебе будет неприятно слушать».

— Ничего приятного, Арт. Совсем ничего приятного. Но я был горд своей работой.

— Подонок, — пробормотал Тоби.

— Всем неприятно слышать свой голос на пленке, Лу, — небрежно продолжил переговорщик. — Раз в год мне приходится проводить учебные занятия. Меня записывают на магнитофон, и я тоже себе не нравлюсь.

«Арт, хватит городить околесицу. Слушай!»

Хэнди почти так и отреагировал.

— В общем-то мне наплевать. А теперь бери ручку и слушай. Нам нужна вертушка. Большая. В которую усядутся восемь человек.

Девять заложников, три бандита и пилот. Пять человек лишних. А с ними что будет?

Лебоу все заносил в компьютер. Клавиши, снабженные матерчатыми подушечками, почти не производили шума.

— Так, вы хотите вертолет. Но у полиции и Бюро только двухместные. Мне нужно время, чтобы...

— Твои проблемы, Арт. Я сказал: вертушка и пилот. Это первый пункт. Понял?

— Конечно, Лу. Но, как уже говорил, я всего лишь обычный специальный агент. У меня нет прав реквизировать вертолет. Придется звонить в Вашингтон.

— Арт, ты меня не услышал: это все твои проблемы. С этой минуты моей темой дня будет: «Меня не колышет, как ты это сделаешь». Время пошло. Ты уж сам выбирай, куда звонить: в аэропорт в паре миль отсюда или папе римскому в священный город.

— Хорошо. Продолжай.

— Нам нужна еда.

— Получите. Что-нибудь конкретное?

— Из «Макдоналдса». И побольше.

Поттер кивнул Бадду, тот взял телефонную трубку и начал нашептывать приказы.

— Уже выполняется.

«Изучай его. Проникай в его голову. Сейчас он попросит выпивку».

— И сотню патронов к ружью двенадцатого калибра с дробью два нуля, бронежилеты и противогазы.

— Лу, надеюсь, ты понимаешь, что я этого не могу.

— Ничего не понимаю.

— У меня нет прав давать тебе оружие.

— Даже в обмен на девочку?

— Даже в обмен на девочку. Оружие и боеприпасы, Лу, торгу не подлежат. Извини.

— Ты так часто употребляешь мое имя, Арт. А если бы мы о чем-нибудь сторговались, какую девочку ты выбрал бы? Скажем, если бы речь зашла не об оружии и всем таком прочем?

Лебоу изогнул брови и кивнул. Бадд показал Поттеру большие пальцы.

Мелани, мелькнуло в голове у переговорщика. Но он знал, что их задача — в первую очередь спасти ту, кто в наибольшей опасности, — Джойслин.

Поттер сказал, что они хотели бы ее.

— Опиши.

Лебоу повернул к нему компьютер, и Поттер прочитал напечатанные на экране мелким шрифтом слова.

— Небольшого роста, волосы темные, полная, двенадцать лет. Имя — Джойслин.

— Противная плакса? Пищит, как щенок со сломанной ногой. Рад от нее избавиться. Спасибо, Арт, что выбрал именно ее. Убью ее через пять минут, если не согласишься дать мне оружие и патроны.

Щелк.

14:00

«Черт!» — подумал Поттер, с треском опуская кулак на крышку стола.

— Будь ты неладен! — пробормотал Бадд. И тут же: — О Боже!

Переговорщик поднес к глазам бинокль и увидел, как в окне бойни появилась девочка. Упитанная, пухлые щеки блестели от слез. Когда дуло пистолета коснулось ее коротко подстриженных волос, она закрыла глаза.

— Веди отсчет времени, Тоби.

— Четыре минуты тридцать секунд.

— Это она? — шепотом спросил Поттер у Лебоу.

— Уверен.

— Ты говорил, что у них ружья двенадцатого калибра? — Голос переговорщика звучал невозмутимо.

Аналитик кивнул.

— И предположил, что мало патронов.

Потрясенный Дерек смотрел на них: он не мог поверить, что в такой момент они хладнокровно рассуждают о чем-то.

— Господи! — взорвался Бадд. — Да сделайте же что-нибудь!

— Что? — спросил Поттер.

— Позвоните и пообещайте, что дадите боеприпасы.

— Нет.

— Четыре минуты.

— Он застрелит ее!

— Не думаю. — Поттер лихорадочно размышлял: убьет или нет? И не мог ответить на вопрос.

— Вы только посмотрите! — отчаянно продолжил Бадд. — Пистолет приставлен к виску ребенка. Я не могу сидеть и сложа руки наблюдать, как она плачет.

— Он специально так задумал, чтобы мы на это смотрели. Успокойтесь, Чарли. Оружие и боеприпасы никогда не бывают предметом торга.

— Но он сейчас расправится с ней!

— Три минуты тридцать секунд.

— А что, если… — Поттер едва сдерживал нетерпение, — у него вообще кончились боеприпасы? Сидит там с двумя пистолетами без патронов и пустым ружьем.

— Или у Хэнди остался один заряд и он сейчас использует его.

Кризис с заложниками — это растянутое убийство.

Поттер не сводил глаз с несчастного лица ребенка.

— Мы уже сейчас должны признать, что жертв девять — все девочки, которые находятся в руках преступников. Но если бандиты получат сотню ружейных патронов, потери удвоятся.

— Три минуты, — нараспев проговорил Тоби.

Снаружи нервничал шериф Стиллуэл, вороша волосы.

Он поглядывал то на фургон, но на здание бойни. Шериф не слышал переговоров, но, как и другие полицейские, видел в окне голову девочки.

— Две минуты тридцать секунд.

— Отправьте ему холостые. Или такие, чтобы у него разорвало стволы.

— Хорошая идея, Чарли. Но у нас ничего подобного нет. И он не решится так рано, без толку, потратить еще одного заложника. — «Прав я или не прав?» — мучительно думал Поттер.

— Без толку потратить заложника? — изумленно повторил техник Дерек. Поттер расслышал, как он добавил: — Какой же ты сукин сын!

— Две минуты, — невозмутимо проговорил Тоби.

Переговорщик, сгорбившись, смотрел в окно. За «линией Мажино» из патрульных автомобилей стояли полицейские; кое-кто нетерпеливо поворачивался к командному пункту.

— Одна минута тридцать секунд.

«Каковы намерения Хэнди? Что у него на уме? Не могу проникнуть в его сознание. Нужно больше времени. Еще час — и я бы точно знал, убьет он ее или нет. А сейчас глаза застилает дым, и я вижу только опасность».

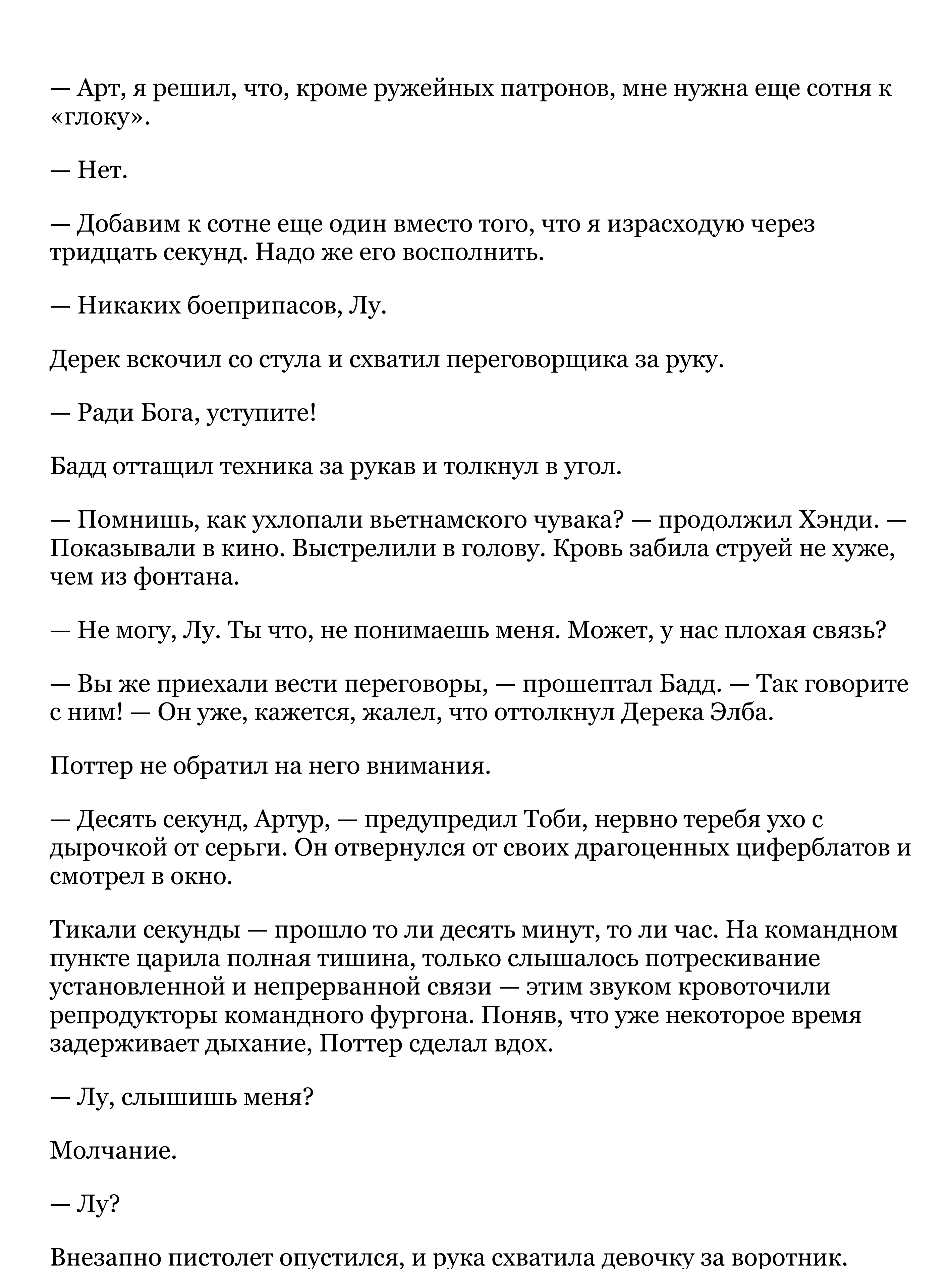
— Одна минута, — объявил Тоби.

Поттер взял телефон и нажал кнопку быстрого набора.

Щелк.

— Связь установлена.

— Лу?



— Арт, я решил, что, кроме ружейных патронов, мне нужна еще сотня к «глоку».

— Нет.

— Добавим к сотне еще один вместо того, что я израсходую через тридцать секунд. Надо же его восполнить.

— Никаких боеприпасов, Лу.

Дерек вскочил со стула и схватил переговорщика за руку.

— Ради Бога, уступите!

Бадд оттащил техника за рукав и толкнул в угол.

— Помнишь, как ухлопали вьетнамского чувака? — продолжил Хэнди. — Показывали в кино. Выстрелили в голову. Кровь забила струей не хуже, чем из фонтана.

— Не могу, Лу. Ты что, не понимаешь меня. Может, у нас плохая связь?

— Вы же приехали вести переговоры, — прошептал Бадд. — Так говорите с ним! — Он уже, кажется, жалел, что оттолкнул Дерека Элба.

Поттер не обратил на него внимания.

— Десять секунд, Артур, — предупредил Тоби, нервно теребя ухо с дырочкой от серьги. Он отвернулся от своих драгоценных циферблатов и смотрел в окно.

Тикали секунды — прошло то ли десять минут, то ли час. На командном пункте царила полная тишина, только слышалось потрескивание установленной и непрерванной связи — этим звуком кровоточили репродукторы командного фургона. Поняв, что уже некоторое время задерживает дыхание, Поттер сделал вдох.

— Лу, слышишь меня?

Молчание.

— Лу?

Внезапно пистолет опустился, и рука схватила девочку за воротник. Когда ее тащили обратно в здание, она от страха открыла рот.

«Эй, Арт, — вообразил Поттер следующую фразу Хэнди, — как ощущения?»

— Слышь, Арт, как там у вас настроение? — раздался в динамике энергичный голос.

— Так себе. А у тебя?

— Первый сорт. Уговор такой: я буду отстреливать каждый час по одной, пока не прилетит вертолет. Ровно каждый час, начиная с четырех.

— Говорю тебе сразу, Лу: чтобы достать большой вертолет, нужно больше времени.

«Меня не колышет. Сделаешь так, как я сказал», — предположил Поттер, но Хэнди с наигранной угрозой спросил:

— Насколько больше?

— Часа на два.

— Не пойдет! Даю тебе время до пяти.

Поттер выдержал паузу, словно размышляя.

— Хорошо, попробуем.

Грубый смех. Затем:

— И еще одно, Арт.

— Что?

Хэнди ответил не сразу, и пока он молчал, в фургоне нарастало напряжение.

— Добавь к бургерам чипсы. Побольше чипсов.

— Получишь. А мне отдай девочку.

— Господи! Может, не надо на него нажимать? — прошептал Бадд.

— Джойслин. Ту, что ты показывал в окне.

— Джойслин? — переспросил Хэнди с неожиданным оживлением, чем снова поставил Поттера в тупик. — Ну и потеха с этим именем!

Поттер щелкнул пальцами и показал Лебоу на компьютер. Аналитик пробежал глазами досье Хэнди. Оба пытались установить какую-нибудь связь преступника с женщиной по имени Джойслин: мать, сестра, сотрудница службы пробации[21]?

— А в чем потеха, Лу?

— Лет десять назад я трахал официантку, которую звали Джойслин, и это доставило мне большое удовольствие.

У Поттера по спине пробежал озноб.

— Горячая была штучка. Но конечно, мне так казалось до того, как я познакомился с Прис.

Поттер, слушая, закрыл глаза и конструировал, что дальше скажет бандит.

«Тоже была заложницей, эта Джойслин. И я убил ее...» — дальше этого воображение не шло.

— Тысячу лет ее не вспоминал. Моя Джойслин была, как и эта, заложницей. Она не исполнила то, что я приказал. Не захотела, хоть ты тресни! Так что пришлось взяться за нож.

«Кое-что из того, что сказал Хэнди, чистой воды спектакль, — думал Поттер. — Небрежное упоминание о ноже. Но в словах: „Она не исполнила то, что я приказал“ — есть нечто разоблачающее». Поттер написал предложение на бумаге и подвинул Лебоу, чтобы тот внес его в компьютер.

— Отдай мне ее, Лу, — попросил он.

— Не тревожься. Я верен своей Прис.

— Когда привезут еду, давай обменяемся. Как тебе это, Лу?

— Она ни на что не годится, Арт. Кажется, обмочила штаны. Или вообще редко моется. Даже Боннер на нее не позарится. А он, ты, наверное, наслышан, до этого дела очень охоч.

— Мы работаем по поводу вертолета, а еду ты получишь очень скоро. За тобой, Лу, девочка. Одну ты убил и теперь — мой должник.

Бадд и Дерек изумленно посмотрели на переговорщика.

— Я так не считаю, — бросил Хэнди.

— В вертолете хватит места только на четверых или пятерых заложниц. Отдай мне эту. — Иногда приходится сдавать позиции, а порой необходимо нанести удар. И Поттер пошел в атаку. — Господи, Лу, не сомневаюсь, что ты собираешься их всех убить. Ты дал это ясно понять. Отпусти эту. Я пошлю полицейского с едой. Пусть он заберет девочку.

Долгая пауза.

— Ты хочешь именно ее?

«Я хочу их всех», — подумал Поттер.

Подходящий момент для шутки? Или рано? Он рискнул.

— Я хотел бы их всех.

Надрывающее душу молчание.

Потом хриплый смешок из громкоговорителя.

— А ты молоток, Арт. Хорошо, я отдам ее. Сверим наши хронометры. Время пошло. Через пятнадцать минут получите толстуху в обмен на еду. И не позднее, иначе я могу передумать. А в семнадцать ноль-ноль подавай мне большой красивый вертолет.

Щелк.

— Ура! — завопил Тоби.

— Прекрасно, Артур, — кивнул Бадд. — Хорошая работа.

Дерек несколько мгновений хмуро сидел перед своими приборами, затем улыбнулся и извинился. Поттер, всегда прощавший молодой энтузиазм, пожал технику руку.

Бадд с облегчением улыбнулся.

— Уичито — авиационная столица Среднего Запада. Черт, мы можем через полчаса получить вертолет.

— Только ему не дадим. — Поттер сделал жест в сторону графы на листе под заголовком «Обман». Лебоу вписал: «Восьмиместный вертолет: предоставить под угрозой уничтожения одного заложника каждый час. Начало срока в 17:00».

— Вы не дадите ему вертолет? — прошептал капитан.

— Конечно, нет.

— Вы солгали ему?

— Поэтому мои слова занесены в графу «Обман».

— Нельзя дать ему возможность перемещаться, особенно на вертолете, — объяснил Лебоу, не отрываясь от клавиатуры компьютера.

— В пять часов он убьет девочку.

— Так он заявил.

— Но...

— Это моя работа, Чарли. — Откуда только Поттер черпал терпение? — Я здесь для того, чтобы убедить его не убивать.

Он налил себе из металлического кофейника чашку отвратительнейшего кофе.

Опустив в карман мобильный телефон, переговорщик вышел из фургона. Он пригибался, пока не спустился в овражек, где его не было видно из здания бойни.

Часть пути Поттера сопровождал Бадд. Молодой капитан выяснил, что только полиция Хатчинсона имеет право распоряжаться движением на реке, и дал указание этим правом воспользоваться, чем вызвал ярость фрахтователей контейнеровозов, направляющихся в Уичито и плативших за аренду судов по две тысячи долларов в час.

— Всем не угодишь, — рассеянно прокомментировал переговорщик.

Становилось все холоднее — странный выдался июль: температура не дотягивала и до двадцати градусов. И в воздухе чувствовался привкус дизельного выхлопа — видимо, от работавших неподалеку на полях молотилок и комбайнов. Поттер помахал Стиллуэлу. Тот, расхаживая среди полицейских, коротко улыбнулся и приказал привести войска в боевую готовность. Оставив Бадда, Поттер сел в машину Бюро и отправился в тыловую зону.

Там уже собрались журналисты всех крупных компаний и местных станций трех штатов, а также репортеры газет и радио крупных городов. Поттер быстро переговорил с Питером Хендерсоном, который, какие бы

у него до того ни были просчеты и мотивы, быстро создал транспортный резерв, обслуживающий тыловую зону, и установил палатку для прессы.

Поттер был для журналистов известной личностью, поэтому они набросились на него, как только он вышел из машины, и вели себя вполне предсказуемо: агрессивно, настырно, зашоренно, без всякого чувства юмора. Переговорщик занимался своим ремеслом много лет, и за это время они нисколько не изменились. Как обычно, его сразу посетила мысль о том, что он ненавидит связываться с этой компанией.

Поттер взобрался на помост, сооруженный Хендерсоном, и увидел сплошное белое сияние множества вспышек и прожекторов.

— Сегодня утром, примерно в восемь тридцать, трое бежавших из тюрьмы заключенных захватили заложниц: двух учительниц и восемь учениц из школы Клерка Лорена для глухих в городе Хевроне, штат Канзас. Преступники отбывали сроки в Калланской федеральной тюрьме.

В настоящее время они забаррикадировались в помещении заброшенной фабрики по переработке мяса у реки Арканзас, на окраине города Воронья Гряда, около полутора миль отсюда. Здание окружено несколькими сотнями полицейских штата и федеральными агентами.

Всех людей было не больше сотни, но, разговаривая с «четвертым сословием», Поттер предпочитал приукрашивать правду, не желая воодушевлять преступников и сеять в них уверенность, что они справятся с ситуацией. На тот случай, если у них есть возможность смотреть новости.

— Среди заложниц есть жертва...

Журналисты ахнули, пришли в негодование, вверх взлетели руки. Но на вопросы, посыпавшиеся со всех сторон, переговорщик покачал головой и отказался назвать имена.

— Только после того, как родственники заложниц и жертвы будут оповещены о случившемся. Мы ведем переговоры с преступниками. Их зовут Луис Хэнди, Шепард Уилкокс и Рэй Сонни Боннер. В этот период проход для журналистов к зданию, где засели бандиты, захватившие заложников, закрыт. Мы будем снабжать вас информацией по мере появления новостей. Это все, что я могу сказать вам сейчас.

— Агент Поттер...

— Я не отвечу ни на один вопрос.

— Агент Поттер! Агент Поттер, пожалуйста!

— Вы можете сравнить сложившуюся ситуацию с той, что возникла во время кризиса с сектой Кореша в Уэйко?

— Нам нужны вертолеты для освещения события. Наши адвокаты уже связались с директором...

— Эта ситуация похожа на то, что происходило с Рэндэлом Уивером несколько лет назад?

Поттер, сопровождаемый вспышками фотоаппаратов и лампами видеокамер, молча вышел из палатки прессы. Он уже садился в машину, когда услышал голос:

— Агент Поттер, можно вас на минуту?

Переговорщик обернулся и посмотрел на приближающегося к нему человека. Тот прихрамывал и вовсе не походил на типичного репортера. Отнюдь не красавчик, мрачный, настойчивый, но не разгневанный, что несколько подняло его в глазах Поттера. Старше своих коллег, смуглый, с морщинистым лицом, он напоминал настоящего журналиста — например, Эдуарда Роско Марроу.

— Никаких персональных заявлений, — отрезал переговорщик.

— Ни о чем подобном я не прошу. Меня зовут Джо Силберт, я работаю на телестанции КФАЛ в Канзас-Сити.

— Понятно, сэр. А теперь извините меня.

— Вы ненормальный, Поттер, — сказал журналист скорее устало, чем сердито. — Еще ни разу не случалось, чтобы вертолетам прессы не разрешали подняться.

«Ставки слишком высоки», — подумал агент.

— Вы будете получать информацию вместе со всеми.

— Подождите. Я знаю: таким, как вы, на нас наплевать. Мы для вас сплошной геморрой. Но мы тоже должны выполнять свою работу. Это большой новостной повод, вам это прекрасно известно. И нам нужно гораздо больше, чем пресс-релизы и такие псевдобрифинги, как тот, который вы только что провели. Адмирал так накрутит вам хвост, что вы вспомните Уэйко как приятное развлечение.

Журналист назвал воинское звание директора ФБР, и это означало, что он лично знает его.

— Ничего не могу поделать. Во время кризиса с заложниками безопасность превыше всего.

— Предупреждаю: если вы станете слишком зажимать нас, молодежь может решиться на отчаянные шаги, чтобы прорваться за ваш кордон. Они собираются воспользоваться дескремблерами[22], чтобы перехватывать ваши переговоры, намерены разыгрывать полицейских…

— Все это незаконно.

— Я только упомянул то, о чем некоторые из них поговаривают. Назревает драка, и я не хочу уступать эксклюзивный материал какому-нибудь паршивому молокососу, научившемуся нарушать закон.

— Я отдал приказ арестовывать любого гражданского, если таковой появится около здания бойни. Включая репортеров.

Силберт закатил глаза.

— Господи, Арнетту[23] было легче в Багдаде, чем нам здесь! Вы же переговорщик. Так почему же с вами невозможно вести переговоры?

— Мне необходимо вернуться.

— Подождите. Выслушайте мое предложение. Я хочу организовать журналистский пул. Только с вашего разрешения к бойне будут одновременно подходить один или два репортера. И никаких камер, радио или магнитофонов. Пишущие машинки или ноутбуки. Или ручки и карандаши.

— Джо, вы прекрасно знаете, что мы не можем идти на риск и позволить преступникам узнать, чем занимаемся. У них может быть радиоприемник.

— Если вы нас зажимаете, мы начнем строить собственные предположения. — В голосе Силберта появились угрожающие нотки.

Несколько лет назад, во время кризиса с заложниками в Майами, ситуация резко обострилась, когда один из репортеров начал рассказывать о предпринятом спецназом штурме. Оказалось, что журналист просто выдумывал: говорил о том, что могло бы быть, — но преступники приняли его слова за правду и открыли огонь по заложникам.

— Как я понимаю, это угроза? — спокойно спросил Поттер.

— Торнадо — вот что такое угроза, — ответил Силберт. — А также реальность нашей жизни. Послушайте, Поттер, что я должен сделать, чтобы убедить вас?

— Ничего. Извините.

Переговорщик повернулся к машине.

— Черт бы вас побрал! — вздохнул репортер. — Может, вас убедит вот это: мы будем давать читать вам болванки, перед тем как окончательно дорабатывать текст. Запрещайте все, что найдете нужным.

Такое случилось впервые. Сотни раз Поттер вел переговоры с преступниками, у него складывались и плохие, и хорошие отношения с прессой, когда он старался балансировать между Первой поправкой к Конституции и безопасностью заложников и полицейских. Но ни один журналист не предлагал ему просматривать черновики своих статей.

— Это функция суда: только он вправе выносить решение о том, запрещать ли публикацию материала на время разбирательства. — Поттер был четвертым на курсе по юриспруденции и знал, о чем говорит.

— С полдюжины ребят уже подумывают, как бы прорваться через кордон. Если вы согласитесь пропустить вперед парочку, я сумею убедить их.

— И одним из этой парочки вы видите себя?

— А как же, — ухмыльнулся Силберт. — Не только одним из двух. А одним из первых двух. У меня через час истекает срок подачи материала. Что скажете?

А что сказать? Половина проблемы в Уэйко заключалась в отношениях с прессой. В том, что Поттер отвечал не только за жизнь заложников, полицейских и своих коллег из ФБР, но также за репутацию и престиж Бюро. А он, несмотря на свой талант переговорщика, был никудышным политиком. Но все же понимал: большинство конгрессменов, высших судебных чиновников и людей из Белого дома узнают о том, что происходит в Вороньей Гряде, в основном из репортажей Си-эн-эн и из газеты «Вашингтон пост».

— Хорошо, — согласился Поттер. — Занимайтесь. Согласовывайте все с капитаном Чарли Баддом. — Он посмотрел на часы: провизия уже на подходе. Пора возвращаться. У командного пункта Поттер попросил

Балда установить рядом небольшую палатку для журналистов и обсудить с Джо Силбертом вопросы организации репортерского пула.

— Будет сделано, — кивнул капитан. — Что-то еду не везут. — Он жадно всматривался в дорогу. — Время на исходе.

— Ничего, — заверил его Поттер. — Если преступник согласился отпустить заложника, самое серьезное препятствие позади. Мысленно он уже распрощался с Джойслин.

— Думаете?

— Приступайте к установке палатки для прессы.

Вернувшись в командный фургон, Поттер внезапно поймал себя на том, что думает не о Луисе Хэнди, не о задержавшейся машине с едой и не о вертолете, а о Мелани Черрол. Но не о том, насколько она пригодилась бы ему как переговорщику и способствовала тактическому решению конфликта. Нет. Он снова пытался разгадать, какую информацию хотела передать ему девушка. Представлял движения ее губ, когда она говорила с ним из темного окна бойни.

Что она сообщала?

Придумывал, каким способом можно с ней общаться. Ему, человеку, который пробился в мире благодаря тому, что слушал других и разговаривал.

Губы, зубы, губы.

Поттер изобразил ее движения.

Губы, зубы...

«Есть!» — подумал он и услышал в голове голос: — «Стерегись!»

Именно так. Но почему такое вышедшее из употребления выражение? Конечно, для того чтобы он мог прочесть по губам. Их движения в данном случае особенно подчеркнуты. Это очевидно. Не «будьте осторожны», не «берегитесь», не «он опасен».

«Стерегись!»

Надо посоветоваться с Лебоу.

Поттер был в двадцати ярдах от цели, когда его неслышно догнал лимузин. Агенту даже показалось, что автомобиль слегка повернул,

будто подрезая его. Дверца открылась, и из машины вылез крупный смуглый мужчина.

— Вы только посмотрите, — громогласно начал он. — Прямо открытие второго фронта, высадка десанта состоялась. У вас все под контролем, господин Эйзенхауэр? Держите руку на пульсе?

Поттер обернулся. Человек подошел, и его улыбка, если это была улыбка, исчезла.

— Агент Поттер, нам нужно поговорить.

14:20

Но разговаривать не стал. Почувствовав пронесшийся по овражку холодный порыв ветра, плотнее запахнул темный пиджак, обошел Поттера и, сделав несколько шагов по склону, посмотрел на здание бойни.

Переговорщик взглянул на номерной знак штата Канзас, тщетно гадая, кто этот человек. И, не останавливаясь, бросил:

— На вашем месте я не стал бы высовываться. Вы в пределах винтовочного выстрела.

Огромная лапа великана схватила Поттера, и они обменялись рукопожатиями.

— Роланд Маркс, — кивнул приехавший, — помощник Генерального прокурора штата.

— Ах этот! — Поттер вспомнил состоявшийся ранее телефонный разговор. Смуглолицый опять уставился на бойню, все еще представляя собой прекрасную мишень.

— Здесь надо быть осторожным, — нетерпеливо повторил переговорщик.

— Черт! У них есть винтовки? С лазерными прицелами? А может, акустические лазеры и фотонные торпеды, как в «Звездном пути»?

«У меня нет на него времени», — подумал Поттер.

Присутствие помощника Генерального прокурора, высокого и крупного, напоминало голубое сияние плутония в реакторе.

— Одну минуту, — извинился переговорщик и, войдя в командный фургон, вопросительно изогнул бровь.

Тоби кивнул на здание бойни.

— Сидят тихо, как мышки.

— А провизия?

Бадд сообщил, что все заказанное прибудет через несколько минут.

— Генри, там за дверью этот Маркс. Нашли что-нибудь на него?

— Он здесь? — Аналитик поморщился. — Я кое с кем созвонился. Он из тех, несгибаемых. Жесткая линия, быстрый как кнут. Специализируется на экономических преступлениях. Множество выигранных дел.

— Из тех, кто не берет в плен?

— Именно. Амбициозен. Однажды боролся за место в конгрессе. Проиграл, однако, по слухам, по-прежнему метит в Вашингтон. Видимо, хочет использовать ситуацию, чтобы обратить на себя внимание прессы.

Поттер давно усвоил, что для некоторых захват заложников — повод для проведения собственной пиар-кампании. Для них на кону в равной мере и собственная карьера, и жизнь людей. Он решил играть с Марксом осторожно.

— Да, запиши, что я расшифровал сообщение от заложницы: «Стерегись!» Вероятно, она имела в виду Хэнди.

Посмотрев на Поттера, Лебоу кивнул и нагнулся к клавиатуре.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил переговорщик, выйдя из фургона, второго по влиянию человека в юридическом мире штата.

— Значит, правда то, что я слышал? Он убил одну из девочек? — осведомился Роланд Маркс.

Поттер кивнул. Помощник Генерального прокурора закрыл глаза и вздохнул.

— Господи, зачем совершать подобное безумство?

— Таким образом он извещает нас, что его намерения серьезны.

— Боже мой! — Маркс провел по лицу крупными пальцами. — Мы долго обсуждали ситуацию с Генеральным прокурором, агент Поттер. Мы очень беспокоимся, и я примчался сюда спросить, не нужна ли помощь

на уровне штата. Замечу, что вы нам известны, сэр. Известна ваша репутация.

Поттер и глазом не моргнул. Только подумал, что не выказал ни малейшей любезности, говоря с Марксом по телефону и стараясь сделать все, чтобы он больше не появлялся в его жизни. Но помощник Генерального прокурора штата держался так, словно того разговора не было.

— Похоже, не позволяете заглядывать к себе в карты? Что ж, так и надо. Как в покере с очень высокими ставками.

«Чрезвычайно высокими», — подумал Поттер и снова пожелал, чтобы этот человек исчез и больше не появлялся.

— Как я уже говорил вам, сейчас ничего не нужно от штата. Полиция Канзаса осуществляет функции сдерживания, и я назначил Чарли Бадда своим заместителем.

— Бадда?

— Вы знаете его?

— Конечно. Он хороший служака. А я знаю всех хороших полицейских. — Помощник Генерального прокурора обвел глазами округу. — А где спецназ?

— Группа спасения заложников?

— Я не сомневался, что они в самом центре событий.

Поттер так и не понял, какой ветер дует из Топики.

— Я не использую спецназ Канзаса. В настоящее время формируется группа ФБР и в течение нескольких часов прибудет сюда.

— Это беспокоит меня.

— Почему? — невинно спросил переговорщик, не сомневаясь в мотивах Маркса, стремящегося, чтобы спецназ штата владел тактической инициативой.

— Надеюсь, вы не планируете захват? Вспомните операцию с Рэндэлом Уивером. Вспомните Уэйко. Погибли невинные люди. Я не хочу, чтобы подобное повторилось здесь.

— Никто не хочет. Мы пойдем на штурм только в самом крайнем случае.

Громогласно-бурливая активность исчезла, и Маркс стал серьезным.

— Я знаю, агент Поттер, за операцию отвечаете вы, но должен предупредить вас: Генеральный прокурор считает, что конфликт необходимо решить мирными средствами.

«Менее четырех месяцев до первого вторника ноября»[24], — прикинул Поттер.

— Мы надеемся, что так и будет.

— Каковы его требования?

«Не пора ли дернуть за поводок? — подумал переговорщик. — Нет, рано. Обиженный Роланд Маркс может сильно навредить».

— Обычные: вертолет, еда, патроны. Я даю ему только еду и попытаюсь убедить, чтобы сдался. Или по крайней мере отпустил как можно больше девочек до того, как в дело вступит группа спасения заложников.

Помощник Генерального прокурора нахмурился.

— Я не хочу, чтобы малышки пострадали.

— Естественно. — Поттер посмотрел на часы.

— А что, если дать ему вертолет в обмен на девочек? — продолжил Маркс. — Пусть летит куда угодно. Вы встроите в машину одну из ваших штук типа «Миссия невыполнима». И возьмете их, когда они приземлятся.

— Нет.

— Почему?

— Мы не даем преступникам средства передвижения, если есть возможность избежать этого.

— Вы что, не читали Тома Клэнси[25]? Существует масса всяких «жучков» и ретрансляторов, которые можно использовать.

— Рискованно. На данный момент нам известно предполагаемое количество жертв: это девять оставшихся заложниц и один-два спецназовца. — Эти слова привели Маркса в ужас, а Поттер бесчувственно продолжил: — Но если дать ему вырваться, он способен уничтожить вдвое, втрое или даже больше людей.

— Он обычный банковский грабитель. Но никак не массовый убийца.

А сколько нужно трупов, чтобы причислить человека к массовым убийцам? Поттер посмотрел на бесшумные комбайны, ползающие в нескольких милях от них по склону холма. Озимую пшеницу сеяли в ноябре, сообщил ему пилот вертолета и добавил, что способ пахоты белых приводит в ужас индейцев-патавотоми и способствует деградации района пыльных бурь.

Черт возьми, куда подевалась провизия? Минуты бежали, и Поттер начинал нервничать.

— И кем же прикажете считать этих девочек? Допустимыми потерями? — В голосе Маркса не осталось ни капли дружелюбия.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Открылась дверь фургона, и в проеме показалась голова Бадда.

— Провизия почти на месте, Артур. О, привет, мистер Маркс.

— Удачи, Чарли Бадд. Ситуация очень серьезная, но вы справитесь.

— Делаем все, что в наших силах, — осторожно ответил капитан. — Мистер Поттер настоящий эксперт. Я хотел сказать, агент Поттер.

— Я уезжаю, — объявил Маркс. — Надо проинформировать губернатора.

Когда лимузин скрылся, Поттер спросил Бадда:

— Вы знаете его?

— Не очень хорошо, сэр.

— У него есть политические планы?

— Полагаю, через несколько лет хочет оказаться в Вашингтоне. Но он вполне приличный человек.

— А вот Генри считает, что он собирается баллотироваться предстоящей осенью.

— Ничего про это не слышал. Но сомневаюсь, чтобы в этом деле была какая-то политика. Он беспокоится о девочках. Говорят, что и сам хороший семьянин. У него несколько дочерей; одна из них очень больна. Поэтому принимает ситуацию близко к сердцу: глухие девочки и все такое прочее.

Поттер заметил на пальце Маркса изрядно потертое обручальное кольцо.

— Он может обернуться для нас проблемой?

— Не представляю, в каком плане. Всегда шутит, не падает духом.

— Меня беспокоит не его чувство юмора. У Маркса хорошие связи?

Бадд пожал плечами:

— Как вам сказать, сэр...

— Это не пойдет дальше меня, Чарли. Мне необходимо знать, способен ли он навредить нам.

— Вот он сказал, что собирается звонить губернатору. Сказал так, будто они приятели.

— И что?

— Сомневаюсь, чтобы губернатор вообще ответил на его звонок.

— Хорошо, спасибо.

— А вот и провизия.

К ним, подскакивая на неровной дороге, подъехала полицейская машина и резко, со скрипом тормозов остановилась у входа. Но в ней оказались не биг-маки и «фритос». Из автомобиля вышли две женщины. Анжи Скапелло была в синей юбке средней длины, тонкий блейзер бугрился там, где в кобуре хранилось оружие, пышные черные волосы рассыпались по плечам. На глазах слегка затемненные солнцезащитные очки в бирюзовой оправе. За ней следовала молодая брюнетка с короткой стрижкой, в полицейской форме.

— Анжи, — Поттер пожал ей руку, — познакомься: это мой первый помощник Чарли Бадд из полиции Канзаса. А это специальный агент Анжелин Скапелло.

Они подали друг другу руки и кивнули. Анжи представила свою спутницу:

— Фрэнсис Уитинг из полиции Хеврона. Будет нашим переводчиком на язык глухих.

Женщина-полицейский, здороваясь, покосилась на здание бойни и поморщилась.

— Войдем внутрь, — предложил переговорщик, приглашая женщин в фургон.

Генри Лебоу, довольный информацией, которую привезла Анжи, быстро вносил ее в компьютер. Поттер оказался прав: ее самолет только заправляли, а Анжи уже связалась со школой Клерка Лорена и начала составлять психологические портреты захваченных преступниками заложниц.

— Превосходно, Анжи, — сказал аналитик, бешено колотя по клавишам. — Ты прирожденный биограф.

Тем временем агент Скапелло открыла другую папку и показала Поттеру содержимое.

— Тоби, — попросил тот, — можешь это повесить?

Тоби взял фотографии девочек и прикрепил на пробковой панели над планом здания бойни. Анжи уже написала черным фломастером в нижнем поле каждого снимка имя и возраст девочек.

Анна Морган, 7

Сузи Морган, 7

Шэннон Бойл, 8

Киэл Стоун, 8

Эмили Стоддард, 10

Джойслин Вейдерман, 12

Беверли Клемпер, 14

Фотография Сьюзан Филлипс осталась лежать на столе.

— Вы всегда это делаете? — спросила Фрэнсис, показывая на стену.

Поттер, разглядывая снимки, рассеянно ответил:

— Противника можно переиграть только в том случае, если знаешь больше, чем он.

Переговорщик задержал взгляд на очаровательных близнецах, самых юных заложницах. Каждый раз, думая о детях, он представлял их маленькими: может, оттого что у них с Мэриан не было детей и образ так и не родившихся сына или дочери застыл во времени, а сам Поттер остался вечно молодым мужем, и его жене было не больше, скажем, двадцати пяти.

«Смотри на них, — говорил он себе. — Смотри на них».

Казалось, его слова прозвучали вслух, потому что все, кроме склонившихся над приборами Дерека и Тоби, не сводили глаз с фотографий.

Затем переговорщик потребовал у Анжи информацию о девочке, которую должны были вскоре освободить, — Джойслин Вейдерман.

Агент Скапелло отвечала по памяти.

— Безусловно, проблемная девочка. Оглохла, когда уже научилась говорить. Кажется, что это упрощает жизнь и способствует развитию, но психологически таким детям трудно приобщиться к культуре Глухих. Понимаете, что я имею в виду?

Поттер покосился на бойню, надеясь снова увидеть Мелани, и признался, что не понимает. Анжи дала знак Фрэнсис, и та объяснила:

— Глухой с маленькой буквы означает физическое состояние, когда человек не слышит. Глухой с заглавной — как употребляют сами глухие — их сообщество, их культура.

— С точки зрения глухих, — продолжала агент Скапелло, — лучше всего родиться глухим у глухих родителей и не знать навыков устной речи. Если человек оглох после того, как научился говорить, может произносить слова и читать по губам, у него совершенно иной статус. Но он выше, чем у того, кто глухой, но пытается притворяться слышащим. Джойслин именно такая.

— Следовательно, один изъян у девочки уже есть.

— Ее не принимает ни мир глухих, ни мир слышащих. К тому же у нее избыточный вес и недостаточно навыков социального общения. Первейший кандидат для того, чтобы удариться в панику. А Хэнди может решить, что это агрессия против него. Хотя агрессия тоже возможна.

Поттер кивнул, как всегда радуясь, что Анжи Скапелло в его команде. Ее специальностью была психология заложников — она помогала им прийти в себя, вспомнить все, что могло бы пригодиться для разрешения подобных ситуаций в будущем, и готовила бывших заложников для выступления свидетелями на суде против тех, кто их захватил.

Несколько лет назад Поттеру пришло в голову брать ее непосредственно на переговоры — оценивать показания заложников, состояние их и преступников. Она часто разделяла с ним кафедру, когда он читал лекции по стратегии переговоров.

— Значит, надо вытаскивать ее как можно спокойнее, — заключил Поттер.

Паника во время обмена заразительна и нередко приводит к непоправимым последствиям.

— Вы можете научить полицейского что-нибудь ей сказать? — обратился он к Фрэнсис. — Что-то такое, что помогло бы?

Девушка продемонстрировала жест.

— Это значит «не волнуйся». Но язык глухонемых — трудная штука. Быстро научиться и все запомнить невозможно. Малейшая ошибка, и значение кардинально меняется. Если нужно установить контакт, я бы рекомендовала общепринятые знаки: «иди ко мне», «иди туда».

— А я бы посоветовала ему улыбаться, — добавила Анжи. — Это то, что необходимо девочке. Если же возникнет необходимость сообщить что-то более сложное, можно написать. — Она вопросительно посмотрела на Фрэнсис.

— Удачная мысль, — кивнула та.

— Бывает, что глухие от рождения учатся читать позже, чем их сверстники. Но Джойслин оглохла, когда уже умела говорить. — Анжи забрала у аналитика свои записи и нашла то, что требовалось. — При ее высоком коэффициенте умственного развития она прекрасно разберется с любой написанной на бумаге командой.

— Дерек, здесь найдутся ручки и блокноты?

— Есть и то и другое. — Элб достал несколько блокнотов и пригоршню черных фломастеров.

Переговорщик спросил, не удалось ли Анжи раздобыть фотографии учительниц.

— Нет… хотя постой. Кажется, есть снимок Мелани Черрол, младшей из двух.

Ей двадцать пять, вспомнил Поттер.

— Срок ультиматума по поводу еды истек, — объявил Тоби.

— Вот она. — Анжи протянула переговорщику фотографию.

«Стерегись!»

Поттер удивился: женщина на снимке выглядела красивее, чем ему показалось. В отличие от других фотографий эта была цветной. Светлые волнистые волосы и завитки надо лбом, гладкая бледная кожа и лучистые глаза. Снимок больше напоминал портрет модели, чем служебное фото. Во всей ее внешности, кроме глаз, сохранилось что-то детское. Переговорщик сам прикрепил фотографию на доску рядом с портретом близняшек.

— Ее родственники здесь?

Анжи заглянула в свои записи.

— Директор школы Клерка Лорена сообщила, что ее родители владеют фермой неподалеку от их учебного заведения, но в эти выходные уехали в Сент-Луис. Брат Мелани в прошлом году попал в аварию, и завтра ему предстоит сложная операция. А Мелани на завтра взяла отгул, чтобы навестить его.

— Фермы, — пробормотал Бадд. — Самое опасное место на земле. Знали бы вы, какие у нас бывают случаи.

На консоли зазвонил телефон — вызов поступил по защищенной линии. Тоби нажал кнопку и что-то сказал в микрофон на подставке.

— Из ЦРУ, — объяснил он коллегам и снова быстро заговорил в микрофон. Нажал несколько клавиш, посоветовался с Дереком и включил монитор. — Получено изображение со спутника. Артур, взгляните.

Экран медленно ожил. Фон был, как на радаре, темно-зеленым со светло-зелеными, желтыми и янтарными пятнами. Проглядывался едва различимый контур бойни, окруженный красными точками.

— Зеленое — это земля, — объяснил техник. — Желтое и оранжевое — деревья и естественные источники повышенной температуры. Красные точки — полицейские. — Здание бойни представляло собой

голубовато-зеленый прямоугольник. Только ближе к фасаду, где располагались окна, цвет менялся. — Вот здесь, возможно, небольшой жар от ламп. Мало что нам дает. Определенно одно: на крыше никого нет.

— Попросите продолжать сканирование.

— Вы представляете, сколько это стоит? — спросил Тоби.

— Двенадцать тысяч в час, — подсказал Лебоу, не прекращая печатать. — Ты еще спроси его, есть ли ему дело до цены.

— Пусть остаются на линии, Тоби.

— Будет исполнено. Но если мы настолько богаты, требую компенсацию.

Открылась дверь, в фургон вошел полицейский с коричневыми пакетами в руках, и салон наполнился запахом жирных бургеров и картофеля фри. Поттер сел на стул и сжал пальцами телефон.

Вскоре предстоял первый обмен.

14:45

Снова явился Стиви Оутс.

— Что, большой охотник до наказаний? — поинтересовался Поттер.

— Скучно просто сидеть на заднице, сэр.

— На этот раз бросать ничего не придется. Нужно только пройти дистанцию.

Дин Стиллуэл стоял рядом с полицейским, пока, по указанию Поттера, два агента ФБР в кевларе прилаживали Оутсу под форму тонкий, двухслойный, пуленепробиваемый жилет. Все это проделывали за фургоном, а неподалеку Чарли Бадд руководил установкой огромных галогенных прожекторов, направленных на бойню. Летний световой день кончался не скоро, но небо с каждой минутой темнело и казалось, что наступили сумерки.

— Все в порядке, Артур, — доложил капитан.

— Тогда врубайте. — Поттер оторвал взгляд от полицейского.

Вспыхнули прожектора, посылая на фасад и по бокам бойни потоки резкого света. Бадд отдал несколько распоряжений, и лучи

сфокусировали на дверь и окна по обе стороны от нее. Ветер налетал порывами, и полицейским пришлось обложить ножки штативов прожекторов мешками с песком. Внезапно с поля донесся странный звук.

— Что это? — удивился капитан.

— Смеются. Кто-то из полицейских, — отозвался шериф и спросил по рации: — Хэнк, что там происходит? — Выслушав ответ, он посмотрел на бойню в полевой бинокль и предложил: — Взгляните на окно.

Поттер высунул голову из-за фургона. Прожектора били в глаза тем, кто находился в осаде, лишая преступников возможности сделать точный выстрел. Переговорщик навел бинокль на окно.

— Забавно, — пробормотал он.

Лу Хэнди, защищаясь от света, надел солнечные очки, нелепо потирая лоб и строя рожи хохочущим зрителям.

— Прекратить! — строго приказал по рации Дин Стиллуэл. — Это вам не Дэвид Леттерман[26].

Поттер кивком показал Оутсу на его тонкий бронежилет.

— Если попадут, будет огромный синяк. Но очень важно не выглядеть угрожающим.

— Преступники нервничают, если к ним вышагивает полицейский, экипированный, как пришелец, — объяснила Анжи. — Экипировка должна способствовать успеху.

— Мне кажется, у меня самый кроткий вид, какой только может быть. Оставить здесь оружие?

— Нет, — покачал головой Поттер. — Только не держите его на виду. Ваша главная задача — собственная безопасность. Ни на минуту не ставьте это под сомнение. Если придется выбирать между собой и заложником, спасайтесь сами.

— Но...

— Это приказ, — внушительно проговорил шериф. Он вполне освоился с ролью командира сил сдерживания.

— Идите медленно, несите пакеты с едой так, чтобы их видели, — продолжил агент ФБР. — Не спешите, что бы ни случилось.

— Ясно. — У Оутса был такой вид, словно он учил приказания наизусть.

Из фургона вышел Тоби Геллер с небольшой коробочкой, откуда торчал росток из проволоки, на конце которой было нечто вроде черного толстого сучка. Тоби прицепил ее полицейскому на спину под куртку, а росток закрепил заколкой в его волосах.

— С Артуром такое не прошло бы, — заметил он. — Надо иметь на голове какую-никакую шевелюру.

— Что это?

— Видеокамера и наушники.

— Такие маленькие? Шутишь!

Тоби пропустил проволоку по спине Оутса и подключил к передатчику.

— Разрешение не очень высокое, — сказал полицейскому Поттер. — Но может пригодиться, когда вы вернетесь.

— Это как?

— Вы производите впечатление хладнокровного человека, Стиви, — взялся объяснять Лебоу, — однако увидите не больше сорока процентов того, что там произойдет.

— Если не ошибаюсь, пятьдесят, — уточнил переговорщик.

— Сама по себе запись нам скажет не много, — продолжал аналитик, — но ее задача освежить вашу память.

— Ясно. А эти бургеры очень даже неплохо пахнут. — Полицейский пытался шутить, но было видно, что еда — последнее в мире, что его интересовало.

— Анжи, — позвал Поттер.

Агент Скапелло подошла и откинула с лица тяжелую прядь темных волос.

— Вот фотография девочки, которую отпускают. Ее зовут Джойслин. — Анжи быстро повторила рекомендации по поводу того, как лучше обращаться с ребенком. — Не говорите с ней. Она не поймет ваших слов и может испугаться, вообразив, будто пропустила что-то важное. И старайтесь улыбаться.

— Улыбаться? Конечно. Нет ничего проще, — кивнул Оутс.

— И еще, — добавил Поттер, — у нее излишний вес, и быстро она не побежит. — Он развернул небольшую карту местности в районе бойни. — Если бы девочка была порезвее, я бы посоветовал прыгнуть вот в этот овражек и рвануть изо всех сил. Тогда вы представляли бы собой непростую мишень. Но ситуация такова, что придется идти в открытую.

— Как та девушка, которую застрелили? — спросил Бадд, и от его слов у всех стало тяжело на душе.

— Далее, Стиви, — продолжал Поттер, — вы подойдете к двери, но ни при каких обстоятельствах не входите внутрь.

— А вдруг он заявит, что не отпустит девочку, если я не войду?

— Тогда оставьте девочку у него. Отдайте еду и возвращайтесь. Ноя думаю, что отпустит. Постарайтесь только максимально приблизиться к двери и заглянуть внутрь. Меня интересует, какое у них оружие, есть ли радио, нет ли следов крови и заложников или преступников, о которых мы пока не знаем.

— Как бы они оказались внутри? — удивился Бадд.

— Могли поджидать на бойне, когда к ним присоединится Хэнди с остальными.

— Конечно, — смешался капитан. — Я не подумал об этом.

— Не вступайте с Хэнди в разговор, — продолжал Поттер. — Не спорьте с ним, ничего не обсуждайте, только прямо отвечайте на его вопросы.

— Думаете, он будет меня о чем-то спрашивать?

Переговорщик посмотрел на Анжи.

— Возможно, — подтвердила она. — Не исключено, что ему захочется немного подразнить или испытать вас. Не попадите в ловушку.

Оутс неуверенно кивнул.

— Мы будем прослушивать ваш разговор, — продолжил Поттер. — И я смогу подсказывать вам ответы в наушники.

— Мне предстоят самые длинные сто ярдов в моей жизни, — слабо улыбнулся полицейский.

— Не волнуйтесь, — сказал Поттер. — Сейчас главное для Хэнди — еда, а не желание кого-нибудь убить.

Его слова приободрили Оутса, однако самого Поттера угнетала мысль о том, что несколько лет назад он сказал полицейскому то же самое, а через несколько минут тот получил пули в колено и запястье: преступнику не подошли бинты и болеутоляющие, принесенные парламентером.

В пакет с бургерами переговорщик положил ингалятор с лекарством от астмы.

— Про это ничего не говорите. Пусть найдет сам и решит, давать ли его Беверли.

Бадд протянул несколько блокнотов и фломастеров, которые дал ему Дерек.

— А это можно?

Поттер размышлял. Бумага и ручки дадут заложникам возможность общаться с преступниками, и появится шанс, что их отношения улучшатся по стокгольмскому образцу. Но порой малейшее отклонение от договоренности выводит преступников из себя. Ингалятор — это уже отклонение. Как отреагирует Хэнди на еще одно? Он высказал свое мнение Анжи.

— Не исключено, что Хэнди — психопат, — ответила она, подумав. — Но ведь нервных срывов и эмоциональных вспышек у него еще не случалось?

— Нет, он вел себя довольно хладнокровно.

Если честно, то пугающе спокойно.

— Можно положить, — заключила агент Скапелло.

— Дин, Чарли, — попросил Поттер, — подойдите на минутку. — Кто у вас лучший стрелок из винтовки?

— Сэмми Баллок и — как ты считаешь: наверное, Крис? — Крис Феллинг. Пожалуй, Кристина даже лучше. Как, Дин?

— Если бы я был белкой, сидел в четырех сотнях ярдов и видел, что она прицеливается, то даже не попытался бы сбежать.

— Пусть зарядит оружие, дошлет патрон в патронник и возьмет с собой наблюдателя с биноклем, чтобы следил за дверью и окнами. Если покажется, что Хэнди или кто-то из его сообщников собирается стрелять, она вправе сделать выстрел. Но только в дверной косяк или оконную раму.

— Вы сказали, что предупредительных выстрелов не будет, — удивился Бадд.

— Таково правило, — заметил переговорщик. — И оно справедливо до тех пор, пока не встретится исключение.

— Ах вот как...

— Займитесь этим, Дин.

— Слушаюсь, сэр. — Шериф, пригибаясь, побежал выполнять приказ.

— Готовы? — Поттер посмотрел на Оутса.

— Могу я пожелать вам удачи? — спросила Фрэнсис молодого полицейского.

— Она мне очень пригодится, — серьезно ответил тот.

Бадд похлопал его по плечу, затянутому в кевлар.

Мелани Черрол знала много библейских школьных историй.

Жизнь Глухих тесно связана с религией, и многие поддерживают эту традицию. Бедные Агнцы Божьи... потрепать их по головкам и убедить настолько овладеть языком, чтобы одолеть катехизис, приобщиться к причастию и ходить на исповедь (все это, разумеется, между собой, чтобы не ставить в неловкое положение сообщество слышащих). Аббат де л’Эпе, человек выдающийся и добросердечный, создал французский язык глухих главным образом для того, чтобы отданные на его попечение души получили возможность попасть на небеса. А монахи и монахини, принимающие обет молчания, считают «недуг» несчастных глухих епитимьей (наверное, полагают, будто так слышнее Божий глас, хотя Мелани могла бы заверить их, что в этом они не правы).

Мелани привалилась к кафельным плиткам зала забоя — самого ужасного места во внешнем мире. Миссис Харстрон лежала на боку в десяти футах от нее и смотрела в стену. Ее глаза были сухими — она выплакала все слезы. Женщина моргала, дышала, но ее состояние могло

быть и комой. Мелани поднялась и перешагнула черную лужу, покрытую пеной и усеянную трупами тысяч насекомых.

Религия.

Она обняла близняшек и почувствовала под одинаковыми голубовато-зелеными ковбойками хрупкие позвонки. Сев подле них, пыталась вспомнить какую-нибудь историю, услышанную в воскресной школе. На ум пришел рассказ о христианах Древнего Рима, которых ждала мученическая смерть в Колизее. Они, разумеется, не отреклись от веры. Мужчины, женщины и дети радостно молились на коленях, когда к ним приближались центурионы. Глупая история — продукт примитивного воображения составителя учебника. Взрослой Мелани Черрол казалось непростительным включать ее в детскую книжку. Но в восемь-девять лет эта история, как дешевая мелодрама, переворачивала ей сердце. И переворачивает до сих пор.

Глядя на далекий свет, Мелани погрузилась в созерцание пульсирующей желтой лампы: ярче, темнее, ярче, темнее, ярче, темнее. Внезапно свет превратился в лицо Сьюзан, затем в прекрасное тело девушки, которую лев рвал на части когтями.

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте...

Нет, теперь уже не восемь, а семь.

Неужели Джойслин тоже умрет? Мелани посмотрела за угол и увидела стоящую у окна девочку. Она всхлипывала и мотала головой, а Горностай держал ее за руку. Они находились у приоткрытой двери.

Рядом кто-то пошевелился. Мелани повернула голову — машинальная реакция глухой на движение рук. Киэл сидела с закрытыми глазами, но ее руки не останавливаясь повторяли несколько одинаковых движений. Сначала Мелани не поняла, что хочет сказать девочка, и вдруг догадалась — она зовет Росомаху, еще одну героиню комиксов.

— Мелани, сделай что-нибудь! — попросила Шэннон. Ее маленькие ручонки отчаянно молотили воздух.

Сделай что-нибудь. Легко сказать.

Мелани подумала об аббате де л’Эпе, надеясь, что мысль о нем оживит ее сердце, скованное холодом. Не получилось. Глядя на Джойслин, Мелани чувствовала себя, как всегда, беспомощной. Девочка обернулась и встретилась с ней взглядом.

— Они убьют меня. — Пухлые бледные щеки девочки блестели от слез.

Внешний мир.

Неожиданно рядом с ней оказалась Киэл. Ее темные глаза сверкнули.

— Мелани, сделайте же что-нибудь!

— Что? — Вопрос вырвался сам собой. — Застрелить его? Или отрастить крылья и улететь?

— Тогда я сделаю! — Киэл бросилась к мужчинам. Мелани, сама не сознавая, как это получилось, устремилась за ней. Они уже были в дверях зала забоя, когда перед ними замаячила огромная фигура Медведя. Обе остановились как вкопанные. Мелани обняла девочку и, опустив глаза, не сводила взгляда с заткнутого за пояс черного пистолета бандита.

Вырвать. Выстрелить. А потом будь что будет. У нее получится. Грязные мысли Медведя витают где-то еще. Де л'Эпе услышит выстрел и придет к ним на помощь. Ну давай же! Она видела, как мужчина нажал на курок. Руки задрожали. Мелани смотрела на блестящую пластмассовую рукоятку оружия.

Медведь слегка подался вперед и коснулся ее волос. Дотронулся тыльной стороной руки и нежно погладил. Это была ласка любовника или отца.

И в этот момент силы, оставшиеся у Мелани, улетучились. Медведь схватил ее и Киэл за шиворот и поволок в зал забоя. Мелани больше не видела Джойслин.

«Я глухая и не могу слышать ее крики. Я глухая и не слышу ее мольбы о помощи. Я глухая, я глухая, я глухая...»

Медведь швырнул их в угол и сел на пороге сторожить, обводя глазами испуганных пленниц.

«Я глухая, и я уже мертва. Не все ли теперь равно? Разве что-нибудь имеет значение?»

Мелани закрыла глаза, спрятала свои красивые руки в коленях и, словно освободившись от пут, улетела из проклятого чертога смерти.

— Тоби, запускай свою машину, — распорядился переговорщик.

Техник открыл атташе-кейс, в котором оказался компьютер «Хьюлетт-Паккард» модели 122 VSA, напоминающий кардиомонитор.

— Все на сто десять вольт и с заземлением? — Тоби кивнул на розетки.

Дерек подтвердил, и Тоби воткнул штепсель. Аппарат выдал квадратик бумаги, похожий на кассовый чек, и на черном экране появилась зеленая сетка. Тоби обвел глазами собравшихся в фургоне людей. Лебоу показал на Поттера, на себя, на Анжи и Бадда.

— Результат будет такой. В таком порядке.

Дерек и Фрэнсис недоуменно следили за происходящим.

— Ошибаешься, — покачал головой Поттер. — Я, Анжи, ты и Чарли.

Бадд нервно рассмеялся.

— Вы о чем?

— Все, тихо, — оборвал его Тоби и подвинул микрофон к Анжи.

— Дождь в Испании льет…

— Довольно. — Тоби передал микрофон Поттеру, и тот проговорил:

— Быстрая бурая лисица…

Лебоу оборвали на середине длинной цитаты из «Бури». А капитан, скосив глаза на микрофон, сказал:

— Мне от этой штуки не по себе.

Четыре агента ФБР расхохотались, и Тоби начал объяснять Фрэнсис:

— Это голосовой анализатор. Дает некоторое представление о том, говорит человек правду или лжет. Но в основном полезен тем, что помогает оценить степень риска. — Техник нажал на кнопку, и на экране, разделенном на четыре части, застыли кривые с пиками и падениями. Тоби показал на монитор. — Вот это Артур — его ничем не проймешь. Сам я считаю, что он регулярно мочит штаны, но по голосу этого не скажешь. Затем номер два — Анжи. Артур прав: тебе присуждается премия за невозмутимость. Хотя Генри не намного отстал. А вот вы, капитан Бадд, — нервный господин. — Тоби показал на последний квадрат. — Могу посоветовать йогу и дыхательные упражнения.

Бадд нахмурился.

— Если бы мне не тыкали этой штукой в лицо, я показал бы лучший результат. Или хотя бы сказали, в чем дело. У меня есть вторая попытка?

Переговорщик посмотрел наружу.

— Пора звонить. Отправляй его, Чарли.

— Пошел, Стиви, — приказал капитан в микрофон гарнитуры. Все наблюдали, как полицейский спрыгнул в овражек и направился к зданию бойни.

Поттер нажал на кнопку быстрого набора.

— Связь установлена.

— Привет, Лу.

— Арт! Твоя толстушка готова, как фаршированная индюшка на День благодарения. Мы видим твоего человека. Он несет мне шоколадный коктейль?

— Это тот же, что бросил тебе телефон. Его зовут Стиви. Хороший парень.

Поттер представил следующую фразу Хэнди: «Уж не тот ли, который стрелял в нас?»

— Это, случайно, не тот, который дал сигнал палить в нашего Шерпа?

— Я же говорил тебе, Лу, это была случайность. Как там все поживают?

«Мне до лампы».

— Нормально. Только что проверял.

«Странно, — подумал переговорщик, не ожидавший такого ответа. — Сказал так, чтобы убедить меня? Или напуган? Или пытается усыпить бдительность, чтобы я совершил просчет?

Или, на миг отказавшись от позы злодея, появился настоящий Лу Хэнди и дал разумный ответ на разумный вопрос».

— Я положил в пакет лекарство от астмы для Беверли.

«Да пошла она, кому девчонка нужна?»

Хэнди рассмеялся.

— Это для той, которая никак не может продохнуть? Вот уж проблема. Не представляю, как можно спать с этой засранкой, когда она все время так сипит.

— Еще несколько блокнотов и ручки, на случай если девочкам понадобится что-то сказать вам.

Тишина. Поттер и Лебоу переглянулись. Неужели он разозлился из-за блокнотов?

Нет. Просто разговаривает с кем-то внутри здания.

«Занимай его сознание, отвлекай от заложников, от Стиви».

— Лампочки работают?

— Отлично. А вот те, что вы позажигали снаружи, хреново. Можно я их перестреляю?

— Ты представляешь, сколько они стоят? Моей зарплаты не хватит.

Оутс удалился на пятьдесят футов. Он шел медленным и ровным шагом. Поттер взглянул на Тоби; тот кивнул и нажал кнопку на панели компьютера.

— Так ты поклонник «Макдоналдса», Лу? Биг-маки у них самое лучшее.

— А тебе-то откуда знать? — насмешливо спросил Хэнди. — Готов спорить, ты ни разу не ел под Золотыми арками[27].

Анжи подняла вверх два больших пальца, и Поттер удовлетворенно кивнул. Хороший знак, если преступник, захвативший заложников, обращается к переговорщику. Значит, процесс перенесения успешно идет.

— Ошибаешься, Лу. Ты получаешь то, что я дважды ел на прошлой неделе. За исключением «фритос». И коктейль был не шоколадный, а молочный. Ванильный.

— А я думал, что хитрованы из ФБР вроде тебя каждый вечер наедаются как гурманы: бифштекс, омары, шампанское. А потом трахают красивую агентшу, которая работает на них.

— Чизбургер с беконом, вина ни-ни. Да, а вместо секса вторая порция картофеля фри. Люблю картошечку.

В тусклом отражении окна Поттер заметил, что Бадд пристально смотрит на него, и ему показалось, что глаза капитана выражают недоверие.

— Ты такой же толстяк, как эта маленькая жирнячка, которую я держу за ее свинячью руку?

— Не мешало бы избавиться от нескольких фунтов. Может быть, даже больше, чем от нескольких.

Оутс находился в пятидесяти футах от входа в здание бойни.

Поттеру хотелось выведать у Хэнди, что он любит или не любит, но он остерегался вызвать раздражение. Существует философия переговоров, согласно которой нужно держать преступника на грани срыва: бомбардировать паршивой музыкой, морозить или, наоборот, поджаривать место, где он держит заложников. Поттер не доверял такому методу. Он считал: надо быть твердым, но налаживать отношения.

Уж слишком притих этот Хэнди. Что его смущает? О чем он думает? «Мне не хватает контроля над ситуацией, — думал переговорщик. — Но ситуацией не овладеть, если не добиться контроля над ним».

— Слушай, я как раз хотел спросить тебя, Лу. Очень странная погода для июля. Вам там не холодно? Может прислать вам колориферы или что-нибудь в этом роде?

Он представил себе ответ: «У нас под рукой столько тел, что не замерзнешь». Но Хэнди отреагировал иначе:

— Может быть. А какая температура будет ночью?

Опять очень логично и обыденно. Но за этими словами подразумевалось намерение выдержать долгую осаду. Это давало Поттеру шанс отодвинуть сроки некоторых ультиматумов преступника. Он написал эти соображения на листе бумаги и подвинул Лебоу, чтобы тот внес их в компьютер.

— Как мне сказали, будет ветрено и прохладно.

— Я подумаю.

Прислушиваясь к голосу Хэнди, Поттер решил: он говорит очень здраво. Что из этого следует? Иногда слова Хэнди — чистая бравада, а иногда он напоминает торговца страховыми полисами. Переговорщик скользнул взглядом по плану здания бойни. К нему было прилеплено двенадцать желтых самоклеющихся листочков. Каждый из них представлял либо

преступника, либо заложника. Поттер надеялся, что в конце концов они будут располагаться там, где находятся эти люди, а пока листочки были сдвинуты к одной стороне плана.

— Лу, ты здесь?

— Здесь, а где же еще? Думаешь, еду по 1–70 в Денвер?

— Не слышу, чтобы ты дышал.

Хэнди ответил низким, леденящим голосом:

— Это потому, что я привидение.

— Привидение? — эхом отозвался переговорщик.

— Подкрадусь к тебе тихо, как кот, перережу глотку и смоюсь прежде, чем твоя кровь окропит землю. Думаешь, я в этом здании перед тобой, на бойне? Так вот, меня там нет.

— Где же ты?

— Может, подхожу к тебе сзади, к этому твоему фургону. Видишь, я знаю, что ты в грузовике и смотришь из окна. А я — как раз за окном. Или в зарослях буйволовой травы, по которым сейчас идет твой человек, и собираюсь отрезать ему яйца, когда он поравняется со мной.

— А может, это я на бойне с тобой, Лу?

Молчание. Поттер подумал: сейчас он рассмеется.

Хэнди рассмеялся — громко, от души.

— Много положил мне «Фритос»?

— Много. Обычные и барбекю.

Стиви Оутс был уже возле здания.

— Ну вот, пора стричься и бриться... Ко мне идет гость.

— Включаю видео, — прошептал Тоби, притушил в фургоне свет, и все повернулись к экрану, на который передавалось изображение с камеры над правым ухом Стиви Оутса. Картинка была нечеткой. Дверь бойни позволяла видеть лишь несколько футов внутреннего пространства — искаженные отблесками света механизмы, трубы, стол. Единственный

человек в кадре — Джойслин, вернее, ее силуэт с поднятыми к лицу руками.

— Твой парень пожаловал. Как его зовут? Стиви? Не припоминаю, чтобы убивал кого-то по имени Стиви. Похоже, он чертовски стесняется.

Какой-то предмет, похожий на ружейный ствол, уперся в голову Джойслин. Ее сжатые в кулаки руки вытянулись по швам. Из громкоговорителя донеслось ее хныканье. Поттер искренне надеялся, что снайпер Стиллуэла держит себя в руках.

Изображение на мгновение дрогнуло.

Ружейный ствол повернулся в сторону Оутса, и в дверном проеме появились контуры человеческой фигуры. Микрофон над ухом полицейского передал слова:

— Ты при оружии? — Вопрос задал не Хэнди. Шепард Уилкокс, догадался Поттер. Силуэт Боннера был бы гораздо крупнее.

Поттер опустил глаза, желая убедиться в том, что жмет на нужные кнопки и Стиви Оутс услышит его.

— Лги. Будь настойчив и вежлив.

— Нет. Вот то, что вы хотели. Еда. А теперь, сэр, если вы отпускаете эту девочку... — Голос полицейского не дрожал.

— Хорошо, Стиви, ты все делаешь правильно. А теперь кивни, если с Джойслин все в порядке.

Картинка слегка дернулась вниз.

— Не забывай улыбаться ей.

Новый нырок изображения.

— На тебе есть микрофон или камера? — Появился новый силуэт — Хэнди. — Ты записываешь меня?

— Выбор за тобой, — прошептал Поттер. — Но если ты ответишь «да», обмен не состоится.

— Нет, — проговорил полицейский.

— Я убью тебя, если обнаружу, что ты лжешь.

— Не лгу, — без колебаний отозвался полицейский.

«Хорошо, хорошо».

— Ты один? Никто не прячется по сторонам двери?

— А сам не видишь? Один. Как девочка?

— А сам не видишь? — передразнил его Хэнди, вставая за Уилкоксом и появляясь на экране. — Вот она, любуйся.

Пока никто не собирался освобождать Джойслин.

— Отпусти ее, — потребовал Оутс.

— Заходи возьми сам.

— Нет. Отпусти ее.

— На тебе есть бронежилет?

— Да, под рубашкой.

— Может, отдашь? Нам он нужнее, чем тебе.

— Почему ты так решил? — Теперь полицейский говорил не так спокойно, как раньше.

— Потому что тебе он все равно без толку. Мы можем выстрелить в лицо и снять его с тебя. Или с тем же успехом превратить тебя в мертвеца, пальнув в спину, когда будешь возвращаться назад. Может, лучше не жадничать и скинуть бронежилет сейчас?

Если Оутс отдаст им бронежилет, они обнаружат камеру и радиопередатчик. И возможно, тут же пристрелят его.

— Скажи ему, что мы заключили сделку, — прошептал Поттер.

— Мы заключили сделку, — твердо проговорил Оутс. — Вот еда. Мне нужна девочка. И немедленно.

Пауза длилась миллион лет.

— Поставь на землю, — наконец сказал Хэнди.

Изображение провалилось, когда полицейский опустил к ногам пакет. Но голову он держал так, чтобы объектив был направлен в приоткрытую дверь. К сожалению, слишком сильный контраст света не позволял

людям в фургоне рассмотреть, что находилось внутри, — агенты не видели почти ничего.

— Хорошо. — Голос Хэнди сорвался. — Забирай свою мисс Хрюшку. Пусть делает пи-пи всю дорогу домой. — Послышался смех. Хэнди отошел от двери и вместе с Уилкоксом исчез с экрана. Что это? Кто-то из них поднимает ствол винтовки, чтобы выстрелить?

— Привет, моя хорошая, — поздоровался с девочкой Оутс. — Не бойся, все будет в порядке.

— Он не должен с ней говорить, — пробормотала Анжи.

— Ну, пошли. Скоро будем у мамы с папой.

— Лу? — сказал Поттер в телефон, встревоженный тем, что больше не видит преступников. Никакой реакции. Переговорщик повернулся к остальным на командном пункте и прошептал: — Я не верю ему. Черт! Я не верю ему.

— Лу?

— Связь не прервана, — подсказал Тоби. — Он не разъединился.

— Ничего не говори ей, Стиви, — приказал Поттер полицейскому. — Это может вызвать у нее приступ паники.

В ответ изображение чуть колыхнулось вниз.

— А теперь давай выбирайся оттуда. Лицом к ним. Иди не спеша. Затем встань позади девочки, повернись и следуй прямо к нам. Держи голову поднятой, чтобы шлем прикрывал как можно больше шеи. Если тебя ранят, падай на девочку. Я прикажу прикрыть вас огнем и вытащить как можно быстрее.

В динамике послышался встревоженный шепот. Но никакого ответа. Внезапно изображение взбунтовалось: по экрану побежали всполохи света, картинка перекосилась, и все смешалось.

— Нет! — закричал Оутс, что-то прохрипел и застонал.

— Он упал! — воскликнул Бадд, наблюдая из окна в бинокль. — О Господи!

— Боже! — Дерек пытался понять, что творится на экране монитора.

Никто не слышал выстрела, но Поттер не сомневался, что Уилкокс разнес девочке голову пулей из пистолета с глушителем и теперь стреляет в полицейского. Картинка бешено прыгала — летели зернистые тени, на линзе объектива вспыхивали блики.

— Лу! — кричал в телефон переговорщик. — Лу, ты здесь?

— Смотрите! — крикнул Бадд и показал в окно.

Там было совсем не то, чего боялся Поттер. По-видимому, Джойслин запаниковала и бросилась вперед. Крупная девочка сбила Оутса с ног, тот повалился на спину, а она бежала по траве и бородачу к первой шеренге полицейских машин. Оутс перекатился на живот, вскочил и бросился за ней.

Поттер перебирал кнопки управления связью.

— Лу! — Он хлопнул ладонью по консоли, соединяясь по рации с шерифом Стиллуэлом, который находился рядом со снайпером и наблюдал в прибор ночного видения.

— Дин?

— Да, сэр.

— Что-нибудь видно внутри?

— Немного. Дверь приоткрыта всего на фут. За ней кто-то есть.

— Как окна?

— В них никого.

Джойслин, несмотря на свой немалый вес, неслась к командному пункту как олимпийская бегунья и при этом размахивала руками и разевала рот. Оутс нагонял ее, но оба представляли собой прекрасную цель.

— Скажите снайперу, — переговорщик безуспешно шарил биноклем по окнам бойни, — чтобы снял оружие с предохранителя.

Отдавать приказ открыть огонь или нет?

— Есть, сэр. Подождите: я вижу Уилкокса. Примерно в пяти ярдах от окна. Он прицеливается из ружья.

«Господи! — подумал Поттер. — Если снайпер убьет его, Хэнди в отместку расправится с одной из заложниц».

Будет Уилкокс стрелять или не будет?

Может, он тоже запаниковал и не понимает, что происходит?

— Агент Поттер? — напомнил о себе шериф.

— Держать цель на мушке.

— Слушаюсь, сэр... Уилкокс у Крисси на прицеле. Она готова. Говорит, не промахнется. Перекрестье как раз у него на лбу.

Да или нет?

— Ждать и держать на прицеле.

— Есть, сэр.

Джойслин была в тридцати ярдах от бойни. Оутс бежал за ней по пятам. Отличные мишени. Заряд двенадцатого калибра дробью два нуля оторвет им ноги.

Обливаясь потом, Поттер нажал две кнопки и сказал в телефон:

— Лу, ты на связи?

В ответ он услышал то ли помехи, то ли дыхание, то ли неровное сердцебиение. И неожиданно приказал Стиллуэлу:

— Скажите снайперу: отбой. Не стрелять. Что бы ни произошло, не стрелять.

— Есть, сэр, — ответил шериф.

Поттер подался вперед, и его лоб коснулся холодного стекла окна.

В два прыжка Стиви Оутс нагнал девочку и дернул ее вниз. Она беспомощно взмахнула руками и ногами, и оба, свалившись на землю, скрылись из вида находящихся на бойне.

Бадд громко вздохнул.

— Слава Богу! — пробормотала Фрэнсис.

Анжи ничего не сказала, но Поттер заметил, что ее рука лежала на пистолете и крепко стискивала рукоятку.

— Лу, ты на связи? — спросил переговорщик. Затем еще и еще.

Раздалось потрескивание, словно телефон заворачивали в хрустящую бумагу.

— Не могу разговаривать, Арт, — проговорил Хэнди с набитым ртом. — Время обеда.

— Лу…

Раздался щелчок, потом наступила тишина.

Поттер откинулся на спинку стула и протер глаза.

Фрэнсис захлопала в ладоши, ее поддержал Дерек.

— Поздравляю, — тихо сказал Лебоу. — Первый обмен. Успех.

Бледный Бадд выдохнул полную грудь воздуха.

— Ничего себе…

— Все успокоились, — предложил Поттер. — Не будем слишком увлекаться, хлопая друг друга по спинам. До окончания срока первого ультиматума с вертолетом осталось всего час сорок пять минут.

Из всех находящихся на командном пункте только молодой Тоби Геллер казался встревоженным. И бездетный отец Артур Поттер сразу заметил это.

— В чем дело, Тоби?

Агент нажал несколько кнопок на клавиатуре «Хьюлетт-Паккарда» и показал на экран.

— Вот, Артур, это ваш график анализа вариационного моделирования — возбуждение ниже среднего для умеренно стрессового события.

— «Умеренно стрессового события»! — покачал головой капитан Бадд. — Спасибо, что не привел в пример мой.

— А вот его типичные десять секунд во время всего обмена. — Тоби постучал пальцем по экрану, где отразилась почти прямая линия. — Сукин сын стоял в дверях под прицелом десятка стволов, которые метили ему в сердце, и был почти так же спокоен, как если бы заказывал чашку кофе в ближайшем магазине «Севен-илевен».

15:13

Она не почувствовала ни удара выстрела, ни отражения в груди вибрации крика.

Спасибо, спасибо, спасибо.

Толстушка Джойслин в безопасности.

Мелани села в глубине зала с близняшками — их мокрые от слез каштановые волосы прилипли к лицам. Подняла голову, посмотрела на голую лампочку, едва сдерживающую убийственные волны внешнего мира, готовые раздавить ее.

Палец нервно накручивал прядь волос — жест означающий «сиять», слово со значением «блеск».

Слово, означающее «свет».

Ее внезапно испугало неясное движение: жующий гамбургер бородатый Медведь метнулся к Горностаю; он бросил ему несколько слов, подождал ответа, не получил и что-то выкрикнул. Мелани ничего не разобрала из их разговора. Чем возбужденнее люди, тем скомканнее и быстрее произносимые ими слова, и понять их нельзя, словно ясность исчезает именно тогда, когда она нужнее всего.

Горностай спокойно провел рукой по коротко остриженным волосам и ответил Медведю насмешливым взглядом. «Настоящий ковбой этот Горностай, — подумала Мелани. — Такой же жестокий, как остальные, но храбрый, и не лишен чести. И если эти качества хороши даже в плохих людях, то в нем осталось хоть что-то хорошее». Появился Брут, Медведь сразу замолчал, схватил жирной рукой пакет с картофелем фри, отошел к передней стене и начал запихивать еду в свою всклокоченную бороду.

Брут принес завернутый в бумагу гамбургер и теперь с таким интересом разглядывал его, будто ничего подобного раньше не пробовал. Откусил небольшой кусочек и тщательно прожевал. Сгорбившись в дверях, обвел глазами девочек. Мелани перехватила его взгляд и почувствовала, как от панического страха вспыхнула кожа.

— Эй, мисс, — позвал он.

Мелани поспешно опустила голову. В животе похолодело.

Почувствовав сотрясение, она подняла глаза. Брут топнул рядом с ней ногой. Достал из кармана рубашки маленькую голубую картонную коробочку и бросил Мелани. Внутри оказался ингалятор для астматиков. Мелани открыла коробочку, протянула пузырек Беверли, и та жадно вдохнула лекарство.

Мелани повернулась к Бруту и собиралась изобразить губами «спасибо», но он смотрел на миссис Харстрон, у которой начался новый истерический припадок.

— Никак не уймется.

«Как я могу понять его слова, если не понимаю его самого? Вот он наклонился, разглядывая несчастную женщину. Жует, жует, а на губах полуулыбка. Нельзя же быть настолько жестоким.

Или я понимаю его?»

Мелани почудился знакомый голос: «Тебе надо возвращаться домой…»

«Да вставай же! — мысленно обратилась она к учительнице. — Сделай что-нибудь, помоги нам. Ведь ты же отвечаешь за нас».

«Тебе надо…»

Внезапно Мелани похолодела, и от злости исчез страх. Злость… и что еще? В ней вихрем взметнулся темный огонь. Она перехватила взгляд Брута. Он перестал есть и уставился на нее. Его веки не дрогнули, но Мелани показалось, будто он подмигнул ей, словно точно знал, что она подумала о миссис Харстрон и ему самому пришла такая же мысль. Казалось, в этот миг несчастная женщина стала предметом их общей непростительной шутки.

Мелани в отчаянии ощутила, что злость проходит и ее вновь наполняет прежний страх.

«Перестань на меня смотреть, — мысленно умоляла она Брута. — Пожалуйста!» Она уронила голову, задрожала и расплакалась. И сделала то единственное, на что была способна и что проделывала раньше: закрыла глаза, еще ниже склонила голову и отключилась. Удрала из бойни в то же место, что в прошлый раз. В тайное место, свою музыкальную комнату.

Там все обито темным деревом, подушки, ковры, смутная расплывчатость фона. В комнате ни одного окна, и там внешнему миру не достать ее.

Клавесин там сделан из благородного палисандра, а цветочки и филигрань на нем инкрустированы черным деревом и слоновой костью. Звук пианино как у поющего хрусталя. Латиноамериканский беримбау[28], золотые виброфоны и довоенные гитары «Мартин».

Стены отражают голос Мелани — зеркало всех инструментов оркестра. Меццо-сопрано, колоратурное сопрано, контральто.

Это место никогда не существовало и не будет существовать. Но в нем спасение души. Когда насмешки в школе становились нестерпимыми, когда Мелани переставала понимать, что ей говорят, когда думала о мире, которого не знала, ее музыкальная комната была единственным местом, где она чувствовала себя спокойно и в безопасности.

Там можно забыть о сестрах-близняшках, о судорожно ловящей воздух ртом Беверли, о рыданиях неподвижно лежащей миссис Харстрон и об этом ужасном человеке, который насыщается горем другого существа. Забыть о смерти Сьюзан и о своей собственной, поскольку она, вероятно, не за горами.

Сидя на удобном диване в своем тайном убежище, Мелани решила, что не хочет оставаться одна. Ей нужен компаньон. Тот, с кем можно поговорить, обменяться словами. Кого же пригласить?

Мелани подумала о родителях. Но прежде она никогда не звала их сюда. Одноклассники из школы Клерка Лорена, друзья в Хевроне, соседи, студенты… Но, вспоминая их, она представляла Сьюзан. Однако позвать ее, конечно, не решилась.

Иногда она приглашала к себе музыкантов и композиторов — людей, о которых читала, даже если никогда не слышала их музыки: Эмилу Харрис, Бонни Райт, Гордона Бока, Моцарта, Сэма Барбера. Конечно, Людвига. Ральфа Воана-Уилльямса. Вагнера никогда. Малер зашел всего раз и посидел недолго.

Зато брат регулярно навещал ее в музыкальной комнате.

Точнее, долгое время был ее единственным гостем — видимо, потому, что один из всей семьи не изменил к Мелани отношения из-за ее недуга. Родители нянчились с дочерью, не выпускали на улицу одну, на последние деньги нанимали ей домашних учителей и постоянно внушали: «Знаешь, какие при твоем-то состоянии тебя подстерегают опасности». Но при этом никогда не упоминали о ее глухоте.

А Дэнни не стал мириться с ее стеснительностью. Он с ревом носился по городу на своей «Хонде-350», усадив сестру позади себя. На ней был черный шлем, украшенный огненными крыльями. Пока Мелани не совсем потеряла слух, он брал ее в кино и доводил зрителей до белого каления, громко пересказывая ей диалоги. К досаде родителей, юноша ходил по дому в берушах механика, желая получить представление о том, что испытывает его сестра. Золотая душа, он даже овладел основными

знаками языка глухонемых и научил ее таким фразочкам, которые она не решилась бы повторить в присутствии взрослых глухих, но благодаря которым завоевала авторитет во дворе школы Клерка Лорена.

Да, но Дэнни…

После прошлогодней аварии Мелани не решалась звать его в свою комнату.

Можно бы попробовать сейчас, но она не представляла брата в этом месте.

И вот сегодня, открыв дверь, увидела мужчину среднего возраста, седеющего, в скверно сидящем синем пиджаке и в очках в черной оправе. Человека с поля за стенами скотобойни.

Де л’Эпе.

Кто же, как не он?

— Привет! — Ее голос звучал как стеклянный колокольчик.

— И вам привет. — Мелани вообразила, как он целует ей руку, застенчиво и решительно.

— Вы полицейский?

— Да, — отвечает он.

Мелани видит его не так отчетливо, как хотелось бы. Сила желания безгранична, а сила воображения — нет.

— Я знаю, вас зовут иначе, но можно мне называть вас де л’Эпе?

Он охотно соглашается. Еще бы — джентльмен!

— Давайте немного поговорим. Вот по чему я больше всего скучаю — по разговорам: когда общаются слышащие люди, они бросают друг в друга фразы и ощущают в ушах слова собеседника. Речь глухонемых — совсем иное дело.

— Разумеется, поговорим.

— Хочу рассказать вам историю — как я узнала, что глухая.

— Интересно. — Похоже, ему в самом деле стало любопытно.

Мелани с четырех-пяти лет мечтала стать музыкантом. Особенным талантом похвастаться не могла, но имела абсолютный слух. Классика, кельтская музыка, кантри — ей нравились все жанры. Услышав раз мелодию, повторяла ее на домашнем пианино «Ямаха».

— А потом…

— Расскажите.

— Когда мне было около девяти лет, я пошла на концерт Джуди Коллинз[29]. Она исполняла а капелла песню, которую я раньше никогда не слышала. Это завораживало.

Из воображаемых колонок музыкальной комнаты тут же полилась та самая мелодия.

— У брата была концертная программа, я наклонилась к нему и спросила, как называется песня. Он ответил «Могила девы».

— Никогда о такой не слышал, — сказал де л'Эпе.

— Я хотела сыграть ее на пианино, — продолжила Мелани. — Возникло ощущение… это трудно передать… что я должна это сделать. Должна разучить ее. На следующий день я попросила брата заглянуть в музыкальный магазин и купить мне ноты. «Какие?» — спросил он. «Могилы девы», — ответила я.

Брат нахмурился: «Что за „Могила девы"?»

Я рассмеялась: «Та песня, тупица. Песня, которой вчера завершился концерт. Ты сам мне сказал, как она называется».

Теперь рассмеялся брат: «Кто из нас тупица? О чем ты говоришь? Что еще за „Могила девы"? „Изумительная благодать". Старое религиозное песнопение, вот что я тебе сказал».

Нет! Я не сомневалась, что он сказал «Могила девы». А затем вспомнила, что, когда наклонилась к нему, мы отвернулись друг от друга и я вообще не слышала, что он говорит. И еще поняла, что когда смотрю на него, то только на губы, а не в глаза, не на лицо. Точно так же как со всеми остальными, с кем общалась последние полгода.

Я бросилась в центр города в музыкальный магазин — это в двух милях от нашего дома. Я была в отчаянии. Хотела узнать правду. Не сомневалась, что брат разыгрывает меня, и ненавидела его за это. Поклялась, что непременно с ним поквитаюсь. В магазине сразу кинулась в отдел фолк-музыки и быстро просмотрела содержание

альбомов Джуди Коллинз. Все оказалось правдой — она пела «Изумительную благодать». Через два месяца мне поставили диагноз: потеря воспринимаемого уровня звука в одном ухе на пятьдесят децибел. В другом — на семьдесят. Теперь для обоих ушей — около девяноста.

— Сочувствую, — сказал де л'Эпе. — Что случилось с вашим слухом?

— Инфекция. Она разрушила волоски в ушах.

— И ничего нельзя сделать?

Мелани помолчала.

— А я думаю, вы глухой.

— Глухой? Я? — Де л'Эпе растерянно улыбнулся. — Я же слышу.

— Можно быть глухим и слышать.

Ее гость смутился.

— Глухой, но слышащий, — продолжила она. — Мы называем слышащих Иными. Но некоторые из Иных похожи на нас.

— И кто же они? — Ощутил ли де л'Эпе гордость, что его причислили к этим людям? Мелани показалось, что ощутил.

— Те, кто в отличие от остальных живет по велению сердца.

На мгновение Мелани стало стыдно: она не была уверена, что всегда живет в согласии со своим сердцем.

Послышалась музыка Моцарта. Или Баха, точно она не могла сказать. (Почему инфекция не поразила ее на год позже? Сколько музыки она услышала бы за двенадцать месяцев! По громкоговорителям на ферме отец запускал легковоспринимаемые мотивы музыкальной радиостанции КСФТ. В автобиографии Мелани есть запись: «Я воспитывалась на „Жемчужных раковинах“[30], Томе Джонсе и Барри Манилове».)

— Хочу сказать вам больше. То, что не говорила никому.

— Пожалуйста, — любезно согласился он, но тут же исчез.

Мелани печально вздохнула.

Музыкальная комната пропала, и она опять оказалась в зале забоя скота.

Широко открытые глаза скользили по окружающему ее пространству. Мелани ожидала, что увидит приближающегося к ней Брута. Или свирепо надвигающегося и орущего на нее Медведя.

Но Брут куда-то делся. А Медведь сидел один по другую сторону порога и, нелепо улыбаясь, ел.

Что выдернуло ее из музыкальной комнаты?

Вибрации звука? Свет?

Нет, запах. Это запах прервал ее грезы наяву. Но запах чего?

Чего-то такого, что она унюхала среди вони жирной еды, тел, масла, бензина, ржавеющего металла, давно запекшейся крови, протухшего свиного жира и многого другого.

Она ясно различила его — этот насыщенный, терпкий запах.

— Девочки, девочки! — взволнованно позвала учениц Мелани. — Хочу вам что-то сказать.

Медведь повернул к ней голову. Он заметил, что она подает знаки. Улыбка тут же исчезла с его лица, и он вскочил на ноги. И кажется, закричал: «Прекратить! Прекратить!»

— Он не любит, когда мы переговариваемся, — поспешно просигналила Мелани. — Давайте притворимся, что просто играем — изображаем руками всякие фигуры.

Что Мелани особенно нравилось в культуре глухих — это любовь к словам. Язык глухонемых такой же, как любой другой. По статистике это пятый по распространению язык в Америке. Слова и фразы в нем можно разбить на более мелкие структурные отрезки, манипулируя кистью, взаимным расположением руки и тела. (Как в языке слышащих удается выделить слоги и фонемы.) Эти жесты берут начало от игр в слова, на которых выросло большинство глухих.

— Какого черта? — вспылил Медведь.

У Мелани задрожали руки, но она сумела вывести в пыли на полу: «Игра. Вы что, не видите, мы просто играем. Изображаем руками всякие вещи».

— Какие вещи?

«Играем в животных».

Она изобразила рукой слово «дурак», разведя в стороны, наподобие заячьих ушей, указательный и средний пальцы.

— Ну и что это значит?

Мелани написала: «Кролик».

Близняшки отвернулись и прыснули.

— Кролик. Какой это, к черту, кролик?

«Пожалуйста, разрешите нам играть. Это никому не повредит».

Медведь посмотрел на Киэл, и та показала рукой: «Дерьмо», — а сама, улыбаясь, написала в пыли: «Бегемот».

— ...выбросьте из ваших долбаных голов. — Медведь вернулся к своему картофелю фри и содовой.

Дождавшись, когда он скроется из виду, девочки выжидательно подняли глаза на Мелани. А Киэл сразу стала серьезной и, решительно жестикулируя, спросила:

— Что вы хотели нам сказать?

— Я вытащу вас отсюда, — ответила Мелани. — Вот что.

Артур Поттер и Анжи Скапелло собирались расспросить Джойслин Вейдерман, но в тот момент, когда ее осматривали врачи, прозвучал первый выстрел.

Негромкий треск, совсем не такой страшный, как настойчивый голос Дина Стиллуэла из громкоговорителя.

— Артур, у нас чрезвычайная ситуация — Хэнди стреляет!

Черт!

— Кто-то оказался в поле.

Прежде чем выглянуть наружу, Поттер нажал на кнопку микрофона и приказал:

— Никакого ответного огня!

— Слушаюсь, сэр.

Только после этого переговорщик присоединился у окна к стоящим там Анжи и Чарли Бадду.

— Сукин сын! — прошептал капитан.

Грохнул второй выстрел, и выпущенная со стороны бойни пуля, подняв облако трухи, ударила в гнилую стойку ворот загона для скота. Рядом, примерно в шестидесяти ярдах от командного пункта, стоял мужчина в темном костюме. В правой руке незваного гостя трепетал на ветру большой, явно дорогой платок.

— Этого только не хватало, — в смятении пробормотала Анжи.

У Поттера екнуло сердце.

— Генри, твоя справка на помощника Генерального прокурора неполная. В ней не указано, что он полный псих.

Хэнди выстрелил снова и попал в камень позади Роланда Маркса. Помощник Генерального прокурора штата остановился и съежился. Еще помахал платком и медленно двинулся к бойне.

Поттер нажал на кнопку быстрого набора и, пока аппарат вызывал абонента, повторял:

— Ну же, Лу. Ну же!

Ответа не было.

В динамике вновь послышался голос шерифа Стиллуэла.

— Не знаю, что и думать. Некоторые здесь считают, что это…

— Это Роланд Маркс, Дин. Он что-нибудь говорит Хэнди?

— Похоже, кричит. Но отсюда не слышно.

— Тоби, твои «большие уши» еще на месте?

Молодой агент что-то сказал в микрофон на ножке, нажал несколько кнопок, и командный пункт наполнил заунывный, но настойчивый шум ветра. Потом послышался голос Маркса:

— Лу Хэнди, я Роланд Маркс, помощник Генерального прокурора штата Канзас!

Усиленный динамиком грохот выстрела ворвался в фургон, и все невольно пригнулись.

— Другое «большое ухо» направлено на бойню, но мы ничего не слышим, — сообщил Тоби.

Это было понятно, поскольку Хэнди ничего не говорил. К чему говорить, если можно изложить свою точку зрения пулями?

— Плохо, — буркнула Анжи.

Снова раздался голос помощника Генерального прокурора:

— Лу Хэнди, это не ловушка. Я хочу, чтобы ты отпустил девочек и взял вместо них меня.

— Господи! — пошептал Бадд. — Он решился! — Не оставляло сомнений, что поступок Маркса произвел впечатление на капитана полиции. Поттер едва сдержал презрительную улыбку.

Новый выстрел; на этот раз пуля ударила ближе, и Маркс отскочил в сторону.

— Ради Бога, Хэнди, — в голосе прозвучало отчаяние, — отпусти девочек.

Все это время телефон внутри здания бойни звонил и звонил.

— Дин, — переговорщик взялся за радиомикрофон, — мне неприятно это говорить, но нам надо как-то остановить его. Крикни в мегафон, чтобы валил за боковую. А если не послушается, пошли пару человек.

— Хэнди просто играет с ним, — возразил Бадд. — Думаю, помощник Генерального прокурора в безопасности. Если бы они хотели, то уже давно подстрелили бы его.

— Я беспокоюсь вовсе не о нем, — отрезал Поттер.

— Что?

— Наша задача вызволить заложников, а не добавить новых, — объяснила Анжи.

— Он только усложнил нашу работу. — Переговорщик не объяснил, какую огромную ошибку совершал Маркс.

Пуля расколола камень рядом с ногой помощника Генерального прокурора и со свистом отрикошетила. Маркс стоял и, повернувшись,

слушал, что кричал ему шериф. «Большое ухо» улавливало слова Стиллуэла и транслировало в фургон. К облегчению Поттера, шерифа ничуть не смутила высокая должность Маркса.

— Эй, Маркс, немедленно в укрытие, иначе будете арестованы! Возвращайтесь сюда!

— Их надо спасти! — Грубый голос помощника Генерального прокурора звучал испуганно, но решительно. В этот миг Поттер похолодел.

Еще один выстрел.

— Нет, сэр! Вы что, не поняли меня? Вам грозит арест!

Переговорщик вызвал Стиллуэла и сказал, что тот прекрасно справляется.

— Скажите ему, что он своими действиями угрожает жизни девочек.

Слова шерифа вперемежку с порывами ветра наполнили фургон.

— Наоборот, я спасу их. — Маркс сделал шаг вперед.

Поттер снова попытался дозвониться до бойни. Никакого ответа.

— Ладно, Дин, берите его. Но ни при каких обстоятельствах не пользуйтесь огневой поддержкой.

Шериф вздохнул.

— Слушаюсь, сэр. Я уже подобрал охотников. Надеюсь, это правильно: я разрешил, если он будет сопротивляться, применить перечный спрей.

— Опрыскайте как следует и от меня, — буркнул переговорщик и стал наблюдать в окно.

Два полицейских в шлемах и бронежилетах выскользнули из-за линии деревьев и двинулись по полю.

Хэнди выстрелил еще несколько раз. Он пока не заметил полицейских, и пули ложились вокруг и вблизи Маркса. Но одна, отскочив от камня, разбила ветровое стекло патрульного автомобиля.

Двое полицейских, пригибаясь к земле, бежали перпендикулярно фасаду бойни. Их бедра и бока были уязвимы для выстрелов, если бы Хэнди взбесился и ему захотелось пустить кровь. Переговорщик нахмурился: один из полицейских показался ему знакомым.

— Кто эти двое? — спросил он шерифа. — Уж не Стиви ли Оутс один из них?

— Да, сэр.

Поттер, вздохнув, покачал головой.

— Он только что отдышался после прошлого забега. О чем он думает, Дин?

— Опять захотел пробежаться, и очень настаивал.

Маркс был всего в сорока ярдах от бойни. Полицейские, пробираясь сквозь буйволовую траву, постепенно приближались к цели. Помощник Генерального прокурора заметил их и закричал, чтобы они отошли.

— Сэр, — Поттер узнал в громкоговорителе голос Стиви Оутса, — нам приказано вернуть вас обратно.

— Да пошли вы с вашими приказаниями. Если вас хоть сколько-нибудь беспокоит судьба девочек, вы от меня отвяжетесь.

«Большое ухо» уловило далекий смех и улюлюканье.

— Всех перещелкаю, — прогудел Хэнди, и его слова подхватил ветер. Новый оглушающий выстрел. Камень у ног одного из полицейских подскочил в воздух. Стражи порядка упали на животы и по-пластунски поползли к помощнику Генерального прокурора.

— Маркс, — тяжело дыша, позвал Оутс. — Мы отведем вас назад, сэр. Вы мешаете федеральной операции.

Юрист резко обернулся.

— И каким же образом вы остановите меня, полицейский? Не забывайте, на кого вы работаете!

— Шериф Стиллуэл предписал мне употребить все необходимые средства, и я сделаю это.

— Ветер дует в твою сторону, сынок. Только попробуй, брызни на меня перечным спреем — сам же все и вдохнешь.

Хэнди опять выстрелил, и пуля расщепила древнюю воротину в двух футах от головы Оутса. Недавний арестант, пребывая в благодушном настроении, громко расхохотался.

— Господи, — пробормотал кто-то.

— Нет, — спокойно возразил полицейский. — В случае неповиновения мне приказано ранить вас в ногу и тащить обратно.

Поттер и Лебоу переглянулись. Большой палец переговорщика сердито надавил на клавишу передачи.

— Дин, надеюсь, он блефует?

— Да, — неуверенно ответил шериф. — Но говорит достаточно убедительно. Вы сами-то как считаете?

Поттер согласился.

— Он выстрелит? — спросил Лебоу.

Переговорщик пожал плечами.

— Он вытащил оружие, — предупредила Анжи.

Оутс держал под прицелом ноги помощника Генерального прокурора.

«Ситуация становится кошмарной», — подумал Поттер.

— Сэр! — крикнул Оутс. — Я прекрасный стрелок и не промахнусь. Я готов нажать на спуск.

Помощник Генерального прокурора колебался. Ветер рвал из его пальцев платок.

Выстрел. Пуля Хэнди пробила белую ткань. Платок вырвался и полетел по ветру.

И опять «большое ухо» уловило далекий смех Хэнди. Маркс оглянулся на здание бойни и выкрикнул:

— Ты негодяй, Хэнди. Надеюсь, ты сгоришь в аду!

Смех усилился. Или это только свистел ветер?

Помощник Генерального прокурора встал во весь рост и, как по собственному двору, зашагал назад. Поттер с удовлетворением отметил, что двое полицейских испуганно последовали за Марксом под прикрытием пышной, колышущейся от ветра травы.

— Вы могли все погубить! — рявкнул Артур Поттер. — О чем, черт возьми, вы думали?

Чтобы смотреть Марксу в глаза, ему пришлось поднять голову: рост помощника Генерального прокурора значительно превышал шесть футов. И тем не менее у переговорщика было ощущение, что он говорит с нахальным мальчишкой, пойманным на очередной шалости.

— Я думал… — твердо начал Маркс.

— Вам никогда не приходилось заниматься обменом заложников. Смысл переговоров — создать у преступников впечатление, что мы их ничуть не ценим. Явились вы и заявили: «Берите меня, я намного важнее, чем все эти девчонки, вместе взятые». Если бы Хэнди принял ваше предложение, я ничего не сумел бы сделать.

— Не понимаю почему, — удивился Маркс.

— Потому что, — вступила в разговор Анжи, — обладание таким заложником, как вы, безмерно усилит его уверенность и ощущение власти над другими. Он повысит требования и не отступит от них. Мы не сумели бы убедить его согласиться на что-то разумное.

— Я не могу отделаться от мысли о девочках. Через что им придется пройти.

— Хэнди все равно не отпустил бы их.

— Я собирался убедить его.

Лебоу закатил глаза, продолжая печатать и занося в компьютер отчет о случившемся.

— Я не стану подвергать вас аресту, — заключил Поттер. Обдумав этот вопрос, он решил, что может оказаться в щекотливой ситуации. — Но если вы снова каким-то образом вмешаетесь в ход переговоров, я так и поступлю, а уж тогда позабочусь о том, чтобы вы благодаря усилиям Генерального прокурора США получили срок.

К изумлению Поттера, Маркс ничуть не раскаивался. Он больше не острил, это так, но кипел от раздражения из-за того, что переговорщик вмешался в его планы.

— Вы все делаете по учебнику, Поттер. — Его большой указательный палец ткнул в агента ФБР. — Но в учебниках ничего не говорится о психах, которые получают наслаждение, убивая детей.

Зазвонил телефон. Лебоу принял вызов и обернулся к Поттеру.

— Джойслин получила от медиков чистый вексель по здоровью. С ней все в порядке. Хотите расспросить ее прямо сейчас?

— Да. Спасибо, Генри. Передай, чтобы девочку привели сюда. И Стиви Оутс пусть тоже заглянет. — Переговорщик взглянул на Маркса. — А вас я попрошу уйти.

Помощник Генерального прокурора застегнул пиджак, стряхнул осколки от камней — результат стрелковых упражнений Хэнди, и направился к двери, что-то бормоча себе под нос. До Поттера донеслось: «У вас руки в крови», — но больше он ничего не расслышал.

15:40

Четыре минуты Джойслин неудержимо плакала.

Анжи Скапелло и Артур Поттер сидели рядом, стараясь держаться спокойно, и, как могли, ободряли девочку, хотя им хотелось схватить ее за плечи и вытрясти ответы на их вопросы.

Поттер знал, что нетерпение — его лютый враг.

И, сохраняя улыбку, успокаивающе кивнул, а толстушка все плакала и плакала, закрыв руками лицо.

В фургон вошел Стиви Оутс и снял шлем. Несмотря на холодную погоду, его волосы взмокли от пота. Переговорщик обратился к полицейскому:

— Вам нужно на время выйти из дела.

— Да, сэр, я так и поступлю. Две последние пули легли… скажем так, довольно близко.

— И быстро вас отрезвили?

— Еще как, сэр.

— Расскажите обо всем, что вы видели, когда ходили туда с едой.

Как и предполагал переговорщик, полицейский сообщил совсем немного о том, что видел в здании бойни. Не помогла и видеозапись камеры, укрепленной у него над ухом.

— Есть соображения по поводу душевного состояния Хэнди?

— Выглядит спокойным. Как будто не на взводе.

«Словно заказывает чашку кофе в ближайшем магазине „Севен-илевен“».

— Раненые есть?

— Как я видел, нет.

Лебоу заносил все в компьютер. Поттер сказал удрученному Оутсу, что, если он не видел крови или трупов, это уже хорошая новость. Впрочем, Поттеру не удалось скрыть разочарования. Он понимал, что им не получить ценные сведения от не прекращающей плакать девочки.

— Спасибо, Стиви. Это пока все. Только еще один вопрос: вы действительно собирались выстрелить Марксу в ногу?

Молодой полицейский улыбнулся.

— А вот это я узнал бы в тот момент, когда нажал на спусковой крючок. Или не нажал — уж как бы обернулось.

— Пойдите выпейте кофе, — посоветовал ему Поттер.

— Хорошо, сэр.

Переговорщик и Анжи снова сосредоточились на Джойслин. Ее глаза покраснели, девочка куталась в одеяло, которое дал ей кто-то из людей шерифа.

Наконец она немного успокоилась, и Поттер начал задавать ей вопросы через Фрэнсис Уитинг. Он заметил, что руки Фрэнсис двигались изящно и лаконично, а Джойслин размахивала своими как-то неловко и неестественно. И догадался: это оттого, что переводчица говорила гладко, а девочка пересыпала речь всякими «м-м-м...» и «вы знаете». Поттер задумался: а как разговаривает Мелани? Плавно? Отрывисто?

— Она не отвечает на ваши вопросы, — сообщила Фрэнсис.

— В таком случае что же она говорит? — Анжи присматривалась к движениям рук Джойслин.

— Требует родителей.

— Они в мотеле? — спросил Поттер у Бадда.

Тот позвонил и ответил, что должны приехать в течение часа.

Фрэнсис сообщила об этом девочке, и та, даже не подтвердив, что поняла ее слова, снова разрыдалась.

— Все будет в порядке, — утешала ее Анжи.

Поттер посмотрел на часы. До истечения срока ультиматума о предоставлении вертолета оставалось почти полтора часа.

— Расскажи мне о них, об этих плохих людях, — попросил он.

Руки Фрэнсис замелькали, и девочка наконец начала отвечать.

— Она говорит, их трое. Там их трое. — Джойслин посмотрела на стену. — Все очень потные и плохо пахнут. Вот этот, — она ткнула пальцем в фотографию Хэнди, — Брут, их вожак.

— Брут? — нахмурился Поттер.

Фрэнсис задала вопрос. Джойслин долго говорила и при этом показывала на снимки всех троих бандитов.

— Это Мелани так их назвала. Хэнди — Брут. Уилкокс — Горностай. Боннер — Медведь.

Язык жестов очень метафоричен, добавила от себя переводчица. Так, например, слово «ягненок» иногда употребляют, чтобы сказать «нежный». У глухих поэтический склад ума.

— Спросите, есть ли у нее представление, где они находятся в здании? — Задавая вопрос, Поттер смотрел на Фрэнсис.

— Обращайся непосредственно к ней, Артур, — посоветовала ему Анжи. — Это успокоит Джойслин, и она почувствует себя взрослее. И не забывай улыбаться.

Переговорщик, глядя на Джойслин и улыбаясь, повторил вопрос. Фрэнсис перевела ответ, а девочка, указав несколько мест у передней стены большого зала, коснулась фотографий Хэнди и Уилкокса. Тоби переместил листочки-липучки с их именами. Лебоу заносил информацию в компьютер.

Джойслин покачала головой, поднялась и уточнила положение листочков. Затем сделала несколько знаков Фрэнсис, и та перевела.

— Медведь-Боннер в помещении с ее подругами.

Девочка подвинула липучку с его именем в большой полукруглый зал примерно в двадцати пяти футах от фасада бойни. А Тоби собрал туда же листочки с именами заложниц.

Но Джойслин осталась недовольна и уточнила положение каждой.

— Вот здесь находится каждая из них.

Поттер задержал взгляд на листочке Мелани.

Девочка вытерла слезы и сделала несколько знаков.

— Она говорит, что Медведь не сводит с них глаз. Особенно с маленьких.

Боннер ведь насильник.

— Есть еще какие-нибудь двери или окна, не отмеченные на плане? — спросил Поттер.

Джойслин внимательно изучила схему и покачала головой.

— Уверена?

— Да.

— У них есть оружие?

— У всех. — Она показала на бедро Тоби.

— Какое?

Джойслин нахмурилась и снова показала на бедро агента.

— Такое же или с барабанами? — Поттер поймал себя на том, что делает пальцами круговые движения, изображая цилиндрический магазин револьвера. — Револьвер, — медленно произнес он.

Джойслин мотнула головой, и ее руки снова пришли в движение.

— Она говорит, что у них черные автоматические пистолеты. Точно такие же. — Фрэнсис улыбнулась. — Спрашивает, почему вы ей не верите.

— Ты знаешь, что такое автоматический пистолет?

— Видела по телевизору.

Поттер рассмеялся и велел Лебоу занести в компьютер информацию о том, что преступники вооружены тремя «глоками» или пистолетами схожих моделей.

Девочка по своей инициативе добавила, что у них две дюжины ящиков патронов.

— Ящиков?

— Вот такого размера, — объяснила Фрэнсис, когда Джойслин развела ладони примерно на шесть дюймов. — Желтые с зеленым.

— «Ремингтон», — прокомментировал аналитик.

— И еще ружья. Вот такие. Целых три. — Джойслин показала на дробовик в пирамидке фургона.

— А винтовки? — переговорщик сделал жест в сторону стоящей у стены «М-16».

— Нет.

— Хэнди-Брут разговаривал с кем-нибудь конкретно? С учительницами? С девочками?

— Нет. В основном смотрел на нас. — От этих слов на Джойслин вновь нахлынули воспоминания, и на ее глазах опять показались слезы.

— Ты ведешь себя отлично, дорогая. — Анжи сжала ей плечо. — Можешь нам сказать, о чем говорили эти трое мужчин?

— Нет. Извините. Я плохо умею читать по губам.

— Беверли в порядке?

— Ей трудно дышать, но у нее случались приступы и похуже. Самая большая проблема — это миссис Харстрон.

— Попросите ее объяснить.

Фрэнсис, проследив за руками девочки, ответила:

— Похоже, у нее нервный срыв. Она держалась хорошо, пока не застрелили Сьюзан. А теперь лежит на спине и все время плачет.

«Девочки остались без руководителя, — подумал переговорщик. — Самая паршивая ситуация, какую можно вообразить. Если только Мелани не заменит старшую коллегу и не возьмет все в свои руки».

— Как Мелани?

— Сидит и на все глядит. Но иногда закрывает глаза. Это плохо, — добавила Фрэнсис. — В напряженных ситуациях глухие никогда не закрывают глаза. Зрение — их единственная сигнальная система.

— Мужчины между собой не ссорятся? — спросила Анжи.

Джойслин не знала.

— Они нервничают? Радуются? Напуганы? Грустят?

— Точно не напуганы. Иногда смеются.

Лебоу внес ее слова в компьютер.

— Хорошо, — заключил переговорщик. — Ты храбрая малышка. Отправляйся в гостиницу. Скоро туда приедут твои родители.

Двенадцатилетняя девочка вытерла рукавом нос, но не ушла и что-то неловко показала руками.

— Это все, что вы собирались меня спросить? — перевела Фрэнсис.

— Да. Ты свободна.

Но Джойслин продолжала сидеть.

— Вы не хотите узнать про телевизор? И другие штуковины?

Тоби, Лебоу и Бадд повернули к Поттеру головы.

— У них есть телевизор? — изумился он.

Фрэнсис перевела вопрос, и Джойслин кивнула.

— Откуда они взяли его?

— Из мешков, где было оружие. Они привезли их с собой. Маленький телевизор.

— А радио у них есть?

— Не видела.

— Они много смотрят телевизор?

Девочка кивнула.

— А что за другие штуковины?

Джойслин сказала, что это инструменты. Совсем новые. Еще в пластиковой упаковке.

— Какие?

— Серебристые. Гаечные ключи, плоскогубцы, отвертки. Большой блестящий молоток.

— Зачисли ее на работу, Артур, — предложил Генри Лебоу. — Она лучше половины наших агентов.

— Можешь еще что-нибудь вспомнить?

Красные пальцы Джойслин снова замелькали.

— Она говорит, что скучает по маме.

— Последний вопрос. — Поттер хотел узнать что-нибудь о Мелани, но не решился заговорить о ней и вместо этого спросил: — В здании холодно?

— Не смертельно.

Поттер взял пухлую, влажную от пота руку девочки и сжал между ладонями.

— Передайте ей, Фрэнсис, мою искреннюю благодарность. Она отлично поработала.

После того как девушка перевела его слова, Джойслин смахнула слезы с лица и впервые улыбнулась.

Анжи попросила сказать девочке, что она через минуту отвезет ее в мотель. И Джойслин в сопровождении женщины-полицейского вышла из фургона.

Лебоу распечатал список того, что было у преступников в здании, подал Тоби, и тот прикрепил его рядом с планом бойни.

— Похоже на приключенческую компьютерную игру, — заметил молодой агент. — Тебе дается ключ, волшебный меч, пять камней и ворон в клетке.

Поттер откинулся на спинку стула, рассмеялся и посмотрел на список.

— Генри, какой делаешь вывод? Инструменты, телевизор?

— Ограбили магазин по дороге из тюрьмы.

Поттер взглянул на капитана полиции.

— Чарли, поступали сообщения о кражах в магазинах в районе между Уинфилд и данным местом?

— Не в курсе. Пойду проверю. — Полицейский вышел из фургона.

— Никогда не получал такой подробной информации от заложника, который так недолго находился в руках преступников, — заметил Поттер. — Девочка исключительно наблюдательна.

— Господь вознаграждает за изъян, — заметила Фрэнсис.

— А ты что скажешь? — спросил Поттер у Анжи.

— Полагаю, она на нашей стороне.

Благодаря так называемому стокгольмскому синдрому случается, что заложники сообщают переговорщикам и их командам заведомо неверные сведения. Поттер участвовал в разрешении конфликта, когда неделю вел переговоры с террористом. Отпущенная заложница оставила платок перед окном, за которым он прятался, чтобы преступник знал, куда стрелять. Но террорист был убит снайпером, прежде чем успел спустить курок. На суде Поттер свидетельствовал в пользу чуть не погубившей его заложницы, и она получила условный срок.

Теперь он согласился с заключением Анжи: Джойслин слишком мало времени провела в руках преступников и не успела бы изменить к ним отношение. Она лишь маленькая напуганная девочка.

— Отвезу ее в мотель, — сказала Анжи. — Прослежу, чтобы все было нормально, а заодно успокою других родителей.

— Артур, — окликнул Поттера Генри Лебоу, — поступила информация на Хендерсона.

Проводив Анжи до двери, Поттер попросил:

— Раз уж будешь там, присмотрись к нему. Он меня нервирует.

— Имеется в виду Пит Хендерсон, старший специальный агент ФБР в Уичито?

— Он самый.

— А в чем дело?

— Внутреннее чутье. — Поттер рассказал ей об угрозе и пояснил: его больше беспокоит, что Хендерсон утаил, как допрашивал Хэнди, когда тот поджег ссудный банк.

— Видимо, потому, что его ребята облажались, упустив подружку Хэнди, и были ранены двое полицейских. — Последующие допросы тоже ничего не дали. Поттер вспомнил, что и в дальнейшем на допросах от Хэнди ничего не добились, услышав только отборную ругань. — Но он должен был сообщить нам, что участвовал в этом деле.

— А от меня что нужно? — спросила Анжи.

Поттер пожал плечами.

— Убедиться, что он не накликает на свою голову неприятностей.

Анжи поморщилась. Старший специальный агент здешней резидентуры ФБР имел такой ранг, что мог пренебречь любыми неприятностями и никакой мелкой сошке вроде Анжи Скапелло ничего не поделать с ним.

— Уж ты постарайся. Пожалуйста! — Поттер послал ей воздушный поцелуй.

В фургоне Лебоу протянул ему распечатку и, усмехнувшись, добавил:

— Это только краткое резюме, но, готов побиться об заклад, здесь есть такие детали, которые он хотел бы сохранить в тайне.

Заинтригованный, Поттер начал читать документ. Хендерсон упорно поднимался по карьерной лестнице: служил следователем в чикагской полиции и одновременно учился на вечернем отделении юридического факультета Университета Де Пола. Получив диплом, поступил в Бюро, закончил с отличием Академию ФБР в Квонтико и, вернувшись на Средний Запад, сделал себе имя в южном Иллинойсе и Сент-Луисе, главным образом расследуя правонарушения, связанные с рэкетом, коррупцией и недобросовестной рекламой. Хороший администратор, Хендерсон вписался в структуру Бюро, и ему прочили должность старшего специального агента в Чикаго, Майами или даже в южной части Нью-Йорка. После чего карьерная лестница привела бы его в Вашингтон.

Если бы не судебный процесс.

Ознакомившись с вырезками из печати и дополнив их подробностями из справок, которые Лебоу каким-то образом умудрился вытащить из базы данных ФБР, Поттер понял, почему Хендерсона выпихнули в Канзас. Шесть лет назад десять чернокожих агентов подали на Бюро в суд, обвинив его в дискриминации: несправедливом распределении заданий, задержке в продвижении по службе и повышении в должностях. Отделение в Сент-Луисе было на виду федерального центра, и Хендерсон поспешил поддержать агентов в суде. Слишком поспешил, как утверждал кое-кто. В ожидании перетряски в Бюро, когда после процесса по разделу VII Закона о гражданских правах ожидали, что директор уйдет в отставку и его сменит молодой заместитель, который станет первым чернокожим главой ФБР, Хендерсон решил, что тот не забудет его поступка.

Однако его планы лопнули как мыльный пузырь. Разбирательство увязло в федеральных судах. Одни истцы отступились, другие не сумели доказать факты дискриминации. По причинам карьерным, а отнюдь не идеологическим молодой чернокожий заместитель предпочел перейти в Совет национальной безопасности. Бывший директор ушел в отставку без скандала, и его сменил адмирал.

Ренегат Питер Хендерсон был административно колесован и четвертован. Человека, некогда ставившего в Клейтоне прослушку в кабинет босса гангстерского синдиката Марио Лакосты, сплавили в штат, где находился географический центр страны и который в основном знали только из-за мелких краж на военно-воздушной базе в Макконнеле, конфликтам с «Индиен афферз»[31] и Бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии и взрывчатых веществах. Карьерное продвижение тридцатидевятилетнего агента внезапно прекратилось.

— Каков риск? — спросил Поттер у Лебоу. — Станет ли он путаться у нас под ногами?

— В таком положении едва ли что-то предпримет. Во всяком случае, официальным путем.

— Он готов на все.

— Не сомневаюсь. Поэтому и сказал: только не официальным путем. За ним следует приглядывать.

Переговорщик усмехнулся.

— Таким образом, у нас есть помощник Генерального прокурора, готовый сдаться преступникам в качестве заложника, и старший специальный агент, горящий желанием сдать им меня. Я встретил врага…

Он снова повернулся к окну и подумал о Мелани, припоминая, что говорила о ней Джойслин.

«Иногда закрывает глаза. И ничего не делает». Что бы это значило?

Его размышления прервал агент Тоби:

— Хэнди ждет вертолет через час пять минут.

— Спасибо. — Переговорщик посмотрел на здание бойни и вспомнил: ключ, волшебный меч, пять камней и ворон в клетке.

— Офицер!

Чарли Бадд возвращался от своей машины без опознавательных знаков, где запросил по компьютеру информацию о кражах на территории четырех округов. В этот день были зарегистрированы всего три кражи: в ночном магазине, на бензоколонке и в методистской церкви. Награбленное не соответствовало тому, что привезли с собой преступники, — там не было ни оружия, ни телевизоров, ни инструментов.

— Подойдите сюда, офицер, — тихо попросил мужчина.

Что за черт?

Роланд Маркс курил сигарету, прислонившись к борту грузового пикапа. Капитан считал, что он уже в десяти милях от бойни, но глаза этого человека горели решимостью. Похоже, он и не думал уезжать.

— Вы присутствовали при этой комедии. — Бадд стоял в углу командного пункта, когда Поттер устроил выволочку помощнику Генерального прокурора. Капитан огляделся, приблизился к смуглому великану и встал так, чтобы ветер относил от него табачный дым.

— Люблю летнюю пору. Сразу вспоминаю детство. Каждый день играл в бейсбол. А вы? Судя по вашему виду, вы бегаете как ветер.

— Занимался чем-то вроде легкой атлетики. А так в основном танцульки.

— Ну хорошо. — Маркс снова понизил голос. Бадд и не подозревал, что он способен говорить так тихо. — Походили вокруг да около, и будет. А то треплемся будто на обеде во время круиза, словно больше нечем заняться. Хватит — уже нет времени.

«Я так и не состоялся как офицер полиции», — подумал Бадд, в сотый раз вспомнив пулю, оборвавшую жизнь семнадцатилетней Сьюзан Филлипс. В горле появился комок, и он смущенно закашлялся.

— Сэр, мне в самом деле некогда...

— Ответьте мне: да или нет. Я же что-то заметил в ваших глазах, когда вы стояли в фургоне.

— Не представляю, о чем вы говорите, сэр.

— Пусть то, что я сделал, недопустимо. У меня в голове словно помутилось. Но вы ведь не до конца уверены, что Поттер был прав. Согласитесь, если бы в тот момент мы провели в фургоне голосование, больше людей оказалось бы на моей стороне.

— Это не конкурс на популярность, сэр, — возразил капитан.

— Разумеется, нет. Уж это точно. Вопрос стоит так: останутся девочки в живых или нет. А Поттеру, кажется, это безразлично.

— Неправда! По большому счету совсем не безразлично.

— Что я читаю на вашем лице, капитан? Уж не то ли самое, что наблюдал на командном пункте? Вы безумно боитесь за этих крошек на бойне.

«Наша первейшая задача заключается не в том, чтобы вытащить девочек живыми...»

— Признайтесь же, капитан.

— Он хороший человек.

— Знаю, что хороший. Но какое, к дьяволу, это имеет значение?

— Он делает все возможное.

— Из ада нет обратной дороги, — произнес Маркс. — Если мы позволим девочкам погибнуть — а именно это он и собирается сделать, — нам не будет покоя всю оставшуюся жизнь. Согласны?

— Но, сэр...

Сунув руку в карман пиджака, Маркс достал бумажник. На миг Бадду почудилось, что он собирается предъявить ему удостоверение помощника Генерального прокурора штата. Но то, что он показал, произвело на капитана еще большее впечатление — три фотографии девочек в глянцевых конвертиках. У одной брови ниточками и слегка искаженные черты лица. Дочь-инвалид.

— Вы ведь тоже отец, капитан. У вас тоже есть дочери.

Бадд проглотил застрявший в горле комок и хотел отвернуться, чтобы не видеть три пары темных глаз на фотографиях, но не сумел.

— Представьте, что ваши девчушки тоже там. А затем представьте, что некто вроде Поттера говорит: «Черт с ними, они расходный материал». Ну же, представьте...

Бадд сделал глубокий вдох и наконец отвернулся. Бумажник захлопнулся.

— Необходимо сместить его.

— Что?!

— Он подписал девочкам смертный приговор. Скажите-ка, что говорил Поттер о требованиях Хэнди? Ответьте мне как офицер!

Бадд понял, что ему бросают вызов, но не обратил на это внимания.

— Поттер сказал, что Хэнди покинет бойню только в наручниках или в мешке для перевозки трупов.

«А если девочкам придется умереть, то так тому и быть».

— И вам это кажется приемлемым, капитан?

— В мои обязанности не входит определять, что приемлемо, а что нет.

— Хотите сказать: «Я только выполняю приказ»?

— Примерно.

Маркс выплюнул изо рта сигарету.

— Ради Бога, капитан, неужели вы не способны прислушаться к голосу совести? Неужели у вас нет никаких иных ценностей, кроме той, чтобы оставаться на побегушках у этого жирного агента ФБР?

— Он старше по званию и федерал, — сухо ответил Бадд.

— Вы цепляетесь за слова, капитан, — продолжал Маркс со страстью проповедника. — Запихните свои слова себе за пазуху, чтобы оправдаться на похоронах этих девочек. Надеюсь, вам станет от этого легче. — Он лез Бадду в душу и скреб в ней пальцами. — На наших руках и так уже кровь одной из них.

«Он имеет в виду мои руки», — подумал полицейский.

И вспомнил, как упала на колени Сьюзан Филлипс. От удара пули у нее открылся рот, и от этого на мгновение исказилось ее красивое лицо. Но после смерти девушки оно снова стало прекрасным.

— Что? — спросил Бадд, следя за похожими на жуков комбайнами, ползающими с включенными фарами. — Что вы от меня хотите? — Это прозвучало очень по-детски, и капитан смутился.

— Я хочу выставить Поттера вон отсюда. Переговоры поведете вы, я или кто-нибудь другой от штата. Мы дадим негодяям долбаный вертолет в обмен на девочек. Проследим, где они сядут, и уничтожим к чертовой матери. Я уже все продумал. Вертолет может прибыть через полчаса, и его оборудуют устройством, которое позволит нам следить за его перемещением. Бандиты не узнают, что они у нас под колпаком.

— Поттер утверждает, что Хэнди слишком опасен и его нельзя отпускать.

— Не отрицаю, опасен, — кивнул Маркс. — Но, покинув здание, он окажется лицом к лицу с профессионалами. С мужчинами и женщинами, которым платят за риск. А этим девочкам — нет.

Бадду показалось, что из маленьких глаз Маркса вот-вот потекут слезы, и он вспомнил о его умственно отсталой дочери. Всю свою короткую жизнь она не вылезала из больниц.

Капитан про себя отметил, что Маркс ни словом не обмолвился о том, как повлияет это решение на его дальнейшую карьеру. Если бы помощник Генерального прокурора заговорил об этом, ему не удалось бы убедить Бадда. Молодой полицейский умел противостоять подобной дешевке. Его обезоружило и то, что Маркс, нажимая, избегал угроз. Капитан почувствовал, что его положили на обе лопатки и судья уже начал отсчет.

Господи!

— Но каким образом мы можем выставить Поттера? — Вопрос должен был поставить Маркса в тупик, но тот подготовился к нему. В его руке

появилась маленькая черная коробочка. На миг Бадд заподозрил, что это бомба, но, присмотревшись, узнал диктофон.

— От вас нужно одно: вынудите его сказать, что заложники — это расходный материал.

— Записать слова на пленку?

— Совершенно верно.

— А что затем?

— У меня есть друзья на радиостанции Сент-Луиса. Прокрутят пленку в новостях, и Поттеру придется уйти.

— Это погубит его карьеру.

— Так же как и мою, потому что я решился на это. Но я готов рискнуть. Вы же видели: я хотел предложить преступникам себя вместо девочек. От Поттера ничего подобного не дождетесь.

— Не знаю...

— Давайте спасем девять маленьких бедняжек. Решайтесь, капитан.

Маркс вложил в руку несчастного Бадда диктофон. Полицейский, посмотрев на черную коробочку, опустил ее в карман и, не сказав ни слова, пошел прочь. Удаляясь, он пробормотал себе под нос, что их там не девять, а восемь, но помощник Генерального прокурора уже не слышал его.

16:10

Капитан Чарлз Р. Бадд стоял в овражке недалеко от командного пункта.

Он отдавал распоряжения — это так, — но прежде всего старался забыть о диктофоне. Ему казалось, что раскаленный металл оттягивает его карман.

«Подумаю об этом потом. Переключимся на дела».

Фил Молто установил стол для журналистов — складной, с крышкой из древесно-волокнистой плиты, — поставил портативную пишущую машинку, положил бумагу и карандаши. Бадду, не слишком осведомленному в делах прессы, показалось, что репортерам, экипированным по последнему слову техники, эти предметы едва ли пригодятся. Молодые ребята и девчонки, пожалуй, и не знают, как

печатать на пишущей машинке. Уж очень они похожи на капризных старшеклассников.

Но капитан понимал, что все эти приготовления имеют больше отношения к политике, чем к журналистике. Откуда Поттер знает, как управляться с такими вещами? Может, дело в том, что он живет в столице? Везде одна политика. Старательный и прямодушный капитан чувствовал, что это совсем не по его части.

К тому же он сгорал от стыда. Диктофон в пластиковом корпусе жег его бедро.

«Забудь о нем!» До пяти часов осталось пятьдесят минут — пятьдесят минут до истечения срока ультиматума. На липе Бадда застыла неопределенная улыбка. Он тщетно пытался избавиться от воспоминания о том, как убитая юная девушка падала замертво на землю.

Капитан инстинктивно чувствовал, что кровь еще прольется. Маркс прав: в фургоне он был на стороне помощника Генерального прокурора штата, а не переговорщика.

Сорок девять минут…

— Значит, так, Фил, — сказал он лейтенанту, — присматривай за ними. Держи на коротком поводке. Пусть побродят недалеко от оцепления и пишут о чем угодно… — «Правильно ли я сделал? Что бы еще сказал Поттер?» —…но только в бронежилетах. И пусть пригибают головы.

Немногословный Фил Молто кивнул.

Первая машина с двумя журналистами подъехала уже через минуту. Выйдя из автомобиля, репортеры показали карточки, аккредитации и нетерпеливо огляделись. Тот, что постарше, представился:

— Джо Силберт с телестанции КФАЛ. А это Тед Биггинс.

Бадда поразила их одежда — темные, плохо сидящие костюмы и черные кроссовки. Он представил себе, как они бегут по коридору телестудии и кричат: «Эксклюзивный материал! Эксклюзивный материал!» — а за ними рассыпаются листы бумаги.

Силберт посмотрел на стол прессы и рассмеялся. Капитан, представившись, познакомил его с Молто.

— Больше ничего предложить не можем.

— Все в порядке, — ответил журналист. — Надеюсь, вы не против, если мы воспользуемся для записей своими скрижалями?

Биггинс поставил на стол большой переносной компьютер.

— Только в том случае, если до отправки в редакцию вы будете показывать написанное нам. — Так инструктировал капитана Поттер.

— Мы говорим не «отправлять», а «выдавать» материал, — поправил его Силберт, и Бадд не понял, подшучивают над ним или нет.

Биггинс удивленно уставился на пишущую машинку.

— А это что такое?

Все рассмеялись. Капитан указал журналистам, где им следует находиться, куда они могут и куда не должны ходить.

— Если хотите, поговорите с парочкой полицейских. Фил подошлет их к вам.

— Из команды спасения заложников?

— Нет, с обычными полицейскими.

— А с ребятами из спецназа?

Бадд улыбнулся. Силберт, загадочно улыбнувшись ему в ответ, понял: капитан ни за что не скажет, прибыл ли спецназ.

— Вскоре нам нужно будет поговорить с Поттером, — недовольно произнес он — Или он собирается скрываться от нас?

— Я сообщу ему, что вы прибыли. — Бадд источал любезность. — А пока вас просветит Фил. У него есть справки о преступниках и их фотографии. Он выдаст вам бронежилеты. Да, и вот еще что: вам, наверное, захочется услышать что-нибудь личное от наших ребят. Каково стоять в оцеплении во время кризиса с заложниками. Или что-то в этом роде.

Журналисты сохраняли серьезность, но капитан опять подумал, уж не смеются ли они над ним.

— Нас больше всего интересуют заложники, — сказал Силберт. — Они ключ ко всему материалу. Есть кто-то, с кем мы могли бы поговорить о них?

— Я здесь только для того, чтобы организовать стол прессы. Агент Поттер выйдет к вам и сообщит ту информацию, которую сочтет нужной. — Капитан сомневался, то ли он говорит. — А теперь покидаю вас. Дела.

— Зато я буду с вами, — улыбнулся Молто, что с ним случалось совсем не часто.

— Ни на минуту не сомневались, что без опеки нас не оставят. — Журналисты кивнули, и их компьютер ожил.

Что за запах потревожил Мелани в ее музыкальной комнате и вернул к реальности? Грязи, рыбы, воды, дизельного топлива, болотного газа, гниющих листьев, мокрой древесной коры?

Нет, запах реки.

Отдающий рыбой ветерок был настолько ощутимым, что от него раскачивалась лампа. И Мелани догадалась, что где-то в глубине бойни есть открытая дверь. Она подумала, что де л'Эпе уже направил своих людей выяснить, где могут выбраться из здания девочки. И не исключено, что спасатели уже близко.

Мелани вспомнила момент, когда их привезли на бойню. С каждой стороны здания она заметила рощицы, к реке вел грязный спуск. В тусклом свете неба, затянутого облаками, он отливал серым, и на нем черными точками пестрели сваи, пропитанные дегтем и креозотом. В воду выдавался ненадежный причал с измочаленными покрышками, предназначенными для того, чтобы защищать борта судов от ударов о пристань.

Покрышки… Вот что навело ее на мысль. Девочкой летними вечерами она бегала с Дэнни в ту часть фермы, которая называлась Северсен-корнер, перепрыгивала тракторную колею, окуналась в тень пшеничных стеблей и неслась к пруду. Его площадь была не меньше акра, и его окружали ивы, трава и жесткий тростнике похожей на пенопласт сердцевиной. Мелани летела как канзасский ветер, потому что хотела первой оказаться на бугре над прудом. Там, отталкиваясь от земли, она хваталась за болтающуюся на веревке покрышку и взмывала над зеркальной гладью воды.

А потом разжимала пальцы и падала в отражение неба и облаков под собой.

Они с братом проводили на пруду много времени. Даже теперь, выходя из дома теплыми летними вечерами, Мелани вспоминала о прозрачной как стекло воде. Дэнни дважды учил ее плавать. Первый раз — когда ей было шесть лет: взял за руки и опустил в спокойный, но глубокий пруд. Второй опыт был мучительнее: к тому времени Мелани потеряла слух и стала очень пугливой. Но долговязый белокурый брат, который был на пять лет старше, не позволил ей больше плескаться в купальне. Он один в семье выучил язык глухонемых и жестами убедил сестру отпустить старую автомобильную покрышку. А сам спокойно шел рядом и поддерживал, чтобы она не ударилась в панику. Постепенно Мелани вспомнила знакомые ей движения.

Умение плавать. Именно это вернуло ей крохи уверенности в себе, утраченной после того, как она погрузилась в глухоту.

«Спасибо тебе, Дэнни, — думала Мелани. — За то время и за сейчас». Она поверила, что ее опыт спасет хотя бы нескольких, если не всех, учениц.

Река в этом месте широкая. На поверхности рябь, течение быстрое, но ярдах в ста ниже по течению в воде лежит дерево, к которому прибивает ветки и мусор и образуется белый бурун. Мелани представила, как девочки тихо идут по коридорам, минуют причал, спускаются в воду, отдавшись течению, доплывают до дерева, цепляются за ветки. И бегут на волю...

«Нельзя недооценивать воду, — учил ее Дэнни. — Даже самая спокойная может таить опасность».

А реку Арканзас спокойной не назовешь. По силам ли девочкам такое испытание? Донна Харстрон умеет плавать. Киэл и Шэннон, две егозы, строящие из себя супергероинь, плавают как рыбы. Мелани представила, как крепко сбитая Киэл стремительно отрывается от доски на трамплине, а гибкая Шэннон неторопливо, круг за кругом плавает в бассейне. Близняшки любили плескаться в воде, но плавать не умели. А Беверли хоть и умела, но при ее астме долго на воде не продержится. Про хорошенькую Эмили Мелани ничего сказать не могла: в бассейне она отказывалась погружать лицо в воду и тихо стояла на мелком месте.

Для тех, кто не умеет плавать, нужно что-то придумать: плот, доску, — но откуда это взять?

И как вывести из здания бойни?

Мелани вспомнила о Дэнни. Но брата не было рядом, чтобы помочь ей. Ее охватила паника.

А де л’Эпе?

Она мысленно обратилась к нему, но он лишь подбодрил ее, и то шепотом, — сказал, что девочек, которые спустятся по реке, будут ждать полицейские («Ведь они там будут? Конечно, будут. Надо верить в это»).

«Чепуха, — решила Мелани. — Я здесь сама по себе».

Внезапно запах изменился.

Мелани открыла глаза и увидела в нескольких футах перед собой лицо Брута. Она больше не чувствовала реку — только мясо, затхлое дыхание и пот. Брут был так близко, что девушка с ужасом поняла: пятна на его шее, которые она раньше принимала за веснушки, скорее всего кровь женщины, убитой им в поле. Она содрогнулась от отвращения.

— Не рыпайся, цыпочка, — бросил Хэнди.

Мелани снова спросила себя: «Почему я понимаю его?» Не рыпайся. Такую фразу почти невозможно прочитать по губам, но тем не менее она не сомневалась, что он сказал именно это. Брут схватил девушку за руки. Она пыталась сопротивляться, но у нее не было сил.

— Ты сидела с закрытыми глазами и при этом сучила руками, как енот лапами. Разговаривала сама с собой?

В углу зашевелились. Киэл села и уставилась на Брута. Лицо девочки было не по-детски сосредоточенным, зубы сжаты.

— Я Джубили, — показала она руками. Это была ее любимая героиня из Людей Икс. — Я убью его.

Мелани не осмелилась ей ответить, только попросила глазами сесть.

Брут посмотрел на девочку, рассмеялся и направился в главное помещение бойни, поманив за собой Медведя. А когда через минуту вернулся, у него в руке была большая жестянка с бензином.

При виде этой красной банки у Киэл застыло лицо.

— Все остаются на местах. — Посмотрев прямо в глаза Мелани, Брут водрузил на полку над девочками тяжелую металлическую канистру — скорее даже не канистру, а маленькую бочку — и вылил в нее бензин. Девушка почувствовала сотрясение, когда он отшвырнул жестянку и та упала в угол. Прицепив к краю канистры проволоку, Брут протянул ее в соседний зал. Зловещие тени плясали на полу и стенах, а свет за порогом становился все ярче. Брут вернулся еще с одним светильником, открутил

решетку и положил незащищенный патрон с лампой на пол прямо под канистру с бензином.

Медведь с одобрением наблюдал за его действиями.

Киэл сделала шаг к Бруту.

— Нет! — подала ей знак Мелани. — Возвращайся обратно!

Внезапно Брут опустился на колени и схватил Киэл за плечи. Приблизив свое лицо к лицу девочки, он медленно заговорил:

— Вот что, птичка: будешь рыпаться или кто-нибудь попытается вас спасти, я дерну за эту веревку и всех сожгу.

Он резко оттолкнул Киэл, и она упала в один из желобов для стока крови.

— Какую выберем? — спросил он у Медведя. Толстяк обвел девочек взглядом, и его глаза задержались на Эмили — на ее плоской груди, белых чулочках и черных туфельках с ремешками.

— Эта меня ударила. Бери ее, — показал он на Шэннон.

Брут посмотрел на девочку. Шэннон откинула свои длинные темные волосы и, как Киэл, ответила преступникам вызывающим взглядом, но не выдержала, отвела глаза, и у нее по щекам побежали слезы. В этот момент Мелани поняла разницу между подругами: Шэннон Бойл была хорошей артисткой, но не Джубили и вообще не героиней, а всего-навсего восьмилетней девочкой, которая боялась умереть.

— Так ты драчунья? — спросил Брут. — Тогда пошли со мной. — И Шэннон увели.

Что с ней сделают? Отпустят, как Джойслин? Мелани подвинулась к двери — насколько могла решиться. Выглянула из зала забоя и увидела Шэннон — ее поставили перед грязным окном на фасаде. Брут вытащил из заднего кармана пистолет и приставил к голове девочки. О нет, только не это!

Мелани привстала, но тут же голова Медведя, похожая на луковицу, повернулась в ее сторону, и он поднял ружье. Девушка, осев на холодный пол, беспомощно смотрела на свою ученицу. Шэннон закрыла глаза и обхватила пальцами плетенный из синих и красных ниток браслет дружбы, который Мелани повязала на ее запястье месяц назад. Учительница, глотая слезы, вспомнила, что девочка обещала сделать такой же для нее, но так и не успела.

Анжи Скапелло остановилась на пути из тыловой зоны к командному пункту.

— Привет, капитан, — окликнула она Бадда.

Если бы Чарли доподлинно не знал, что она федеральный агент, то никогда не поверил бы в это.

— Привет, — ответил он.

Они пошли рядом.

— Вы давно работаете с Поттером? — неожиданно спросил капитан, который чувствовал себя как на иголках.

— Мы принимали участие в разрешении тридцати — сорока кризисов. Может, немного больше.

— Наверное, начали совсем молодой.

— Я старше, чем выгляжу.

— Это не флирт — я женат. — Бадд показал кольцо, точно такое же, как у его жены. — Вы никогда не снимались в качестве модели? Спрашиваю потому, что Мег, моя жена, покупает всякие журналы: «Вог», «Харперз базар» и тому подобные. И кажется, я пару раз видел вас в рекламе.

— Не исключено. Я училась на курсах печатной рекламы. Это было несколько лет назад. — Анжи рассмеялась. — Так и не закончила. Чаше всего меня снимали в образе невесты. Только не спрашивайте почему.

— Волосы подходят для фаты, — заметил Бадд и покраснел, опасаясь, что она воспримет его слова как заигрывание.

— Однажды даже снималась в кино.

— Серьезно?

— Была дублером Изабеллы Росселлини. Стояла на улице под снегом, когда снимали общие планы.

— То-то мне показалось, что вы похожи на нее. — Бадд понятия не имел, что это за актриса, и размышлял, мог ли видеть фильмы с ее участием.

— Вы тоже в своем роде знаменитость, — заметила Анжи.

— Я? — рассмеялся полицейский.

— О вас только и говорят: как быстро зарабатывает чины.

— Неужели?

— Такой молодой — и уже капитан.

— Я старше, чем выгляжу, — пошутил он. — А до исхода сегодняшнего дня еще изрядно постарею. — Бадд посмотрел на часы. — Мне нужно вернуться на командный пункт. Скоро истекает срок первого ультиматума. Как вам удается сохранять такое спокойствие?

— Ко всему привыкаешь. Но с вами-то что такое? Ведь вы же стали знаменитостью, устроив погоню за насильником в Гамильтоне.

— Откуда вы знаете? — удивился капитан. Два года назад он развил на грязной дороге скорость сто двадцать миль в час. — О моих подвигах не пишут в журнале правоохранительных органов.

— Земля слухами полнится. Во всяком случае, о некоторых нам кое-что известно.

Анжи не сводила с полицейского карих глаз, отчего он еще больше смутился и провел по щеке левой рукой, чтобы снова показать ей обручальное кольцо. А про себя подумал: «Брось ерундить. Неужели в самом деле думаешь, что эта женщина на тебя запала? Чепуха! Она просто поддерживает вежливый разговор с местным деревенщиной».

— Надо проверить, не требуется ли что-то Артуру. — Он зачем-то протянул ей руку и тут же пожалел об этом. Анжи взяла его руку в обе свои, и Бадд ощутил запах ее духов. «Как странно, — подумал он. — Агент ФБР пользуется парфюмерией».

— Я рада, Чарли, что мы работаем вместе. — Она одарила его сияющей улыбкой. Ничего подобного он не видел уже много лет. С тех пор как Мег вскружила ему голову, напропалую кокетничая с ним на студенческом балу, чего он никак не ожидал от президента группы девушек-методисток.

16:40

— До окончания срока ультиматума осталось двадцать минут, — объявил Тоби Геллер.

Поттер кивнул и нажал кнопку быстрого набора. Хэнди приветствовал его словами:

— Я выбрал следующую пичужку, Арт.

«Избегай темы заложников. Пусть он считает, что они не представляют для тебя ценности».

— Лу, мы пытаемся достать вертолет. Но это оказалось непросто.

— Малышка — настоящий боец, Арт. Толстуха постоянно ревела. Боже, как меня это доставало! А эта уронила пару слез — и все. Она по характеру солдат. Поверишь, у нее на руке татуировка.

«Попробуй нащупать общие темы. Покажи, что проявляешь к нему интерес. Спроси что-нибудь о нем».

— У тебя усталый голос, Лу.

— Я бодр как огурчик.

— А мы было решили, что ты всю ночь не спал, замышляя побег.

— Да нет, придавил свои положенные восемь часов. К тому же ничто так не бодрит и не горячит старую кровь, как мексиканская ничья, когда с кем-то долго бодаешься и ни один не может взять верх. — Голос Хэнди совсем не казался усталым — наоборот, довольным и непринужденным. Поттер повернулся к Лебоу, но тот уже стучал по клавиатуре компьютера. — Так какие у тебя трудности с вертолетом, Арт?

Переговорщик посмотрел сквозь очки на темноволосую длиннолицую девочку в окне. Он успел запомнить лица и имена заложниц. И теперь, нажав на клавишу выключения микрофона, повернулся к Анжи.

— Это Шэннон Бойл. Просвети меня на ее счет. — Затем бросил в телефон: — Вертолеты не растут на деревьях и их не дают даром.

«И в такой момент ты можешь говорить о долбаных деньгах?»

— Нечего пудрить мне мозги. У тебя денег хоть задницей ешь — все, что вы украли у налогоплательщиков.

— Ты платишь налоги, Лу?

— Мы больше не покупаем атомные бомбы, так что можно потратить немного на вертушку и спасти человеческие жизни.

Анжи похлопала Поттера по плечу.

— Подожди, Лу, мне как раз хотят что-то сказать про этот вертолет.

— Ей восемь лет, — прошептала психолог. — Глухая от рождения. По губам читать не умеет. У нее сильный характер. Независима. Участвовала в демонстрациях, когда выдвигались требования дать глухим ученикам в Канзасе и Миссури глухих наставников. Подписала требование за расширение прав глухих в школе Клерка Лорена, и ее роспись была самой крупной на листе. Участвовала в школьных драках и всегда выходила победительницей.

Поттер кивнул. Следовательно, если удастся отвлечь преступника и у девочки появится шанс, она попытается убежать.

Или бросится на Хэнди, и тот убьет ее.

Переговорщик включил микрофон и, изобразив возмущение, проговорил:

— Слушай, Лу, речь идет о небольшой задержке, вот и все. Ты требуешь большой летательный аппарат. У нас навалом двухместных вертушек, а такой, какой хочешь ты, найти не так легко.

— Это твоя проблема. Ясно? Что касается меня, то через пятнадцать минут по моим часам я вгоню пулю в голову этой малышке Фанни-Анни.

Как правило, ценность заложников следует принижать.

Но иногда приходится прибегать к просьбам.

— Послушай, Лу, ее зовут Шэннон. Ей всего восемь лет.

— Шэннон? — задумчиво повторил Хэнди. — Вижу, ты не догоняешь, Арт. Пытаешься разжалобить меня, сообщаешь, что у девчонки есть имя. Шэннон, Шэннон, Шэннон. Играешь по своим правилам, написанным в фэбээровском учебнике?

«А ведь верно. На странице сорок пять».

— Только эти правила не годятся для таких, как я. Чем больше я знаю о людях, тем сильнее мне хочется убить их.

«Следуй этой ненадежной линии. Ворчи, настаивай, торгуйся. Хэнди пойдет на попятную, если удастся качнуть чашу весов в нужную сторону». Все эти мысли пронеслись в голове у Артура Поттера, судорожно вцепившегося в телефон.

— Лу, ты порешь чушь. Мне кажется, ты с нами играешь.

— Считай, как тебе угодно.

Следующую фразу Поттер произнес чуть резче:

— Я устал от этой чепухи. Мы пытаемся сотрудничать с тобой.

— Ничего подобного. Ты хочешь укокошить меня. Так наберись смелости, признайся в этом. Попадись ты мне на мушку, и я завалю тебя, как какого-нибудь долбаного оленя.

— А я не хочу тебя убивать. Я вообще не хочу ничьей смерти. У нас проблемы с логистикой. Посадка — вот что напрягает. На поле полно столбов от старых загонов. Плюс к этому повсюду деревья. На крышу вертолет тоже не посадишь — не позволяет вес...

— Так ты разжился планом здания?

«Веди переговоры с позиции силы. Пусть преступники не забывают, что у тебя в запасе есть силовое решение (в любой момент можем ворваться в дверь и пришить тебя на месте, ведь нас гораздо больше, чем вас)». Поттер рассмеялся.

— А как же. У нас есть и карты, и планы, и схемы, и глянцевые цветные фотографии размером восемь на десять. Ты под колпаком, Лу. Думаю, это для тебя не новость.

Молчание.

Неужели слишком сильно надавил?

Нет, не должно быть. Сейчас рассмеется и сохранит невозмутимость.

Хэнди ухмыльнулся.

— Какие же вы, ребята, отменные говнюки.

— А поле к югу, — продолжал Поттер, словно его собеседник ничего не сказал. — Ты только посмотри на него: одни овраги и бугры. Сажать на такую поверхность восьмиместную вертушку опасно. К тому же ветер... тоже реальная проблема. Наш консультант по авиационным вопросам пока не решил, как выйти из положения.

Бадд нахмурился и одними губами повторил:

— Консультант по авиационным вопросам?

Поттер пожал плечами, давая понять, что только что изобрел эту должность, и кивнул в сторону графы под рубрикой «Обман». Капитан вздохнул и записал его слова.

Серебристые инструменты в пластиковой упаковке, совершенно новые.

Переговорщику отчаянно хотелось спросить, для чего они понадобились преступникам. Но он, разумеется, не мог этого сделать. Очень важно, чтобы Хэнди не догадывался о том, что известно о нем снаружи. Но самое главное, узнав, что отпущенная девочка передала полицейским такую ценную информацию, он дважды подумает, прежде чем освободит еще одну заложницу.

— Арт, сколько раз тебе повторять, что это твоя проблема, — бросил бандит. Но теперь его голос звучал не так беспечно. В глубине души он начинал понимать, что проблема стала отчасти и его.

— Перестань, Лу. Все это технические вопросы. Я же не спорю насчет вертолета. Только говорю, что большую машину трудно достать и не уверен, что она сможет здесь сесть. У тебя у самого-то есть какие-нибудь мысли? Я охотно выслушаю их.

Стратегия переговоров с преступниками такова, что переговорщик избегает предлагать решения проблем. Напротив, он возлагает эту ношу на плечи того, кто захватил заложников. И тем самым постоянно держит его в состоянии неуверенности, когда постоянно приходится что-то решать.

Недовольный вздох.

— Вот хренотень…

Сейчас разъединится? Но Хэнди не разъединился и сказал:

— А как насчет вертолета с поплавками? Это-то ты сумеешь организовать?

Нельзя соглашаться сразу.

— С поплавками? — повторил Поттер, выдержав паузу. — Не знаю. Надо подумать. Ты о том, чтобы посадить вертолет на реке?

— Куда же еще? Не в сраный же сортир!

— Попробую выяснить. Если неподалеку от вас есть закрытая бухточка, это вполне может получиться. Но ты должен дать нам больше времени.

«Не дам тебе больше времени».

— Нет у тебя больше времени.

— Послушай, Лу. Вертушка на поплавках — превосходная идея. Сразу начну заниматься этим делом. Но уступи мне немного времени. Давай поторгуемся. Что ты хочешь?

— Долбаный вертолет.

— Получишь. Только, наверное, чуть позже, чем мы рассчитывали. Назови что-нибудь еще. Свое сокровенное желание. Неужели ничего не придумаешь?

Последовала долгая пауза.

«Оружие, — гадал Поттер, — порнушку и видеопроигрыватель, выпустить приятеля из тюрьмы, деньги, спиртное...»

— Да, я кое-что хочу.

— Говори.

— Расскажи мне о себе, Арт.

Вот уж нежданно-негаданно. Переговорщик посмотрел на Анжи, та нахмурилась и качнула головой.

— Что?

— Ты спросил, чего я хочу. Отвечаю: чтобы ты рассказал мне о себе.

Переговорщик стремится к тому, чтобы преступник заинтересовался его личностью, но на установление хоть сколько-нибудь серьезных отношений, как правило, уходят часы, если не дни. Хэнди второй раз за короткое время проявил к нему интерес. Поттер еще ни разу не слышал, чтобы преступник так прямо задавал вопрос. Переговорщик понимал, что идет по тонкому льду: он может укрепить отношения с Хэнди или, не выполнив его желания, вбить между ним и собой клин.

«Стерегись...»

— Что ты хочешь знать?

— Все, что пожелаешь мне рассказать.

— Это не очень интересно. Я обычный государственный служащий. — В голове Поттера не осталось ни одной мысли.

— Продолжай, Арт. Говори со мной.

И вдруг, словно щелкнул выключатель, Артуру Поттеру захотелось выложить мельчайшие подробности своей жизни — рассказать о своей печали и одиночестве... Чтобы Лу Хэнди узнал о нем.

— Я вдовец. Моя жена умерла тринадцать лет назад, и сегодня годовщина нашей свадьбы.

Переговорщик вспомнил, что Лебоу предупреждал его о плохих отношениях Хэнди с его бывшей женой. Он обернулся к аналитику, но тот уже открывал нужную часть досье преступника. Бывший заключенный женился в двадцать лет и состоял в браке два года. Затем его жена подала на развод, мотивируя свое требование жестокостью мужа. Суд удовлетворил ее прошение, поскольку было доказано, что Хэнди часто избивал ее. После этого он занялся грабежами. Поттер пожалел, что заговорил о браке, но когда Лу спросил, что случилось с его женой, в его голосе слышалось неподдельное любопытство.

— Заболела раком и умерла примерно через два месяца после того, как мы об этом узнали.

— А я не был женат, Арт. Нет такой женщины, которой удалось бы привязать меня к себе. У меня свободолюбивый дух — иду туда, куда влечет меня мое сердце и похоть. Так ты больше не женился?

— Нет.

— А как выходишь из положения, если хочется побаловаться с женщиной?

— Выкладываюсь на работе, Лу, потом уже ни до чего нет дела.

— Любишь свою работу? Давно занимаешься этим ремеслом?

— Я в Бюро всю свою сознательную жизнь.

— Всю сознательную жизнь?

«Бог мой, — удивился Поттер. — Он эхом повторяет за мной. Совпадение? Или он играет в ту самую игру, в которую должен играть с ним я?»

— Это единственное дело, которым я когда-либо занимался. По восемнадцать часов в день.

— А как вляпался в это дерьмо с переговорами?

— Обычно. Сначала захотел стать агентом ФБР. Нравилось возбуждение, которое давала эта работа. Я стал хорошим следователем, но, наверное, слишком легковесным. Всегда видел проблему с двух сторон.

— Вот оно как, сэр, — серьезно подхватил Хэнди. — И поэтому не поднялся наверх? Разве не слышал, что акулы плавают быстрее других рыб?

— Истинная правда, Лу.

— Тебе наверняка приходилось сталкиваться с настоящими шизиками.

— О присутствующих умолчим. — Никакого смеха на другом конце линии. Только тишина. Поттера кольнуло, что его шутка оказалась не к месту, и он забеспокоился, что Хэнди, ощутив в его голосе сарказм, мог обидеться. Ему захотелось извиниться.

Но бандит лишь попросил:

— Расскажи что-нибудь из своего боевого опыта.

Анжи снова нахмурилась, но переговорщик не обратил на нее внимания.

— Ну, пятнадцать лет назад я участвовал в разрешении кризиса с заложниками в посольстве Германии в Вашингтоне. Вел переговоры около восемнадцати часов не переставая. — Поттер рассмеялся. — Я гонял агентов в библиотеку, чтобы мне принесли книги по философии и политике — Гегеля, Канта, Ницше. В конце концов пришлось послать за выжимками для студентов. Меня разместили на заднем сиденье машины без опознавательных знаков, и оттуда я разговаривал по заброшенному в дом проводному телефону с маньяком, который вообразил себя Гитлером. Он хотел надиктовать мне новую версию «Майн кампф». А я, сколько мы ни говорили, так и не понял, о чем мы толкуем.

Точнее, тот человек не объявлял себя Гитлером, но Поттеру захотелось немного преувеличить, чтобы позабавить Хэнди.

— Смешно, — хмыкнул тот.

— Смешно. Но если кому-то хотелось над ним посмеяться, его автомат Калашникова сразу отрезвлял.

— Ты психиатр?

— Нет, просто мне нравится разговаривать.

— У тебя, должно быть, очень сильная натура.

— Сильная натура?

— А то как же? Тебе приходится выслушивать, как кто-то вроде меня говорит: «Ты жалкий кусок собачьего дерьма. Я убью тебя при первой возможности». А потом спрашивать, чем ему больше нравится запивать бургеры — диетической колой или чаем со льдом.

— Хочешь к чаю лимон, Лу?

— Ха! И это все, чем ты занимаешься?

— Ну, еще других обучаю. В военной полицейской школе в Форт-Макклеллан, штат Алабама. Еще я возглавляю направление подготовки специалистов по кризисам с заложниками в Бюро специальных операций и исследований в Квонтико.

Теперь уже Генри Лебоу недовольно посмотрел на Поттера. Он еще не слышал, чтобы напарник выдавал так много личной информации.

— Скажи мне вот что, Арт, — тихо и очень медленно проговорил Хэнди. — Ты когда-нибудь совершал что-то плохое?

— Плохое?

— По-настоящему плохое?

— Думаю, да.

— Ты это делал намеренно?

— Намеренно?

— Ты меня не слушаешь? — В голосе Хэнди послышалось раздражение. Если слишком часто повторять за преступником его вопрос, можно в конце концов настроить его против себя.

— Скорее всего мои действия не были намеренными. Во-первых, плохо то, что я слишком мало времени проводил с женой. Как я уже упоминал, она довольно быстро умерла, и я понял, что многого ей не сказал.

— Брось! — Хэнди насмешливо хмыкнул. — Разве это плохое? Ты не понимаешь, о чем я говорю.

Поттера глубоко обидело его замечание. Захотелось крикнуть: «Понимаю! И мне кажется, я совершил что-то очень плохое. По-настоящему плохое».

— Я говорю об убийстве, — продолжал Хэнди. — Когда губишь чью-то жизнь, оставляешь вдову или вдовца и дети растут без родителей. Вот что значит плохое.

— Я никого не убивал, Лу. Непосредственно.

Тоби поднял на него глаза. Анжи написала на листке: «Ты слишком разоткровенничался, Артур».

Он не обратил на них внимания. Смахнул пот со лба и, не сводя взгляда со здания бойни, сказал:

— Но люди из-за меня умирали. Благодаря моим оплошностям, ошибкам. Иногда намеренным. Мы с тобой, Лу, находимся по разные стороны баррикады. — Ему безумно хотелось, чтобы его поняли. — Но знаешь...

— Ладно, хватит молоть чепуху. Скажи мне, Арт, что из сделанного тобой не дает тебе покоя?

— Не знаю.

— А люди, которые, как ты сказал, умерли из-за тебя?

«Надо нащупать его пульс, — сказал себе Поттер. — Понять, о чем он думает».

Но как понять?

— Не молчи, Арт. Кто они: заложники, которых тебе не удалось спасти? Полицейские, которых послал на штурм, хотя мог бы не делать этого?

— Да, они.

И преступники тоже, хотя переговорщик умолчал об этом. Сразу вспомнилась Острелла, и он увидел ее красивое удлиненное лицо, такое коварное. Темные брови, полные губы. Его Острелла.

— Они тревожат тебя?

— Тревожат? Конечно.

— Твою мать! — Хэнди насмешливо хмыкнул, и Поттер вновь почувствовал обиду. — Арт, ты подтвердил мою мысль. Ты никогда не делал ничего дурного, и мы оба это знаем. Хотя бы эти двое в «кадиллаке» сегодня днем. Пара, которую я убил. Кстати, их звали Рут и Хэнк. Рути и Хэнк. Знаешь, почему я это сделал?

— Почему, Лу?

— По той же причине, почему я выставил девчонку в окно — эту Шэннон — и через минуту-другую выстрелю ей в затылок.

Поежился даже непробиваемый Генри Лебоу. А Фрэнсис закрыла лицо руками.

— И что же это за причина? — спокойно спросил Поттер.

— Я не получаю того, что должен. Просто и ясно. Например, сегодня, там на поле. Эти люди разбили мне машину, врезались прямо в меня. А когда я хотел забрать их «кадиллак», попытались удрать.

Поттер уже ознакомился с рапортом канзасской полиции. Судя по всему, машина Хэнди с ходу проскочила знак, требующий остановиться, и в нее врезался «кадиллак», имеющий преимущественное право проезда.

— Это справедливо и ясно как день. Им полагалось умереть. И смерть была бы мучительнее, если бы я не торопился. Они не дали того, что мне полагалось.

Как холодно и рассудительно звучат его слова!

«Никаких субъективных оценок, — напомнил себе Поттер. — Но и никакого одобрения». Переговорщики занимают нейтральную позицию. (Ему претила мысль, что он не испытывает отвращения, которое должен почувствовать, ибо какая-то часть его сознания соглашается с тем, что в словах Хэнди есть смысл.)

— Не могу взять в толк, Арт. Я убиваю человека, потому что на это есть причина, а меня осуждают. Но если то же самое делает коп, получающий за это зарплату, его хвалят. Почему одни причины кого-то устраивают, а другие — нет? Людей убивают, потому что они не делают того, что должны. Или потому, что они слабы и тем самым губят других. Что в этом неправильного?

Генри Лебоу спокойно заносил все в компьютер. Тоби внимательно следил за мониторами и шкалами. Чарли Бадд, понурившись, сидел в углу. Рядом прислушивалась к каждому слову Анжи. А Фрэнсис Уайтинг застыла в углу, судорожно вцепившись пальцами в чашку с так и не тронутым кофе. В полицейском управлении Хеврона ей не приходилось сталкиваться с людьми, похожими на Хэнди.

Из динамика раздался смех.

— Признайся, Арт, неужели тебе никогда не хотелось этого сделать? Кого-нибудь за что-нибудь убить?

— Нет.

— Неужели? — недоверчиво протянул Хэнди. — Интересно.

На командном пункте наступила тишина. По лицу Поттера стекла струйка пота, и он вытер лоб.

— Ты, наверное, выглядишь как тот парень из старого телесериала про ФБР — Ефрем Цимбалист[32]?

— Ничуть не похож. Я самый обычный человек. Скромный констебль. Ем слишком много картошки…

— А, да, фри, — вспомнил Хэнди.

— Вообще-то больше всего люблю пюре. С подливкой.

Тоби что-то прошептал Бадду, и тот написал на клочке бумаги: «Срок ультиматума».

Поттер посмотрел на часы и сказал в телефон:

— Обожаю спортивные пиджаки, особенно из твида или верблюжьей шерсти. Но в Бюро приходится носить костюмы.

— Костюмы? Они здорово скрывают жир. Погоди секундочку, Арт.

Поттер вынырнул из своих грез и навел бинокль на окно здания бойни. У головы Шэннон появилось дуло пистолета. Каштановые волосы девочки были растрепаны.

— Подонок, — прошипел Бадд. — Малышка ужасно напугана.

Фрэнсис подалась вперед.

— Нет, пожалуйста, только не это…

Пальцы Поттера надавили на клавиши передатчика.

— Дин?

— Слушаю, сэр.

— Кто-нибудь из снайперов видит цель?

Пауза.

— Нет, только пистолетный ствол и затвор. Преступник находится прямо за заложницей. Единственная возможность — выстрелить в оконную раму.

— Эй, Арт, — спросил Хэнди, — так ты в самом деле никого не убивал?

Лебоу поморщился, но переговорщик ответил:

— Никогда.

Бадд, засунув руки в карманы, расхаживал по фургону. Это выводило из себя.

— И не стрелял из пистолета?

— Конечно, стрелял. В тире в Квонтико. Мне это очень нравится.

— Но если ты любишь стрелять, не исключено, что тебе понравится стрелять в кого-нибудь. Убивать.

— Психованный сукин сын, — пробормотал Бадд.

Поттер сделал знак капитану замолчать.

— Знаешь что Арт?

— Что?

— Ты парень что надо. Я в самом деле так считаю.

От этой похвалы у Поттера потеплело в груди.

«Да, я хорош, — подумал он. Поттер знал, что самое важное в его работе — сострадание. Не стратегия, не слова, не расчет, не анализ. Этому не научить на курсах. — Я всегда был хорош, — размышлял он. — Но когда умерла Мэриан, я стал великолепен. Моему сердцу больше некуда было деться, и я отдал его таким, как Луис Хэнди».

И Острелла.

Захват террористов в Вашингтоне. Красивая светловолосая эстонка покинула советское посольство после двадцати часов переговоров с Поттером. Двенадцать заложников освобождены, четверо остались в здании. Наконец она сдалась и вышла, но не с поднятыми руками, а держа их на голове — нарушение протокола капитуляции. Но Поттер

знал, что эта женщина больше не представляет опасности. В этот момент он понимал ее не хуже, чем Мэриан. Вышел беззащитный из-за прикрытия ей навстречу, чтобы приветствовать, обнять, убедиться, что, когда Острeллу арестуют, наручники не будут слишком сильно сжимать ей запястья, что ей зачитают права на ее родном языке. А затем ему в лицо брызнула ее кровь. Острелла, выхватив спрятанный в воротнике пистолет, направила его ему в лоб. И в этот момент ее застрелил снайпер. А какова была его реакция? Ему захотелось крикнуть: «Ложись!» Обнять, защитить свою новую любовь, но осколки ее черепа уже усыпали его кожу.

«Ты когда-нибудь хотел совершить что-нибудь плохое?»

«Стерегись...»

«Да, Лу, хотел, если тебе так уж нужно знать».

«Стерегись...»

Несколько мгновений Поттер был не способен выговорить ни слова. Он боялся, что Хэнди обидится и разъединится. Испугался этого почти так же сильно, как и того, что Хэнди сейчас убьет заложницу.

— Послушай, Лу, говорю тебе ответственно: мы предпринимаем усилия по поводу вертолета. Скажи, что бы ты хотел получить? За что я мог бы выторговать у тебя еще час?

Сначала Хэнди не отвечал, а затем послышался его уверенный голос:

— Что-то у меня от этой работенки разыгралась жажда.

«А вот теперь поиграем».

— Как насчет диетической пепси? — легкомысленно спросил агент.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— О лимонаде из свежих апельсинов фирмы «Санкист»?

Лебоу нажал на несколько клавиш и показал Поттеру на экран. Тот кивнул.

— Может, еще предложишь стакан грудного молока? — хохотнул Хэнди.

— Не думаю, что спиртное — удачная идея, — бросил Поттер, читая досье Уилкокса. — У Шепа, кажется, есть небольшая проблема.

Молчание.

— А вы, ребята, много о нас успели узнать.

— За это я получаю свою скудную зарплату. Я должен быть в курсе всего, что происходит в мире.

— Договоримся так: даю вам час, а вы мне — выпивку.

— Но ничего крепкого. Это исключено.

— Сойдет и пиво. Как раз на мой вкус.

— Пришлю три банки.

— Сговоримся на ящике.

— Нет. Получишь три банки светлого пива.

Смешок.

— К черту светлое.

— Это самое большее, что я могу для тебя сделать.

Фрэнсис и Бадд, прилипнув к окну, глядели на Шэннон.

— Одна маленькая свинка едет на рынок, другая маленькая свинка остается дома, — пропел Хэнди и провел дулом пистолета девочке от уха до уха.

На связь вышел Стиллуэл и спросил, что приказать снайперам.

— Не стрелять, — поколебавшись, ответил переговорщик. — Что бы ни случилось, не стрелять.

— Принято, — подтвердил шериф.

В динамике послышалось хныканье — Шэннон расплакалась, когда Хэнди приставил пистолет ко лбу.

— Даю упаковку из шести банок, если ты отпустишь ее, — предложил Поттер.

— Не давите слишком сильно, — прошептал Бадд.

Прошло несколько секунд.

— Назови мне причину, по которой мне хочется это сделать.

Лебоу подвел курсор к одному из абзацев всплывшей биографии Луиса Хэнди. Поттер прочел и ответил.

— Потому что ты любишь пиво.

В тюрьме Хэнди был наказан за то, что соорудил некое подобие домашней пивоварни. Затем его на время ограничили в правах, потому что он умудрился получить контрабандой два ящика «Будвайзера».

— Соглашайся, — подзадоривал его переговорщик. — Чего ты боишься? У тебя останется еще много заложников. — Поттер хотел использовать шанс. — К тому же от этой девчонки одна головная боль. Такова ее репутация в школе.

Анжи сделала большие глаза. Опасно хоть как-то отзываться о заложниках. В таком случае они приобретают в глазах преступников большую ценность, чем имели до этого. И ни под каким видом нельзя упоминать, что они могут вывести из себя захвативших их людей или представлять для них опасность.

Пора забросить крючок.

— Какой твой любимый сорт? «Миллер»? «Будвайзер»?

— Мексиканское.

— Получишь мексиканское, Лу. Упаковку из шести банок «Короны». Отпусти девочку. У нас будет час на наши дела с вертолетом, и все останутся довольны.

— Пожалуй, лучше я ее застрелю.

Поттер и Лебоу переглянулись. Внезапно капитан оказался рядом с переговорщиком. Он что-то делал рукой в кармане, но Поттер не обратил внимания.

— Стреляй, — сказал он в телефон. — Я сыт по горло всей этой ерундой.

Уголком глаза он заметил, как нервничает молодой капитан, и напрягся, испугавшись, что тот вот-вот набросится на него, вырвет трубку и согласится выполнить все требования Хэнди. Но Бадд, не вынимая из карманов рук, отвернулся. Потрясенная Фрэнсис смотрела на переговорщика.

Поттер нажал клавишу передачи рации.

— Дин, он может убить девочку. Проследите, чтобы ответного огня не открывали.

Ответ раздался после недолгого колебания.

— Есть, сэр.

Переговорщик вернулся к телефону связи с Хэнди. Тот не разъединился, но ничего не говорил. Голова Шэннон качалась взад-вперед. Черный угловатый пистолет был по-прежнему на виду.

Поттер буквально подпрыгнул, когда в фургон ворвался раскатистый смех преступника.

— У нас что-то вроде «Монополии». Купля, продажа и все такое?

Переговорщик, сделав над собой усилие, промолчал.

— Две упаковки, иначе я спускаю курок! — проревел преступник. Дуло пистолета с силой уперлось в голову Шэннон, заставив девочку наклониться вперед.

— И у нас будет еще час, чтобы заниматься вертолетом? — спросил переговорщик. — До шести пятнадцати?

— Снять оружие с предохранителей, — пропел Дин Стиллуэл.

Поттер закрыл глаза.

На командном пункте воцарилась тишина. Мертвая тишина. «Вот в таком мире Мелани живет каждый день», — подумал Поттер.

— По рукам, Арт, — ответил Хэнди. — Кстати, какой же ты ублюдок.

Щелк.

Поттер рухнул на стул и закрыл глаза.

— Все зафиксировано, Генри?

Лебоу кивнул. Поднялся и приготовился убрать карточку Шэннон из плана здания бойни.

— Подождем, — сказал переговорщик. — Давай немного подождем.

— Пойду достану пиво, — вздохнул Бадд.

— Переволновались, капитан? — улыбнулся Поттер.

— Есть немного.

— Привыкнете.

— Привыкну, — отозвался Бадд, но его голос звучал совсем не оптимистично. Агент ФБР и полицейский рассмеялись.

Бадд уже собирался рвануть из фургона, но в это время Анжи стиснула его руку.

— Если не возражаете, капитан, я пойду за пивом с вами.

— Конечно, — неуверенно ответил полицейский, и они вышли на улицу.

— Еще один час, — подытожил Лебоу.

Поттер повернулся на стуле и посмотрел в окно.

— Генри, занеси: переговорщик заключил, что стресс и волнение первоначальной стадии кризиса прошли; объект по имени Хэнди успокоился и рассуждает здраво.

— И кто-то из нас тоже, — пробормотала Фрэнсис. У нее так дрожали руки, что она пролила кофе. Рыжеволосый полицейский Дерек Элб галантно поспешил на помощь и, встав на колени, вытер пол.

17:11

— Что он делает с Шэннон? — Беверли с трудом перевела дыхание.

Мелани подалась вперед. Лицо Шэннон не выражало никаких чувств. Она что-то показала рукой, и учительница различила имя профессора Икс, создателя Людей Икс. Как и Эмили, девочка призывала своих ангелов-хранителей.

Медведь и Брут разговаривали, и Мелани видела их губы.

Толстяк ткнул рукой в сторону Шэннон и спросил:

— Зачем ее отпускать?

— Затем, что, если мы не сделаем этого, они ворвутся сюда и всех нас перестреляют, — объяснил Брут.

Мелани отпрянула.

— Она там. С ней все в порядке. Они собираются отпустить ее.

Все лица прояснились. Не реагировала только миссис Харстрон. Киэл, белобрысая веснушчатая восьмилетняя девчонка с глазами двадцатилетней девушки, раздраженно посмотрела на Мелани, отвернулась к стене и чем-то занялась. Что она там делает? Собралась устроить подкоп? Ну и хорошо. Это отвлечет ее, и она не наделает глупостей.

— Меня сейчас стошнит, — пожаловалась Сузи, одна из близняшек. Анна тут же сказала, что ей тоже плохо. Впрочем, она часто подражала сестре.

Мелани попросила, чтобы они крепились, сказала, что все будет в порядке, и подсела к Эмили. Та со слезами на глазах разглядывала свое разорванное платье.

— На следующей неделе пойдем в магазин и купим тебе новое, — пообещала учительница.

В этот миг де л'Эпе прошептал в ее неслышащее ухо:

— Канистра из-под бензина, — и тут же исчез.

По спине Мелани пробежал холодок. Да, канистра. Она повернула голову и посмотрела на стоящую неподалеку желтую с красным канистру. Большую, примерно на два галлона. Подвинулась к ней, закрыла крышку и паровой клапан. Затем окинула взглядом зал забоя, разыскивая то, что ей нужно.

Там.

Передвигаясь вдоль стены, Мелани посмотрела в глубину здания. Две двери — она различила их в полумраке. Какая из них ведет к реке? На глаза попались слова, которые она написала в пыли на полу, когда хотела сообщить преступникам, что девочки просто играют. Затем посмотрела на пол возле дверей — у правой пыли оказалось гораздо меньше, чем у левой. Теперь Мелани знала: ветер с реки сносит у этой двери пыль. И ветер не слабый. Значит, где-то поблизости открыто окно или вторая дверь, куда может выскользнуть девочка.

Беверли закашлялась и расплакалась. Она лежала на боку и судорожно пыталась вдохнуть. Ингалятор не очень помог. Медведь нахмурился и что-то крикнул. Вот черт!

— Понимаю, как тебе тяжело, солнышко, — просигналила Мелани ученице. — Но пожалуйста, постарайся потише, успокойся.

— Страшно, страшно.

— Знаю, но все будет… О Боже!

Глаза Мелани полезли на лоб, и руки застыли на середине слова.

Киэл держала перед собой нож — старый нож с загнутым лезвием. Вот что она заметила под кучей мусора, поэтому и копалась у стены.

Учительница поежилась.

— Не надо! Положи обратно.

В серых глазах Киэл она прочла решимость убивать. Девочка сунула оружие в карман.

— Я зарежу этого господина Злыдня[33]! — Резкими движениями рук Киэл рассекала руками воздух перед собой, словно наносила врагу удары.

— Нет. Так нельзя!

— Я Джубили. Он не остановит меня.

— Джубили — это героиня из комиксов. — Быстрые движения пальцев Мелани складывались в отрывистые слова. — Она не существует на самом деле.

Киэл не обратила на нее внимания.

— Джубилейшн Ли. Я раскрою его на части плазменным сгустком. Ему придется умереть. Мне никто не помешает! — Она проползла в дверь и скрылась за каплями падающей с потолка воды.

Центральное помещение мясной фабрики «Уэббера и Штольца», в передней части которого засели преступники, имело множество загонов и проходов для скота. Раньше здесь расставались с жизнью животные, а теперь осталось только оборудование: колоды для рубки мяса, однопролетные и трехпролетные гильотины для обезглавливания, устройства для потрошения, мясорубки и огромные баки для вытапливания жира.

И в этом мрачном помещении где-то растворилась Киэл, явно намереваясь совершить круг и оказаться у передней стены, где перед телевизором расположились бандиты.

Нет…

Мелани приподнялась и взглянула на Медведя — одного из троих, кому открывался обзор зала забоя — и похолодела. Толстяк не смотрел на них, но стоило ему повернуть голову, и они перед ним как на ладони. Скользнув взглядом по переднему залу, Мелани заметила, как скрылась за колонной светлая голова Киэл.

Учительница на четвереньках пробралась поближе к двери. Брут стоял у окна рядом с Шэннон и смотрел наружу. Медведь начал было поворачиваться, но его отвлек Горностай, который над чем-то рассмеялся. Медведь, поглаживая ружье, сделал шаг к приятелю, прикрыл глаза и тоже разразился хохотом.

«Пора. Действуй».

«Не могу».

«Давай, пока он не видит тебя».

Глубокий вдох. Сейчас или никогда. Мелани выскользнула из двери и стала пробираться по гнилому настилу, выщербленному и продавленному миллионами копыт. На мгновение задержалась, всматриваясь в даль сквозь каскады падающей воды. «Где же ты, Киэл? Куда подевалась? Думаешь, ударишь его ножом и скроешься? Черт бы тебя побрал вместе с твоими комиксами».

Мелани прошла по луже — вода оказалась леденяще холодной и омерзительно липкой. Поежившись от отвращения, она шагнула в огромный зал.

Как поступит девочка? Скорее всего обойдет помещение вокруг, чтобы подойти к Медведю сзади. Будет скрываться за механизмами, ржавеющим железом и гниющим деревом. На полулежали груды цепей с металлическими крюками. На них остались пятна крови и клочки высохшего мяса. Особенно ужасны были котлы, издававшие тошнотворный запах, и Мелани будто воочию увидела, как тонут животные в кипящем сале. Ее замутило.

«Нет! Шуметь нельзя! Малейший звук, и бандиты поймут, что ты здесь».

Пытаясь успокоиться, Мелани опустилась на колени и вдохнула сырой прохладный воздух возле пола.

Взглянула сквозь опоры огромной гильотины с выщербленным ржавым лезвием и увидела тень девочки, которая в противоположной части зала скользила от одной колонны к другой.

Мелани поспешила туда, но не прошла и двух футов, как наткнулась плечом на приставленную к колонне железную шестифутовую трубу, и та стала падать.

«Нет!»

Девушка обхватила тяжелую трубу руками.

«Не удержу!»

Труба тянула ее за собой. В тот момент, когда силы были на исходе, Мелани подкатилась под трубу и приняла удар напрягшимися мышцами живота. От пронзившей тело боли она задохнулась, молясь, чтобы шум ветра и воды заглушил стон, вырвавшийся из груди. Мгновение, когда она лежала без движения, показалось ей вечностью.

Наконец Мелани выбралась из-под трубы и осторожно опустила ее на пол.

«Где же ты, Киэл? Неужели не понимаешь, что тебе не удастся убить их всех. Они найдут и прикончат нас. Или Медведь уведет нас с собой в задние помещения бойни. Ты что, не видела его глаз? Не понимаешь, что ему надо? Наверное, не понимаешь. Не догадываешься».

Мелани взглянула в переднюю часть зала. Мужчины были увлечены телевизором. Медведь бросил взгляд в сторону зала забоя, но как будто не заметил, что две заложницы пропали.

Мелани вновь обвела взглядом пространство между опорами механизма и увидела белокурую голову девочки. Вот она! Киэл неуклонно приближалась к бандитам, сидящим возле окна. Двигалась с улыбкой на лице. Наверное, решила, что сумеет убить всех троих.

Скрываясь за ржавыми опорами, Мелани продвигалась по проходу. Свернув, увидела Киэл: девочка была всего в двадцати — тридцати футах от Брута, который все также смотрел в окно, небрежно держа Шэннон за воротник. Стоило одному из троих преступников подняться, сделать шаг и посмотреть поверх лежащих на боку чанов, и он увидел бы Киэл.

Та, вся напружинившись, собиралась перепрыгнуть через чан и напасть на Брута.

«Может, не мешать ей? — думала Мелани. — Чем грозит ее поступок? Ну, подберется она к ним на несколько футов. Медведь заметит ее, отберет нож, шлепнет парочку раз и вышвырнет в зал забоя.

С какой стати мне рисковать жизнью? Забыла, какие руки у этого Медведя? И как смотрит на тебя Брут?» Но в этот миг перед мысленным взором Мелани появилась Сьюзан. По спине ее расползалось темное пятно крови.

И тут же она представила себе, как Медведь, ухмыляясь, смотрит на детское тело Эмили.

Проклятие!

Сняв черные туфли, Мелани толкнула их под металлический стол и бросилась вперед. Побежала по узкому проходу, уворачиваясь от свисающих сверху кусков железа, арматуры и труб и перепрыгивая через остатки разделочных колод.

Она догнала Киэл, когда та собиралась перелезть через чан, схватила одной рукой поперек живота, другой зажала рот. Они упали, ударившись о крышку чана, и та со стуком захлопнулась.

— Не мешайте! — знаком потребовала девочка.

Тогда Мелани сделала то, чего не делала никогда в жизни, — размахнулась и влепила ученице пощечину. Киэл вытаращила глаза. Мелани опустила руку и посмотрела в щель между двумя чанами. Брут повернулся к ним, а Горностай только пожал плечами.

— Ветер, — прочитала она по губам. Медведь мрачно поднялся и, взяв ружье, направился в их сторону.

— Внутрь! — Неистово жестикулируя, Мелани показала на большой железный чан, лежащий на боку рядом с ними. Девочка помешкала, но затем обе забрались внутрь и, как дверь, закрыли за собой крышку. Стенки чана были покрыты воскообразной пленкой. Мелани охватило отвращение, по коже побежали мурашки, и ей снова пришлось преодолеть тошноту.

На чан упала тень, и Мелани ощутила вибрацию, когда Медведь ступил в проход. Теперь он был от них в двух футах. Равнодушно осмотрелся и направился назад, к Шэннон и двум сообщникам.

Киэл повернулась к учительнице, и в сумраке чана Мелани едва различила ее слова:

— Я все равно убью его. А будете мешать, убью и вас.

Учительница задохнулась от страха, когда девочка направила на нее острый как бритва нож.

— Прекрати! — Что же делать? Мелани представила Сьюзан, миссис Харстрон, отца и брата. И де л'Эпе.

«Сьюзан, помоги! Де л'Эпе, помоги…»

И вдруг она подумала: нет никакой Сьюзан. Она умерла и уже остыла.

А может, умерла и миссис Харстрон.

Де л'Эпе? Он не больше чем химера. Призрачный гость в ее маленькой комнате, друг, слепленный болезненным воображением, один из десятков, кого она придумала, чтобы разговаривать с ними, тайно любить их и вместе отгораживаться от реального мира. «Со мной все не так — я слышу музыку, когда никакой музыки нет, и ничего не слышу, когда люди говорят в нескольких дюймах от меня. Я боюсь, когда мне надо быть храброй…»

«Могила девы».

Ученица потянулась к крышке чана.

— Киэл! — Мелани сделала сердитый знак рукой. — Джубили… Хорошо, слушай.

Девочка настороженно повернулась и кивнула.

— Ты в самом деле хочешь убить его?

Глаза Киэл вспыхнули.

— Ладно. Тогда мы сделаем это вместе. Поступим вот так.

Девочка криво улыбнулась.

— Я отвлеку его. А ты спрячешься за той трубой. Видишь ее? Обойдешь и спрячешься.

— А что мне делать?

— Ждать, пока я не подам знак выходить. Он будет разговаривать со мной и не заметит тебя.

— А дальше?

— Ударишь как можно сильнее в спину. Поняла?

— Да! — Киэл расцвела; в глазах больше не было бешенства, они стали холодными как камень. — Я Джубили. Никто не остановит меня.

Брут стоял спиной к помещению, но, видимо, заметил отражение в треснувшем оконном стекле. И обернулся.

— Что это у нас там такое?

Мелани выскользнула из чана и, сделав полукруг, стала приближаться к мужчинам с другой стороны. Оказавшись рядом, она улыбнулась Шэннон. Посмотрела на Хэнди и жестом показала, будто что-то пишет. Он дал ей блокнот с желтыми листочками. Девушка указала на Шэннон и нацарапала:

«Не обижайте ее».

— Не обижать? — показал ей губами Хэнди. — Да я отпускаю ее. Ясно?

«Может, отпустите еще и больную? — Надо назвать ее имя, подумала Мелани, это вызовет у него сострадание. И приписала: — Беверли».

Брут ухмыльнулся и кивнул в сторону Медведя.

— Мой друг… хочет придержать… тех, кто посмазливее.

«Он так говорит, потому что ему нравится казаться жестоким, — подумала Мелани. Но ее тут же осенило. — Он и есть жестокий. А еще какой? Что я чувствую в нем? Что-то странное. Я понимаю его, и, наверное, поэтому между нами существует связь. Или я понимаю его, потому что между нами существует связь».

Горностай, отступив от окна, сообщил:

— Несут… две упаковки, — и подмигнул, продолжая жевать зубочистку. Но Брут не смотрел на улицу, а, щурясь, оглядывал помещение бойни.

Что бы такое сделать, чтобы он не заметил Киэл?

В голову пришла нелепая мысль: попытаться соблазнить его?

Мелани знала о любви только из книг, кинофильмов и болтовни девчонок. У нее были знакомые ребята, но она не спала ни с одним из них. Мешал страх. Хотя она и не понимала, чего боялась. Наверное, темноты. Или не хотела никому верить. К тому же не нашлось никого, кто захотел бы заниматься с ней любовью, хотя многие с удовольствием

трахнули бы ее. А это разные вещи. Даже сами слова совсем непохожие. Скажешь «заниматься любовью» — и сразу светлеет лицо, а когда слышишь «трахнуть», кажется, что ущипнули за нос, и невольно морщишься.

Внезапно Брут рассмеялся, шагнул вперед и притянул ее к себе. Может, он умнее, чем она полагала? Или ее глазам ничего не удавалось скрыть? Во всяком случае, он безошибочно угадал, о чем подумала Мелани. Брут погладил ее по волосам.

Мелани ждала, что его рука окажется у нее на груди, между ног. Она помнила, как отпрянула, когда ее приятель быстро провел там ладонью. Соскочила с его колен как ошпаренная и ударилась головой о горячий потолочный плафон машины.

Брут отвернулся, что-то сказал сообщникам, но теперь она не видела его губ.

Медведь и Горностай рассмеялись.

Резко оттолкнув Мелани, Брут приблизил к ней лицо и сказал:

— Почему я должен хотеть тебя? Такую замухрышку? Ты ведь больше похожа на мальчонку. А я люблю только женщин. — Он сверлил ее взглядом черных глаз, и Мелани разрыдалась. Брут с удовлетворением прочитал на ее лице ужас и стыд. — У меня есть настоящая женщина — Прис. У нее и женская фигура, и женские глаза. Мы трахаемся часами. У тебя есть парень?

Мелани не могла отвечать. Ее руки ослабели и повисли вдоль тела. Краем глаза она видела Киэл, которая подбиралась, прячась в тени механизмов. Девушка боролась со слезами, но не хотела вытирать их.

— У Прис настоящий характер. Вот уж кто дает жару так дает. Думаешь, я порочный человек? Она гораздо хуже меня. Вот ты меня ненавидишь? А уж она тебе и вовсе не понравилась бы. Могла бы запросто тебя трахнуть. За ней такое водится. А мне в кайф смотреть. Если выберемся отсюда, займемся этим втроем: я, ты и она.

Мелани хотела отступить, но Брут взял ее за руку. Сжал запястье так, что кисть закололо иголками.

Горностай потер ладонью «ежик» и что-то крикнул. Брут обернулся и посмотрел в окно. Девушка почувствовала в воздухе вибрацию. Брут покосился на телефон, отпустил ее руку и, улыбнувшись, взял трубку.

— Алло...

Кто собеседник? Де л’Эпе? О чем они говорят?

За трубами, рядом с дверью, мелькнула тень Киэл. Девочка держала в руке нож.

— Уже близко… — Горностай ткнул пистолетом в окно.

Брут опустил голову, продолжая говорить, и при этом поигрывал заткнутым за пояс пистолетом. Казалось, ему все наскучило. Скривив губы, он разъединился, взял ружье, передернул затвор и подошел к двери. Теперь его спина была не больше чем в десяти футах от Киэл. Девочка высунула голову. Поток врывающегося снаружи света сверкнул на лезвии в ее руке. Мелани просигналила:

— Подожди.

Горностай взял Шэннон за руку и подвел к выходу. Брут отступил, показал стволом на улицу, и его сообщник открыл дверь.

На пороге появился полицейский во всем черном. Он протянул две упаковки пива, а Горностай вытолкнул Шэннон за дверь.

Пора.

Мелани неслышно встала за Брутом и улыбнулась Киэл. Сбитая с толку девочка нахмурилась. Но учительница быстро наклонилась и вырвала у нее нож.

Киэл яростно замотала головой.

Мелани стремительно развернулась, и преступник, не поняв, что происходит, застыл, глядя на учительницу и ученицу. Продолжая улыбаться и не выпуская изумленную Киэл, Мелани обогнула Хэнди и внезапным толчком выбросила девочку за дверь, на грудь полицейскому.

Мгновение никто не двигался. Мелани, все еще улыбаясь Горностаю, потянула на себя створку двери и как-то сонно, словно отмахиваясь от мухи, сделала знак пораженному полицейскому, чтобы уходил.

— Проклятие! — воскликнул Брут. Горностай бросился вперед, но Мелани захлопнула дверь и заклинила створку найденным Киэл ножом. Горностай потянул за большую ручку, но дверь не поддалась.

Мелани упала на колени и закрыла руками лицо, стараясь загородиться от ударов костлявого кулака Горностая, который бил ее по шее и в челюсть. Бандит, оторвав ее руки от лица, ударил в лоб и в подбородок.

— Ах ты, долбаная тварь! — У Брута дергалась жила на скуле.

Его удар свалил ее на пол. Стараясь отползти, Мелани ухватилась за подоконник и выглянула наружу — полицейский тащил под мышками обеих юных героинь из Людей Икс и неловко ковылял по овражку, удаляясь от здания бойни.

Мелани шеей ощутила вибрацию — за ее спиной сердито крикнул мужчина. Брут бросился к окну с другой стороны двери, но встал не рядом, а поодаль и высунул наружу ружье.

Мелани кинулась к нему.

Казалось, ее ноги не касались земли. Горностай попытался схватить девушку, но, поймав лишь кусок шелкового воротника, оторвал его. Мелани налетела на Брута и ощутила восторг, заметив его удивление, боль и страх. Он повалился на бок, на разделочную колоду. Ружье грохнулось на пол, но не выстрелило.

Девушка еще раз выглянула в окно и увидела, что две ее ученицы и полицейский уже скрылись за небольшим холмом. А затем Горностай ударил ее пистолетом выше того уха, которое много лет назад первым утратило слух. Упав на колени, Мелани потеряла сознание. Но не от боли, а от страха. Мелани решила, что в глазах потемнело оттого, что бандит повредил ей нерв и она навечно останется не только глухой, но и слепой.

17:34

— Ты приготовил нам бонус, Лу. Огромное спасибо.

— Не я, — прорычал Хэнди.

— Не ты? Что у вас происходит?

— Ну, знаешь, задолбали!

— А что такое?

— Заткнись и не перебивай, Арт! Я больше не собираюсь слушать твою фигню. — Так холодно голос Хэнди еще не звучал. — Сорок пять минут тебе на вертолет. Это все, чем ты располагаешь, мистер. У меня чешутся руки кого-нибудь убить. Я даже надеюсь, что вертолета не будет. И больше никаких сделок.

— Как тебе пиво?

— Я выбрал сучонку. Лет десяти-одиннадцати. В симпатичном платье.

— Эмили, — подсказала Анжи.

— Но до этого я отдам ее Боннеру. Ты ведь про Боннера в курсе? Наши чертовы досье у тебя перед глазами, и ты знаешь о его маленькой проблеме.

Переговорщик никогда не оценивает ситуацию — ни положительно, ни отрицательно. Поступить так — значило бы признать, что существуют стандарты приемлемого и неприемлемого. Таким образом возникнет риск вывести преступника из себя или дать ему понять, что его плохое поведение имеет оправдание. Опасно также говорить какие-либо обнадеживающие общие фразы. В таком случае он решит, что вы не относитесь к ситуации серьезно.

Поттер заговорил как умудренный опытом человек:

— Лу, тебе ведь не хочется этого делать. Ты сам знаешь.

Фургон наполнился злобным смехом.

— Все только и указывают, чего я хочу и чего не хочу. Терпеть этого не могу.

— Мы работаем над тем, чтобы достать вертолет. Выгляни в окно, Лу. Ветер дует со скоростью двадцать миль в час, облачность низкая, и к тому же туман. Ты потребовал вертолет на поплавках, но поплавки не растут на деревьях.

— Ветер у вас двенадцать миль в час, облачность две тысячи футов, и я не вижу никакого тумана.

«Телевизор», — вспомнил Поттер и разозлился на себя за то, что забыл о нем. Не исключено, что именно в этот момент Хэнди смотрит пятичасовой прогноз погоды. Минутная пауза показалась очень долгой. Глядя на громкоговоритель над головой, Поттер решил, что они слишком увлеклись механизмом переговоров — пора потолковать о чем-то личном.

— Лу.

— Что?

— Ты спрашивал, как я выгляжу. Позволь мне в ответ спросить, как выглядишь ты.

— Не гони — у вас там куча моих фотографий.

— Снимки с уголовных дел… разве по ним можно о чем-нибудь судить? — рассмеялся переговорщик.

Хэнди заговорил более спокойно:

— Хочешь знать, как я выгляжу, Арт? Тогда слушай, что я тебе расскажу. В тюрьме вспыхнул бунт, заварилась обычная в таких ситуациях дерьмовая каша. Я оказался в прачечной с одним типом, на которого давно имел зуб. Достал нож из стекла — тебе же известно, где обычно прячут такие штуки, — развернул и принялся за него. А знаешь почему?

Артур Поттер-переговорщик знал, что в таких случаях принято отзываться эхом на слова собеседника. Но просто Артур Поттер промолчал.

— Потому что когда я только сел, он подвалил ко мне и начал выдрючиваться, а в конце сказал, что ему не нравится мой вид.

— И ты убил его, — бесстрастно констатировал Поттер.

— А как же. Но я сейчас не о том. Когда он с выпущенными кишками подыхал, я наклонился над ним. Понимаешь, мне было интересно, и я спросил, что именно ему не понравилось в моей наружности. Знаешь, что он ответил? Что я выгляжу, как холодная смерть. Поверишь, Арт, после этого я даже пожалел, что убил его. Да, сэр, пожалел.

«Перестань играть в его игры, — внезапно подумал Поттер. — Он тебя гипнотизирует». И раздраженно сказал:

— Дай нам время до семи, Лу. Сделай это для меня, и, думаю, я сообщу тебе хорошие новости.

— Я…

— Это все. Какая тебе разница? — Поттер постарался, чтобы его голос не звучал просительно, хотел показать, что Хэнди ведет себя неблагоразумно. Это был риск. Но он заключил, что Хэнди не любит нытиков. И тем не менее удивился, когда тот ответил согласием.

— Хорошо. Но чтобы вертолет к этому времени был здесь. Иначе мы займемся малышкой в красивом платье.

Щелк.

Поттер попросил Тоби, чтобы он переориентировал хронометраж времени окончания ультиматума.

Дверь в фургон открылась, и на пороге появился полицейский.

— Привел двух девочек, сэр, — доложил он. — Они в медицинской палатке.

— Девочки в порядке?

— Одна упала и ободрала локоть. А в остальном все нормально.

— Пойду к ним сам, — сказал Поттер. — Немного свежего воздуха не повредит. Фрэнсис, вы можете переводить? Генри, оторвись от своей техники и прогуляйся с нами. Анжи, ты идешь?

В рощице, неподалеку от командного пункта, Поттер усадил девочек на раскладные стулья. К ним присоединился Генри Лебоу. Сел, достал портативный компьютер и улыбнулся недавним заложницам, которые с интересом уставились на его «тошибу».

Поттер попытался вспомнить, чему научила его Фрэнсис, и знаками изобразил имена девочек: Ш-Э-Н-Н-О-Н, К-И-Э-Л. Шэннон улыбнулась. Они были одного возраста, лет восьми, решил переговорщик, но Шэннон выше. Однако Киэл с ее мрачным выражением лица и напряженным взглядом казалась взрослее.

— Что произошло? — спросил ее Поттер.

Когда Фрэнсис получила ответ, улыбка исчезла с ее лица.

— Она говорит, что пыталась убить его.

— Кого?

— Видимо, Хэнди. Она называет его мистером Злыднем.

Поттер показал листовку с фотографиями преступников.

Лицо Киэл стало непроницаемым, и она ткнула пальцем в снимок Хэнди.

— Она говорит, что это он убил Сьюзан, — перевела Фрэнсис. — И поэтому хотела убить его. Мелани ее предала. Мелани — иуда.

— Почему? — удивилась Анжи.

Девочка сделала несколько резких движений.

— Она выпихнула ее из двери.

У Поттера пробежал по спине холодок. Он не сомневался, что за действия учительницы придется расплачиваться.

Шэннон подтвердила, что у преступников нет винтовок. Ее отец увлекался охотой, и она разбиралась в оружии. Беверли страдала от жестоких приступов астмы, хотя Хэнди отдал ей лекарство. Шэннон несколько раз повторила, что «большой человек», то есть Боннер, постоянно маячит рядом с девочками и засматривается на Эмили, потому что она «самая симпатичная и выглядит более по-девичьи, чем остальные».

— До вас кто-нибудь дотрагивался? — тактично спросила Анжи.

Шэннон ответила утвердительно, но Киэл помотала головой.

— Не в том смысле, что вы имеете в виду. Но Медведь все время на нас поглядывал.

«Следовательно, — подумал Поттер, — Боннер представляет собой отдельную, независимую от Хэнди угрозу. И вероятно, даже более опасен. Обуреваемые похотью преступники всегда опасны».

— Кто решил отпустить тебя? — спросила Анжи у Шэннон.

— Вот он, — показала на Хэнди девочка.

— Тот, кого Мелани называет Брутом?

Шэннон кивнула.

— А мы зовем его мистером Злыднем или Магнето.

— Как ты считаешь, почему он выбрал именно тебя? Были на это какие-то причины?

— Ему велел Медведь. — Шэннон показала на фотографию Боннера.

Фрэнсис посмотрела на Анжи и объяснила:

— Шэннон пнула его ногой, и он ужасно разозлился.

— Я не нарочно. Не успела подумать, как это вышло. А потом сильно испугалась. Решила: напрасно я это сделала — теперь он всех сожжет.

— Сожжет? Каким образом?

Девочка рассказала о поставленной над их головами канистре с бензином.

Фрэнсис побледнела.

— Не посмеет.

— Еще как посмеет, — возразила ей Анжи. — Огонь — его новая игрушка.

— Черт! — бросил Поттер. Угроза огня исключала силовой вариант освобождения заложников. Лебоу, разделяя всеобщий страх, начал печатать описание зажигательного устройства.

Переговорщик подошел к двери командного пункта и вызвал из фургончика Чарли Бадда. Затем поманил к себе Дина Стиллуэла.

— Внутри огненная ловушка.

— Огненная?

— На взводе и готова сработать. Нельзя дать ни малейшего повода к тому, чтобы они воспользовались ею. Не предпринимать никаких действий, которые могут быть истолкованы как агрессивные. Еще раз убедитесь, что патроны изъяты из патронников.

— Есть, сэр, — ответил шериф.

Поттер спросил, не вспомнит ли Шэннон что-нибудь еще о захвативших их преступниках. Чем они занимаются в здании бойни.

— Смотрят телевизор, — перевела Фрэнсис. — Ходят, едят, разговаривают. Совершенно спокойны.

Спокойны? Джойслин говорила то же самое. С этим Поттер еще не сталкивался.

— Ты видела у них инструменты?

Шэннон кивнула.

— Они работали ими?

— Нет.

— Можешь сказать, о чем они разговаривали?

— Нет, — объяснила Фрэнсис. — Никто из них не умеет читать по губам.

— Они все время за вами приглядывали? — поинтересовалась Анжи.

— Почти. Он очень страшный. Вот этот. — Шэннон показала на Хэнди.

Киэл вырвала у нее листовку и разорвала на куски.

— Она говорит, что ненавидит Мелани. У нее был шанс убить Брута, а из-за предательства учительницы он жив и может погубить других людей. Киэл не боится умереть, а вот Мелани — трусиха.

Поттер тепло пожал девочкам руки и поблагодарил их. Шэннон улыбнулась, Киэл осталась серьезной, и в ее рукопожатии чувствовалась уверенность в себе. Поттер отправил девочек с полицейским к родителям в мотель в Вороньей Гряде. Посовещавшись с Анжи, он вернулся на командный пункт. Анжи пошла за ним.

Переговорщик протер глаза, откинулся на спинку стула и взял чашку отвратительного кофе, которую поставил перед ним Дерек.

— Не понимаю, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Что? — спросил Бадд.

— Ускользнула заложница, и он разозлился, это мне ясно. Но он злится не оттого, что потерял козырь, который мог бы использовать в торговле с нами. Он зол по какой-то другой причине. — Поттер обвел глазами фургон. — Анжи, наш штатный психолог, есть какие-нибудь соображения?

— Думаю, самая большая проблема Хэнди в том, что он постоянно стремится все контролировать. По его словам, он убивал людей, потому что они поступали не так, как ему хотелось. Я и раньше слышала нечто подобное. Продавщица ночного магазина недостаточно быстро положила деньги грабителю в сумку, поэтому виновата она, а не он. И это, по его мнению, дает ему право убить ее.

— Поэтому он убил Сьюзан? — спросил Бадд.

Поттер встал и начал прохаживаться по фургону.

— Очень хороший вопрос, Чарли.

— Согласна, — кивнула Анжи. — Ключевой вопрос.

— Почему именно ее? — продолжал переговорщик.

— Я-то имел в виду, почему он вообще ее убил? — уточнил капитан. — Почему дошел до такой крайности?

— О, тот, кто нарушает его правила, достоин любого наказания, — ответила Анжи. — Смерти, пытки, изнасилования. В мире Хэнди даже легкий проступок считается тяжкой виной. Но давайте рассмотрим вопрос Артура: почему убита именно Сьюзан Филлипс? Это очень важно. Генри, что нам известно о девушке?

Пальцы Лебоу защелкали по клавишам. И он стал читать с экрана:

— Семнадцать лет. Отец и мать глухие. Коэффициент умственного развития — сто сорок шесть.

— Тяжело слушать, — буркнул Бадд. Поттер дал знак Лебоу продолжать. — В школе Клерка Лорена первая в классе. И вот послушайте: за ней числится привод.

— Что?

— В прошлом году участвовала в Топике в акции протеста учащихся школы для глухих. Это часть Хаммерсмитского колледжа. Они требовали себе глухого декана. Пятьдесят учащихся были задержаны, а Сьюзан ударила полицейского. Обвинений в нападении на сотрудника правоохранительных органов выдвигать не стали, но был предъявлен условный иск в связи с причинением вреда.

Была добровольной активисткой бикультурного, билингвального центра Среднего Запада. В материалах, которые привезла Анжи, есть запись, — Лебоу перелистал бумаги, — которая объясняет, что это организация, противостоящая тому, что называют «вливанием в общий поток».

— Об этом рассказала мне директор школы Клерка Лорена, — добавила Анжи. — Движение вливания в общий поток выступает за то, чтобы глухие учились в обычных школах. Очень противоречивое начинание. Активисты глухих всячески борются с ним.

Поттер кивнул.

— Отставим это на время. Теперь о тех, кого Хэнди отпустил.

— Джойслин и Шэннон, — подсказала Анжи.

— Что у них общего?

— Похоже, ничего, — ответил Бадд. — Выглядят как две противоположности. Джойслин — тихоня, а Шэннон — заводная. Похожа на Сьюзан, только еще маленькая.

— Анжи, а ты что думаешь? — спросил Поттер.

— В этом случае тоже идет речь о сохранении контроля. Сьюзан представляла для Хэнди непосредственную угрозу. Скорее всего прямо бросала вызов его власти. Шэннон ударила ногой Боннера, и Хэнди почувствовал в ней опасность, правда, меньшего масштаба, чем та, что исходила от Сьюзан. Чтобы восстановить контроль в полной мере, ему не нужно было убивать девочку, но он хотел избавиться от нее. Теперь о Джойслин. Она постоянно плакала. Распускала сопли. Это действовало ему на нервы и таким образом ослабляло контроль над ситуацией.

— А как же взрослые? — заинтересовался Лебоу. — Можно было бы предположить, что они, а не дети, представляют для Хэнди главную угрозу.

— Не обязательно, — возразила Анжи. — Видимо, старшая учительница Донна Харстрон находится в полукоматозном состоянии. От нее не может исходить никакой угрозы.

— А Мелани Черрол?

— Директриса школы сказала мне, что Мелани считают очень робкой.

— Как это вяжется с тем, что она вытолкнула Киэл из здания?

— Полагаю, счастливая случайность. Действовала импульсивно. — Анжи посмотрела в окно. — Странный тип этот Хэнди.

— Уникальный в моей практике, — кивнул Поттер. — Ну-ка, Генри, почитай нам из своего опуса. Растолкуй, что о нем известно на данную минуту.

Лебоу чуть выпрямился и начал:

— Луис Иеремия Хэнди, тридцати пяти лет. Воспитан матерью, после того как его алкоголик отец попал в тюрьму, когда сыну было всего шесть месяцев. Мать тоже пила. Службы защиты детей неоднократно рассматривали вопрос о помещении его и братьев в семейные приюты, но из этого ничего не вышло, поскольку не было свидетельств того, что с Хэнди жестоко обращались или били его. Не появилось таких свидетельств даже тогда, когда вышел из тюрьмы его отец. Мальчику в то время исполнилось восемь лет. Сам Хэнди-старший неоднократно подвергался арестам за драки с соседями. Когда Луису было тринадцать

лет, отец наконец ушел из семьи, и через год его убили в пьяной драке в баре. Еще через год умерла мать Луиса.

Сотрудник полиции Фрэнсис Уитинг, исполненная сострадания, покачала головой.

— Свою первую жертву Хэнди убил в пятнадцать лет. Воспользовался ножом, хотя имел при себе пистолет и мог бы применить более гуманное оружие. Жертва, юноша его возраста, умирал очень медленно. Хэнди на шесть лет отправился в тюрьму для несовершеннолетних, а затем довольно долго находился на свободе. Подвергался арестам за угоны автомобилей с отягчающими обстоятельствами, за то, что грабил водителей, нападал на людей и избивал их. Подозревался в ограблениях банков и банкоматов. Дважды его чуть не отправили за решетку, подозревая в более серьезных преступлениях, но свидетелей убивали до начала судебных заседаний. Доказать причастность Хэнди к их смерти так и не удалось.

Два его брата постоянно не ладили с законом. Старший был убит пять лет назад. Я уже упоминал об этом. Не исключали, что Хэнди сам прикончил его. Где находится младший — неизвестно.

Чем дальше, тем сильнее ожесточался Хэнди, — продолжил Лебоу. — Его преступления становились все более безжалостными и носили случайный характер. В последнее время убийства не были ничем спровоцированы, а во время ограбления, за которое он недавно получил срок, Хэнди совершил поджог.

— Расскажи конкретно, что произошло во время ограбления в Уичито, — попросил аналитика Поттер. — Тот случай, когда он взял ссудо-сберегательный банк «Фармерз энд мерчантс».

Генри Лебоу продолжил:

— Хэнди, Уилкокс, дважды судимый Фред Ласки и Присцилла Гандер, подружка Луиса, совершили ограбление ссудо-сберегательного банка «Фармерз энд мерчантс» в Уичито. Хэнди приказал кассирше отвести его в хранилище, но та, по его мнению, двигалась недостаточно быстро, и это вывело его из себя. Он ударил ее и вместе с другой женщиной запер в хранилище, а сам вышел и раздобыл баллон с газом. Распылил его в помещении банка, а затем поджег. Из-за пожара его и поймали. Если бы они просто удрали с двадцатью тысячами, все обошлось бы. Но на то, чтобы поджечь банк, ушло пять минут. Поэтому их накрыли полицейские и люди Пита Хендерсона.

Лебоу рассказал, чем завершилась драма. Перед зданием банка произошла перестрелка. Девица скрылась, а Хэнди, Уилкокс и Ласки угнали машину, но не проехали и мили, как были остановлены на дорожной заставе. Бандиты выскочили из автомобиля и бросились к полицейским. Хэнди выстрелил Ласки в спину из спрятанного пистолета, убил его, ранил двух полицейских и только после этого был ранен сам.

— Не вижу никакого смысла, — покачал головой Бадд. — Он что, устроил пожар только для того, чтобы сжечь тех двух женщин?

— Нет-нет, — возразила Анжи. — Используя огонь как орудие, он восстанавливал контроль над ситуацией.

— «Они не делали того, что я хотел. Когда я этого хотел», — процитировал преступника Поттер.

— Может, такие, как этот Хэнди, станут вашей специальностью, — предположил Тоби.

«Два года до выхода на пенсию, — подумал переговорщик. — Зачем мне еще какая-то специальность, а уж тем более такая, что предполагает общение с типами вроде этого Лу Хэнди».

Бадд тяжело вздохнул.

— С вами все в порядке, капитан? — спросил его Поттер.

— Не уверен, что подхожу для такой работы.

— Вы прекрасно справляетесь.

Но молодой полицейский, конечно, был прав. Он не подходил для такого рода работы. Да и никто не подходил.

— Послушайте, Чарли, ребята в оцеплении, наверное, совсем издергались. Устройте-ка вместе с Дином обход. Успокойте. Позаботьтесь о кофе. И ради Бога, проследите, чтобы они не высовывались. Свою голову, кстати, тоже поберегите.

— Я пойду с вами, — предложила Анжи. — Если Артур не против.

— Ты догонишь его, — кивнул переговорщик. — А пока мне надо переброситься с тобой парой слов.

— Встретимся на улице. — Психолог посмотрела на Бадда и подвинула стул ближе к Поттеру.

— Анжи, мне нужен союзник, — сказал тот. — Кто-то из заложниц.

Она подняла на него глаза.

— Мелани?

— Было ли то, что она совершила, непредсказуемой реакцией? Или я все-таки могу рассчитывать на чью-то помощь?

Анжи на мгновение задумалась.

— Когда Мелани училась в школе Клерка Лорена, там придерживались принципов орализма, то есть запрещали пользоваться языком жестов, считая, что в таком случае у глухих разовьются навыки чтения по губам. Это тяготило ее — теперь педагоги тоже понимают пагубность подобного метода. Тогда Мелани разработала собственный, почти незаметный язык жестов. Она пользовалась только пальцами, чтобы учителя не видели движений ее рук, как было бы, если бы она пользовалась обычным языком глухих. Ее язык распространился по школе как лесной пожар.

— Она придумала язык?

— Да. Но обнаружила, что десяти пальцев недостаточно для всего объема лексики и синтаксиса. Тогда она ввела в свой язык переменный элемент. Это была блестящая находка. Никто из глухих не использовал раньше в языке ритм. Она наложила временной размер на жестикуляцию пальцами, и сделала это явно под влиянием того, как работают дирижеры за пультами оркестров.

Артур Поттер, который всю жизнь зарабатывал тем, что с кем-то говорил, был восхищен.

— Примерно в это же время, — продолжала Анжи, — начали шириться протесты и выдвигались требования перейти на программы, которые предполагали обучение глухих языку жестов. И один из аргументов глухих учителей заключался в том, что учащиеся и без того пользуются языком Мелани.

Но сама Мелани не имела никакого отношения к этим протестам. Она отрицала, что изобрела язык, как будто боялась, что администрация накажет ее за это. Хотела одного: отсидеть уроки и вернуться домой. Очень талантливая, очень умная и очень робкая. В этом году ей предложили стипендию в колледже Галлодета в Вашингтоне, но она отказалась.

— Почему?

— Никто не знает. Наверное, из-за происшествия с братом.

Поттер вспомнил, что завтра молодому человеку предстоит операция. «Интересно, — думал он, — успел ли Питер Хендерсон связаться с родными Мелани?»

— Может быть, — проговорил он, — некоторая робость вообще сопровождает глухоту?

— Извините, агент Поттер, — перебила его Фрэнсис Уитинг. — Складывается впечатление, что для работы в ФБР необходима определенная толика фашизма.

— Простите? — изумился переговорщик.

Девушка пожала плечами:

— Стереотипы, применяемые к людям. Глухие постоянно страдают от этого. Считается, что они нищие. Что они глупые, тупые, глухие и немые. Что они робкие. Хеллен Келлер[34] как-то сказала, что слепота отрезает человека от вещественного мира, а глухота — от людей. Глухие компенсируют свой недостаток. Ни одно другое отличительное физическое состояние человека не привело к возникновению сообщества и расцвету культуры, которая есть у глухих. Возьмите самые разные группы: голубых, парализованных, силачей, высоких, низкорослых, престарелых, алкоголиков, — вы не увидите ничего подобного. Сообщество глухих отличается воинственной сплоченностью. Их можно назвать какими угодно, но только не робкими.

— Положен на обе лопатки, — кивнул Поттер.

Девушка улыбнулась.

Переговорщик посмотрел на поле за окном и обратился к Анжи:

— У меня ощущение, что до сего момента переговоры с одним только Хэнди давали результат. Но я мог бы спасти еще три-четыре жизни, если бы кто-то из заложниц мне помог.

— По-моему, Мелани не годится для этого.

— Принято к сведению. А теперь иди, — Чарли уже и так ломает голову, куда ты запропастилась.

Анжи вышла из фургона, Фрэнсис последовала за ней и направилась в мотель проверить, как обстоят дела с родными заложниц. А Поттер

вернулся к столу и вызвал в воображении фотографию Мелани — ее лицо, волнистые белокурые волосы.

«Какая она красивая», — сказал он себе.

Затем распрямился и посмеялся над собой.

Хорошенькое личико? О чем он только думает?

Переговорщик не имеет права испытывать к заложникам ничего похожего на стокгольмский синдром. Это первейшее правило во время подобных кризисов. Он должен быть готов, если потребуется, пожертвовать ими. Но сейчас Поттер не мог заставить себя перестать думать о Мелани. Это было тем более нелепо, что в последнее время он редко обращал внимание на внешность женщин. После смерти Мариан у Поттера было всего одно романтическое приключение — с симпатичной женщиной лет под сорок. Их связь с самого начала не имела перспектив. Теперь Поттер считал, что человек шестидесяти лет и старше способен на романтическое чувство. Но в сорок — пятьдесят полагал, что это невозможно. Из-за негибкости. Гордости. И разумеется, вечных сомнений.

Глядя на здание бойни, он решил, что последние пятнадцать лет после смерти Мариан самые важные разговоры он вел не с Линден, двоюродной сестрой жены, и ее родственниками, не с женщинами, целомудренно бравшими его под руку на службе, а с мужчинами, направлявшими в голову заложников свои пистолеты, готовые к бою. И с другими женщинами — с короткими черными волосами, восточными лицами и нарочито европейскими кличками. С преступниками, психопатами и потенциальными самоубийцами. Он изливал им душу, а они изливали ему свои. Конечно, лгали насчет тактики и мотивов (как и он им), но говорили чистую правду о себе: о своих надеждах и мечтах, уже погребенных или еще не утраченных, о семьях, детях и жестоких поражениях в жизни.

Рассказывали свои истории по тем же причинам, по которым Артур Поттер рассказывал им свои. Чтобы измотать противоположную сторону, установить с ней связь и «добиться эмотивного отклика» (так говорится в его чрезвычайно популярном, выдержавшем восемь изданий учебнике по переговорам с преступниками, захватившими заложников).

А еще потому, что кто-то хотел слушать.

«Мелани… придется ли нам когда-нибудь поговорить? Только нам двоим?»

Увидев, что ему машет Дин Стиллуэл, Поттер вышел в овражек навстречу шерифу. Обернулся на командный пункт — вокруг фургона клубился клочковатый туман. Значит, Хэнди пользовался не самым последним прогнозом погоды. Это давало надежду — может, и безосновательную, но все-таки надежду. Переговорщик посмотрел на предвечернее небо, все в желтых полосах и несущихся свинцовых облаках. В просвете между двумя бесформенными массами мелькнула луна — бледный полумесяц восседал над зданием бойни, прямо над стеной из кроваво-красного кирпича.

18:03

Они появились внезапно, десяток человек.

Переменчивый ветер заглушил их шаги, и Поттер заметил их, когда они уже окружили его и Дина Стиллуэла, который рассказывал, что за бойней есть причал. Шериф осмотрел там все и решил, что, несмотря на сильное течение, о чем докладывал Бадд, это все-таки очень соблазнительный путь для отхода. Он посадил несколько вооруженных людей в ялик, и теперь тот стоял на якоре в двадцати ярдах от берега.

Внезапно увидев, что Стиллуэл смотрит на что-то поверх его плеча, Поттер обернулся.

Люди были одеты в черную с синим боевую форму. Поттер узнал снаряжение: защитные куртки с пуленепробиваемыми накладками, прорезиненная ткань для погружений и капюшоны, пистолеты-пулеметы «хеклер-кох» с лазерными прицелами и фонарями. Спецназ, но не его. Поттер меньше всего хотел, чтобы эти ребята приближались на сотню миль к бойне «Уэббера и Штольца».

— Артур Поттер?

Кивок. Будь обходительным. Не надо дергать за поводок, пока в этом нет необходимости. Он обменялся рукопожатием с мужчиной лет сорока с короткой стрижкой.

— Я Дэн Тримейн, командир спецподразделения штата по спасению заложников. — В его спокойных глазах сквозила уверенность. Даже вызов. — Я так понимаю, что вы ждете группу «Дельта»?

— Группу спасения заложников ФБР. Вопрос юрисдикции.

— Разумеется.

Поттер представил ему Стиллуэла, но Тримейн не обратил на того внимания.

— Каково положение?

— Преступники засели в здании и заблокированы. Есть одна жертва.

— Наслышан. — Командир спецназа потирал надетое на мизинец золотое кольцо с выгравированным изображением креста.

— Три девочки спасены, — продолжал Поттер. — В заложницах остались еще четыре и две учительницы. Преступники потребовали вертолет, который мы не собираемся предоставлять им. Они грозят убить заложницу в семь, если к этому времени не прибудет вертушка.

— Вы не собираетесь давать им вертолет?

— Нет.

— И что в таком случае произойдет?

— Постараюсь убедить не убивать.

— Нам приготовиться? Если дойдет до того, что он решит убить девочку, вы, вероятно, отдадите приказ на штурм?

Поттер покачал головой и покосился на стол прессы, где Джо Силберт и его коллега быстро печатали на компьютерах. Репортер мрачно посмотрел на переговорщика. Поттер кивнул и снова повернулся к Тримэйну.

— Вы ведь не хотите сказать, что позволите ему убить ребенка? — спросил командир канзасского спецназа.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Допустимые потери…

Тримэйн задержал на Поттере взгляд.

— Думаю, нам все-таки лучше занять позицию. На всякий случай.

Переговорщик посмотрел на журналистов и дал знак спецназовцу отойти в сторону. Они встали в тени командного пункта.

— Если дойдет до штурма, а я определенно надеюсь, что этого не будет, на захват пойдет моя команда, и более никакая. Извините, капитан, но дела обстоят именно так.

Поттер ждал, что за этим последует взрыв. Жалобы губернатору и адмиралу в Вашингтоне.

Но Тримэйн, хоть и разозлился, только пожал плечами.

— Вы здесь за все в ответе, сэр. Однако эти люди приговорены судом штата, и в соответствии с правилами мы должны находиться рядом. Так тоже обстоят дела.

— Я вовсе не против вашего присутствия, — кивнул переговорщик. — А если преступники выйдут из здания, палите вовсю. Ваша огневая мощь мне будет очень кстати. Но до того, пока вы понимаете, что приказы получаете только от меня.

— Логично, — смягчился Тримэйн. — Если хотите знать, я сказал своим людям, что, возможно, мы проведем здесь часа три, попивая кофе, а затем отправимся по домам.

— Будем на это надеяться ради нашего же блага. Если хотите занять позицию как часть сил оцепления, шериф Стиллуэл покажет вам место. Он здесь отвечает за это.

Мужчины холодно кивнули друг другу, и каждый, кто находился в пределах слышимости, сразу понял бы, что командир спецназа ни при каких условиях не позволит шерифу заштатного городка отдавать приказы своим людям. Поттер решил, что именно поэтому Тримэйн постарается побыстрее убраться отсюда.

— Мы отойдем назад, встанем вне пределов видимости, но если понадобимся, будем поблизости.

— Как вам угодно, капитан, — ответил Поттер.

Появились Бадд и Анжи — они шли по холму, но, завидев людей, остановились.

— Привет, Дэн! — Капитан полиции узнал командира спецназа.

— Чарли! — отозвался тот, и они пожали друг другу руки. Тримэйн скользнул взглядом по лицу и волосам Анжи, но очень целомудренно, а на грудь посмотрел только с одной целью: желая убедиться, что у нее на шее висит бейджик агента ФБР.

— Вы, ребята, узнали, что у нас небольшие неприятности? — спросил Бадд.

— Думаешь, мы не смотрим телевизор? — рассмеялся Тримэйн. — Кто у вас за панелью управления?

— Дерек Элб.

— Дерек Рыжий. Надо пойти поздороваться с ним. — Спецназовец повернулся к Поттеру и уже благодушнее продолжил: — Парень просился в нашу команду, но мы решили, что его волосы будут слишком заметны в прицеле снайпера.

Поттер, довольный, что удалось избежать конфронтации, вежливо улыбнулся. Обычно в таких ситуациях переговорщики от федералов и местные неплохо ладят, но трение между переговорщиками и различными силовыми подразделениями неизбежно. Поттер так объяснял это на занятиях: «Есть те, кто говорит, и те, кто стреляет. Они — день и ночь, и этого положения никак не изменить».

Тримэйн скрылся в фургоне, а Поттер оглядел его команду. Хмурые натренированные ребята, явно ловившие кайф оттого, что оказались в центре событий. Переговорщик вспомнил актера Роберта Дюваля в роли подполковника Килгора из «Апокалипсиса сегодня» и подумал, что эти бойцы тоже любят запах напалма по утрам. Закончив разговор со Стиллуэлом, Поттер обернулся. Спецназовцы — все до единого — исчезли. Вернувшись в фургон, он не нашел там и их командира.

Лебоу внес информацию о ялике шерифа в электронную память компьютера.

— Что у нас со временем, Тоби? — Поттер поднял глаза на таблицу обещаний и обманов.

Молодой человек посмотрел на цифровые часы:

— Сорок пять минут. — Затем попросил аналитика: — Скажите ему вы, Генри.

— Что сказать?

— Мы здесь поиграли с инфракрасным монитором, — ответил Лебоу. — Минуту назад на нем мелькнул Хэнди.

— Чем он занимался?

— Заряжал ружья.

Канзасское спецподразделение по освобождению заложников, которым командовал капитан Дэниэл Тримэйн, незаметно отошло в рощицу — в сотне ярдов от здания бойни.

Это место среди деревьев, как сразу отметил старший группы, уже не пустовало. Там занял позицию полицейский снайпер и разместились двое или трое помощников местного шерифа. Подавая сигналы рукой, Тримэйн направил своих людей через лесок по овражку, чтобы сбоку обойти здание, где засели преступники. Этот путь они преодолели незамеченными. Тримэйн осмотрелся и увидел в пятидесяти ярдах по направлению к реке заброшенную мельницу высотой в сорок футов. Она стояла посреди поля, заросшего травой. Рядом, спиной к его группе, дежурили двое полицейских и внимательно наблюдали за бойней. Тримэйн оставил в лесочке двух человек — так, чтобы их нельзя было заметить ни с северной стороны, где засели преступники, ни со стороны командного пункта.

От мельницы группа спецназа влилась в овражек и еще ближе подобралась к бойне. Командир поднял руку, и все остановились, дважды шлепнул ладонью по шлему; подчиненные ответили на команду тем, что включили радио. Лейтенант Карфалло развернул карту местности и архитектурные планы. Тримэйн вынул из кармана схему внутренних помещений бойни, которую ему только что в фургоне сунул в руку Дерек Рыжий, Дерек-полицейский, Дерек-шпион. На ней были обозначены места, где находились заложники и захватившие их преступники.

Тримэйн вздохнул с облегчением. Преступники не выставили девочек в окна в качестве щита и не загородились ими. Не устроили никаких ловушек. Дерек сообщил, что они вооружены только пистолетами и дробовиками, автоматическим оружием не располагают и не имеют ни бронежилетов, ни шлемов, ни фонарей. К сожалению, заложницы находятся ближе к преступникам, чем хотелось бы, и в помещении, где их держат, нет двери. Но все-таки Хэнди и остальные сидели от девочек футах в двадцати. Следовательно, чтобы добраться до них, им потребуется целых пять секунд, и то если они решат убить их, как только услышат звуки штурма. Как правило, в ситуациях, когда спецназ идет на приступ, преступники тратят от четырех до десяти секунд, пытаясь понять, что происходит, и только после этого преодолевают замешательство и занимают эффективную оборону.

— Слушать меня. — Руки похлопали по ушам, головы кивнули в ответ. Тримэйн показал на схему. — Внутри шесть заложниц. Трое захвативших их преступников расположились здесь, здесь и здесь, хотя они могли и перемещаться. Один время от времени приходит проверить девочек. — Тримэйн кивнул одному из своих людей. — Уилсон.

— Слушаю, сэр.

— Пройдешь по этому овражку вдоль стены вот сюда и будешь наблюдать в одно из этих двух окон.

— Сэр, вы можете сделать так, чтобы свет направили в другую сторону? — Джоуи Уилсон показал на галогенные прожектора.

— Нет. Мы проводим скрытую операцию, и тебя не должны обнаружить не только чужие, но и свои.

— Ясно, сэр, — ответил юноша и не задал больше ни одного вопроса.

— Среднее окно скрыто деревом и школьным автобусом, поэтому предлагаю именно его.

— Слушаюсь, сэр.

— Пфеннингер.

— Да, сэр.

— Ты вернешься к командному фургону. Твоя задача остается такой же, как мы ее с тобой обсуждали. Понятно?

— Так точно, сэр.

— Остальные вместе со мной под прикрытием кустов и деревьев перемешаются сюда. Хардинг, занимайте позицию. Все вперед.

Спецназовцы растворились в предвечерних сумерках — зыбкие, как журчащая неподалеку река, и еще более неслышные, чем ветер, пригибающий траву.

— Пошли покурим, — предложил Поттер.

— Не курю, — ответил Бадд.

— А мы понарошку.

— Это как?

— Просто отойдем.

Они удалились от командного фургона футов на двадцать, встали под деревьями, и Поттер, сам того не сознавая, расправил плечи и

приосанился — в присутствии молодого полицейского это вышло как-то само собой. Немного помолчав, он обратился к Джо Силберту и другому журналисту:

— На свободе еще две заложницы.

— Еще две? Кто? — Силберт едва сдержал волнение.

— Без имен, — ответил переговорщик. — Могу сказать только то, что это ученицы. Юные. Отпущены целыми и невредимыми. Таким образом, в руках преступников остались четыре школьницы и две учительницы.

— Что вы за них отдали?

— Мы не вправе разглашать такую информацию.

Поттер ждал, что репортер будет благодарен за полученные новости, но тот проворчал:

— С вами чертовски трудно работать.

Переговорщик посмотрел на экран его компьютера. Силберт писал душещипательный очерк о безымянном полицейском, который томится в оцеплении, ожидая какого-нибудь приказа, о том, как изматывает и действует на нервы участие в спасении заложников. Решив, что материал неплох, Поттер сказал об этом журналисту. Силберт усмехнулся.

— А звучало бы вообще как песня, если бы я располагал конкретными фактами. Когда мы сможем взять у вас интервью?

— Скоро.

Переговорщик и полицейский углубились в рощицу, дальше от оцепления. Поттер позвонил Тоби и приказал немедленно переводить на него все звонки от Хэнди.

— Скажите, Чарли, куда подевался этот наш прокурор?

Бадд огляделся.

— Наверное, вернулся в гостиницу.

Поттер покачал головой:

— Нет, он хочет, чтобы Хэнди получил вертолет. Губернатор сказал мне, что его цель — уничтожить Хэнди. Не пройдет и получаса, как нам будет названивать директор ФБР, а бывали случаи, звонил и сам президент.

Помяните мои слова, Чарли: в этот самый момент уже кто-то строчит текст, в котором выводит меня гнусным негодяем.

— Вас? — мрачно переспросил капитан. — Напротив, вы станете для всех героем.

— Вот уж нет. Оружие — вот что способствует славе. Слова — никогда.

— А что это вы говорили насчет того, чтобы курить понарошку?

— Бросил после того, как жена умерла от рака.

— Рак легких? Мой дядя умер от этого.

— Нет. Поджелудочной железы.

К несчастью, сторона, с которой Поттер вел переговоры о выздоровлении жены, не выполнила обещаний. Но даже после этого Поттер не закурил снова.

— И теперь вы воображаете, что курите?

Переговорщик кивнул.

— Когда не могу уснуть, воображаю, что принимаю снотворное.

— А когда одолевает депрессия, делаете вид, что счастливы?

Артур Поттер пробовал и это, но понял, что ничего не получается.

Бадд задал этот вопрос, потому что последний час находился в угнетенном состоянии. Сразу почувствовав облегчение, он спросил:

— И какую марку вы курите понарошку?

— «Кэмел». Без фильтра.

— Почему бы и нет. — Лицо капитана снова помрачнело. — А я никогда не курил. Может, мне выпить воображаемую рюмочку виски?

— Закажите двойное. — Поттер глубоко затянулся несуществующей сигаретой. Они стояли среди цветущих деревьев катальпа и маклюра. Заметив под ногами следы, напоминающие колею фургонов, Поттер вопросительно посмотрел на собеседника.

— Она самая, — кивнул капитан. — Тропа Санта-Фе[35].

— Неужели сохранилась до наших дней?

— Грейдер, как его называют, проходит по этому месту и ведет на Запад.

Неравнодушный к генеалогии, Поттер провел ногой по глубокому следу в земле и подумал, не проезжал ли здесь в 1868 году прапрадедушка Мариан Эбб Шнайдер, когда его, спящего младенца, везли в фургоне вместе с матерью-вдовой из Огайо в Неваду?

Бадд кивнул в сторону здания бойни.

— Мясную фабрику построили здесь потому, что мимо проходила Чизхолмская тропа. Она вела с Юга на Север, из Сан-Антонио в Абелин, тот Абелин, что у нас, в Канзасе. По ней переправляли коров лонгхорнской мясной породы. Какую-то часть из них забивали здесь для рынка Уичито.

— Еще один вопрос, — проговорил, помолчав, Поттер.

— Вообще-то я не историк — это все, что могу вам сказать.

— Я хотел спросить о другом: не понимаю, почему у вас такой вид, будто вы не в своей тарелке.

Капитан сразу потерял интерес к старинной дороге.

— А я-то думал: о чем пойдет речь?..

— Через сорок минут мне предстоит попытаться убедить Хэнди не убивать девочку. У меня не много мыслей по поводу того, как это сделать, и я хотел выслушать ваше мнение. Что вы думаете о Хэнди?

— Я?

— Да, вы.

— О, не знаю.

— В нашем деле нам никогда не дано знать. Поделитесь вашими догадками, основанными на знакомстве с ситуацией. Вам известен его психологический портрет. Вы разговаривали с Анжи. Согласитесь, она настоящая леди.

— Я не хотел бы говорить об этом, Артур. Я женат, а она заигрывает со мной. Я уже сто раз произносил имя Мег, а она как будто не обращает на это внимания.

— Воспринимайте это как лесть, Чарли. Вы владеете ситуацией.

— Вроде бы владею. — Бадд посмотрел в сторону командного фургона, но темнокудрой сотрудницы ФБР там не было.

Поттер рассмеялся.

— А теперь готов выслушать ваши соображения.

Капитан нервно перебирал пальцами — наверное, на самом деле решил, будто держит стакан с виски. А Поттер, как обычно поступал в последние годы в таких ситуациях, курил — не по-настоящему, а только представлял себе это. Таков был его способ медитации.

— По-моему, у Хэнди есть какой-то план.

— С чего вы взяли?

— Частично из-за того, что сказала Анжи. Все его действия имеют какую-то цель. Хэнди не похож на тупого маньяка-убийцу.

— И что же, по-вашему, это за план?

— Точно не знаю. Он каким-то образом надеется перехитрить нас.

Рука капитана снова скользнула в задний карман.

«Парень нервничает, как пятнадцатилетний школьник перед первым танцем», — подумал переговорщик.

— Почему вы так считаете.

— Не считаю. Просто сложилось такое впечатление. Может, из-за его ханжески-самодовольного поведения. Он не уважает нас. И когда с нами разговаривает, я слышу в его голосе презрение. Словно ему известно все, а нам — ничего.

Это верно. Поттер тоже это заметил. Ни капли отчаяния, ни намека на снисхождение, ни нервного подтрунивания, ни вызова — всего того, с чем приходится сталкиваться во время переговоров с лицами, захватившими заложников.

И абсолютное спокойствие, что подтвердил анализ голоса методом вариационного модулирования.

— Он надеется вырваться, — продолжил капитан полиции. — Например, устроит пожар. — Бадд рассмеялся. — А у него в мешках форма пожарных, и он улизнет под шумок.

— Такое уже случалось, — кивнул Поттер.

— Неужели? — Капитан не сразу поверил, что додумался до такой стратегии, и явно остался доволен собой.

— Был случай, когда преступник переоделся врачом. В другой раз — полицейским. Но я, как и сегодня, раздал всем, кто стоял в оцеплении, листовки с фотографиями, и их немедленно узнали. Однако вы совершенно правы по поводу его настроения. В этом ключ. Что-то в этом есть, только хотел бы я знать, что именно.

Бадд снова нервно засунул руки в карманы.

— Инструменты, о которых мы слышали, — рассуждал переговорщик, — могут иметь отношение к тому, что задумал Хэнди. Скажем, решил устроить пожар, спрятаться среди механизмов или даже в подвале и выйти, когда появятся спасатели. Поэтому необходимо убедиться, что не только полицейские, но все имеют изображение преступников.

— Я позабочусь об этом. — Бадд опять нервно рассмеялся. — Дам указания.

Поттер уже успокоился. Он думал о Мариан — вспоминал те нечастые вечера, которые проводил дома, как они слушали Эн-пи-ар[36], пили шерри и курили одну на двоих сигарету. Раз или два в неделю они тушили сигарету и, отказавшись от музыкальной программы, поднимались в свою нарядно убранную спальню.

— Все эти дела с переговорами сильно смущают меня, — проговорил капитан.

— В каком смысле?

— Вы, кажется, не собираетесь обсуждать с ним то, о чем говорил бы я: о заложниках, о его требованиях и всем таком прочем. Бизнес. Такое впечатление, что вы только торгуетесь.

— Чарли, вам приходилось пользоваться психологической поддержкой?

Молодой человек подавил смешок и покачал головой. Может, Канзас такое место, где психоанализ еще не в чести?

— А мне приходилось. После смерти жены.

— Я как раз собирался выразить вам соболезнование.

— Хотите знать, о чем я разговаривал с врачом? О генеалогии.

— О чем?

— Семейные генеалогические древа — мое хобби.

— Наверное, пришлось потратить много денег, рассказывая врачу о своих увлечениях?

— И это была самая полезная трата из всех, что я совершил. В итоге я стал чувствовать то, что чувствовал врач, и наоборот. Мы с ним сильно сблизились. Здесь я занимаюсь с Хэнди тем же самым. Нельзя щелкнуть выключателем и заставить его освободить девочек. Так же как врач не способен щелкнуть выключателем и исправить здоровье пациента. Моя задача в том, чтобы установить с Хэнди отношения. Он должен узнать меня, а я его.

— Похоже на процесс ухаживания за девушкой.

— Можно сказать и так. — Поттер не улыбнулся. — Надо, чтобы он вошел в мое сознание и понял, что ситуация безнадежная. Тогда Хэнди отдаст мне девочек и сдастся, но для этого он должен почувствовать, что продолжать борьбу не имеет смысла. Не осознать рассудком, но именно почувствовать. В какой-то мере это уже удалось: двух он отдал и больше никого не убил, даже при том что одна заложница сбежала. — Переговорщик сделал последнюю затяжку воображаемым «Кэмелом» и затушил сигарету.

Затем начал подниматься по воображаемой лестнице в спальню — рука Мариан в его руке, — но образ жены быстро померк.

— Я все это делаю, чтобы проникнуть в его сознание, понять его.

— Стать его другом?

— Другом? Не совсем. Я бы сказал: связать себя с ним некими узами.

— Но в этом и заключается проблема. Предположим, вам придется отдать приказ на штурм. Тем самым вы обречете на смерть близкого вам человека. Предадите его.

— Да, — негромко согласился переговорщик. — Это проблема.

Бадд вздохнул и окинул глазами поле, по которому ползали комбайны.

— Вы сказали...

— Что?

— Вы сказали, что готовы пожертвовать девочками, чтобы получить его. Это правда?

Несколько секунд Поттер внимательно смотрел на полицейского, а смущенный капитан следил, как в миле от него машины убирают урожай.

— Да, это так. Моя работа заключается в том, чтобы остановить Хэнди. Таков приказ, который я должен выполнять. И не исключено, что могут быть жертвы.

— Но они же дети!

Переговорщик мрачно улыбнулся.

— Какое вы имеете право судить о ценности человеческой жизни? Прошли времена, когда спасали в первую очередь женщин и детей. Жизнь есть жизнь. Разве девочки больше заслуживают ее, чем семья, которую Хэнди возьмет через год в заложники и убьет, если сегодня ему удастся ускользнуть? Или двое дорожных полицейских, которых он застрелит, когда они остановят его за превышение скорости? Мне приходится исходить из предположения, что нынешние заложники уже мертвы. Если я сумею спасти кого-то из них — тем лучше. А если буду думать по-другому, то не смогу действовать.

— Вы, похоже, хорошо справляетесь со своей работой.

Поттер не ответил.

— Как вы считаете, будут еще жертвы?

— Боюсь, что будут. Это всего лишь догадка, но мне кажется, что я не ошибаюсь.

— Девочки?

— Наша первейшая проблема, Чарли, придумать, каким образом выторговать у него еще час.

— Оружие и патроны исключены? — пожал плечами Бадд.

— Не обсуждается.

— Он надеется получить свой воображаемый вертолет.

— Да.

— Но если мы обманываем его насчет вертолета, почему бы не обмануть насчет чего-нибудь еще? Предложить что-то, кроме вертолета?

— Дать ребенку игрушку, но без батареек. Это вы хотите сказать?

— Примерно.

— Блестяще, Чарли. Пойдемте обсудим это с Генри.

Когда они поднимались в фургон, Поттер похлопал капитана по плечу, и тот ответил ему такой жалкой улыбкой, какую переговорщику еще не приходилось видеть.

Команда была разделена на три группы: «Альфа», «Браво» и «Чарли».

Подчиненные Дэну Тримэйну офицеры-спецназовцы собрались группой с левой, северо-западной от бойни стороны, где их скрывали от посторонних глаз деревья. Теперь на бойцах поверх бронежилетов были черные штурмовые комбинезоны, термостойкие капюшоны и перчатки. Очки подняты на лоб.

Группы «Альфа» и «Браво» состояли из четырех человек, каждая по два бойца, вооруженных пистолетами-пулеметами «Хеклер-Кох МП-5» с галогенными фонарями, и по два — полуавтоматическими дробовиками «Супер-90». Два бойца в группе «Чарли» также имели «МП-5», а два — снайперские винтовки «М-429» и «М-451», способные стрелять ослепляющими и оглушающими гранатами.

Двух бойцов командир отослал с заданиями. Первого, Чака Пфеннингера, разведчика номер один, направил в обычной форме к командному фургону, второго, Джоуи Уилсона, разведчика номер два, в бронежилете и камуфляже — к среднему окну слева от главного входа на бойню. Школьный автобус и дерево гинкго скрывали его от глаз тех, кто находился на командном пункте и в оцеплении в поле.

Тримэйн еще раз обдумал план. Как только Уилсон доложит, что преступники находятся от заложников достаточно далеко и более благоприятной ситуации не представится, Пфеннингер при помощи подрывного заряда Л210, неофициально известного под названием «мини-молотов», выведет из строя генератор командного фургона. Этот заряд представляет собой маленькую бензиновую бомбу, помещенную в контейнер из фибрового картона, напоминающего одноразовые пакеты для виноградного сока или фруктового пунша. Под действием жара взрыва оболочка исчезает, не оставляя криминалистам улики.

Правильно размещенный заряд должен был обесточить командный пункт и запечатать находящихся внутри. Фургон создавался с таким расчетом, чтобы преодолевать полосу огня, и был снабжен внутренней системой кислородного обеспечения. Поэтому до тех пор, пока дверь оставалась закрытой, жизни людей ничто не угрожало.

После взрыва Тримэйн объявит, что ситуация вышла из-под контроля, и возьмет командование на себя.

Вот тогда все три группы спецназовцев и пойдут на захват бойни. Группа «Чарли» при помощи зарядов модели 521 проделает отверстия в крыше и оглушит преступников шумовыми гранатами. Группы «Альфа» и «Браво» одновременно ворвутся в здание через боковую дверь и дверь со стороны причала. Группа «Чарли» ослепит бандитов гранатами, дающими большую световую вспышку, и сама проникнет через крышу на бойню. «Браво» бросится к заложникам, а «Альфа» и «Чарли» поведут атаку на преступников и нейтрализуют их, если те окажут сопротивление.

Теперь они ждали трех разведчиков, посланных осмотреть причал, боковую дверь и крышу.

Дэн Тримэйн, лежа на животе рядом со своим несгибаемым лейтенантом Карфалло, изучал темное, с зубчатыми стенами здание. Оно возвышалось перед ними словно средневековый замок.

— Пойдем на приступ группами по четыре человека. Первые двое с пистолетами-пулеметами — это главные стрелки. Им в поддержку двое с дробовиками. Энергичный огневой прорыв. Не останавливаетесь до тех пор, пока все неприятельские цели не будут накрыты и нейтрализованы, а здание очищено. Внутри шесть заложниц, размещенных там, где я указал на плане. Все женского пола. Четыре — девочки, которые могут удариться в панику и побежать. Поэтому, находясь внутри, вы постоянно контролируете направление огня. Все ясно?

Бойцы ответили утвердительно.

А затем стали поступать неприятные известия.

Один за другим возвращались разведчики. При осмотре обнаружили, что боковая дверь значительно толще, чем обозначено на плане: трехдюймовая дубовая панель была обшита металлическим листом. Чтобы разрушить ее, потребуется четыре заряда. Следовательно, группа «Альфа» в целях безопасности отойдет дальше от входа, чем первоначально планировалось. И время, необходимое, чтобы добраться до девочек, увеличится до шести секунд.

Также выяснилось, что наверху здания есть конструкции, не отраженные в строительных планах, — привернутые болтами много лет назад стальные листы покрывали всю крышу. Чтобы пробить их, придется применить много пластита Си-4. В старых постройках вроде этой бойни такое количество взрывчатки способно серьезно повредить брусья и, возможно, обрушить значительную часть кровли.

Третий разведчик доложил, что дверь со стороны причала заклинена в приоткрытом состоянии и щель составляет всего восемь дюймов. Вход защищен таким огромным металлическим листом, что его невозможно взорвать.

Капитан посовещался с Карфалло, и они пересмотрели планы. Спецназовцы решили не использовать крышу и вход со стороны реки и организовать штурм двумя группами через единственную, северную, дверь. Уилсон, находясь у окна на фасаде, бросит в здание шумовые, а затем световые гранаты. Это, конечно, небезопасно, поскольку тем самым он обнаружит себя: его увидят и преступники, и полицейские в оцеплении, поэтому он может получить пулю и от тех и от других, но Тримэйн считал, что выбора нет.

Для организации эффективной атаки ему нужен час — найти незаколоченную дверь или окно или ослабить петли на пожарном выходе, чтобы заложить заряд меньшей мощности.

Но этого часа у него не было. До истечения очередного срока ультиматума оставалось двадцать минут.

Двадцать минут до того, как умрет еще одна девочка.

Следовательно, штурм будет осуществляться через одну дверь.

— Кодовое слово для начала атаки — «кобыла», — сказал Тримэйн. — «Жеребец» — отмена боевой готовности. Подтвердите, что поняли.

Бойцы ответили, и он отвел их в овраг у здания бойни. Они распластались на сырой земле и, как было приказано, застыли в молчании. Ведь это были люди, которые жили тем, что подчинялись приказам.

18:40

Когда-то Джо Силберт научился печатать двумя пальцами на машинке «Ундервуд», пахнущей маслом, чернилами и горьковатой сладостью остатков забивалки, которая, скопившись внутри механизма, затрудняла движение каретки.

Технический прогресс ничего не изменил для него, и он все так же неистово колотил указательными пальцами по клавиатуре своего портативного «Компака». Оранжевый отсвет экрана делал лица — и его и Теда Биггинса — изможденными и желтушными. Силберт подумал, что поскольку он вдвое старше коллеги, то, наверное, и выглядит еще непривлекательнее.

Филипп Молто, как и было приказано его беспокойным начальником капитаном Баллом, нес при них неусыпную вахту.

— Ну, что думаешь? — спросил у Биггинса Силберт.

Младший коллега взглянул поверх его плеча на забитый текстом в одно поле экран.

— Мне позволишь приложить руку?

— Пожалуйста.

Биггинс печатал виртуозно — пальцы бесшумно и незаметно, но очень быстро носились по клавишам.

— Мне что-то напечатать — раз плюнуть, — похвастался он. Но правда заключалась в том, что этот аккуратно причесанный человек был не журналистом, а техником-инженером, а сам Силберт — телерепортером.

— Послушайте, офицер, — обратился старший журналист к Молто, — наша смена подходит к концу. Мы оставим компьютер — пусть другие продолжают там, где закончили мы.

— Вы на это идете?

— Дело коллективное. Только присмотрите за компьютером.

— Разумеется. Вас что-то смущает?

Силберт нахмурился, бросив взгляд на рощицу и кусты можжевельника за линией полицейского оцепления.

— Слышали?

Биггинс беспокойно привстал и оглянулся.

— Да.

Молто вскинул голову. Звук шагов. Хруст ветки. Шарканье ног.

— Там никого нет, — сказал лейтенант скорее себе, чем другим. — То есть не должно быть.

Силберт посмотрел на Молто, и выражение его лица свидетельствовало о том, что ему не раз приходилось бывать в зонах боевых действий. Он криво улыбнулся.

— Вот сукин сын! Лейтенант, а у нас незваный гость.

Рука полицейского легла на пистолет, он шагнул в кусты и вернулся с двумя мужчинами в черных спортивных костюмах и с карточками аккредитации.

— Так, посмотрим, кто это такие, — проговорил Силберт. — Уолтер Кронкайт и Чет Хантли.

Биггинс взглянул на Молто.

— Если собираетесь арестовать их, не выдвигайте обвинений в незаконном проникновении на запрещенную территорию. Пусть ваше обвинение звучит по-другому — «первостатейные идиоты».

— Вы знаете друг друга?

Один из пленников поморщился.

— Силберт, ты подонок. Это ты настучал на нас? А этот сосунок, который с тобой, пусть вообще заткнется.

— Это Сэм Келлог и Тони Бьянко из КЛТВ, — объяснил Силберт лейтенанту. — Ребята, кажется, забыли, что мы организовали журналистский пул.

— Да пошел ты, — разозлился Бьянко.

— Я, как и ты, Келлог, отказался от того, чтобы единолично готовить эксклюзивный материал. И до тебя дошла бы очередь.

— Вы арестованы, — объявил Молто самозванцам.

— Черта с два. Не имеете права.

— Я обдумаю это по пути к журналистской палатке. Пошли.

— Послушайте, офицер, — начал Келлог, — пока мы...

— А как вы вообще сюда попали? — перебил его Биггинс. — Приползли на брюхе?

— Пошел ты куда подальше.

Молто увел журналистов. И когда патрульный автомобиль скрылся из вида, Силберт повернулся к Биггинсу.

— Давай!

Биггинс расстегнул футляр монитора, открыл его и извлек видеокамеру «Нипона ЛЛЗР», суперминиатюрный прибор стоимостью сто тридцать тысяч долларов. Камера весила всего четырнадцать унций, к ней прилагались складывающаяся двенадцатидюймовая параболическая антенна и передатчик. Она воспроизводила на телеэкране пригодное для показа изображение почти в темноте, а ее телеобъектив не уступал оптическому прицелу снайперской винтовки. Камера посылала сигнал на три мили, чего вполне хватало для того, чтобы его принял передвижной ретрансляционный центр КФАЛ. Там коллеги Силберта (Тони Бьянко и Сэм Келлог) будут, если их не арестуют, ждать передачи. Но даже если они падут жертвами Первой поправки к Конституции, брешь закроют другие люди.

Силберт открыл саквояж и достал два черных нейлоновых тренировочных костюма — таких же, как на Келлоге и Бьянко, — однако на спинах были напечатаны слова «Федеральный маршал». Силберт и Биггинс облачились в костюмы.

— Постой. — Силберт наклонился над компьютером и удалил все, что напечатал его коллега. Весь текст состоял из одного предложения: «Проворная бурая лисица перепрыгнула через ленивую собаку», — которое повторялось триста раз. Нажал на две клавиши — и файла как не бывало. На мониторе появился душещипательный рассказ о некоем полицейском, который журналист написал года три назад, и вызвал на экран, как только они загрузили компьютер. Рассказ этот очень понравился долдону Артуру Поттеру.

Проделав все это, мужчины спустились в овражек неподалеку от командного пункта и направились в ночь, туда, где находился Дэн Тримэйн со своими незаметными спецназовцами.

Канистра из-под бензина.

Это была ее первая мысль, когда она открыла глаза и обвела взглядом зал забоя.

Эмили, стоя на коленях и исполняя роль доброй сестры милосердия, вытирала кровь со лба Мелани. Веки учительницы опухли, но глаза не закрылись. Девочка оторвала полосу с подола своего любимого платья от Лоры Эшли и еще раз промокнула кровь.

Мелани лежала на полу, боль в голове немного утихла, зрение вернулось. Одна из близняшек, Сузи (Мелани решила, что это была именно она), гладила ее по волосам своими маленькими изящными пальчиками.

Канистра из-под бензина. Она там.

Наконец Мелани поднялась и подползла к Беверли.

— Ты как? — спросила она девочку.

Бедная Беверли с ее белокурыми кудряшками словно сошла с известного фирменного логотипа, изображающего голландского мальчугана в картузе. Теперь ее мокрые от пота пряди волос прилипли к лицу. Девочка успокаивающе кивнула, но ее грудь тяжело поднималась и опускалась. Она снова прыснула в рот из ингалятора. Мелани никогда не видела ее в таком состоянии. Лекарство как будто не действовало.

Миссис Харстрон по-прежнему лежала на спине. Она плакала, но очень тихо. Мелани потянула с ее плеч цветной свитер. Учительница что-то пробормотала. Девушке показалось, что она сказала: «Не надо. Мне холодно».

— Он мне нужен, — ответила Мелани. Ее пальцы прыгали перед глазами миссис Харстрон, но та, судя по всему, не понимала, что ей говорят.

Сняв свитер, Мелани оглянулась и отбросила его к стене, туда, где о пол опиралась сторона арочного прохода, ведущего в глубину бойни. Затем поползла вперед, пока ей не открылся обзор главного помещения. Медведь иногда поглядывал в их сторону. Но большую часть времени мужчины смотрели телевизор. Бросив взгляд на сестер-близняшек, Мелани едва заметно просигналила:

— Подойдите к канистре.

Девочки испуганно переглянулись.

— Давайте делайте! — Движения рук Мелани стали резкими и властными.

Сестры на четвереньках подобрались к желто-красной канистре. Когда Сузи обернулась на учительницу, та приказала:

— Возьми свитер.

Его связала в Топике мать миссис Харстрон. Она выбрала очень яркие синие, белые и красные нити. Сейчас это было им не на руку, зато пригодится, когда девочки выберутся из здания. Но Сузи не двигалась. Мелани повторила приказ, пренебрегая осторожностью:

— Пошевеливайся!

«Почему она колеблется? Почему смотрит на меня?

Нет, не на меня...»

В этот момент на нее упала тень.

Мелани вздрогнула, когда Брут, взяв ее за плечи, повернул к себе.

— Строишь из себя героиню? Я убивал людей за гораздо меньшее, чем то, что сделала ты.

Мелани пришла в ужас. Ей казалось, что Брут в самом деле читал ее мысли и, обладая шестым звериным чувством, разгадал ее план с канистрой. Но затем поняла, что он говорит о Киэл, о том, что она выпихнула ее из двери. Может, удар пистолетом — недостаточное наказание? Брут вытащил оружие и приставил дуло к ее голове.

Мелани пришла в ярость. Оттолкнув ствол, она поднялась и, не обращая внимания на вибрацию от криков за спиной, направилась в главный зал. Подошла к бочке из-под масла. Медведь сделал шаг ей навстречу, но она, не взглянув на него, взяла ручку, бумагу и вернулась в зал забоя. Написала: «Стараетесь изо всех сил доказать, какой вы плохой человек?» — и швырнула бумажку Бруту в лицо.

Тот рассмеялся, вырвал у Мелани блокнот, бросил на пол, долго смотрел на нее, затем зловеще-спокойно сказал:

— Смотри-ка, мы можем с тобой трепаться. Не так уж много людей, с кем мне охота говорить. А с тобой говорю. В чем дело? Наверное, в том, что ты не споришь. Это хорошо, когда женщина не спорит. У Прис голова на плечах, и это мне нравится, но иногда ее заносит и я не понимаю, о чем она говорит. А с тобой... гляжу в лицо и понимаю тебя. Ты похожа на маленькую мышку, но, может быть, в тебе что-то все-таки есть? Признайся.

Мелани ужаснулась, ощутив в глубине души что-то вроде радости. Этот ужасный, ужасный человек одобрял ее. «Он убил Сьюзан, он убил Сьюзан, он убил Сьюзан, — повторяла она себе. — И меня, если захочет, через секунду убьет». Понимая все это, Мелани в этот миг радовалась его похвале.

Брут убрал пистолет и стал теребить шнурки ботинок.

— Думаешь, я плох для… чтобы быть твоим другом. Да, с твоей точки зрения, это так. Я не семи пядей во лбу, и у меня нет особенных талантов. Самое главное во мне — это зло. Я не утверждаю, что у меня нет сердца и что я ни разу в жизни не плакал. Плакал целую неделю, когда кто-то убил моего брата. Да, это так. — Брут помолчал, тонкогубый рот приоткрылся, обнажая ряд острых зубов. — А этот козел… — Он кивнул в сторону телефона.

Де л'Эпе? Неужели он говорит о де л'Эпе?

— Мы ведем с ним битву — я против него. И он проиграет. Хочешь знать почему? Потому что зло — это просто, а добро — сложно. Простое всегда побеждает сложное. Вот к чему в конце концов приходит простое — всегда выигрывает. Таков закон природы, и тебе прекрасно известно, сколько люди навлекают на себя неприятностей, если противятся природе. Взгляни на себя и себе подобных глухих. Вы вымрете прежде, чем такие, как я. Если мне что-то нужно, я скажу: «Дай!» Открываю рот, и те, с кем я говорю, поступают так, как мне надо. А тебе приходится проделывать странные фокусы руками. Писать на бумажке. Это очень сложно. Ты урод. Умрешь, а я выживу. Таков закон природы.

Я забираю девчонку, ту, что в платье с цветами. И через десять минут застрелю… если не прилетит вертолет. А я думаю, что не прилетит. Для меня убить — все равно что почесать прыщ или проглотить газировку с сиропом.

Брут посмотрел на Мелани, и его губы искривились в подобии улыбки. Но разве так смотрит хищник на жертву? — подумала Мелани. Она вспомнила насмешки одноклассников, гложущее отчаяние от того, что не может понять вещи, постижение которых дается лишь посредством чудесного дара слуха. Почувствовала, как пуста жизнь без любимого человека. Представила папку с нотами, на обложке которой стояли слова «Изумительная благодать», а внутри — лишь пустые белые листы.

Божья воля…

Взгляд Брута…

И тут Мелани попыталась вцепиться ему в глаза.

Прыгнула вперед, царапая ногтями его лицо.

Брут удивленно вскрикнул, отступил назад и потянулся за пистолетом. Вырвал его из-за пояса, но девушка ударила Брута по руке, и пистолет выпал. Мелани была вне себя; ее охватил всепоглощающий гнев, какого она никогда еще не испытывала. Этот гнев изливался бурным потоком, делал Мелани незащищенной, ломал, как та лихорадка, от которой пылала ее кожа, когда ей было восемь лет, и которая отняла у нее все простое, сделав жизнь такой сложной.

Ее пальцы, сильные, потому что долгие годы приходилось изъясняться знаками, впились Бруту в щеку, оцарапав нос, искали глаза. Брут упал на спину, и Мелани прыгнула ему на грудь, колено вдавилось в солнечное сплетение. Воздух со стоном вылетел из его легких. Брут ткнул Мелани кулаком в грудь, но она, хоть и откинулась назад, не почувствовала боли — он не мог размахнуться и удар получился не сильным.

— Господи! — Его жилистые руки тянулись к ее шее, но Мелани оттолкнула их и сама с силой вцепилась ему в горло. Бруту не удавалось добраться до нее — откуда только взялась ее сила? Мелани колотила голову Брута о цемент и наблюдала, как синеет его лицо.

Может, Горностай и Медведь уже бежали к ней, может, уже целились в нее из своих пистолетов. Или Бруту не хватало воздуху и поэтому он не звал на помощь, или был для этого слишком горд. Мелани не знала, да и какая ей разница? Теперь для нее существовал только этот человек, воплотивший в себе все мировое зло. Она не думала ни о девочках, ни о миссис Харстрон, ни даже о душе. Не думала о Сьюзан, которая, как верила Мелани, в этот момент плыла над ними в образе прекрасного серафима. Только о нем.

И собиралась убить его.

Внезапно Брут обмяк и стал безвольным как тряпка. Язык вывалился из побледневших губ. И она подумала: «Я сделала это». Торжествующая и потрясенная, Мелани откинулась назад и посмотрела на сестер-близняшек всхлипывающую Эмили и тяжело дышащую Беверли.

Когда колено Брута внезапно подпрыгнуло, Мелани не успела уклониться, и оно врезалось ей между ног. Задохнувшись от боли, Мелани зажала промежность руками, и тогда Брут ударил ее под дых. Она согнулась.

Брут легко поднялся, и Мелани увидела только ссадины у него на щеке. Брут играл с ней. Нарочно затеял драку.

Схватив девушку за волосы, он выволок ее в главный зал.

Мелани впилась ногтями ему в кисть, и Брут ударил ее по лицу. В глазах вспыхнул свет, руки безвольно повисли.

Мелани осознала, что находится перед окном и смотрит на продуваемое ветром поле и сияющий свет направленных на здание прожекторов.

Лицо было крепко прижато к стеклу, и она подумала, что может продавить его и порезать осколками глаза. И тогда вечная тьма. Нет, пожалуйста...

Горностай сделал шаг вперед, но Брут махнул ему рукой. И встал так, чтобы она видела его губы.

— Если бы ты могла говорить, как нормальный человек, то сказала бы что-нибудь, чтобы спастись. Но ты не можешь. Ты урод и скоро будешь еще уродливее, если не прилетит вертолет. Шеп, сколько времени?

Горностай как будто колебался, потом что-то сказал, но Мелани не разобрала, что именно.

— Я спросил, сколько долбаного времени? — Пунцовое лицо Брута исказилось от гнева.

Получив ответ, он поднес пистолет к щеке Мелани. Затем вцепился в волосы и повернул ее голову так, чтобы она смотрела на слепящий белый свет.

Мелани. Поттер разглядел ее лицо в сильный полевой бинокль. Значит, следующей жертвой Хэнди выбрал ее.

Бадд, Лебоу и Фрэнсис смотрели в окно. В эфир вышел Стиллуэл и сообщил:

— Один из моих снайперов докладывает, что на Хэнди кровь. Рана не серьезная, но его лицо в царапинах.

— До истечения срока ультиматума двенадцать минут, — сказал Тоби. — Связь установлена.

Телефон зазвонил, и Поттер немедленно ответил.

— Лу, в чем дело?

— У меня новенькая. — Голос Хэнди звенел от злости. — Девушка с характером. Я простил ее за то, что она выпихнула из двери ту баламутку. Но она вбила себе в голову, что ей надо обязательно поразвлечься. Хочет покувыркаться со мной на сене.

«Спокойствие, — сказал себе Поттер. — Он опять играет с тобой». — Переговорщик усилием воли подавил в себе злость — отклик на состояние Хэнди.

— Совершенно ненормальная, Арт. Законченная садомазо. Что ж, она получит чего добивается. У тебя примерно десять минут, Арт. Я не слышу вертолета, и мы готовимся сделать девице пластическую операцию калибра девять миллиметров. Я жду вертолет. Ты получил его?

— Вызвали из Топики. Ждем.

— Здесь в трех милях есть аэропорт. На кой черт тебе понадобилось вызывать оттуда?

— Ты же сам сказал, что...

— Десять минут.

Щелк.

Поттер закрыл глаза и вздохнул.

— Анжи?

— По-моему, у нас проблема, — ответила психолог. — У него серьезное намерение причинить ей боль.

Это было крупной неудачей. Поттер, вероятно, оттянул бы время ультиматума, если бы Лу Хэнди не охватила злоба. Мстительный Лу Хэнди вышел из себя и теперь не собирался ничего уступать. Он жаждет крови.

Ах, Мелани, ну зачем ты вмешалась? (Что еще чувствовал Поттер? Гордость за эту девушку, у которой хватило духа противостоять Хэнди, пытавшемуся избить ее? Благодарность за то, что она спасла Киэл? Восхищение? Что еще?

Анжи нахмурилась.

— В чем дело? — спросил ее Бадд.

— Почему Хэнди заговорил о пластической операции? Что он имел в виду?

— Он пока не хочет убивать, — ответил переговорщик. — Встревожен тем, что потерял слишком много заложников, не получив взамен ничего существенного. Видимо, собирается ранить ее — может быть, выколоть глаз.

— Боже мой! — прошептал Бадд.

— Артур! — окликнул переговорщика Тоби. — Я засек поблизости кодированный сигнал.

— На какой частоте?

— Хотите спросить, сколько мегагерц?

— Мне плевать на цифры! Кому он принадлежит?

— Свободная частота.

— Связь двусторонняя?

— Да. Причем с меняющимся шифром.

Иногда правоохранительные органы осуществляют настолько секретные операции, что пользуются специальным радиооборудованием, меняющим код шифра каждые несколько секунд. Дерек подтвердил, что у полицейских таких раций нет.

— Как близко?

— В пределах мили.

— Пресса?

— Не исключено, хотя обычно журналисты такими штуками не пользуются.

У Поттера не было времени разбираться с этим. Сжав кулак, он смотрел в бинокль. В окулярах он видел Мелани, ее белокурые волосы и черную точку пистолета. И стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, спросил:

— Ну как, Чарли, вы еще не придумали, какие воображаемые батарейки можно предложить для его игрушки?

Бадд беспомощно развел руками.

— Не знаю. Ничего не приходит в голову. — Его голос сорвался. — Смотрите, сколько времени.

— Генри?

Лебоу пробежал глазами по ставшему уже объемным досье Луиса Хэнди и, повернувшись к встревоженному Бадду, заметил:

— Чем неотложнее задание, капитан, тем медленнее его надо выполнять. Так, посмотрим... В детстве он часто воровал автомобили. Может, он автомобильный фанат? Не потянуть ли нам за эту ниточку?

— Нет, Чарли прав: надо придумать нечто такое, что имело бы отношение к его освобождению.

— На что еще он мог бы потратить деньги? — спросила Анжи.

— Выбор небольшой. Никогда не владел собственностью. Никогда не грабил ювелирные магазины...

— Интересы? — перебил Поттер.

— Отчеты о его условном освобождении? — пришло в голову Анжи. — У нас они есть?

— Я их отсканировал.

— Читай. Не обращался ли он за разрешением покинуть предписываемую зону проживания? И на каких основаниях?

Пальцы Лебоу побежали по клавишам.

— Было такое. Он дважды покидал Милуоки и ездил на рыбалку в Миннесоту. Куда-то рядом с Интернэшнл-Фоллс. И еще трижды в Канаду. Во всех случаях возвращался без всяких инцидентов. — Лебоу наморщил лоб. — Рыбалка... это мне что-то напоминает. — Он снова пробежался по клавишам и вызвал отчет тюремного адвоката. — Вот: зарабатывал очки, чтобы получить разрешение ловить форель на территории Пенсильванской государственной тюрьмы.

Поттер задумался. Миннесота, его родной штат. Страна тысячи озер. Канада.

Бадд застыл, вытянувшись во весь рост и по-военному развернув плечи, — сплошной комок нервов. Каждые пять секунд он смотрел на часы.

— Ради Бога, Чарли.

— У нас осталось всего семь минут!

— Знаю. Поэтому пошевели мозгами. Что ты там придумал?

— Не знаю, никак не могу сформулировать.

Поттер снова посмотрел на Мелани и тут же приказал себе: «Прекрати! Забудь о ней!» Внезапно он выпрямился.

— Есть! Ему нравится рыбачить, и он любит север?

— Так, — подтвердил Бадд, хотя в его голосе скорее слышался вопрос: «Ну и что из того?»

Но Лебоу уже понял и кивнул.

— Ты настоящий поэт, Артур.

— Все благодаря Чарли. Он навел меня на эту мысль.

Капитан полиции недоуменно посмотрел на переговорщика.

— Пять минут, — объявил Тоби.

— Мы заключим с ним дутую сделку о побеге. — Поттер поспешно указал на список ложных обещаний. Лебоу поднялся и взял фломастер. Переговорщик еще немного подумал. — Хэнди захочет проверить то, что я ему скажу, и будет звонить в местное управление Федерального авиационного агентства. Где оно находится, Чарли?

— В Топике.

Поттер повернулся к Тоби.

— Немедленно сделайте так, чтобы все звонки в ФАА переадресовывались сюда. — Он показал на телефон на консоли. Переговорщик понимал, что это трудное задание, но Тоби, не говоря ни слова, приступил к исполнению и стал нажимать какие-то кнопки и что-то говорить в микрофон гарнитуры.

— Нет времени, — запротестовал Бадд. — Просто дайте ему наш номер. Откуда он узнает, что это не телефон агентства?

— Слишком рискованно: может проверить. — Поттер взял аппарат и нажал на кнопку повторного набора. Ему ответил бодрый голос.

— Слушаю.

— Лу?

— Привет, Арт. Я навострил уши, но не слышу никакого вертолета. Видишь мою подружку в окне?

— Слушай, Лу, — спокойно начал переговорщик, глядя на здание бойни. — У меня к тебе предложение.

— Десять, девять, восемь…

— Подожди…

— Арт, мне пришло в голову: может, это твой способ творить зло? Может, ты сам подонок?

— Вертолет почти готов.

— А эта девчонка почти исходит кровью. Плачет навзрыд. С меня довольно. Обрыдло. Ты не принимаешь меня всерьез. — Хэнди явно разозлился. — Не желаешь делать то, что мне надо.

Анжи подалась вперед. Губы капитана шевелились в беззвучной молитве.

— Хорошо, Лу, — ответил Поттер. — Я знаю, ты убьешь ее. Но ты тоже знаешь, что я не стану тебе мешать.

Наступила тишина, в командном фургоне слышалось только потрескивание на телефонной линии.

— Хотя бы выслушай меня.

— Готов — одну-две минуты по моим часам.

— Лу, я целый час работал над нашей проблемой. Не хотел ничего говорить, пока все не сладится, но все-таки скажу: у меня почти получилось.

Пусть растут его ожидания.

— Что получилось? Выкладывай!

— Дай мне еще час, не трогай девушку, и я устрою тебе беспрепятственный коридор пролетало Канады, обеспеченный Федеральным авиационным агентством.

Возникла секундная пауза.

— Что это значит?

— Ты будешь непосредственно контачить с ФАА. Мы не узнаем, куда ты направляешься.

— Но пилот будет знать.

— Пилот привезет наручники для себя и заложников. Приземлившись в Канаде, вы выведите из строя вертолет и радио. И у вас будет фора несколько часов, прежде чем мы их найдем.

Молчание.

Поттер бросил на Тоби отчаянный взгляд и вопросительно изогнул брови. Вспотевший молодой человек процедил сквозь зубы:

— Стараюсь изо всех сил.

— Мы погрузим в вертолет еду и воду. Тебе, вероятно, понадобятся кроссовки и рюкзаки? Черт возьми, Лу, мы обеспечим тебя даже удочками. Это хорошая сделка. Не трогай девушку. Дай нам час, и будешь на свободе.

— Дай подумать.

— Я выясню фамилию чиновника из ФАА и тотчас перезвоню тебе.

Щелк.

Обычно невозмутимый Тоби, глядя на неподвижные стрелки приборов, треснул по панели кулаком.

— Черт возьми, что такое с этим переводом звонка?

Артур Поттер сложил руки и смотрел в окно — вдали он различил колебания света и тени, составляющие очертания фигуры Мелани Черрол, которые казались ему пикселями на телевизионном экране.

Безмолвный, как немые снега, капитан Дэн Тримэйн отвел от лица ветку.

Со своей позиции он видел угол окна, возле которого держали молодую женщину. Тримэйн, один из лучших снайперов в группе спецназа, часто жалел, что положение командира не позволяет ему снять с плеча

«ремингтон», поймать в прицел и обезвредить преступника в восьмистах или в тысяче ярдов от него.

Но сегодня предстоит другая операция — прорыв, так что снайперы будут ни к чему. Поэтому следует забыть о плохо различимой цели в окне и сосредоточиться на том, что нужно сделать.

Часы Тримэйна показывали семь.

— Срок окончания ультиматума, — сказал он. — Разведчик номер один, доложи обстановку.

— Заряд заложен в генератор.

— Жди команды.

— Понял.

— Разведчик номер два, твой доклад.

— Объекты в главном зале, за заложницами никто не наблюдает, под контролем только женщина, которую выставили в окно.

— Понял, — подтвердил капитан. — Группы «Альфа» и «Браво», доложите готовность.

— Группа «Альфа» на позиции в боевой готовности.

— Группа «Браво» в боевой готовности.

Тримэйн оперся стопой о камень и опустился на колено. Его глаза неотрывно следили за Хэнди. Он походил на спринтера, ждущего сигнала стартового пистолета. И этот сигнал он должен получить в течение следующих нескольких минут.

— Готово, — сообщил Тоби и добавил: — По крайней мере теоретически.

Поттер переложил телефон в другую руку, вытер ладонь, вызвал Хэнди и сказал, что договоренность о пролете вертолета достигнута. А затем дал номер телефона офиса ФАА.

— Как его зовут? — прорычал Хэнди. — Того, с кем я буду говорить?

— Дон Кресуэлл, — ответил переговорщик. Это было имя его родственника, мужа Линды. Лебоу вписал его в почти заполненный лист ложных обещаний.

— Что ж, посмотрим, Арт. Я тебе перезвоню. А пока все не выяснится и я не пойму, что дело чисто, девчонка останется рядом со мной и моим «глоком».

Щелк.

Поттер круто обернулся и посмотрел на экран Тоби.

— Генри, говорить тебе. Мой голос он знает.

— Хоть бы дал время на подготовку, — поморщился аналитик.

— От этого никто не отказался бы, — отрезал Поттер.

Прошло несколько мгновений, и Тоби доложил:

— Телефонный вызов из здания бойни. Перевода на наш номер не последовало. Набор: один — девятьсот тринадцать — пятьсот пятьдесят пять — ноль два-ноль-два. Телефон справочного бюро Топики.

Раздался голос Хэнди — он спрашивал номер местного отделения штаб-квартиры Федерального авиационного агентства. Оператор продиктовал цифры. Поттер облегченно вздохнул.

— Вы были правы, — проговорил Бадд. — Он вам не поверил.

— Разговор окончен, — почему-то очень тихо прошептал Тоби. — Вызов Топики из бойни, перевод звонка с основной линии на нас. — Он показал на телефон на панели, и тот тут же начал подавать сигнал. — Поднять занавес.

Лебоу глубоко вздохнул и кивнул.

— Постойте, — поспешно вмешался капитан. — Он ждет, что ответит секретарь или регистратор.

— Черт! — воскликнул переговорщик. — Давай, Анжи.

Психолог находилась ближе всех к телефону.

Третий звонок. Четвертый.

Коротко кивнув, она схватила трубку.

— Федеральное авиационное агентство. — Слова прозвучали очень естественно. — Чем могу служить?

— Мне необходимо поговорить с Доном Кресуэллом.

— Одну минуту. Кто его спрашивает?

Смешок.

— Лу Хэнди.

Анжи прикрыла ладонью микрофон и прошептала:

— Что делать дальше?

Тоби взял у нее аппарат, пощелкал по нему ногтем и передал аналитику. Поттер подмигнул Анжи.

Лебоу снова вздохнул и ответил:

— Кресуэлл на проводе.

— Привет, Дон, ты меня не знаешь.

Короткая пауза.

— Вы тот человек, о котором сообщило мне ФБР? Луис Хэнди?

— Он самый. Скажи, все, что мне наплели, — это полная чушь? Ведь чушь, правда?

— Вот что, сэр, — рявкнул толстый добряк Лебоу. — Это полная чушь для меня. Моя жизнь превращается в ад. В мое воздушное пространство прибывают около шестидесяти самолетов в час. Теперь мне придется почти две трети из них направлять по другому маршруту. А это все коммерческие рейсы. Сначала я ответил агенту ФБР, что ни за что не согласен. Но он оказался первостатейным геморроем — насел на меня со своим ФБР. Пообещал испортить карьеру. Так что чушь — это то, что я должен подчиниться ему.

— Что именно ты должен сделать?

— Он вам не сказал? Обеспечить приоритет пролета М-4 направлением на западный Онтарио.

«Отличная работа», — подумал Поттер, не сводя глаз с силуэта Мелани.

— Это еще что такое?

— Высшая категория приоритета. Такая присваивается борту президентского самолета ВВС-1 и бортам глав зарубежных стран. Мы называем ее «папской», поскольку папа римский также имеет на нее право. А теперь слушайте внимательно, может быть, даже что-то потребуется записать. Вам следует убедиться, что пилот вертолета выключил ответчик. Он вам покажет его. Можете выключить его сами, вывести из строя или как вам угодно. В таком случае мы не сможем засечь вертолет на радарах.

— Что, нас не будет видно на радарах?

— Это часть условия приоритета М-4. Мы так поступаем, чтобы управляемые радарами противовоздушные ракеты не захватили в качестве цели борта важных персон.

— Ответчик… Я что-то слышал об этом. Сколько у нас будет времени?

Лебоу поднял глаза на Поттера. Тот показал ему восемь пальцев.

— Мы можем держать воздушное пространство открытым не более восьми часов. Потом плотность коммерческих потоков сильно увеличится, и нам придется менять условия нахождения в воздушном пространстве.

— Хорошо. Действуйте.

— Все уже готово. Система будет приведена в действие… постойте-ка…

Переговорщик показал два пальца.

— …через два часа.

— Не пойдет. Час, и не больше. Иначе я убью стоящую рядом со мной эту смазливенькую штучку.

— Боже мой! Вы серьезно? Ладно, ладно, уложимся в час. Только, пожалуйста, мистер, никого не трогайте.

Хэнди холодно рассмеялся.

— Задам-ка я тебе вопрос, Дон.

— Пожалуйста.

— Ты ведь сейчас в Топике?

На командном пункте воцарилась тишина.

Поттер отвернулся от окна и посмотрел на Лебоу.

— Конечно, где же еще?

Переговорщик щелкнул пальцами и показал на компьютер аналитика. Лебоу сделал страшные глаза, кивнул и неслышно прошелся по клавишам. На экране появилось сообщение «Энциклопедия загружается»; оно постоянно мигало.

— Так, говоришь, в Топике? — продолжал Хэнди. — Ну и как, хороший город?

Загружается… загружается…

«Да загружайся же ты быстрее», — в отчаянии думал Поттер.

— Мне нравится.

Экран наконец почернел, и появился логотип энциклопедии. Аналитик бешено нажимал на клавиши.

— Давно ты здесь живешь?

«Насколько же спокоен этот Хэнди, — подумал Поттер. — Приставил пистолет к глазу девушки и хладнокровно, обстоятельно обсуждает условия сделки».

— Примерно год, — сымпровизировал Лебоу. — Если работаешь на Дядю Сэма, готовься, что придется часто переезжать с места на место. — Он торопливо колотил по клавишам. И вдруг пальцы замерли. На экране появилось сообщение об ошибке запроса.

«Чем неотложнее задание…»

Он начал сначала. И наконец на мониторе появились карта, текст и в углу — цветной снимок панорамы города.

— Ясное дело, — хмыкнул Хэнди. — Вот и этому фэбээровцу, с кем я общаюсь, наверное, тоже пришлось помотаться по свету. Как его там? Энди Палмер?

Лебоу уже набрал в легкие воздух, чтобы возразить, но Поттер быстро нацарапал на клочке бумаги: «Не реагируй на имя».

— Вроде бы.

— Его так зовут? Энди?

— Вроде бы. Не помню. Он назвал мне код, и я понял, что это не обман.

— Вы пользуетесь кодами, как шпионы?

— Послушайте, сэр, мне надо заниматься вашей проблемой.

— А что у вас там за река?

— В Топике?

— Ну да.

Лебоу склонился к экрану и прочел краткую справку о городе.

— Вы имеете в виду Канзу? Река Канзас. Делит город пополам.

— Она. Когда-то приходилось здесь рыбачить. Дядя жил в старом районе неподалеку. Понтовые старые дома, булыжная мостовая, все очень круто.

Генри Лебоу настолько выдвинулся вперед, что рисковал упасть со стула. Он лихорадочно читал с экрана.

— Вашему дяде повезло — Потвин прекрасный район. Красивые дома. Только улицы там вымощены не булыжником, а кирпичом. — Лысина агента ФБР блестела от пота.

— Какой ваш там любимый ресторан?

Секундная пауза.

— «У Денни». У меня шестеро детей.

— Какой же ты плодовитый сукин сын, — хмыкнул Хэнди.

Щелк.

— Связь прервана, — прокомментировал Тоби.

Лебоу смотрел на телефон, его руки дрожали.

Четыре пары глаз уставились в окно.

— Неужели сработало? — пробормотала Фрэнсис.

Никто не решился ответить. Только Чарли Бадд выдохнул:

— Ох!

— База вызывает разведчика-два.

— Разведчик-два на связи, — прошептал лейтенант Джоуи Уилсон, стоя под окном бойни в тени школьного автобуса.

— Доложи расположение объектов.

Боец быстро поднял зачерненное лицо, заглянул внутрь и снова нырнул вниз.

— Двое преступников в главном помещении рядом с окном. Хэнди направил пистолет на заложницу. «Глок». Приставил прямо к голове. Не могу сказать, взведен ли курок. В руках Уилкокса оружия нет, держит «глок» за поясом. У Боннера полуавтоматический дробовик «моссберг» двенадцатого калибра. Но он в тридцати футах от зала с заложниками. Ситуация благоприятная, если не считать девушку в окне.

— Можешь нейтрализовать Хэнди?

— Нет. Он за трубами. Невозможно сделать точный выстрел. Боннер постоянно перемещается. Не знаю — может, сумею вести его на прицеле.

— Будь наготове.

Время ультиматума давно прошло, и Хэнди мог в любой момент выстрелить в бедную женщину.

— Разведчик-один, доложи.

— Разведчик-один. Я у генератора. Заряд в боевой готовности.

«Господи, — подумал Тримэйн, — только бы не облажаться», — и глубоко вздохнул.

— Разведчик-один, — вызвал он Пфеннингера, который в это время держал в руке провод детонатора устройства Л-210.

— Разведчик-один на связи.

— Кодовое слово...

— Разведчик-два вызывает базу! — раздался в эфире энергичный голос Уилсона. — Заложница в безопасности. Повторяю: разведчик-два — базе.

Объект Хэнди снял боевую тревогу и убрал оружие. Объект Боннер отвел девушку к остальным заложникам.

Тримэйн поднял голову. Девушка больше не маячила в окне.

— Объект Боннер оставил ее в помещении заложников, а сам вернулся обратно.

— Кодовое слово «жеребец», — сказал капитан в микрофон. — Всем разведчикам и всем группам: жеребец, жеребец, жеребец. Подтвердите, как поняли.

Бойцы ответили.

Командир группы спасения заложников, который славился умением быстро соображать, успокоился и вознес безмолвную молитву справедливому и милосердному Господу Иисусу Христу за то, что он спас жизнь девушке. Но главным образом за то, что дал ему дополнительное время лучше подготовиться к штурму. Господь вселил в Тримэйна уверенность, что ему удастся освободить невинных агнцев из рук варваров-римлян.

— Связь, — объявил Тоби. — Вызывает Хэнди.

Поттер выждал два звонка и ответил.

— Лу, я только что разговаривал с Кресуэллом. Он считает тебя мудаком. Не запомнил даже твоего долбаного имени.

— У меня есть враги. И с сожалением должен констатировать, что большинство из них на правительственной службе. Ну так что?

— По рукам, — весело бросил Лу. — У тебя есть еще час.

Поттер помолчал, дав тишине сгуститься.

— Арт, — неуверенно спросил Хэнди, — ты на связи?

Переговорщик тихонько вздохнул.

— В чем дело? У тебя такой голос, словно только что умерла твоя любимая собака.

— Знаешь…

— Не тяни, выкладывай.

— Не знаю, как тебя попросить. Ты повел себя хорошо, предоставив нам дополнительное время. И...

«Надо испытать, насколько укрепилась наша связь, — думал Поттер. — Что на самом деле думает обо мне Хэнди? Достаточно ли мы с ним сблизились?»

— Решайся, Арт. Хватит мямлить.

— По словам Кресуэлла, ему нужно время, по крайней мере до половины десятого, чтобы все устроить. Необходимо согласование с канадскими властями. Я просил его уложиться в час, но он ответил, что не справится так быстро. У меня такое ощущение, что я подвожу тебя.

В глубине души Поттер так и считал. Ведь он так нагло, так расчетливо лгал.

— Половина десятого?

Хэнди долго колебался.

— Черт с ним — переживу.

— Правда, Лу? — Голос переговорщика звучал удивленно. — Я это ценю.

— Чего не сделаешь для своего доброго друга, Арт.

Надо воспользоваться его хорошим настроением.

— Лу, позволь задать тебе последний вопрос.

— Давай.

«Давить или нет?»

Анжи посмотрела на Поттера, их глаза встретились, и она одними губами сказала:

— Попробуй.

— Слушай, Лу, почему бы тебе не отпустить ее? Мелани.

«Хорошо, Арт. Я в добром расположении духа. Лечу в Канаду. Так что считай, что ты выкупил ее».

Голос Хэнди стал холодным как лед.

— Иногда, козел, тебя уж слишком заносит с просьбами. Заруби себе на носу: я единственный человек во всей этой долбаной Вселенной, с кем у тебя этот номер не пройдет.

Телефон умолк.

Поттер наморщил лоб, ожидая реакции. Но люди в фургоне засмеялись и стали аплодировать. Переговорщик положил трубку и присоединился к ним. Хлопнул Лебоу по спине:

— Отличная работа, — перевел взгляд на Анжи: — Ты тоже прекрасно справилась.

— Вы заслужили «Оскара», сэр, — вставил Бадд. — Правда. Я бы не задумываясь отдал за вас голос.

— М-4? — протянул Поттер. — А что это за приоритет М-4?

— В прошлом году мы с Дорис ездили в Англию, — объяснил аналитик. — Я вспомнил название тамошнего шоссе. По-моему, звучит неплохо. — Он был доволен собой.

— Управляемые радарами ракеты, — хохотал капитан полиции. — Ловко!

— Чистая фантазия.

— И он все слопал.

Но все сразу помрачнели, когда Поттер выглянул в окно и посмотрел на здание бойни, где оставались еще шесть заложниц, хотя, по крайней мере в ближайшие два часа, им ничто не грозило. Конечно, при условии, что Хэнди сдержит слово. А затем все опять расхохотались — после того как бог электроники Тоби произнес «папский приоритет» и со знанием дела, как добрый католик, каковым, в сущности, и был, перекрестился.

19:15

— Ну, Чарли, какие новости с фронта?

Бадд вышел из фургона, спустился в овражек и крепко прижал мобильник к уху, словно это избавляло от подслушивания. В трубку громко басил Роланд Маркс.

Помощник Генерального прокурора штата находился в тыловой зоне.

— Скажу вам, здесь такое происходит — настоящие «американские горки»: то вверх, то вниз, — ответил капитан полиции. — Он в самом деле творит чудеса, я имею в виду агента Артура Поттера.

— Чудеса? — насмешливо переспросил Маркс. — Он что, воскресил убитую девушку? Повторил историю с Лазарем?[37]

— Вытащил двух девочек невредимыми и выиграл для нас пару часов. Он...

— Ты приготовил мне подарок? — бесстрастно перебил его помощник Генерального прокурора.

В это время открылась дверь командного пункта и из фургона вышла Анжи Скапелло.

— Пока нет, — ответил Бадд и, решив, что ложь прозвучит правдоподобно, добавил: — Скоро приготовлю. А сейчас мне пора идти.

— Пленка нужна мне в течение часа. Мой друг журналист будет здесь к этому времени.

— Так точно, сэр. Свяжемся позже.

Капитан нажал на кнопку разъединения и повернулся к психологу.

— Начальство. Не дает покоя.

Анжи вынесла две чашки кофе и одну предложила Бадду.

— С молоком, без сахара. Кажется, так вам нравится?

— У агента Лебоу есть и мое досье?

— Вы живете неподалеку, Чарли?

— Мы с женой купили дом в пятнадцати милях отсюда.

Хорошо, снова удалось упомянуть Мег.

— А у меня квартира в Джорджтауне. Я так много путешествую, что нет смысла что-либо покупать. Да и зачем мне одной?

— Вы не были замужем?

— Никогда. Я старая дева.

— Опять вы за свое. Скажете тоже — старая. Вам не больше двадцати восьми лет.

Анжи рассмеялась.

— Вам нравится жить в провинции?

— Конечно. Дочери учатся в хорошей школе. Я же вам показывал семейные фотографии.

— Да, уже два раза.

— Хорошая школа, хорошие спортивные команды. Они увлекаются футболом. И еще — здесь все дешевле. Мне всего тридцать два года, а у меня уже есть дом с четырьмя акрами земли. На Восточном побережье такое невозможно. Я был однажды в Нью-Йорке — сколько же там люди платят за квартиры!

— Вы верный муж, Чарли? — Анжи одарила его взглядом своих лучистых карих глаз.

Капитан проглотил кофе, не почувствовав вкуса.

— Да. И кстати, хотел поговорить с вами на эту тему. Я думаю, что вы очень интересный человек, и ваша помощь для нас бесценна. И еще: только слепой не заметил бы, как вы красивы.

— Спасибо, Чарли.

— Но я даже втайне не помышляю о том, чтобы изменить жене — как президент Джимми Картер. Или это был кто-то другой? Сейчас не вспомню. — Эту речь он прорепетировал и старался произнести не скомкав. — У нас с Мег, конечно, есть проблемы. Но у кого их нет? Проблемы — это часть отношений. Трудные времена чередуются с хорошими, и все это надо пережить. — Внезапно забыв концовку, Бадд завершил экспромтом: — Вот что я хотел сказать.

Анжи подошла и дотронулась до его руки. Потянулась и поцеловала в щеку.

— Я очень рада, Чарли, что вы мне это сказали. Я считаю, что верность — самое главное в отношениях. Преданность — очень редкое в наши дни качество.

Капитан кивнул:

— Да, редкое.

— Я собираюсь в мотель посмотреть, как там девочки и их родители. Хотите съездить со мной? — Анжи улыбнулась. — Как друг и товарищ по работе.

— С удовольствием. — К облегчению Бадда, она не взяла его под руку. Они заглянули в фургон, сообщили Поттеру, где будут, и сели в патрульный автомобиль, чтобы совершить короткий путь в «Дейз инн».

* * *

Они сидели в зале забоя, этом преддверии ада, и на глазах у них были слезы.

Происходящее перед ними, всего в нескольких футах от них, было хуже всего, что можно себе представить. «Уж скорее бы все кончилось, — подумала Мелани и молитвенно сложила руки. — Боже, смилосердствуйся!»

— Не глядите, — дала она знак девочкам. Но они все равно смотрели — никто не смог бы отвести глаз от этого чудовищного зрелища.

Медведь лежал на миссис Харстрон, ее блузка была разорвана, юбка задрана на живот. Мелани тупо наблюдала, как голый зад преступника подпрыгивает вверх-вниз, как его руки тискают грудь учительницы — такую же белую, как его обрюзгшее тело. Как он целует миссис Харстрон и засовывает язык в ее безвольный рот.

На мгновение Медведь замер и обернулся на главный зал. Там Брут и Горностай, сидя перед телевизором, пили пиво. Смеялись. Как бывало в ее семье, когда отец и брат вот так же сидели у телевизора, словно этот черный ящик был волшебной палочкой, которая позволяла им говорить друг с другом. Затем Медведь откинулся назад, подхватил миссис Харстрон под колени и поднял ее ноги вверх. И опять возобновил свои движения.

Мелани стала спокойной как смерть.

«Пора, — решила она. — Ждать больше невозможно». Не сводя взгляда с закрытых глаз Медведя, она написала несколько слов на клочке бумаги, который Брут вырвал у нее из рук. Крепко свернула и положила Анне в карман. Девочка подняла голову и посмотрела на нее. Сестра-близняшка повторила ее жест.

— Идите в угол, — просигналила им Мелани. — К канистре с бензином.

Девочки не хотели подчиняться. Их напугал Медведь, напугало то, что он сейчас вытворял. Но Мелани держалась так строго и такими ледяными были ее глаза, что они переползли в угол зала.

— Возьмите свитер миссис Харстрон и обвяжите вокруг канистры, — потребовала учительница.

Внезапно Медведь соскочил со своей жертвы и посмотрел на Мелани. Его блестящий красный член стоял торчком. От запаха мускуса, пота и женских выделений ее затошнило. Он был совсем рядом, в футе от ее лица. Медведь потянулся, коснулся ее волос.

— А ну брось разводить клешнями. — Он попытался изобразить ее движения. — Кончай эту тарабарщину.

Мелани понимала его реакцию. В ней не было ничего неожиданного. Люди часто пугались, видя, как глухие разговаривают руками. Отсюда такое настойчивое стремление заставить их заговорить. Язык глухонемых воспринимался как тайный код, непонятный способ общения и клеймо закрытого сообщества.

Кивнув, она опустила взгляд на блестящий напряженный орган. Медведь вернулся к миссис Харстрон, стиснул ее груди, толчком раздвинул ноги и снова погрузился в нее. Женщина подняла руку, выражая жалкий протест. От удара Медведя рука ее бессильно упала.

Нельзя говорить знаками...

Но как тогда общаться с девочками? Как объяснить близнецам, что они должны сделать?

В этот момент Мелани вспомнила свой жаргон. Язык, который придумала в шестнадцать лет, потому что в школе Клерка Лорена учителя — в основном Иные — били ее по рукам, когда она изъяснялась знаками. Этот простой язык пришел ей в голову, когда Мелани наблюдала, как Георг Шолти дирижирует беззвучным оркестром. В музыкальном произведении мелодия, размер и ритм составляют единое целое. Мелани подносила руки к подбородку и разговаривала с одноклассниками формой и ритмикой пальцев, сопровождая это мимикой лица. Она демонстрировала ученицам основы своего языка, когда сравнивала различные типы речи глухих, но не была уверена, что сестры-близнецы запомнили достаточно, чтобы понять ее.

Но выбора не было. Мелани подняла руки и стала ритмически двигать пальцами. Анна сначала не поняла и отвечала на обычном языке глухих.

— Нет! — Мелани нахмурилась, чтобы придать весомость своему запрету. — Никаких знаков!

Было очень важно, чтобы они поняли ее. Мелани верила, что в таком случае спасет хотя бы близняшек. А может быть, еще задыхающуюся бедняжку Беверли или Эмили, на чьи тонкие ноги в белых чулочках так пристально смотрел Медведь, пока не подмял под себя Донну Харстрон.

— Возьмите канистру, — показала Мелани. — Обвяжите ее свитером.

Прошла секунда, и девочки поняли. Маленькие ручонки стали обматывать канистру ярким свитером.

Теперь канистра была закутана в шерсть.

— Идите в заднюю дверь. Ту, что слева.

На этой двери не было пыли, потому что ее сдул ветер.

— Страшно.

Мелани кивнула, но не отступила.

— Надо!

В ответ едва заметный, разрывающий душу кивок. Затем другой. Рядом с учительницей пошевелилась Эмили. Девочка была в ужасе. Так, чтобы не видел Медведь, Мелани взяла ее за руку и пальцами, на английском языке глухих просигналилила:

— Ты будешь следующей. Не беспокойся. — Сестрам-близнецам она сказала: — Идите на запах реки. — И чтобы было доходчивее, раздула ноздри. — Река! Запах! Держитесь за свитер и прыгайте в воду.

Теперь девочки замотали головами. И очень энергично:

— Нет!

Мелани сверкнула глазами:

— Да!

Затем она посмотрела на миссис Харстрон, снова перевела взгляд на девочек и объяснила, что с ними произойдет.

Сестры все поняли, и Анна захныкала.

Это недопустимо!

— Прекратить! — потребовала Мелани. — Идите!

Сестры находились за спиной Медведя. Чтобы увидеть их, ему пришлось бы подняться и обернуться.

Боясь пошевелить рукой, Анна вытерла глаза о рукав. У Мелани екнуло сердце, когда обе девочки дружно покачали головами. Она рискнула сделать несколько знаков. Но Медведь в это время закрыл глаза и не заметил.

— За стеной аббат де л'Эпе. Он ждет вас.

Глаза сестер округлились.

Де л'Эпе?

Спаситель глухих? Легенда? Он Ланселот. Он король Артур. Да что там король Артур. Он был Томом Крузом. Но его не могло быть за стеной. Однако лицо учительницы оставалось серьезным. Она проявила такую настойчивость, что девочки уступили и едва заметно кивнули.

— Когда найдете его, отдайте записку, которая лежит в кармане.

— Где его искать? — спросила Анна.

— Он пожилой человек, тучный. Волосы седые. Он в очках и синем спортивном пиджаке.

Девочки энергично закивали, хотя совсем не так представляли себе легендарного аббата.

— Найдите его и отдайте записку.

Обернулся Медведь, но Мелани не опустила руку — сделала вид, что хочет вытереть красные, но сухие глаза. Чтобы он подумал, будто она плачет. Медведь опустил голову и продолжил свое занятие. А девушка порадовалась, что не слышит свиного хрюканья, издаваемого им.

— Готовы? — спросила она сестер.

Девочки были готовы. Они прыгнули бы в огонь, чтобы встретить своего кумира. Мелани снова покосилась на Медведя — пот катился с него градом, и капли падали на лицо и подпрыгивающие груди несчастной миссис Харстрон. Его глаза были закрыты. Кульминация приближалась — нечто такое, о чем Мелани только читала, но понять не могла.

— Снимите обувь и скажите де л’Эпе, чтобы был осторожен.

Анна кивнула.

— Я вас люблю, — сказала она.

Сузи повторила жест за сестрой.

Мелани выглянула из двери. Брут и Горностай были далеко — сидели у противоположной стены и смотрели телевизор. Она дважды кивнула сестрам. Девочки взяли канистру — свой спасательный круг — и скрылись за углом. Учительница посмотрела на Медведя, стараясь понять, прошло ли бегство сестер незамеченным. Судя по всему, да.

Чтобы отвлечь его, она наклонилась вперед и, выдержав злобный взгляд ужасного человека, медленно, осторожно вытерла своим красным рукавом пот с лица миссис Харстрон. Ее жест стал для Медведя полной неожиданностью, но в следующую секунду он пришел в бешенство и отшвырнул Мелани к стене. Ее голова ударилась о плитку, и она, скрючившись, осталась сидеть там, пока Медведь, тяжело дыша, не застыл. Наконец он скатился с миссис Харстрон, и Мелани заметила на ее бедре липкую жидкость. И кровь. Медведь украдкой посмотрел на своих товарищей. Его не засекли. Брут и Горностай ничего не видели. Бандит встал, поднял «молнию» на своих сальных джинсах, одернул юбку миссис Харстрон и небрежно застегнул на ней блузку. Затем наклонился и приблизил свое лицо к лицу Мелани. Ей удалось выдержать его взгляд, внушавший ужас. Но она была готова на что угодно, только бы он не озирался по сторонам. Медведь открыл рот и словно выплюнул слова:

— Попробуй заикнись… увидишь, что с тобой будет.

«Задержи его, отвлеки. Надо выиграть время для сестер-близняшек».

Мелани нахмурилась и покачала головой.

Он повторил.

Она снова покачала головой и показала на уши. Медведь начал закипать.

Наконец Мелани отстранилась и ткнула пальцем в пыльный пол.

«Скажи только слово, и я убью тебя», — написал он.

Она кивнула.

Медведь стер слова и застегнул рубашку.

Иногда люди, даже Иные, глухи, немы и слепы как мертвецы. Мы воспринимаем только то, что хотим видеть. Это опасно, это тяготит. Но иногда, как на этот раз, способно сотворить чудо. Медведь неуверенно поднялся, заправил рубашку в джинсы и довольными остекленевшими глазами обвел зал забоя. Его лицо пылало. А затем он вышел, так и не заметив, что на месте сестер-близнецов остались только их туфельки. Девочки ускользнули и уплыли из этого страшного места.

«Много летя была не кем иным, а только Глухой. Я жила Глухой, я ела Глухой, я дышала Глухой».

Мелани разговаривала с де л'Эпе.

Она снова укрылась в своей музыкальной комнате, потому что не могла думать, как сестры прыгнули в темные, мрачные воды реки Арканзас. Очень хорошо, что им удалось бежать, убеждала она себя. Мелани не забыла, как Медведь смотрел на девочек. Что бы с ними ни произошло, это лучше, чем оставаться здесь.

Де л'Эпе передвинулся в кресле и спросил, что она имела в виду, сказав, будто была только глухой.

— Когда я училась в предпоследнем классе, в школе Клерка Лорена началось движение Глухих. Глухих с заглавной буквы. Орализм потерпел поражение. Наконец-то у нас стали преподавать английский язык глухих, что, впрочем, было идиотским компромиссом. А уже потом перешли на американский знаковый язык.

— Я интересуюсь языками. Расскажи мне, — он так и сказал бы? Ведь это моя фантазия! Значит, сказал бы.

— Американский язык глухих восходит к своему европейскому прототипу, который в 1760-х годах изобрел во Франции человек, в честь которого названы вы. Аббат Шарль Мишель де л'Эпе. Он, подобно Руссо, догадывался, что существовал доисторический язык людей. Язык чистый, всеохватывающий и безукоризненно точный, способный непосредственно выражать любое чувство и такой прозрачный, что с его помощью нельзя обманывать или вводить в заблуждение собеседника.

Де л'Эпе улыбнулся.

— Получив французский язык знаков, Глухие стали самими собой. Ученик школы аббата де л'Эпе Лорен Клерк в начале 1800-х годов прибыл в Америку с Томасом Галлодетом, священником из

Коннектикута, и основал в Хартфорде школу для глухих. Сначала там пользовались французским языком, но он все больше обогащался местными диалектами, особенно тем, которым пользовались на острове Мартас-Виньярд, где жило много потомственных глухих. Так возник американский знаковый язык. И он позволил нам больше, чем что-либо другое, жить нормальной человеческой жизнью. Но любой язык — знаков или устный — нужно развивать с трехлетнего возраста, иначе человек останется недоразвитым.

Де л'Эпе иронично посмотрел на нее.

— По-моему, ты это все прорепетировала.

Мелани рассмеялась.

— Как только американский язык глухих начали преподавать в школе, я присоединилась к движению Глухих и стала жить ради него. Усвоила генеральную линию. Главным образом благодаря Сьюзан Филлипс. Удивительно: я была тогда студенткой-практиканткой. Она заметила, как я повожу глазами вверх-вниз, когда пытаюсь прочесть слова по губам, подошла и сказала:

— «Слышать» означает для меня одно: противоположное тому, что есть я.

Мне стало стыдно.

Позже она добавила, что термин «глухота» должен возмущать нас, потому что так называют нас в обществе Иных. А попытки построить образование на том, чтобы развить у глухих речь, — это еще хуже. Такие глухие стремятся притвориться слышащими. Но они еще не окончательно переметнулись на чужую сторону. И если, как говорила Сьюзан, мы узнаем о таких людях, надо всеми силами пытаться их спасти.

Я понимала, о чем она говорит, потому что сама много лет пыталась перейти на другую сторону. Правило простое: учись предвидеть, что тебя ждет; пытайся догадаться, что последует, о чем тебя спросят, а если разговор происходит на шумной улице, всегда есть возможность попросить говорить громче или повторить сказанное. Но после знакомства со Сьюзан я больше этим не занималась. Стала противницей тех, кто старался научить глухих говорить. Начала преподавать американский язык глухих. Стала писать стихи и участвовать в декламациях в театре глухих.

— Так ты поэт?

— Поэзия заменила мне мою музыку. Она ближе к музыке, чем что-либо другое, доступное мне.

— Что представляют собой стихи, если их изображать жестами руки? — спросил де л’Эпе.

Мелани объяснила, что рифма образуется не акустически, а формой кисти, которая, изображая последнее слово строки, подражает той, что была в конце предыдущей.

— Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте. Ветер холодный — разве это хорошо? Расправили птички крылья. И взмыли в клубящиеся облака, — продекламировала она.

Рифма двух первых и двух последних строк создается сходными жестами руки. Понятия «темнота» и «хорошо» передаются направленной к говорящему плоской ладонью со сдвинутыми пальцами. А «крылья» и «облака» такой же, но направленной вверх ладонью.

Де л’Эпе завороженно слушал. Мелани показала ему еще несколько своих стихотворений. Она каждый вечер втирала в ногти миндальный крем, и они стали гладкими и прозрачными.

Она изменила тему.

— Где только я не отметилась. В Национальной ассоциации глухих, Бикультурном центре, Спортивной ассоциации глухих.

Де л’Эпе кивал. (А как бы она хотела, чтобы и он рассказал о своей жизни. Женат? Господи, только бы нет! Дети есть? Он старше, чем ей показалось, или моложе?)

— Моя карьера была ясна. Мне было уготовано стать первой глухой женщиной, заправляющей фермой.

— Фермой?

— Можете задать мне любой вопрос о подкормке зерновых. О безводном аммиаке. Что вы хотите знать о пшенице? Красная пшеница пришла к нам из русских степей. Но в ее названии нет ничего политического, во всяком случае у нас, в Канзасе. Все дело, сэр, в ее цвете. «Янтарный цвет полей…»[38] Хотите знать, в чем преимущество сева не в борозду и как соответствовать торговому кодексу и получить кредит под урожай, который еще не взошел? «На весь прирост и приспособления на упомянутой земле»?

Мелани объяснила, что ее отец владел шестьюстами шестьюдесятью акрами земли в центре Южного Канзаса. Он был долговязым и изможденным на вид, что многие принимали за твердость характера. Трудился отец много и охотно, но ему не хватало таланта, что он считал невезением. И признавался — но только себе, — что ему нужна помощь всех домашних. Разумеется, большую часть своего состояния он собирался оставить сыну. Но в наши дни ферма — это крупный бизнес. Гарольд Черрол мечтал разделить хозяйство на трети: одну — сыну Дэнни, другую — дочери Мелани. И радоваться, наблюдая, как процветает семейное предприятие.

Мелани противилась планам отца, хотя ее прельщала мысль о том, что она будет работать вместе с братом. Неугомонный паренек превратился в общительного юношу, и ничто в нем не напоминало их ожесточенного отца. Если ломался нож комбайна, Гарольд проклинал судьбу, а Дэнни спрыгивал из-за штурвала, убегал и вскоре возвращался с упаковкой пива и сандвичами для неожиданного пикника. «Да починим мы к вечеру эту заразу, а сейчас давай поедим».

Одно время Мелани считала, что такая судьба устроит ее. Прошла заочный курс по сельскому хозяйству и даже отправила в газету глухих статью о глухоте и жизни на ферме.

Но прошлым летом Дэнни попал в аварию, и у него пропало и желание, и возможность работать. А Черрол-старший, нуждавшийся в наследнике, обратил взгляд на Мелани. Да, она была женщиной (недостаток серьезнее, чем глухота), но образованной и трудолюбивой.

Он надеялся, что дочь станет его полноценным партнером. А почему бы и нет? Она с семи лет сидела в кондиционированной кабине большого комбайна, помогала отцу разбираться в бесчисленном количестве передач. Надевала очки, маску и перчатки, как заправский сельский хирург, наполняла бак аммиаком, ходила с ним на собрания Объединения сельхозпроизводителей и сопровождала в такие места, которые знали только местные жители. Там прятались нелегальные иммигранты, рассчитывая получить поденную работу во время сбора урожая.

«Господь определяет нам место, где жить. Твое место здесь, чтобы ты по силам трудилась и твоя проблема не доставляла тебе неприятностей. Такова воля Божья... Как ни крути, тебе надо возвращаться домой».

«Скажу ему, — подумала Мелани. — Уж если не говорила ни одной живой душе, то скажу хотя бы де л’Эпе».

— Хочу вам признаться.

Он безмятежно посмотрел на нее.

— Это что-то вроде исповеди.

— Ты еще слишком молода, чтобы исповедоваться.

— После декламации в Топике я не собиралась сразу возвращаться в школу. Хотела поехать в Сент-Луис навестить брата. Он лежит в больнице. Завтра ему будут делать операцию.

Де л'Эпе кивнул.

— Но перед тем как отправиться туда, я планировала кое-что в Топике. У меня там назначена встреча.

— Расскажи.

А надо ли? Рассказывать или нет?

«Расскажу, — решила она. — Так будет лучше». Но только собралась открыть рот, как что-то помешало.

Запах реки?

Стук приближающихся шагов?

Брут?

Встревожившись, Мелани открыла глаза. Ничего подобного — в здании все было спокойно. Никого из троих преступников рядом не оказалось. Девушка снова закрыла глаза и попыталась вернуться в музыкальную комнату, но де л'Эпе исчез.

— Где вы? — крикнула она, но тут же вспомнила, что, хотя ее губы шевелятся, она больше не слышит слов. — Я не хочу уходить. Пожалуйста, вернитесь...

И вдруг Мелани поняла, что из музыкальной комнаты их выгнал вовсе не ветер с реки, а ее собственное «я». Она оробела, смутилась и больше не хотела исповедоваться.

Даже человеку, готовому слушать все глупое и дурное, что бы она ни говорила.

Они заметили вспышку света примерно в пятидесяти ярдах.

Джо Силберт и Тед Биггинс неслышно шли по полю слева от здания бойни. Силберт показал туда, где блеснули то ли окуляры бинокля, то ли что-то из снаряжения на поясе бойца группы спасения заложников, отразив белый свет галогенных прожекторов.

Биггинс счел вспышку слишком яркой.

— Не иначе блик на линзах бинокля, — озабоченно заметил он.

— И что мне теперь — бежать затыкать им рты? — осведомился его коллега. Силберту отчаянно хотелось курить. Они шли лесом, пока не оказались на открытом пространстве. Силберт посмотрел в видоискатель камеры и перевел трансфокатор на максимальное приближение. Бойцы скрывались в подлеске напротив бойни. Один прятался за школьным автобусом рядом со зданием — фактически под самым окном.

— Неплохо справляются, — прошептал репортер. — Пожалуй, лучший спецназ из всех, что я видел.

— Чертов свет! — выругался Биггинс.

— Ну, вперед.

Пока они шли по полю, Силберт косился на полицейских оцепления.

— А я думал, у нас будут повсюду няньки.

— Как же мешают эти прожектора.

— А на деле оказалось все слишком просто.

— Господи! — Биггинс поднял глаза к небу.

— Все отменно, — тихо рассмеялся репортер.

Они посмотрели в сторону мельницы.

— Поднявшись, окажемся выше луча прожектора, — гнул свое Биггинс.

Сорок футов вверх. Оттуда будет отличный вид на поле. Силберт ухмыльнулся и начал подъем. Они оказались на шаткой площадке. Давно заброшенная мельница лишилась крыльев и сотрясалась от ветра.

— Не помешает? — спросил Силберт.

Биггинс достал из кармана прямоугольный штатив на одной ножке, раздвинул и крепко завернул зажимы.

— А что поделать? В карман стедикам[39] не сунешь.

Вид и в самом деле был превосходным. Слева от бойни Силберт заметил группу бойцов. И с мрачной почтительностью вспомнил агента Артура Поттера — тот, глядя в глаза, уверял, что штурм не планируется. Но эти спецназовцы явно готовились к захвату.

Он достал из кармана маленький, покрытый губчатым материалом микрофон и с помощью мобильного телефона с шифровальным устройством вызвал ретранслятор, установленный в фургоне неподалеку от палатки прессы.

— Привет, придурок, — сказал он, услышав голос Келлога. — А я надеялся, что тебя замели.

— Не сложилось: я сказал тому копу, что если отпустит меня, я позволю ему трахнуть твою жену.

— Остальные ребята за столом прессы?

— Угу.

Силберт не договаривался ни с кем из коллег о том, чтобы устроить журналистский пул. Он, Биггинс, Келлог, Бьянко и еще два репортера, которые сейчас делали вид, что сочиняют материал и строчат на выпотрошенном «Компаке», — все были с одной канзасской телестанции.

Биггинс подключил к камере микрофон, развернул параболическую антенну, укрепил ее на перилах мельницы и заговорил:

— Проверка, проверка, проверка...

— Силберт, хватит нести хренотень. Ты собираешься давать нам картинку?

— Тед согласует уровень телесигнала. Принимайте. — Биггинс подправил укрепленную на парапете антенну. — Перехожу на радио. — Журналист взял микрофон и вложил в левое ухо наушник.

— Есть, — ответил Келлог из фургона ретранслятора. — Сигнал четкий. Мы принимаем картинку. Господи помилуй! Откуда ты вещаешь? Из вертолета?

— Профи знают свое дело. Ну давай подключайся — начнем репортаж, пока нас не подстрелили.

Он услышал, как на середине оборвалась реклама «Тойоты» и раздался баритон диктора:

— Мы начинаем репортаж из Вороньей Гряды. С нами на связи Джо Силберт, ведущий Девятого канала, он передает эксклюзивные кадры с места, где сбежавшие из тюрьмы преступники держат в заложниках нескольких учениц и двух учительниц из школы Клерка Лорена. Мы слушаем тебя, Джо.

— Рон, перед нами здание бойни, где держат девочек и их учительниц. Как вы видите, бойню окружают сотни копов. Полиция установила несколько ярких галогенных прожекторов, которые светят в окна — вероятно, для того, чтобы помешать снайперам прицеливаться изнутри.

Но ни полицейские, ни свет не помешали преступникам примерно шесть часов назад убить одну из заложниц, которая умерла на этом самом месте. Полицейский сообщил мне, что бандиты отпустили ее и она шла к своим родным и друзьям, когда ее поразил выстрел в спину. Она была, как ты и сказал, Рон, глухой, и полицейский считает, что перед смертью она просила знаками родных и близких о помощи, говорила, что любит их.

— Джо, ты знаешь, как зовут убитую?

— Нет, Рон, власти очень неохотно делятся информацией.

— Сколько осталось в здании заложниц?

— На данный момент, если не ошибаюсь, четыре ученицы и две учительницы.

— Но ведь кто-то вышел?

— Да. Преступники в обмен на свои требования отпустили трех заложниц. Но нам неизвестно, на какие уступки пошли власти.

— Джо, что скажешь вон о тех бойцах, которых мы видим рядом со зданием?

— Рон, это элитное подразделение штата Канзас, так называемая «группа спасения заложников». Официально нам ничего не сообщили о предстоящем штурме, но мой опыт освещения подобных ситуаций подсказывает, что бойцы готовятся к атаке.

— И что, по-твоему, произойдет? Как будут развиваться события, и что это будет за атака?

— Трудно сказать, поскольку я не знаю, где находятся заложницы, какие есть у преступников огневые средства и так далее.

— А если поразмыслить?

— Хорошо, Рон, — ответил Силберт, — попробую. — И дал Биггинсу заранее условленный знак рукой, чтобы тот сделал объективом наезд на здание.

Спецназовцы были заняты своим непосредственным делом, поскольку не знали, когда истекает срок следующего ультиматума.

Капитан Дэн Тримэйн переговорил по рации, снабженной шифратором, с группой «Браво» и узнал, что бойцы обнаружили с задней стороны здания, недалеко от пристани, пригодную для прорыва дверь, но за ней наблюдали два сидящих в ялике вооруженных полицейских. Лодка стояла на якоре примерно в двадцати ярдах от берега.

— Они заметят нас, если мы попытаемся подобраться ближе.

— Есть другой путь к этой двери?

— Нет, сэр.

Но разведчик номер два сообщил хорошие новости. Джоуи Уилсон заглянул в окно и осмотрел дальнюю стену — ту, что находится с юго-восточной стороны. Прямо напротив пожарной двери, которую планировали вышибить бойцы группы «Альфа», он увидел наспех прикрепленную плиту сухой штукатурки и предположил, что за ней скрывается дверь еще одного пожарного выхода. Первоначальный осмотр стен не обнаружил ее. Так что Тримэйн послал другого бойца, и тот проник под причалом к противоположной стороне здания. Он добрался до того места, о котором докладывал Уилсон, и в самом деле нашел дверь, скрытую от глаз разросшимся плющом.

Капитан приказал ему просверлить панель бесшумной дрелью фирмы «Дремел» с мерным титановым буром. Исследовав пробу, боец обнаружил, что панель толщиной всего в дюйм и к тому же ослаблена сыростной гнилью, термитами и муравьиными ходами. Дверь была приоткрыта на два дюйма. Затем он проткнул панель из сухой штукатурки, толщина которой составляла три восьмых дюйма. Все в целом было намного доступнее, чем дверь с противоположной стороны. Небольшие направленные заряды легко откроют путь.

Тримэйн пришел в восторг: этот вариант был намного лучше, чем прорыв через дверь на погрузочной пристани, поскольку позволял сразу после проникновения в здание открыть интенсивный перекрестный огонь. У преступников не будет шанса ответить. Капитан посовещался с Карфалло и разделил бойцов на две новые группы. «Браво» проникнет под причалом к юго-восточной стороне здания бойни. «Альфа» займет позицию у северной двери, расположенной глубже, зато ближе к заложницам.

Ворвавшись в здание, «Альфа» разделится на две части: трое бойцов бросятся к девочкам, трое поведут атаку на преступников. В это же время четыре человека из группы «Браво» проникнут на бойню через южную дверь и нападут на бандитов с тыла.

Тримэйн еще раз оценил план. Они подобрались к бойне по глубокому оврагу, и их присутствие станет для преступников полной неожиданностью. Шумовые, затем световые гранаты, перекрестный огонь. Это хороший план.

— База всем группам и разведчикам. От моей метки до начала прорыва сорок пять минут. Готовы? Начинаю обратный отсчет от пяти. Пять, четыре, три, два, один, метка.

Бойцы подтвердили сверку времени.

Теперь...

Внезапно поступило сопровождаемое помехами сообщение:

— Командир «Браво» — базе. Засекли движение. От погрузочного причала. Кто-то пытается сделать ноги.

— Кто?

— Не могу сказать. Выскользнули из-под погрузочных ворот. Не рассмотрел. Видел только движение.

— Преступники?

— Не установлено. Причал разваливается, и тут до черта всякого хлама.

— Присоединить гасители.

— Есть, сэр.

К пистолетам-пулеметам «хеклеркох» полагались так называемые гасители — большие трубки глушителей. С ними можно было выпустить

одну-две обоймы, и звуки выстрелов показались бы не громче тихой погремушки. А при таком ветре полицейские в ялике вообще не должны услышать стрельбы.

— Поймать цель. Переключатели на полуавтоматический огонь.

— Цель поймана.

— Что она собой представляет? Командир «Браво», доложите.

— Трудно сказать. Цель в пестрой рубашке красного, синего и белого цветов. Я мог бы нейтрализовать ее, но нет возможности установить личность. Кто бы это ни был, он пригибается к земле. Жду приказа.

— Если установите, что это преступник, вам дается зеленый свет.

— Понял, сэр.

— Держите на мушке и ждите.

Капитан вызвал разведчика номер два, и тот, рискуя, заглянул в окно.

— Если кто-то и свинтил, то это Боннер. Его я не вижу, только Хэнди и Уилкокса.

Боннер. Насильник. Тримэйн с радостью обрушил бы на его голову Божью кару.

— Командир «Браво», доложите обстановку. Он собирается в воду?

— Подождите... да... соскользнул в реку. Я потерял его... нет... снова вижу. Может, сообщить полицейским в лодке? Он проплывает мимо них.

Тримэйн размышлял.

— База, вы слышите меня?

Если это Боннер, он удерет. Но по крайней мере во время штурма его не будет внутри. Одним бандитом меньше. Но если это одна из заложниц — что казалось невероятным, — девочка может утонуть. Течение здесь сильное, река глубокая. Но чтобы спасти ее, он должен раскрыть свое присутствие. В таком случае операцию придется отменить, и это поставит под угрозу жизнь остальных заложниц. Нет, решил он, это не заложница. Не могла маленькая девочка сбежать от трех вооруженных мужчин.

— Командир «Браво», отставить. Полицейских не информировать.

— База, вас понял. Кстати, думаю, нам нечего о нем беспокоиться. Его несет прямо на стрежень. Скорее всего мы больше никогда его не увидим.

III. Допустимые потери

19:46

— Что это?

Помощник шерифа городка Воронья Гряда Арнольд Шоу не знал, да и не интересовался.

Поджарый тридцатилетний страж закона, смолоду служивший в правоохранительных органах, немало времени провел на воде. Выманивал на всякую гниль сомов, ловил на блесну окуней и маскинонгов[40]. Пару раз даже ездил кататься на водных лыжах на озере в Озарках[41]. Но никогда его так не укачивало, как сейчас.

О Господи, какая же это пытка!

Они с Баззи Марборо встали на якорь примерно в двадцати ярдах от берега и по приказу их босса Дина Стиллуэла не сводили взгляда — как он выразился, «приклейтесь глазами» — с причала у здания бойни. Из-за ветра, сильного даже для Канзаса, утлое суденышко подбрасывало и вертело, словно на ярмарочной карусели, когда взлетаешь и крутишься во все стороны, а потом на земле не можешь поднять головы.

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал Шоу.

— Смотри, вон там! — крикнул ему Марборо.

— Никуда не хочу смотреть.

Но он все-таки взглянул куда показывал товарищ.

В десяти ярдах что-то уплывало от них вниз по течению. Они были вооружены старенькими полицейскими ружьями «ремингтон», и Марборо поймал в специальный прицел прыгающий предмет.

Несколько секунд назад они слышали всплеск у пристани, но, сколько ни приглядывались, не заметили бандитов, пытавшихся спастись по реке.

— Если бы кто-нибудь прыгнул в воду…

— Мы бы увидели, — проговорил Шоу сквозь ветер. — Сейчас он был бы как раз там, где плывет эта штука. Не могу разобрать, что это такое. —

Помощник шерифа всеми силами пытался забыть о вчерашнем ужине — запеканке с тунцом. — Ну и что ты предлагаешь?

— Рука! Я вижу руку! — Марборо привстал.

— Не поднимайся! Нас и так крутит. Сиди на заднице и не дергайся!

Запеканка с тунцом, грибной крем-суп, горох и сверх всего — жареный консервированный лук.

Нет, долго это богатство в себе не удержать.

— Смотри, за эту штуковину держится рука, а сама она белая с красным. Черт, это, наверное, уплывает кто-то из заложниц!

Шоу повернулся и посмотрел поверх нагромождения обломков на поверхность покрытой зыбью реки. Лодку подбрасывало, и каждый взгляд длился не больше нескольких секунд. Помощник шерифа не мог определить, что он видит. Показалось, что плывет сеть, но, как сказал Базз Марборо, она была красной с белым. И еще с синим — теперь он и сам разглядел.

Предмет быстро уносило от них на стремнину.

— Неужели не видишь руки?

— Нет... Постой... в самом деле, похоже на руку, — нехотя признал он, и его кишки еще сильнее взбунтовались. Арни Шоу поднялся на ноги и от этого почувствовал себя в сто раз хуже. — Ничего не могу разобрать. Может, ветка?

— Не вижу. Смотри, как быстро плывет. Скоро будет в Уичито. — Шоу решил: он скорее позволит вырвать себе зуб, чем покажет, что его укачало. Даже два зуба.

— А если это бандиты что-то выбросили, намереваясь отвлечь нас? Мы погонимся за этим, а они улизнут через заднюю дверь.

— Или просто мусор, — кивнул, усаживаясь на скамью, Шоу. — Да что мы рассуждаем? Если бы это были свои, они бы не проплыли мимо, не попросив о помощи. На нас форма — они поняли бы, что мы из службы шерифа.

— Точно. И как я не подумал? — кивнул Марборо и тоже сел на место.

Одна пара неусыпных глаз снова обратилась к тылам бойни, зато другие крепко зажмурились, пока их обладатель изо всех сил пытался успокоить желудок.

— Умираю, — прошептал Шоу.

Но через несколько секунд он распрямился и посмотрел на товарища.

— Твою мать!

— Ты тоже только что вспомнил? — спросил Марборо.

Да, Шоу только теперь вспомнил: заложницы, глухие и немые, не сумели бы крикнуть «спасите наши души» и позвать на помощь, даже если бы проплывали рядом с яликом.

От этой мысли ему стало совсем мерзко. И еще оттого, что сам он три года подряд выходил в финал межуниверситетских соревнований по плаванию, а его товарищ мог барахтаться только по-собачьи и не проплыл бы и десяти ярдов.

Шоу глубоко вздохнул — не для того, чтобы набрать воздуха перед предстоящим заплывом, а просто чтобы справиться с бурей в животе. Скинул оружие, бронежилет, шлем и сапоги. Еще один вдох. И он нырнул головой вперед в бушующую темную реку и быстро поплыл вслед за скрывшимся предметом, увлекаемый на юго-восток немилосердным течением.

Артур Поттер посмотрел на окно, в котором впервые заметил Мелани.

Потом на то, в котором ее чуть не застрелили.

— Боюсь, мы подходим к пределу, — медленно проговорил он. — Если повезет, нам еще удастся вытащить одну или двух заложниц, но это все. Дальше придется либо принудить его сдаться, либо отдать приказ на штурм. Кто-нибудь может сказать, какой прогноз погоды? — Переговорщик надеялся, что налетит ураган и позволит ему потянуть с вертолетом.

Дерек Элб щелкнул выключателем. Услышав голос диктора метеоканала, Поттер придвинулся ближе к динамику и узнал, что ночью погода останется такой же — ветреной, с прояснениями. Ветер северо-западный от пятнадцати до двадцати миль в час.

— Придется в качестве отговорки ссылаться на ветер, — сказал Лебоу и добавил: — Хотя это очень ненадежно. Пятнадцать миль в час. Не исключено, что, находясь на военной службе, Хэнди летал на вертушках, которые садились в куда более сильный ветер.

Дин Стиллуэл вызвал по рации Лебоу. Его голос послышался из динамика под потолком. Он был, как всегда, немногословен.

— Да? — Аналитик склонился к микрофону.

— Агент Поттер приказал передавать вам любую информацию о преступниках. Так?

— Так, — подтвердил Лебоу.

Поттер взял микрофон и спросил, что удалось выяснить шерифу.

— Один из наших ребят занял удачную позицию и видит, что происходит внутри. Он докладывает, что Хэнди и Уилкокс обходят здание и все внимательно осматривают.

— Внимательно осматривают?

— Отодвигают трубы и железки. Как будто что-то ищут.

— Можете предположить, что именно? — спросил Лебоу.

— Нет. Уж не хотят ли найти место, где спрятаться?

Поттер кивнул Бадду, вспомнив, что именно капитан опасался, как бы преступники в критический момент не переоделись в форму спасателей. Бывало также, что бандиты специально оставляли открытым заднее окно, а затем на день или два скрывались в укромном уголке, пока полицейские не приходили к выводу, что им удалось бежать. Лебоу занес информацию в компьютер и поблагодарил шерифа.

— Надо убедиться, что все наши люди имеют фотографии преступников, — заметил Лебоу. — И сказать Фрэнку и группе спасения заложников, чтобы как следует прочесали место, если покажется, что Хэнди удалось совершить побег. — Он сел и снова посмотрел на здание бойни.

— Кстати, — в динамике опять прорезался голос шерифа, — я заказал ребятам пожевать. А вам с минуты на минуту привезут ужин из «Хартленда».

— «Хартленд» — это хорошо, — одобрил Элб.

Но Поттер, занятый серьезными размышлениями, не думал о еде. Встречаться ему или не встречаться с Хэнди? Время поджимало, и переговорщик чувствовал, что преступник, теряя терпение, вот-вот начнет выдвигать невыполнимые требования. Личная встреча давала больше возможностей охладить его, чем телефонный разговор.

Кроме того, встреча с Хэнди дала бы ему шанс увидеть Мелани.

Попытаться спасти ее.

Но с другой стороны, встреча человека, захватившего заложников, с тем, кто руководит операцией по их спасению, — самый опасный вид переговоров. Пойти на встречу — значит пойти на риск. Все чувства преступника — и хорошие и плохие — по отношению к переговорщику напряжены до предела. Порой преступники решают — иногда эта мысль возникает у них подсознательно, — что, убив переговорщика, они обретут такую власть, какой раньше не имели. Они надеются, что в лагере полицейских возникнет растерянность, а погибшего сменит другой, не такой требовательный. Но даже если обойдется без насилия, существует опасность, что переговорщик потеряет авторитет и значимость в глазах преступников, лишится уважения своего оппонента.

Поттер подвинулся к окну. «Что же такое сидит в тебе, Хэнди? Что заставляет вращаться колесики твоей воли? Что происходит в твоих холодных мозгах? Разговаривая с тобой, я слышу тишину. А когда ты молчишь, слышу твой голос. Когда ты улыбаешься, я вижу… А что же такое я вижу? Это проблема — я не знаю».

Дверь открылась, и фургон наполнил запах еды. Молодой помощник шерифа Вороньей Гряды принес коробки с пластиковыми контейнерами и картонные стаканчики с кофе.

Парень начал доставать из коробок контейнеры, и к Поттеру внезапно вернулся аппетит. Он ждал, что принесут безвкусный ужин: горячие сандвичи с говядиной и желе. Но помощник шерифа, выкладывая контейнеры, комментировал: «Это вишневый мусс, это галеты, это братвурст[42], это пироге мясом козленка и ягненка, говядина под маринадом, картофель с укропом».

— «Хартленд» — знаменитый меннонитский[43] ресторан, — объяснил Дерек Элб, — люди приезжают туда со всего штата.

Десять минут все ели в полной тишине. Поттер старался запомнить названия блюд, чтобы, вернувшись в Город ветров, рассказать родственнице Линден. Она собирала необычные кулинарные рецепты.

Он допивал вторую чашку кофе, когда уголком глаза заметил, как напрягся Тоби: заработал передатчик.

— Что? — спросил в микрофон молодой техник. — Повторите, шериф!

Поттер повернулся к нему.

— Только что один из людей Дина выловил из реки сестер-близнецов.

Все ахнули. А затем на командном пункте раздались аплодисменты. Аналитик отлепил от плана бойни два листочка, означающих этих девочек, и удалил из границ здания. А фотографии положил в папку освобожденных заложников — к снимкам Джойслин, Шэннон и Киэл.

— Их проверяют на предмет переохлаждения, а в остальном с ними на первый взгляд все в порядке. Похожи на мокрых мышат, но им это лучше не говорить.

— Позвоните в гостиницу, — распорядился Поттер, — и сообщите их родителям.

Слушавший в наушники Тоби рассмеялся.

— Артур, они просятся к вам. Их везут сюда.

— Ко мне?

— Если вы старший из мужчин, в очках и в темном спортивном пиджаке. Только называют вас де л’Эпе.

— Как? — Переговорщик покачал головой.

Фрэнсис коротко рассмеялась.

— Аббат де л’Эпе. Человек, который придумал первый широко распространившийся знаковый язык.

— Почему они меня так называют?

Фрэнсис пожала плечами:

— Понятия не имею. Де л’Эпе считается кем-то вроде святого покровителя глухих.

Через пять минут появились девочки — милые близняшки, закутанные в яркие мягкие пледы (еще одно чудо, сотворенное шерифом Стиллуэлом). Они во все глаза уставились на Поттера, не напоминая уже

мокрых мышек. Девочки были скорее охвачены благоговейным страхом, чем напуганы. Сбивчиво они объяснили через Фрэнсис, как Мелани удалось выпроводить их из здания.

— Мелани? — переспросила Анжи и посмотрела на переговорщика. — Я ошиблась. У тебя есть союзник среди заложниц.

«Интересно, Хэнди уже знает, что она сделала? — подумал Поттер. — Долго ли будет терпеть непокорность, прежде чем ответит? И станет на этот раз его ответ роковым?»

У Поттера екнуло сердце, когда он увидел, как расширились от ужаса глаза Фрэнсис Уиттинг. Переводчица повернулась к нему.

— Девочки не совсем понимают, что происходит. Но судя по тому, что они говорят, один из преступников насилует учительницу.

— Мелани?

— Нет, Донну Харстрон.

— Боже, — пробормотал Бадд. — И это на глазах у детей!

— Боннер? — спросила Анжи.

Лицо переговорщика не выдавало страданий, которые он испытывал в этот момент. Поттер кивнул. Конечно, Боннер. И скользнул взглядом по фотографиям Беверли и Эмили. Обе юные, женственные. Затем перевел взгляд на фотографию Мелани.

Анжи спросила, приказал ли Боннеру лечь на женщину Хэнди или он действовал сам по себе. Посмотрев, что показали ей сестры, Фрэнсис ответила:

— Медведь, так они называют Боннера, постоянно оглядывался. У него был такой вид, будто он боялся, что его застукают. Девочки считают, что Брут, то есть Хэнди, пришел бы в ярость, заметив все это.

— Брут дружелюбно относился к кому-нибудь из вас? — спросила у близняшек Анжи.

— Нет, он страшный человек. Смотрит на нас так же холодно, как персонажи на картинках Шэннон. Он бил Мелани.

— Она в порядке?

Одна из девочек кивнула.

Анжи покачала головой.

— Плохо! — Она взглянула на план бойни. — Заложники и преступники находятся недалеко друг от друга, но в Хэнди не заметно ничего похожего на стокгольмский синдром.

«Чем больше я узнаю о людях, тем сильнее мне хочется убить их».

Поттер спросил об оружии, инструментах и телевизоре. Но девочки не добавили ничего нового, кроме того, что уже было известно. Вдруг одна из них подала переговорщику клочок бумаги. Он насквозь промок, но слова, написанные несмываемым фломастером, который передал им Дерек, можно было прочитать.

— Письмо от Мелани, — сказал Поттер и прочел вслух: «Дорогой де л'Эпе. Мне хочется так много вам написать, но нет времени. Будьте осторожны с Хэнди. Он само зло, страшнее, чем что-либо на свете. Вы должны знать: Хэнди и Уилкокс — друзья. А Медведя (толстяка) он ненавидит. Медведь похотлив».

Лебоу попросил записку, чтобы внести текст в компьютер, но Поттер, сказав, что бумага расползается, продиктовал текст с начала до конца.

Одна из сестер-близнецов выступила вперед и что-то показала знаками. Поттер ободряюще улыбнулся и вопросительно посмотрел на Фрэнсис.

— Они просят ваш автограф.

— Мой автограф?

Девочки кивнули. Поттер вынул из кармана серебряную перьевую ручку, которую всегда носил с собой.

— Они ждут, что вы напишете, де л'Эпе, — продолжила переводчица.

— Ах да, разумеется. И получат то, что хотят. Каждая.

Девочки, уходя, прижимали бумажки к сердцу. Одна из сестер обернулась и что-то показала Фрэнсис.

— Она говорит, что Мелани просит вас быть осторожнее, — перевела та.

«Стерегись...»

— Покажите, как на языке глухих будет «Спасибо. Вы очень храбрые».

Фрэнсис показала, и Поттер неуверенно повторил за ней движения. Девочки улыбнулись, взяли Фрэнсис за руки, и она повела их к машине, чтобы отвезти в «Дейз инн». Капитан Бадд опустился на стул рядом с переговорщиком.

— Почему, — спросил он, — Мелани предупреждает нас об опасности? — И показал на записку. — Почему сообщает, что Боннер похотлив? А два других преступника — друзья?

— Она полагает, что мы сумеем воспользоваться этими сведениями, — ответила Анжи.

— Как?

Поттер опустил глаза на затертый клочок бумаги. Под строчками стояла подпись: «С любовью — Мелани». Поэтому он и не отдал записку Генри Лебоу. А теперь свернул и положил сырую бумажку в карман.

— Посмотрим, что там у нас о Боннере.

И прочитал с экрана, что Рэй Сонни Боннер вел никчемную жизнь. Отбывал срок за половые преступления, мелкие грабежи, домашнее насилие и нарушение общественного спокойствия. Им двигала похоть, а не разум. И еще он доносчик. Десять лет назад свидетельствовал на суде против своего подельника по ограблению. Поттер и Анжи, переглянувшись, улыбнулись.

— Замечательно.

Решение было принято: переговорщик не станет встречаться с Хэнди. Новая стратегия возникла сама собой. Более рискованная? Да. Но возможно, более удачная.

Чарли Бадд внезапно осознал, что и Поттер, и Анжи изучающе смотрят на него.

— Как считаешь, Генри, — начал переговорщик.

— Что такое? — встревожился капитан.

— На мой взгляд, идеально подходит, — ответил аналитик. — Искренний, прямолинейный, с густым баритоном.

— Чарли, вам предстоит дать небольшое представление. — Поттер повернулся к Бадду.

— Мне? — удивился молодой полицейский. — Каким образом?

— Вы будете продолжать переговоры.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы завели с Хэнди разговор о капитуляции.

— Слушаюсь, сэр, — ответил капитан, но тут же добавил: — Вы шутите?

— Вы идеально подходите для этого, — объяснила Анжи.

— Я уже произносил слово «сдаться», — сказал Поттер. — Теперь пора внушить Хэнди, что это может случиться реально. Разумеется, он откажется. Но в его сознании отложится, что есть выбор. Он начнет обдумывать возможности.

— И не только это, — добавил аналитик, как всегда, не отводя глаз от экрана компьютера.

— Мы повышаем ставки, — продолжил переговорщик, делая заметки в желтом блокноте.

— По-моему, я совершенно не подхожу для этого.

— Вам когда-нибудь приходилось играть на сцене? — спросила Анжи.

— Только наряжался Санта-Клаусом для дочерей и племянников. Это все. На сцене никогда не играл и не испытывал ни малейшего желания.

— Я дам вам сценарий. — Немного подумав, Поттер оторвал верхние листки и начал снова писать. Вскоре две желтые странички были заполнены его мелким почерком. — Здесь суть. Экспромт. Вы хорошо разбираете?

Бадд пробежал глазами текст.

— Хорошо. Только я не готов. Мне надо потренироваться.

— Для репетиций нет времени, — отрезал агент ФБР. — По ходу переговоров я буду вам подсказывать.

— Вы это серьезно?

— Послушайте, Чарли. Сосредоточьтесь. Вам необходимо быстро прорваться через его заграждения и заставить поверить вот в это. — Переговорщик постучал пальцами по желтым листочкам.

Лицо капитана застыло, и он сел перед столом, на котором лежал мобильный телефон.

— Повторяйте за ним как эхо. Он скажет: «Хочу мороженого». Отвечайте: «Мороженого? Конечно». Заявит: «Я зол». Реагируйте: «Зол? Я понял». Это продемонстрирует ваш интерес к тому, что он говорит, но при этом вы не будете давать его словам оценки. Это собьет его с толку и заставит задуматься. Но поступайте так не каждый раз, а выборочно, иначе настроите Хэнди против себя.

Капитан кивнул.

— Показывайте, что вам понятны его чувства, но не солидаризируйтесь с ним, — добавила Анжи.

— Да, — подхватил Поттер. — Помните, что он враг. Мы не признаем насилия, поэтому, с нашей точки зрения, Хэнди поступает неправильно, но мы понимаем его мотивы. Уяснили? Не говорите много и не тараторьте. Следите за темпом и звучанием вашей речи. Скажу вам сразу: вы начнете говорить быстрее, чем нужно. Поэтому сделайте усилие и произносите слова медленнее и внушительнее. Ощущение будет такое, словно погрузились под воду.

— Если зададите вопрос и не получите ответа, помолчите, — посоветовала Анжи. — Пусть пауза в разговоре не пугает вас.

— Не позволяйте манипулировать собой. Он попытается сломать вас — умышленно или неосознанно. Не реагируйте на угрозы, скороговорки, глупости и долгое молчание. Просто сосредоточьтесь на своей цели. — Поттер снова постучал пальцем по желтым листочкам, на этот раз очень серьезно. — Самое главное: не позволяйте ему проникнуть в вас. Пусть кричит, пусть говорит ужасные вещи — только бы это не задевало вас. Пусть смеется над вами, пусть оскорбляет — это не должно вас трогать. Вы выше этого. — Поттер наклонился и прошептал капитану на ухо: — Он даже может пригрозить, что убьет всех девочек. Может пальнуть из пистолета, чтобы вы подумали, будто он уже застрелил кого-то. Может сказать, что будет мучить или насиловать заложниц. Не поддавайтесь.

— Но что же мне говорить? — в отчаянии спросил Бадд. — Что отвечать, если он заявит нечто подобное?

— Самое разумное не говорить ничего. Но если вам покажется, что необходимо ответить, говорите, что это не лучший выход из положения.

— О Господи!

Переговорщик посмотрел на часы.

— Что ж, за дело. Готовы?

Капитан кивнул.

— Жмите первую кнопку.

— Что?

— Это клавиша быстрого набора, — объяснил Тоби. — Нажимайте клавишу с цифрой «один».

— И после этого я буду говорить с ним?

— Вам ясен сценарий? — спросил переговорщик.

Бадд снова кивнул. Поттер показал на телефон.

— Боже! — Бадд взял аппарат и нажал на клавишу.

— Связь установлена, — прошептал Тоби.

— Эй, Арт, как ты там? — раздался голос из динамика над головой. Хэнди произнес это как будто с ухмылкой.

— Говорит Чарли Бадд. Это Лу Хэнди?

— Что еще за хрен с горы Чарли Бадд?

— Я из службы федерального прокурора. — Капитан не сводил глаз с записей.

— Ну и что?

— Хочу несколько минут поговорить с вами.

— Где Арт?

— Его здесь нет.

— Что, черт возьми, происходит?

Бадд замешкался и проглотил застрявший в горле ком. «Давай, Чарли! — думал Поттер. — Сейчас не время для страхов перед аудиторией». Он постучал пальцем по лежащим перед капитаном листкам.

— Происходит? — повторил за Хэнди Бадд. — Вы о чем?

— Я буду говорить только с ним.

— С кем?

— С Артуром Поттером. С кем же еще?

Бадд глубоко вздохнул.

— А почему бы не поговорить со мной? Я не такой плохой человек.

— Федеральный прокурор?

— Вот именно. Намереваюсь потолковать с вами о вашей капитуляции.

«Помедленнее», написал на бумаге Поттер.

— А ты, законник, с чувством юмора. Шел бы куда подальше.

У капитана разгладилось лицо.

— Не любишь юристов?

— Обожаю.

— Хочешь, Лу, расскажу анекдот?

Поттер и Лебоу удивленно переглянулись.

— Валяй, Чарли.

— Женщина идет к гинекологу и спрашивает, можно ли забеременеть, если секс был анальным. Конечно, отвечает тот. А иначе откуда бы появлялись юристы?

Хэнди разразился хохотом. Бадд покраснел.

За двадцать лет службы Поттер ни разу не шутил с преступниками, захватившими заложников. «Может, пора внести в учебник исправления», — подумал он. А Бадд между тем продолжил:

— Артур занят проблемой вертолета. Говорил что-то насчет поплавков. Вертушка скоро будет здесь.

— Ей надо быть здесь через час двадцать минут, и не позже. Иначе смотрите…

— Насколько мне известно, он делает все, что от него зависит. Но даже если вы получите вертолет, вас рано или поздно найдут. — Капитан посмотрел в лежащие перед ним записи. — Как только кто-нибудь выяснит, кто вы такие, и узнает о том, что ты застрелил девочку в спину, вас сцапают, погрузят в перевозку, и вот тут, боюсь, как бы чего не случилось.

— Ты мне грозишь?

— Вот еще! Пытаюсь спасти тебя. Объясняю все как есть. Да ты и сам все это знаешь.

— Меня не найдут. Так что пошел ты с этим бредом насчет капитуляции. А если попытаетесь устроить штурм, у меня рука не дрогнет — вы возьмете меня на куче из шести мертвых заложниц.

Поттер указал на фотографии сестер-близняшек. Лебоу нахмурился. Почему Хэнди до сих пор не знает, что они сбежали?

— Слушай, Лу, — продолжал Бадд, — мы предлагаем тебе сделку.

— Сделку? Что за сделка?

— Некоторый иммунитет. Не абсолютный, но тем не менее...

— Ты хоть знаешь, что я натворил?

— Что ты натворил?

«Повторяет за ним, как настоящий профи», — подумал Поттер.

— Я сегодня завалил несколько человек. Так что приходится говорить не об иммунитете, а об этой хреновине... как это называют церковники?

Бадд посмотрел на переговорщика.

— Папское разрешение, — прошептал тот.

— О папском разрешении.

— Вот видишь, долбанный в задницу юрист, мне нужно думать не об иммунитете, а о том, чтобы получить вертолет. Так что давайте пошевеливайтесь, иначе я спущу с поводка Боннера и он займется какой-нибудь девчонкой, а то и сразу двумя. Ты ведь слышал о Боннере? У него стоит двадцать четыре часа в сутки. Не человек — секс-машина. Ничего подобного не видел. Посмотрел бы ты на него в тюрьме. Стоит объявиться новичку, малый только-только прошел формальности, не

успели еще высохнуть отпечатки пальцев — а Боннер тут как тут: «Ну-ка, дружок, наклонись, раздвинь ягодицы».

Поттер, заметив, насколько капитану тяжело все это слушать, похлопал его по руке. И снова постучал по желтым листочкам.

— Где Арт? — внезапно спросил Хэнди. — Мне он нравится больше, чем ты.

— Я же сказал: выбивает тебе вертолет.

— Гадом буду, если он не слушает меня по громкоговорителю. Ведь он же рядом с тобой? Может, не сойдя с места, запихнуть тебе в рот елдак. Я не ошибся, педик? У меня такое впечатление, Чарли, что ты голубой.

Бадд крепче сжал в руке телефон.

— Агент Поттер пытается достать то, что ты у него просил.

«Они умерли, потому что не дали то, что я хотел». Переговорщик одобрительно кивнул.

— Или вы дадите мне вертолет, или Боннер получит девчонку.

— Лу, у тебя нет необходимости так поступать. Послушай, мы ведь сотрудничаем, не правда ли?

— Что-то не заметил, Чарли, что я в твоей команде.

Капитан вытер пот со лба. Поттер, чувствуя себя дирижером оркестра, показал на абзац в своих записях.

— Команде? Тут ты не прав, Лу, — сказал в трубку Бадд. — Не сомневайся, я в твоей команде. И хочу сделать тебе предложение. Тебе и Уилкоксу.

Поттер поднес палец к губам, давая понять, чтобы капитан сделал паузу. Бадд проглотил застрявший в горле ком. Анжи показала ему на стакан с водой. Полицейский ответил ей несчастной улыбкой и сделал глоток.

Хэнди молчал.

Бадд хотел что-то сказать, но Поттер покачал головой.

Наконец в динамике снова раздался голос Хэнди:

— Мне и Шепу?

— Ты правильно понял.

— И что за предложение? — Теперь он говорил очень осторожно.

Капитан заглянул в записи.

— Обсудим сохранение жизни. Чтобы не было никаких смертных приговоров.

— Речь идет о нас двоих?

Поттер ощутил в голосе преступника неуверенность. «Прекрасно, — подумал он. — Впервые за все это время Хэнди не понимает, что происходит». Он показал Бадду большой палец.

— Да, только о тебе и об Уилкоксе, — твердо ответил тот.

— А что насчет Боннера?

Поттер, изображая нерешительность, покачал рукой.

— Я говорю о вас двоих.

— А почему мы не говорим о Боннере?

Переговорщик сердито нахмурился. Бадд кивнул и брюзгливо проговорил:

— Потому что я не хочу. Я делаю предложение только тебе и Уилкоксу.

— Паразит ты, Чарли.

— Паразит?

— Что-то недоговариваешь.

Поттер прижал палец к губам.

Пауза.

«Отлично, — подумал переговорщик. — Он прекрасно справляется». И наконец кивнул капитану.

— Я все сказал. — Бадд отодвинул желтый листок и посмотрел в окно на здание бойни. — И сказал столько же ради твоего блага, сколько ради блага других. Ты должен сдаться, это очевидно. Даже если ты улетишь отсюда на вертолете, за тобой будет охотиться вся Северная Америка. Твоя жизнь превратится в ад, и если тебя поймают, тебя ждет смерть. Ты

это прекрасно знаешь. Убийство не подпадает под действие закона о давности уголовного преследования.

— А что мне сказать Боннеру?

Поттер яростно погрозил кулаком.

— Мне все равно, что ты ему скажешь, — мрачно проговорил Бадд. — Он не включен в число...

— Почему?

«Помедли», — написал Поттер.

Хэнди не выдержал и нарушил затянувшееся молчание:

— Что ты мне вкручиваешь?

— Хочешь заключить сделку или нет? Вместе с Уилкоксом. Это спасет вас от смертельного укола.

— Я хочу этот долбаный вертолет, и я получу его. Так и передай Арту. И пошли вы все подальше.

— Подожди...

Щелк.

Бадд закрыл глаза и положил телефон на стол. Его руки дрожали.

— Превосходно, Чарли! — Поттер хлопнул его по спине.

— Отличная работа, — похвалила, подмигивая, Анжи.

— Что же тут отличного? — удивился капитан. — Хэнди вне себя. Не стал меня слушать.

— Он именно в таком состоянии, в какое мы хотели его привести, — заметил Лебоу, занося событие в журнал регистрации и отмечая время. На листе под рубрикой «Обман» он написал: «Сделка с федеральными органами. В роли прокурора США Бадд. Пожизненное заключение вместо смертного приговора».

— Вы так считаете? — Капитан встал.

— Вы заронили семена; теперь посмотрим дадут ли они всходы. — Переговорщик обменялся глубокомысленным взглядом с психологом и отвернулся, так что полицейский не заметил выражение его глаз.

20:16

— Пять минут, и даю отсчет.

Дэн Тримэйн позвонил губернатору, и они вместе решили, что группа спасения заложников будет действовать как запланировано. По зашифрованному каналу связи он сообщил об этом своим людям.

Разведчик номер один Чак Пфеннингер находился на позиции рядом с командным фургоном; разведчик номер два Джоуи Уилсон прятался за школьным автобусом и был готов зашвырнуть в переднее окно шумовые гранаты. Группы «Альфа» и «Браво» изготовились согласно плану к энергичному прорыву через юго-западную и северо-восточную двери.

Тримэйн не сомневался в успехе. Преступники могли ждать атаку через заметный пожарный выход, но не предполагали, что опасность угрожает им со стороны юго-восточной двери, спрятанной под штукатуркой.

Через пять минут все кончится.

Лу Хэнди посмотрел на телефон и впервые за этот день испытал неприятное чувство — сомнение.

Негодяй!

— Где он? — Его взгляд скользнул по помещению бойни.

— Боннер? — отозвался Уилкокс. — С девчонками. Или ест. Не знаю. А что такое?

— Происходит что-то странное. — Хэнди начал расхаживать взад и вперед. — Уж не пошел ли этот хмырь на сговор? — Он передал то, что сказал ему Генеральный прокурор.

— Нам предлагают сделку?

— Вроде того: жизнь в Левенуортской тюрьме.

— Знаешь, что самое ужасное, когда в тебя втыкают иголку? Ты пускаешь большую лужу и ничего не можешь с этим поделать. Я выхожу из игры — не хочу перед всеми обмочить штаны.

— Полегче, приятель. — Хэнди наклонил голову и холодно взглянул на подельника. — Если выходить из игры, то вдвоем. Не забывай.

— Конечно.

— Думаю, этот мудак с самого начала заодно с ними.

— Почему? — спросил Уилкокс.

— Догадайся. Из-за денег. Хочет выторговать поменьше срок.

Уилкокс посмотрел в сумрак зала.

— Сонни тот еще говнюк, но так он не поступил бы.

— Уже поступал в прошлом.

— Что?

— Сдал человека. Парня, с которым работал.

— Ты это знал? — удивился Уилкокс.

— Разумеется, знал, — сердито ответил Хэнди. — Он был нам нужен.

Но каким образом Боннер сумел связаться с федералами? С момента побега толстяк почти каждую минуту находился под присмотром.

Хотя нет, вспомнил Хэнди. Ведь это его посылали пригнать машину. После того как они оторвались из тюрьмы, Боннер на полчаса исчез и после этого вернулся с тачкой. Помнится, Хэнди тогда подумал, что это он так долго пропадал. Если этот гад навел на них легавых, ему придется подохнуть, и подохнуть жуткой, медленной смертью.

Полчаса на то, чтобы пригнать машину из соседнего квартала? Остается уйма времени, чтобы связаться с федералами.

— У него небольшой срок, — напомнил Уилкокс. — За побег от правосудия штата он получил всего четыре года.

— С такими как раз и заключают сделки, — буркнул Хэнди. — Федералы редко скашивают срок больше чем на два года.

К тому же у Боннера был побуждающий стимул: заключенных, совершивших половое насилие, нередко находят с перерезанным осколком стекла горлом или со вспоротым животом. Это проделывают ножом, смастеренным из консервной жестянки.

— Ну и что ты думаешь? — Уилкокс с сомнением посмотрел в темноту.

— Думаю поговорить с ним.

Они прошли через главный зал, по гниющим настилам, где некогда шагал скот, мимо длинных столов, на которых расчленяли туши, мимо ржавых гильотин. И остановились у входа в зал забоя. Боннера там не было. Зато они услышали, как неподалеку он громко мочится в шахту очистного насоса.

Хэнди обвел глазами зал. Старшая учительница лежала, свернувшись калачиком. Неподалеку смазливая куколка и та, с одышкой. И еще Мелани, которая пыталась смотреть на него с вызовом, но в ее глазах застыл страх. И тут до Хэнди дошло.

— Где мелюзга? — тихо спросил он, и его взгляд упал на две пары черных кожаных туфелек.

— Подонок! — разразился руганью Уилкокс и выскочил в коридор по следам отпечатавшихся в пыли маленьких босых ног.

Мелани, обняв девочку с астмой, съежилась у стены. В этот момент из-за угла появился Боннер и оторопело остановился.

— Что, приятель? — покосился он на Хэнди.

— Ну, козел долбаный, куда они делись?

— Кто?

— Мелкие. Близнецы.

— Я... — начал толстяк. — Я все время следил за ними. Клянусь!

— Все время?

— Вот только отошел отлить. Лу, да они где-нибудь здесь. Сейчас найдем. — Ему стало не по себе, и он едва не поперхнулся.

Хэнди обжег его взглядом. Боннер сделал шаг к Мелани и вытащил из кармана пистолет.

— Где соплячки?

— Лу! — позвал из главного зала Уилкокс. — Вот дьявол, ты только посмотри!

Хэнди круто повернулся.

— Какого черта?

— У нас проблемка еще та. Смотри!

Хэнди поспешил к товарищу. Тот указывал на экран телевизора.

— Вот те на! Ах ты, Поттер, грязный враль!

В программе последних известий демонстрировали четкую, крупную картинку фасада и одной из боковых сторон бойни. Репортеры просочились сквозь полицейский кордон и установили камеру на расположенной неподалеку высокой площадке — скорее всего на старой мельнице, стоящей к северу от бойни. Объектив слегка подрагивал, но не оставалось сомнений, что он был нацелен на спецназовца, прятавшегося под окном фасада — всего в двадцати футах от того места, где находились Хэнди и Уилкокс.

— А там что такое? Еще копы?! — воскликнул Уилкокс, показав на бугорки в овраге к северу от бойни.

— Не исключено. Да, точно они. С десяток.

— Судя по всему, приближается момент атаки... — предположил комментатор.

Хэнди бросил взгляд на пожарный выход. Они заблаговременно заклинили дверь, но он не сомневался, что заряд взрывчатки за секунду разнесет ее в щепки.

— Тащи дробовик! — крикнул он Боннеру. — Сейчас заварится каша.

Тот отвел назад и отпустил затвор помпового ружья.

— А крыша? — спросил Уилкокс.

Крыша и пожарный выход были единственными путями, по которым спецназовцы могли быстро проникнуть в здание. Но, поглядев на потолок, Хэнди понял, что даже если атакующие пробьются сквозь кровлю, им еще придется преодолевать укрепленные на высоте сооружения: трубы, воздуховоды, транспортеры.

Он посмотрел на поле перед зданием. Кроме бойца, прятавшегося под окном и скрытого от глаз полицейских из оцепления школьным автобусом, там больше никого не было.

— Они будут прорываться со стороны боковой двери.

Хэнди двинулся к окну, под которым прятался спецназовец, и показал Уилкоксу на пистолет. Тот ухмыльнулся, вытащил оружие из-за пояса и, передернув затвор, дослал патрон в патронник.

— Зайди сзади, — шепнул ему Хэнди. — Встань у другого окна и отвлеки.

Уилкокс кивнул, одним махом упал на живот и пополз к заднему окну. Хэнди подобрался к своему. Оказавшись у окна, Уилкокс поднес губы к дыре в разбитом стекле и крикнул диким индюком. Хэнди не сдержал улыбки.

Крик повторился, и Хэнди быстро выглянул наружу. Боец, находившийся всего в двух футах от него, повернулся на непонятный звук. Хэнди высунулся и, ухватив его за шлем, резко дернул вверх и оторвал от земли. Боец выпустил пистолет-пулемет, и тот повис на наплечном ремне. Полузадушенный ремешком, он хватал Хэнди за запястья, отчаянно пытаясь освободиться.

Уилкокс подскочил к товарищу, и они вместе втащили спецназовца в окно. Пока Хэнди держал полицейского в удушающем захвате, Уилкокс ударил его в пах, отнял автомат, пистолет и гранаты. Боец скрючился и упал на пол.

— Ах ты, говнюк! — рявкнул на него Хэнди, нанося удары ногой. — Ну-ка дай я на тебя погляжу. — Он сорвал со спецназовца шлем, капюшон и очки. Тот низко наклонил голову. Хэнди вытащил из кармана нож, открыл и приставил лезвие к щеке парня. — Хотел пальнуть мне в спину? Только на это у вас и хватает духа. Подкрасться к человеку сзади, словно какой-нибудь долбаный ниггер!

Боец сопротивлялся. Хэнди чиркнул его острием по щеке, и на коже показалась кровь. Стал бить по лицу кулаком, и ударив раз десять, отступил. Потом, снова повернувшись, начал избивать ногами, целясь в живот и в пах.

— Эй, Лу, потише...

— Клал я на него! Собирался стрелять мне в спину. Понимаешь, мать его, в спину! Что ж ты за мужик? Таковы твои понятия о чести?

— Да пошел ты! — выдохнул беспомощно распростертый на полу боец.

Хэнди перевернул его на живот, ударил в поясницу и сковал его же наручниками.

— Где остальные? — Преступник воткнул острие в бедро спецназовца, но не слишком глубоко. — Отвечай! — проревел Хэнди, и нож погрузился глубже. Полицейский вскрикнул.

Хэнди наклонился так, что их лица оказались на расстоянии всего нескольких дюймов.

— Твое место в аду, — прохрипел парень. — Туда тебе и дорога.

Нож пришел в движение. Крик. Хэнди коснулся слезы на лице бойца, влага осталась на пальце, и он попробовал ее на язык. Хэнди снова надавил на нож. Крик.

— Посмотрим, когда малыш сломается.

— Господи, — простонал полицейский.

«Что ж, рано или поздно это должно случиться. Будем пробиваться ножичком на север и посмотрим, когда он завопит». Хэнди провел ножом фирмы «Бак» в сторону промежности.

— Я не знаю, где остальные! Я всего лишь разведчик!

Хэнди внезапно надоел нож, и он снова со всей силы и с еще большей яростью ударил кулаком.

— Сколько их? Где будут прорываться?

Боец плюнул ему на ногу.

И в тот же миг Хэнди перенесся в прошлое и увидел, как над ним смеется Руди — да, он уверен, это была презрительная ухмылка. Затем брат отвернулся и с его, Хэнди, двумя сотнями долларов в бумажнике (по крайней мере Хэнди считал, что они там) пошел прочь. У брата было такое лицо, словно он держал его за кусок дерьма. Ярость резанула такой болью, будто ткнули стальным ножом в живот.

— Говори! — Кулак поднимался и снова опускался на лицо спецназовца. Но вдруг бандит отпрянул. — Хрен с ним! Хрен с ними со всеми!

Хэнди бросился в зал забоя и опрокинул банку с бензином. Холодная жидкость разлилась, облив женщин и девочек. Мелани, эта невзрачная серая мышка, потянула всех в угол, но бензин уже пропитал их одежду. Хэнди навел на боковую дверь автомат полицейского.

— Шеп, они будут прорываться здесь! Как только появятся, я подстрелю парочку в ноги, а ты швыряй эти штуки к заложницам, чтобы поджечь

бензин, — кивнул он на фанаты. — Хочу оставить пару копов в живых — пусть всем расскажут, что случилось с девчонками. Каково это, когда люди горят заживо.

— Ясно, — ответил Уилкокс и, вытащив предохранительную шпильку и сжимая скобу задержки блестящей черной гранаты, шагнул в зал забоя.

А Хэнди передернул затвор глядящего на дверь пистолета-пулемета.

— Артур, у окна какое-то движение, — доложил по рации Дин Стиллуэл. — У второго слева от входной двери.

Поттер подтвердил прием и посмотрел на бойню в полевой бинокль. Вид на окно загораживал школьный автобус и дерево.

— Что там такое, Дин?

— Одному из моих людей показалось, будто через окно пролез человек.

— Кто-нибудь из преступников?

— Нет, я имел в виду — пролез внутрь.

— Есть подтверждение?

— Да. Одна из женщин-полицейских тоже заметила.

— Так...

— Господи, — прошептал Тоби. — Артур, взгляните.

— Кто это?! — воскликнула Анжи. — Черт возьми, кто они такие?

Поттер повернулся к экрану монитора, на который смотрела психолог. Через секунду он понял, что идет репортаж программы новостей. До этого телевизионный приемник был настроен на метеоканал. Поттер с ужасом осознал, что наблюдает атаку, которую ведут на здание бойни.

— Постойте, — удивился Бадд. — Что там такое?

— ...эксклюзивные съемки. Похоже, преступники взяли в плен одного из спецназовцев.

— Где находится камера? — недоумевал Лебоу.

— Не об этом сейчас речь! — отрезал Поттер. В голову пришла невольная мысль: неужели это месть Хендерсона?

— Тримэйн! — воскликнул аналитик. — Это Тримэйн!

— Мать его! — выругался добрый католик Тоби. — Вот откуда зашифрованные сигналы раций! Он готовился к операции.

— В здании ловушка! Тримэйн об этом не знает!

— Ловушка? — нервно переспросил Дерек.

Потрясенный переговорщик поднял голову: он понял глубину предательства — Дерек Элб снабжал группу освобождения заложников информацией о засевших на бойне преступниках. Не иначе как он.

— Какая у Тримэйна частота? — Поттер подскочил к столу и схватил молодого полицейского за ворот.

Дерек потряс головой.

— Отвечай! — прорычал Бадд.

— У меня нет доступа. У них оперативная частота. Нет возможности вклиниться.

— Сейчас займусь, — буркнул Тоби.

— Не получится. У них рации с ретросигналом. Тебе потребуется час. Извините, я не знал. Ничего не знал об этой ловушке. — Поттер вспомнил, что они услышали о канистре с бензином, когда находились в госпитале.

— Сержант! — взорвался Бадд. — Хэнди устроил бензиновую бомбу и в любой момент может сжечь заложниц.

— О Господи! — пробормотал Дерек.

Поттер схватил телефон и набрал номер, но никто не отвечал.

— Ну же, Лу, давай! Тоби, спутниковое сканирование еще доступно?

— Да. — Техник нажал на кнопку, и экран ожил. Фон был, как прежде, зеленовато-голубоватым, но теперь к зданию бойни с двух сторон приближались десять маленьких красных точек.

— Они в оврагах. Наверное, собираются прорываться через северо-западные и юго-восточные окна или двери. Сделай мне по-быстрому распечатку.

— Сейчас. Черно-белая займет меньше времени.

— Давай!

Пока жужжал принтер, Поттер снова прижал к уху телефон, но в трубке раздавались только сигналы вызова.

— Отвечай же, Лу, отвечай! — Он бросил аппарат на стол. — Генри, что они делают?

Лебоу подскочил и стал рассматривать вылезающий из принтера лист.

— Слева нацелились в эту дверь, но что происходит справа, понять не могу. Там нет прохода, а стену зарядом не пробить. — Он показал на висящий на стене план мясокомбината. — Смотрите: вот пунктирная линия. Не исключено, что здесь когда-то была дверь. Тримэйн, вероятно, нашел ее и собирается повести атаку с двух сторон.

— Цепочками?

— Парами друг за другом. Иначе не получится.

— В таком случае…

Удар был мягким, но командный пункт сразу погрузился в темноту. Вскрикнула Фрэнсис. По фургону пополз едкий запах. Теперь внутреннюю часть фургона освещал только зловещий желтоватый свет из пуленепробиваемых окон и два мерцающих экрана компьютеров Лебоу.

— Отключилось электричество, — объявил Тоби. — Мы…

— Артур! — Лебоу показал за окно. Стенки фургона лизали языки пламени.

— Что произошло? Неужели в нас попал Хэнди? — Поттер подбежал к двери, рывком открыл ее и, вскрикнув, отпрянул от огня и ворвавшегося в фургон обжигающего жара. Он быстро захлопнул створку.

— Мы лишились энергии, — продолжил техник. — Источники бесперебойного питания тоже скисли.

— Сколько у меня времени? — накинулся на Дерека Поттер.

— Я...

— Отвечай! Иначе через час ты окажешься в тюрьме. Сколько времени от выхода из строя генератора до начала атаки?

— Четыре минуты, — прошептал Дерек. — Сэр, я делал только то, что мне приказали.

— Артур, не открывай! — крикнула Анжи.

Поттер распахнул створку и тут же попятился, почувствовав, что у него загорелись рукава. За стенками бушевал океан огня. Затем появился черный дым, потянуло жженой резиной, откуда-то пролилось масло. Чтобы дышать, людям в фургоне пришлось лечь на пол.

Дэн Тримэйн выключил шифратор сигнала рации и открыто вышел в эфир.

— Агент Поттер! Агент Поттер! Говорит капитан Тримэйн. Пожалуйста, ответьте, с вами все в порядке?

Тримэйн наблюдал, как на холме разгорается пожар. Зрелище было грозным — оранжевое пламя и черный дым смерчем поднимались к небу. Капитан все знал об автомобиле, который предоставили агентам ФБР в качестве командного пункта, — сам нередко им пользовался. Находящимся внутри людям ничто не угрожало, если они держали дверь закрытой. Хотя картина была пугающей.

Однако размышлять на эту тему не было времени.

— Агент Поттер! Дерек! Есть кто-нибудь на командном пункте? Пожалуйста, ответьте!

— Говорит шериф Стиллуэл. Кто вызывает?

— Капитан Дэн Тримэйн из полиции штата. Что происходит?

— Фургон в огне, сэр. Нам ничего не известно. Может быть, удачный выстрел Хэнди?

«Спасибо тебе, шериф», — подумал Тримэйн. Их разговор записывался в полиции штата. Замечание Стиллуэла с лихвой оправдывало все дальнейшие действия спецназа.

— Люди целы? — спросил командир группы спасения заложников.

— Неизвестно. Нет возможности приблизиться к фургону. Мы...

Тримэйн прервал связь и перешел на шифрованный сигнал.

— Группа «Альфа»! Группа «Браво»! Кодовое слово «кобыла». Повторяю: кодовое слово «кобыла». Привести заряды в боевую готовность. Время до подрыва — шестьдесят секунд.

— «Альфа». Заряд в боевой готовности.

— «Браво». Заряд в боевой готовности.

— Подрыв по истечении отсчета! — Тримэйн пригнул голову.

Превышавший положенный вес на пятнадцать фунтов и никогда не занимавшийся спортом, Артур Поттер скатился на землю через завесу пламени, которое тщетно пытались сбить огнетушителями двое полицейских.

Ударившись, он с тревогой посмотрел на горящие рукава. Один из копов окатил его струей углекислоты. Ледяной спрей обжег руки сильнее огня. Поттер видел раны на своей коже и понимал, какие потом ему предстоят муки.

Если он доживет до этого «потом».

А сейчас нет времени. Совсем нет времени.

Переговорщик поднялся на ноги и, не обращая внимания на тлеющий, дымящийся пиджак и жгучую боль, щелкая выключателем мегафона, потрусил вперед.

Миновав стоящий на поле кордон полицейских машин, он повернул к бойне. Задыхаясь, закричал в микрофон:

— Лу Хэнди, слушай! Это Арт Поттер! Слышишь меня?

Шестьдесят ярдов. Пятьдесят.

Ответа не было. Люди Тримэйна вот-вот пойдут на прорыв.

— Лу! Тебя сейчас атакуют! Это несанкционированная операция. Я не имею к ней никакого отношения. Повторяю: это ошибка. Бойцы в двух оврагах — к северу и югу от здания. Вы можете вести перекрестный огонь в этих направлениях. Слышишь меня, Лу?

Он ловил воздух ртом и продолжал звать. В груди резануло болью, пришлось замедлить шаг. Поттер остановился на гребне холма, где представлял собой прекрасную мишень, — на том самом месте, где застрелили Сьюзан Филлипс. И снова поднес мегафон ко рту.

— Спецназовцы вот-вот взорвут боковые двери, но вы можете остановить их, прежде чем они ворвутся в здание. Займите позиции, с которых можно вести перекрестный огонь у юго-восточного и северо-западного окон. С южной стороны есть дверь, о которой ты не знаешь. Она скрыта под слоем штукатурки, но ничем не заложена. Они будут пробиваться и через нее. Слушай, Лу, стреляй им по ногам. На них бронежилеты. Стреляй из ружей по ногам.

Он не заметил в здании бойни никакого движения.

Только бы вышло!

— Лу!

Тишина. Лишь упорный шум ветра.

Затем кто-то шевельнулся в овражке к северу от здания. Из зарослей буйволовой травы показался шлем. Блеснули в его сторону окуляры бинокля.

Или это был оптический прицел винтовки «МП-5»?

— Лу, ты слышишь меня? — снова выкрикнул Поттер. — Это несанкционированная операция. Займи позиции так, чтобы простреливались южная и северная двери. Южная спрятана под плитой штукатурки или под чем-то вроде этого.

Ни звука. Тишина.

«Ну кто-нибудь, ответьте же... Ради Бога, ответьте!»

Переговорщик уловил движение и повернулся на север от бойни — туда, где кто-то пошевелился.

На гребне холма в семидесяти пяти — восьмидесяти футах от него стоял, подбоченившись, человек в черном, на его плече висел на ремне автомат. Он смотрел на Поттера. Затем в овражках с обеих сторон бойни один за другим зашевелились бойцы и отползли от дверей. Головы в шлемах на мгновение появились и скрылись в кустах. Спецназ отступил.

Из бойни не доносилось ничего. И Поттер упал духом — он не сомневался, что последует возмездие. Не считающееся ни с какой

моралью, жестокое, как сам Хэнди. Чего у него было не отнять — он держал слово. Мир Хэнди зиждился на собственной справедливости — порочной, но тем не менее справедливости. В этом мире слово нарушали не плохие, а хорошие парни.

Поттер, Лебоу и Бадд стояли поодаль, а Тоби лихорадочно возился с проводами — обрезал и соединял по-новому.

Поттер смотрел, как два агента Хендерсона увели Дерека Элба.

— Саботаж? — спросил он Тоби.

Техник, разбиравшийся в баллистике не хуже, чем в электронике, не мог ответить определенно.

— Похоже, обычное возгорание бензина. Наш генератор работал на пределе. Но нам могли засунуть в динамо Л210, и мы об этом ничего не знали бы. Больше мне пока ничего не приходит в голову. — Казалось, он одновременно расплетает, соединяет и изолирует по десять концов проводов.

— Ты все сам прекрасно понимаешь, Артур, — заметил Лебоу.

Поттер согласился. Скорее всего это Тримэйн заложил в генератор фургона дистанционно управляемое зажигательное устройство.

— Невероятно! — воскликнул потрясенный Бадд. — Неужели он способен на подобное? Что вы собираетесь предпринять?

— В данный момент ничего, — ответил переговорщик. Душой он жил в далеком прошлом, но в своей работе очень редко там оказывался. И теперь у него не было ни времени, ни желания мстить. Теперь он должен думать о заложниках. «Поторопись, Тоби, сделай так, чтобы связь заработала».

В фургон вернулась Фрэнсис Уитинг. Она ходила в медицинскую палатку подышать кислородом. Поттер заметил на ее лице пятна копоти, она с трудом переводила дыхание, но в остальном все для нее обошлось.

— Немного тревожнее, чем обычно у вас в Хевроне? — усмехнулся Поттер.

— Не считая раздачи повесток в суд в связи с нарушением правил дорожного движения, последний раз я арестовала человека, когда в Овальном кабинете был еще Буш.

Запах пожара, сгоревшей резины и пластмассы проникал повсюду. На руках Поттера багровели ожоги. Волосы на затылке исчезли, а в обожженном запястье пульсировала боль. Но ему было некогда обращаться к врачам. Сначала следовало восстановить контакт с Хэнди и постараться минимизировать последствия ответа, который бандит, без сомнений, замышлял.

— Есть! — воскликнул Тоби. — Готово! — Он совершил чудо, проложив силовую линию от генератора на грузовике; командный пункт ожил и снова был готов действовать.

Поттер уже собирался попросить Бадда открыть дверь, чтобы проветрить фургон, но тут заметил, что не осталось никакой двери — она сгорела. Он сел за пульт, взялся за телефон и набрал номер.

Помещение наполнили электронные звуки вызова.

Ответа не было.

Позади него снова печатал Генри Лебоу. И звуки клавиатуры компьютера больше, чем что-либо другое, восстановили уверенность Поттера. «Ну вот, вернулись к делам», — подумал он. И сосредоточился на телефоне.

«Отвечай, Лу! Ну, давай же! Мы уже так много прошли вместе с тобой, что нам нельзя расходиться. За нами целая история, и мы слишком сблизились...»

Возьми же чертов телефон!

За стенками фургона раздался громкий скрежет, и так близко, что Поттер сперва решил, что услышал этот звук в трубке. Рядом резко затормозил лимузин Роланда Маркса, и он выскочил из машины. Скользнул глазами по обожженному фургону и, ни к кому не обращаясь, бросил:

— Я смотрел новости. Что тут, черт возьми, произошло?

— Тримэйн посамовольничал, — ответил переговорщик, снова нажимая на кнопку повторного набора и холодно глядя на Маркса.

— Что сделал?

Ему объяснил Лебоу.

— У нас нет доказательств, сэр, — добавил Бадд.

— Мне надо поговорить с этим человеком, — заявил помощник Генерального прокурора штата. — Да, надо. Где…

В дверях возникло движение, по фургону словно пронесся шквал, Поттер отлетел в сторону и тяжело упал навзничь.

— Сукин сын! — заорал Тримэйн. — Сволочь!

— Капитан! — прикрикнул на него Маркс.

Бадд и Тоби схватили командира спецназа за руки и оттащили от переговорщика. Поттер медленно поднялся и потрогал ушибленную голову. Крови на пальцах не было. Он знаком приказал отпустить Тримэйна. Тоби и Бадд нехотя послушались.

— Поттер, он взял одного из моих людей. Благодаря тебе, иуда!

Бадд напрягся и сделал шаг к Тримэйну, но Поттер махнул ему рукой, требуя, чтобы он успокоился. Затем поправил галстук и осмотрел ожоги на кистях, где уже вздулись болезненные пузыри.

— Тоби, — спокойно попросил он, — пусти, пожалуйста, запись новостей телекомпании КФАЛ.

Послышалось гудение видеомагнитофона, и экран ожил. Внизу появился красно-белый логотип телестанции и надпись: «Прямой репортаж… Джо Силберт».

— Да, дела, — кисло проговорил Роланд Маркс, не сводя глаз с экрана.

— Он взял одного из ваших людей, — продолжал Поттер, — потому что вы прогнали полицейских, которые не подпускали репортеров к зданию.

— Что? — Капитан спецназа уставился в экран.

— Хэнди видел, как вы подкрадывались, — объяснил, не поднимая головы и продолжая печатать, аналитик. — У него есть телевизор.

Тримэйн не ответил. Поттер решил, что он перебирает в уме: фамилия, звание, личный номер.

— Ожидал от вас большего, Дэн, — буркнул помощник Генерального прокурора штата.

— Но губернатор… — невольно проговорился капитан. — Хорошо, даже если у него и есть там телевизор, у нас все равно получилось бы. И мы вывели бы девочек живыми и невредимыми.

«Почему я не злюсь на него? — удивлялся Поттер. — Почему не бушую, хотя этот человек чуть не погубил все дело? И из-за него чуть не погибли девочки. И чуть не погибла Мелани. Почему?»

И вдруг он понял: потому что так будет больнее — сказать правду нейтральным голосом без всяких эмоций.

«Арт, ты когда-нибудь совершал что-то плохое?»

— Хэнди устроил огненную ловушку, капитан. — Он произнес это бесстрастным тоном почтительного дворецкого. — Сделал бензиновую бомбу, и ее спусковой крючок не требовал никаких усилий. Девочки сгорели бы заживо, как только вы ворвались бы в двери.

— Нет! — Тримэйн с ужасом посмотрел на него. — Господи, я не знал! — Несгибаемый боец, казалось, вот-вот упадет в обморок.

— Связь установлена, — сообщил Тоби.

Через мгновение зазвонил телефон, и Поттер схватил трубку.

— Лу?

«Ну и наворотил же ты, Арт, делов. А я считал тебя своим другом».

— Да, Арт, совсем ты скурвился. Хреновый из тебя друг.

— Я ничего не мог поделать. — Поттер поднял глаза на Тримэйна. — У нас тут объявился один вояка, который решил на свой страх и риск пострелять.

— У этих ребят хорошая экипировка. Теперь у нас есть гранаты и автомат.

Переговорщик дал знак Лебоу. Тот отвел капитана спецназовцев в сторону и стал расспрашивать, какое вооружение было у взятого в плен бойца.

В дверях появилась Анжи. Переговорщик махнул ей рукой, приглашая войти.

— Лу, — сказал он в телефон, — я приношу извинение за то, что произошло. Ничего подобного больше не случится. Даю тебе слово. Ты получил от меня важную тактическую информацию и должен понимать, что не я был инициатором операции.

— Девчонки у вас? Мелкие?

— У нас, Лу.

— Этот федеральный прокурор… Бадд… это он навел на нас спецназ?

Переговорщик выдержал паузу.

— Ничего не знаю на этот счет.

И подумал: он будет благоразумен.

Или окончательно чокнется.

— А ты прикольщик, Арт. Ну хорошо, я тебе поверю по поводу этого дня Д[44]. Будем считать, что нашелся коп, который сделал то, что ему не полагалось. Но ты-то должен лучше следить за ситуацией. Только так и может функционировать закон. Ты ведь отвечаешь за людей, которые на тебя работают.

Анжи нахмурилась.

— Что такое? — забеспокоился Бадд, видя, какое у нее стало безнадежное выражение лица. Такое же, как у Поттера.

— В чем дело? — шепотом спросила Фрэнсис Уитинг.

Переговорщик схватил бинокль, вытер с линз жирную копоть, посмотрел на бойню и в отчаянии произнес:

— Господи, нет! Лу, это была ошибка.

— Вы стреляли в Шепа, это была ошибка. Ты не пригнал мне вовремя вертолет, и это тоже не твоя вина. Арт, неужели ты еще недостаточно меня узнал?

Слишком хорошо.

Поттер положил бинокль, отвернулся от окна, посмотрел на фотографии над планом здания. И стал гадать: кого он выберет?

Эмили?

Донну Харстрон?

Беверли?

И вдруг понял — Мелани. Фрэнсис прочитала его мысли и закричала:

— Нет, только не это! Сделайте же что-нибудь!

— Сделать ничего нельзя, — ответила ей шепотом Анжи.

Несчастный Тримэйн подался вперед и прилип к окну. А фургон заполнил голос Хэнди. Он звучал здраво, разумно.

— Ты во многом очень похож на меня, Арт. Ты верный. Вот что я думаю. Верен тем, кто делает то, что им положено, а на тех, кто этого не делает, у тебя нет времени. — Хэнди помолчал. — Ты понимаешь, о чем я говорю, Арт? Я оставлю тело снаружи. Можете прийти и забрать его. Парламентерский флаг.

— Лу, неужели ничего нельзя изменить? — Поттер уловил в своем голосе нотки отчаяния, разозлился, но не мог совладать с собой.

Кто окажется жертвой?

Анжи отвернулась.

Бадд горестно покачал головой. Даже громкоголосый Роланд Маркс не нашел что сказать.

— Тоби, — тихо попросил Поттер, — приглуши звук.

Техник выполнил просьбу, но все вздрогнули, когда резкий щелчок выстрела прокатился по командному пункту как огромный железный обруч.

Бредя к зданию бойни, где в свете галогенных прожекторов белело тело, Тримэйн снял на ходу и бросил на землю бронежилет. Шлема у него на голове тоже не было.

При виде распростертого, словно тряпичная кукла, окровавленного тела капитан спецназовцев не сдержал слез.

Одолев гребень холма, он краем глаза заметил, как поднялись из-за укрытия бойцы и во все глаза смотрят на него. Они понимали: в том, что произошло, виноват он. Виноват в этой непоправимой трагедии. И теперь Тримэйн шел на свою Голгофу.

Из окна бойни ружье Лу Хэнди было нацелено прямо ему в грудь. Но зачем? Капитан больше не представлял угрозы. Он сбросил свой боевой пояс со служебным «глоком» и теперь спотыкался и чуть не падал, но все же сохранял равновесие, как пьяный, в котором заложен непобедимый инстинкт самосохранения. Отчаяние Тримэйна только усилилось, когда он посмотрел в лицо Лу Хэнди, с острым подбородком и суточной

щетиной, в его глубоко сидящие под выступающими надбровными дугами покрасневшие глаза. Глядя на скорбное лицо полицейского, бандит улыбался — беззлобно, заинтересованно. Проверял на прочность, изучал.

Тримэйн не сводил взгляда с лежащего впереди тела. До него оставалось пятьдесят футов, сорок, тридцать.

«Я схожу с ума», — подумал капитан, продолжая идти и не сводя взгляда с черного глазка бандитского ружья.

Двадцать футов. Кровь такая красная, а кожа такая бледная.

Губы Хэнди шевелились, но капитан не слышал, что тот говорил. «Может, по воле Господней я оглох, как те бедные девочки?»

Десять футов, пять. Он замедлил шаг.

Теперь бойцы стояли в полный рост — все как один — и смотрели на него. Хэнди мог снять любого из них, как и они его. Но стрельбы не будет. Словно в сочельник во время Первой мировой войны, когда враги вместе распевали песни и делились едой.

— Что я наделал? — пробормотал капитан и, опустившись на колени, коснулся холодеющей руки.

Подавив слезы, взял тело бойца на руки — это был Джоуи Уилсон, его разведчик номер два. Тримэйн легко поднял его, не сводя взгляда с окна. Хэнди больше не улыбался — на его лице появилось странное выражение любопытства. Тримэйну показалось, что он стал похож на лиса — глаза холодные, кончик языка упирается в нижнюю губу. Их разделяло лишь несколько футов.

Капитан повернулся и направился к линии полицейского кордона. В голове возникла и бесцельно закружилась мелодия. Сначала он не узнал мотив, но когда вступила хорошо узнаваемая волынка, из далекого прошлого всплыли воспоминания и он понял, что это «Изумительная благодать» — гимн, который всегда исполняют на похоронах погибших полицейских.

20:45

Артур Поттер размышлял о природе тишины.

Он сидел в медицинской палатке и глядел в пол, пока врачи обрабатывали ожоги на его руках.

Дни и недели тишины. Такое молчание дерева, бесконечной тишины. Наверное, в таком мире и ведет свою повседневную жизнь Мелани.

Поттер и сам изведал ничем не нарушаемое безмолвие. Воскресные утра, наполненные лишь негромким жужжанием бытовых моторов и насосов. Спокойные летние вечера, которые он проводит в одиночестве на веранде. Но Поттер жил в состоянии ожидания, и для него тишина, по крайней мере в удачные дни, была предвкушением нового начала жизни — когда он встретит кого-то похожего на Мариан и не похожего на всех этих преступников, террористов и психов, с которыми ему приходится делиться мыслями.

«Кого-нибудь вроде Мелани?» — подумал он.

Нет, разумеется, нет.

Поттер почувствовал холодок на обожженной руке — врач приложил какое-то маслянистое средство, и от него сразу стихла жалящая боль.

Артур вспомнил фотографию Мелани, живо увидел, как она висит над планом здания бойни в фургоне командного пункта. Задумался о своей реакции, когда несколько минут назад понял, что Хэнди вот-вот убьет еще одного заложника. Именно Мелани пришла ему в голову, когда он стал прикидывать, кто станет следующей жертвой.

Поттер потянулся. Что-то тихо хрустнуло в спине, и он предостерег себя: хватит валять дурака. Но в другом уголке его свободного сознания — сознания человека, серьезно занимавшегося английской литературой, возникла мысль: «Уж если нам суждено делать глупости, то пусть это будут глупости в любви. Не на работе, где на чаше весов лежат жизни людей, не в отношениях с богами, не в стремлении к красоте и познанию. Не с детьми, такими страждущими и неуверенными. А в любви. Потому что любовь не что иное, как чистое безрассудство, и мы погружаемся в нее, чтобы ощутить пыл страсти и потерять голову. В сердечных делах мир всегда великодушен к человеку и многое прощает ему».

Поттер рассмеялся про себя — к нему вернулось ощущение реальности, а вместе с ним тупая боль в обожженных руках. «Ей двадцать пять, больше чем наполовину моложе тебя. Глухая — причем в ее случае это можно писать и с заглавной, и со строчной буквы. И еще: не забывай — сегодня годовщина твоей свадьбы. Двадцать три года. Ты не пропустил ни одной такой даты. Хватит глупостей. Возвращайся на командный пункт и приступай к работе».

Врач похлопал его по плечу. Переговорщик удивленно поднял голову.

— Ну вот, сэр, все в порядке.

— Спасибо. — Поттер поднялся и неуверенной походкой направился к фургону.

В дверях появился Питер Хендерсон.

— Не пострадали? — спросил старший специальный агент.

Переговорщик помотал головой. Тримэйн во всей этой истории был, конечно, главным, но Поттер не пожалел бы поставить месячную зарплату за то, что и Хендерсон приложил руку к попытке штурма. Что им двигало? Амбиции? Желание вернуться в Бюро, которое предало его? Но доказать это будет еще труднее, чем то, что в генератор заложили зажигательную бомбу. Приговору сердца всегда не хватает определенности. Старший специальный агент оглядел ожоги на руках Поттера.

— Считайте, что медаль у вас в кармане.

— Мои первые боевые раны, — улыбнулся Поттер.

— Артур, я хотел извиниться за то, что тогда сорвался. Здесь так тоскливо. Я надеялся, что у меня появится возможность действовать. Вам знакомо такое чувство?

— Конечно, Пит.

— Очень скучаю по прежним дням.

Переговорщик пожал протянутую руку. Они поговорили о Джо Силберте и его коллегах журналистах. Можно было бы передать дело федеральному прокурору, но они заключили, что задерживать репортеров нет смысла. Бесполезно обвинять людей в том, что они препятствовали осуществлению правосудия. Судьи, занятые текущими уголовными делами, в этом вопросе часто придерживаются Первой поправки. Поттер удовлетворился тем, что с угрожающим видом подошел к Силберту. Журналист стоял в кругу полицейских — невозмутимый, как взятый в плен предводитель революционеров. Переговорщик заявил ему, что всеми способами будет помогать вдове погибшего спецназовца, которая, без сомнений, предъявит и телестанции, и им с Биггинсом многомиллионный иск за неправомерные действия, повлекшие за собой смерть ее мужа.

— Я выступлю в суде свидетелем истицы, — сказал он. От самонадеянности Силберта не осталось и следа. Перед Поттером стоял человек среднего возраста, с сомнительными способностями и мелочным характером.

Вернувшись в фургон и устроившись на стуле, Поттер посмотрел сквозь желтоватое окно на здание бойни.

— Сколько минут до следующего срока ультиматума?

— Сорок пять.

Переговорщик вздохнул.

— Трудная задача. Надо серьезно подумать. Хэнди злится. По большому счету он потерял контроль над ситуацией.

— И что еще хуже, — кивнула Анжи, — ты помог ему этот контроль вернуть. Что само по себе является формой потери контроля.

— Поэтому он обиделся на всех и на все, а на меня в особенности.

— Хотя скорее всего этого не сознает, — заключила психолог.

— В итоге все в проигрыше. — Поттер остановил взгляд на Бадде, который мрачно смотрел на здание бойни.

Зазвонил телефон, Тоби поднял трубку, сдул с нее копоть и ответил:

— Да? — И через мгновение добавил. — Хорошо, я передам ему. Чарли, звонил Роланд Маркс. Спрашивал, не сможешь ли ты сейчас к нему подойти. С ним товарищ. Просит тебя встретиться с ним. Он сказал, что это очень важно.

Капитан обвел глазами поле сражения.

— Где он?

— В тыловой зоне.

— Так… Артур, можно мне с вами минуту поговорить?

— Разумеется.

— Не здесь.

— Хотите пойти понарошку покурить? — спросил Поттер.

— Артур открыл целое направление в виртуальной игре «Специальные операции», — хмыкнул Тоби. — А Генри увлекается воображаемым сексом.

— Тоби! — гаркнул Лебоу, не переставая печатать.

— Я не критикую, — добавил молодой агент. — Сам собираюсь вступить в воображаемую организацию «Анонимные алкоголики».

Бадд через силу улыбнулся, и они с Поттером вышли из фургона. Температура упала на десять градусов, и переговорщику показалось, что ветер усилился.

— В чем дело, Чарли?

Они остановились и посмотрели на закопченный фургон и выгоревшее вокруг поле — последствия недавнего пожара.

— Артур, я должен вам кое-что сказать. — Капитан полез в карман, вытащил маленький магнитофон и повертел его в руках.

— О, так вы об этом? — Поттер показал миниатюрную кассету.

Бадд нахмурился, открыл диктофон — кассета оказалась внутри.

— Та чистая, — объяснил переговорщик. — На ней запись невозможна.

Капитан нажал на клавишу, из динамика раздалось шипение и потрескивание.

— Я все знал, Чарли.

— Но...

— У Тоби есть всякие волшебные палочки. Они засекли звукозаписывающее оборудование. Мы всегда проверяем место на наличие «жучков». Он сказал мне, что у кого-то в кармане магнитофон. Потом вычислил, что это вы.

— Так вы знали? — Бадд потрясенно посмотрел на агента ФБР и покачал головой, чувствуя отвращение к себе. Мало того что он считал недостойным это дело, так его еще и перехитрили!

— Кто вам поручил это? Маркс? Или губернатор?

— Маркс. Он в самом деле сильно беспокоится о девочках. Готов дать Хэнди все, что тот ни попросит. Только бы отпустил их. А затем

собирается выследить его при помощи устройства, которое спрячут в вертолете.

Поттер кивнул капитану.

— Я предполагал нечто в этом роде. Тот, кто готов пожертвовать собой, пожертвует и другими.

— Но как вам удалось подменить кассету? — спросил Бадд.

В дверях фургона показалась Анжи Скапелло, направилась к мужчинам и, проходя мимо капитана, легко коснулась его руки.

— Привет, Чарли.

— Привет, Анжи. — Полицейский не улыбнулся.

— Который час? — спросила психолог.

Он посмотрел на левое запястье.

— Черт! Часы исчезли. Эти часы подарила мне Мег на день рождения.

Анжи протянула ему «пульсар».

— Ясно. — Капитан понурился еще сильнее. — О Господи!

— В полицейском управлении Балтимора я веду курс распознавания воров-карманников, — объяснила Анжи. — Позаимствовала у вас диктофон, когда мы прогуливались по оврагу и рассуждали о верности. А затем подменила кассету.

Бадд жалко улыбнулся.

— Признаю, вы свое дело знаете. А я облажался на все сто. И теперь не знаю, что и сказать. Я подставил вас.

— Вы признались, и ничего страшного не произошло.

— Так это был Маркс? — спросила Анжи.

— Да, — вздохнул полицейский. — Сначала я считал, как и он, что мы должны пойти на все, чтобы спасти девочек. Утром прожужжал Артуру об этом все уши. Но вы были правы: жизнь — она и есть жизнь. Не важно чья — девочки или полицейского. На этом и остановимся.

— Я ценю благородные мотивы Маркса, — заметил Поттер. — Но мы обязаны вести дело определенным образом. Помните: допустимые потери?

Бадд закрыл глаза.

— Господи, я чуть не погубил вашу карьеру!

Переговорщик рассмеялся.

— И близко к этому не подошли. Поверьте, капитан: рисковали только вы. Стоило вам передать кому-нибудь эту пленку, и ваша служба в правоохранительных органах немедленно закончилась бы.

Бадд явно разволновался. Наконец он протянул руку, и Поттер тепло ответил на рукопожатие, хотя оно получилось совсем не крепким — может быть, оттого, что капитана мучила совесть или он боялся задеть тампоны на ожогах переговорщика. Поттер посмотрел на небо, и все замолчали.

— Что у нас со сроком ультиматума?

Бадд снова взглянул на запястье — сначала рассеянно, но затем понял, что держит свои часы в правой руке.

— Осталось сорок минут. Вас что-то беспокоит? — Капитан поднял глаза на желтоватое облако, которое рассматривал переговорщик.

— У меня на этот раз нехорошее предчувствие. Может плохо обернуться.

— Почему вы так думаете?

— Чувствую — и все.

— Интуиция, — объяснила Анжи. — Верьте ему, Чарли. Обычно он оказывается прав.

Бадд заметил, что Поттер смотрит на него.

— Извините, Артур. У меня все в голове перепуталось.

Переговорщик скользил взглядом потраве, потемневшей после пожара.

— Вертолет, — вдруг пробормотал он.

— Что?

Поттера охватило острое нетерпение.

— Достаньте мне вертолет.

— Но я думал, что мы не дадим ему вертушку.

— Мне нужно только показать. Большой вертолет — шестиместный или восьмиместный, если сумеете такой раздобыть.

— Если сумею раздобыть? — растерянно повторил капитан. — Где? Как?

«Аэропорт, — вдруг вспомнил Поттер. — Поблизости есть аэропорт». Он пытался понять, как это всплыло в его мозгу. Наверное, кто-нибудь сказал. Он не проезжал мимо аэропорта. Бадд не говорил ему. Старший специальный агент Хендерсон — тоже. Так откуда у него эти сведения?

Лу Хэнди — вот кто сказал. Преступник упомянул об аэропорте как о возможном месте, где можно достать вертолет. Видимо, проезжал мимо по пути сюда. Поттер поделился своими мыслями с Баддом.

— Знаю этот аэропорт, — отозвался капитан. — У них есть пара вертушек. Но не уверен, найдется ли хоть один человек, умеющий летать на них. Если бы доставить пилота из Уичито, он быстро пригнал бы сюда машину. Но, черт возьми, на то, чтобы его найти, уйдет больше сорока минут.

— Сорок минут, Чарли, — это все, что у нас есть. Так что действуйте и поторапливайтесь.

* * *

— Откровенно говоря… — Мелани расплакалась. Она совсем не хотела лить слезы в присутствии де л’Эпе, но так уж вышло. Он поднялся со стула и пересел к ней на диван. — Откровенно говоря, — продолжила она, — я не нравлюсь себе такой, какая есть, какой стала и частью чего сделалась.

Настало время признаваться, и ее уже ничто не могло остановить.

— Я говорила вам, как жила ради того, чтобы стать по-настоящему Глухой. Это превратилось в смысл моей жизни.

Мисс Глухая крестьянка с фермы.

Я же ничего этого не хотела. Ни-че-го! — Мелани заговорила со страстью. — Я устала ощущать неловкость от всего этого. Все эти ухищрения, чтобы принадлежать к Глухим и быть их частью,

предрассудки глухих — не сомневайтесь: их столько, что вы удивитесь. Против меньшинств и других убогих. Как мне все надоело! Я устала оттого, что со мной нет музыки, устала от отца…

— Почему?

— Он использует мою глухоту против меня.

— Каким образом? — спросил де л’Эпе.

— Делает все, чтобы запугать меня еще сильнее. Держит дома. Я рассказывала вам про то пианино? На котором хотела исполнить «Могилу девы»? Его продали, когда мне было девять лет, хотя я еще слышала и могла играть. И слышала после этого еще пару лет. Мне сказали — отец сказал мне, — что я не должна любить то, чего впоследствии буду лишена. Но истинная причина другая: он хотел оставить меня на ферме.

«Как ни крути, тебе надо возвращаться домой».

Мелани посмотрела де л’Эпе в глаза и сказала то, в чем никогда никому не признавалась:

— Я не осуждаю отца, желавшего, чтобы я осталась дома. Но то, что он продал пианино, причинило мне слишком сильную боль. Даже если бы играть на нем мне оставалось один день — это все-таки лучше, чем ничего.

— Да, они не имели права этого делать, — согласился де л’Эпе. — Но ты же в итоге вырвалась, получила работу вдали от дома, ведешь независимую жизнь. — Его голос замер.

А теперь пришло время для самого трудного.

— Что с тобой? — мягко спросил де л’Эпе.

— Год назад я купила совсем новый слуховой аппарат. Как правило, такие приспособления не помогают. Но с этим получилось иначе. Он действовал на определенных высотах нот. В Топике был сольный концерт. Я решила поехать туда. Концерт Кэтлин Бэттл. Прочитала в газете в программе, что среди прочего она должна исполнять духовные гимны. И подумала…

— Что она будет петь «Изумительную благодать»?

— Очень захотелось узнать, услышу я или нет. Отчаянно захотелось. Но как туда добраться? Водить машину я не имею права, а на автобусах

пришлось бы ехать целую вечность. Вот я и упросила брата отвезти меня. Он целый день работал на ферме, но все равно пообещал.

Мы добрались вовремя — как раз к концерту. Кэтлин Бэттл вышла на сцену в красивом синем платье. Улыбнулась публике… И начала петь.

— И?..

— Бесполезно! — Мелани тяжело вздохнула и потерла пальцы.

— Почему ты так расстроена?

— Слуховой аппарат не действовал. Звуки были смазаны — я почти ничего не различала, а те ноты, которые слышала, казались мне фальшивыми. Мы ушли в антракте. Дэнни сделал все, чтобы подбодрить меня. Он…

Мелани замолчала.

— Это ведь не все. Ты хочешь что-то добавить?

Как же больно! Стоило ей подумать об этом, и по невероятным законам ее музыкальной комнаты де л'Эпе все прекрасно услышал и, склонившись к ней, спросил:

— Почему тебе больно? Признайся.

Как много нужно сказать. Можно воспользоваться миллионом слов, но и они не помогут описать, чего ей стоило пережить ту ночь и какой она испытала ужас.

— Продолжай, — ободряюще сказал де л'Эпе. Так ее поддерживал брат, но отец никогда. — Продолжай.

— Мы вышли из концертного зала и сели в машину Дэнни. Он спросил, не хочу ли я поужинать, но я даже думать не могла о еде и попросила, чтобы он отвез меня домой.

Де л'Эпе подался вперед, они коснулись друг друга коленями, он дотронулся до ее руки.

— И что дальше?

— Мы покинули город и оказались на шоссе — ехали в маленькой «тойоте» брата. Он сам восстановил ее из хлама — всю, до последней детали. Очень хорошо разбирается в механике. Просто удивительный человек. Неслись довольно быстро.

Мелани помолчала, чтобы улеглась тоска. Тоска не отступила, но она сделала глубокий вдох — вспомнила, что поступала так раньше, перед тем как что-нибудь сказать, — и продолжила:

— Мы разговаривали в машине.

Де л’Эпе кивнул.

— Разговаривали знаками, поэтому должны были друг на друга смотреть. Дэнни спрашивал меня, почему я так расстроена: из-за того, что не действует слуховой аппарат, или отец изводит меня, требуя, чтобы я работала на ферме? Он…

Мелани снова глубоко вздохнула.

— Брат смотрел на меня, а не на дорогу. Он появился прямо перед нами. Я так и не поняла, откуда он взялся.

— Кто?

— Грузовик. Огромный. Груженный металлическими трубами. Наверное, перестраивался из ряда в ряд в тот момент, когда Дэнни смотрел на меня. Поделать ничего уже было нельзя. Все эти трубы неслись на нас со скоростью тысячи миль в час.

А затем кровь. Много крови.

Я знаю, что он тормозил. Знаю, что пытался свернуть. Но оказалось слишком поздно. Ох, Дэнни…

Брызги, брызги… Словно режут горло теленку.

— Он все-таки почти увильнул. Но одна из труб пробила ветровое стекло и угодила…

Де л’Эпе погладил ее руку и прошептал:

— Говори.

— Она… — Как трудно, почти невозможно вымолвить. — Она оторвала ему руку. Кровь бежала в водосток, как здесь, в этот ужасный колодец посредине зала. Оторвала от плеча. — Картина встала у Мелани перед глазами, и она всхлипнула. Вспомнила кровь. Пораженный взгляд брата, когда он повернулся к ней и что-то долго-долго говорил, а она тогда не разобрала слов, а позже спросить не решилась.

Кровь залила потолок машины, текла Дэнни на колени, а она пыталась перетянуть обрубок жгутом и кричала, кричала. Это она-то кричала во весь голос, а брат, все еще не потеряв сознание, исступленно кивал головой и молчал.

— Врачи приехали быстро и остановили кровотечение, — сказала она де л’Эпе. — Спасли ему жизнь. Два часа хирург пришивал Дэнни руку. И весь прошлый год ему делали всякие операции. Завтра — очередная. Поэтому сейчас мои родители в Сент-Луисе, навещают его. Говорят, что работоспособность руки может восстановиться на пятьдесят процентов. Если повезет. Но после аварии брат потерял интерес к ферме. Большую часть времени проводит в постели. Читает, смотрит телевизор. И все. Словно его жизнь кончилась…

— Твоей вины в этом нет, — сказал де л’Эпе. — А ты, я вижу, все время коришь себя.

— Через несколько дней после аварии отец вывел меня на крыльцо. В нем есть нечто такое, что позволяет мне прекрасно понимать его по губам.

«Как и Брута», — подумала Мелани и ужаснулась своей мысли.

— Сел, посмотрел на меня и начал: «Думаю, ты понимаешь, что наделала. Ты не имела права заставлять его совершать такие глупости. Ради своей эгоистичной прихоти. В том, что произошло, твоя вина — здесь не может быть двух мнений. Все равно как если бы включила мотор комбайна, в то время как Дэнни копался в его ножах.

Бог сотворил тебя увечной, но этого никто не хотел. Это позор, а не грех, но лишь до тех пор, пока ты сознаешь, что обязана делать. Возвращайся домой и искупи вину. Прекрати свое учительство и все, чем занималась в прошлом году. Ты должница перед братом. И особенно передо мной.

Здесь твой дом, и здесь тебе всегда рады. Господь определяет нам место, где жить. Твое место здесь, чтобы ты по силам трудилась там, где твоя проблема не будет доставлять тебе неприятностей. Такова воля Божья». Затем он пошел заниматься аммиаком, но задержался и сказал: «Как ни крути, тебе надо возвращаться домой». Это был не вопрос, а приказ. Все решено. Никаких споров. Он хотел, чтобы я вернулась в мае. Но я еще потянула несколько месяцев. Хотя понимаю, что со временем сдамся. Я всегда сдаюсь. Просто хотела еще несколько месяцев свободы. — Мелани пожала плечами. — Вот и тянула.

— Ты не хочешь работать на ферме?

— Нет! Я хочу только музыку. Хочу ее слышать, а не просто ощущать вибрации. Хочу слышать, что нашептывает мне любимый, когда мы с ним в постели. — Мелани поразило, что она произнесла такие интимные слова. Ничего подобного она никому не говорила. — Больше не желаю оставаться девственницей.

Она начала, и ее прорвало:

— Ненавижу поэзию! Никогда не любила ее. Сплошная глупость! Хотите знать, что я собиралась делать в Топике после выступления в Театре глухих? У меня был назначен визит к врачу. — Внезапно де л'Эпе обнял ее, она прижалась к нему и положила голову на плечо. Странное ощущение, причем странное вдвойне, — испытывать прикосновение мужчины и общаться с ним, не глядя на него. — Есть такая штука, называется кохлеарным имплантом. — Мелани запнулась. Только через несколько минут она собралась с силами и продолжила: — Во внутреннее ухо вставляют чип. Он соединен проводком с приспособлением, речевым процессором, который превращает звуки в импульсы в мозгу. Сьюзан я так и не призналась. Десятки раз собиралась, но так и не смогла. Я внушила бы ей отвращение. Сьюзан была ненавистна мысль о том, чтобы лечить глухоту.

— И что, эти импланты помогают?

— Иногда. У меня девяносто процентов потери слуха в обоих ушах, но это усредненный показатель. В определенных диапазонах я различаю звуки. Импланты будут служить усилителем. Но если не помогут и они, можно попробовать что-то еще. Сейчас появляется много новых технологий, и в ближайшие пять-шесть лет ими смогут воспользоваться все. Люди вроде меня — обычные безыдейные глухие, и идейные заправилы, и просто тугоухие, которые хотят вернуть слух.

«А я хочу, — подумала она. — Хочу слышать… слышать, что ты станешь шептать мне на ухо, когда мы будем заниматься любовью».

— Я… — заговорил де л'Эпе. Его губы шевелились, но звук все затихал.

Становился тише и тише.

«Нет! Говори со мной! Продолжай! В чем дело?»

Но перед Мелани был не де л'Эпе, а Брут. Он стоял в дверях ее музыкальной комнаты. «Что тебе здесь надо? Уходи! Убирайся! Это моя комната! Ты мне здесь не нужен!»

Брут улыбнулся, посмотрел на ее уши.

— Уродка.

В следующую секунду они оказались в зале забоя. И Брут говорил не с ней, а с Медведем, который стоял рядом и, словно защищаясь, сложил на груди руки.

— Ты нас сдал?

Медведь покачал головой и что-то ответил, но Мелани не поняла.

— Двух малявок уже подобрали снаружи.

Близняшки! Они в безопасности! Мелани передала новость Беверли и Эмили. Младшая из девочек улыбнулась, и ее пальцы изобразили благодарственную молитву.

— Ты отпустил их? — спросил Брут у Медведя. — Все спланировал загодя?

Тот снова покачал головой, что-то ответил, но Мелани опять не поняла.

— Я разговаривал с ним, — проревел Брут.

Медведь, кажется, спросил:

— С кем?

— С федеральным прокурором, с которым ты заключил сделку.

У Медведя почернело лицо.

— Ничего подобного! Не заключал я никакой сделки.

За его спиной появился Уилкокс и что-то сказал. Медведь ткнул пальцем в сторону Мелани:

— Это все она...

Брут повернулся к Мелани. Она ответила холодным взглядом, поднялась и медленно пошла по мокрым плиткам, почти задыхаясь от запаха бензина. Остановилась над Донной Харстрон и показала на нее Бруту. Не сводя глаз с Медведя, приподняла юбку учительницы на фут или два, чтобы стали видны ее окровавленные бедра. Затем кивком показала на Медведя.

— Ах ты, потаскуха! — Медведь сделал к ней шаг, но Брут перехватил его руку, вытащил у него из-за пояса пистолет и бросил Горностаю.

— Дурак ты, дурак!

— Ну трахнул я ее. И что такого?

Брут изогнул бровь и достал из кармана пистолет. Отвел назад и резко отпустил затворную коробку. Нажал на кнопку и извлек обойму с остальными патронами. А затем вложил пистолет в руку Мелани. Металл был холодным как камень. Оружие одновременно испугало ее и наполнило силой, словно в нее ворвался электрический ток.

Медведь что-то бормотал. Краем глаза Мелани видела, как шевелились его губы. Но она не могла отвести взгляда от пистолета. Брут зашел ей за спину и направил ствол Медведю в грудь. Обхватил ее кисть пальцами. Мелани ощутила его запах, кислый запах немытого тела.

— Прекрати! — Медведь нахмурился. — Хватит валять дурака...

Брут говорил с ней, Мелани чувствовала вибрации плотью лица, но не понимала смысла слов. Ей передалось его возбуждение, почти сексуальное, — это походило на лихорадку. Медведь вскинул руки, продолжая что-то бормотать. Мотал головой.

Пистолет, будто раскаленный, жег Мелани руку. Медведь отпрянул, и Брут поправил прицел, чтобы ствол смотрел толстяку в грудь. Девушка представила, как он лежит на миссис Харстрон, как смотрит на худенькие ноги сестер-близнецов, их плоские грудки. «Дави на курок! — думала она. — Дави!» Рука задрожала.

Мелани снова ощутила вибрацию слов Брута и услышала в голове его голос. До странности ровный — не голос, а призрак.

— Давай, — говорил он.

«Почему пистолет не стреляет? Я же отдаю приказ пальцу нажимать».

Ничего не происходило.

Медведь плакал. Слезы бежали по его толстым щекам, катились на бороду. Рука Мелани дрожала все заметнее. Брут крепко держал ее, обхватив пальцами.

Пистолет беззвучно дернулся в ее ладони. Мелани задохнулась, когда ее лица коснулся порыв горячего ветра от дула. На груди Медведя появилась крохотная точка. Толстяк зажал рану обеими руками, задрал голову и упал навзничь.

«Пистолет выстрелил сам собой! Я ничего не делала! Это не я! Клянусь!»

Мелани не переставая кричала себе эти слова. И все же... и все же сомневалась. До того как от сознания случившегося ее обуял ужас, Мелани разозлилась на себя за то, что не она, а кто-то другой убил этого преступника. Что Брут, а не она, приложил последнее усилие, чтобы спустить курок.

Хэнди отошел, вставил в пистолет обойму, нажал на фиксатор задержки, и затворная коробка отскочила вперед.

Губы Медведя шевелились, глаза потемнели. Мелани смотрела на него. Ему явно казалось, будто все злые силы объединились, чтобы лишить жизни хорошего человека. Девушка даже не пыталась разобрать, что он хотел сказать.

Подумала: «Раз в кои веки глухота не наказание, а благо».

Хэнди снова стал за спиной Мелани. Посмотрел на распростертого на полу Медведя, что-то пробормотал и выстрелил лежащему в ногу. Нога подпрыгнула, и лицо толстяка исказилось от боли. Новый выстрел — в другую ногу. Хэнди прицелился в необъятный живот. Пистолет грохнул, Медведь содрогнулся, вытянулся и замер.

Мелани опустилась на пол и обняла Эмили и Беверли. Брут наклонился и притянул ее к себе. Теперь его лицо находилось в нескольких футах от ее лица.

— Я сделал это не потому, что он трахнул вашу бабу, а потому, что не послушался меня. Выпустил девчонок и скрысятничал. А теперь сядь здесь и сиди.

«Почему я понимаю его слова, если не понимаю его самого?»

«Каким образом? — удивлялась Мелани. — Слышу его так же хорошо, как отца».

«Как ни крути, тебе надо возвращаться домой».

«Не понимаю».

Хэнди смерил ее взглядом. У него был такой вид, словно он знал ответ на ее вопрос, а тянул с объяснением лишь потому, что хотел, чтобы она сама до всего дошла. Затем посмотрел на часы, нагнулся, схватил Эмили за руку и потащил в главный зал. Его ничуть не трогало, что девочка сложила ладони в тщетной мольбе.

Хэнди пел.

Ему позвонил Поттер и спросил:

— Лу, как у вас дела? Нам показалось, что мы слышали несколько выстрелов.

На мотив «Улиц Ларедо»[45] Хэнди довольно сносно пропел в трубку:

— По моему «Таймексу» у вас осталось пятнадцать минут…

— Похоже, ты в хорошем настроении, Лу. У вас с едой все в порядке? — В голосе переговорщика не слышалось заинтересованности. Были ли это выстрелы?

— Не сомневайся, бодр и весел. Только не стоит обсуждать мое настроение. Это чертовски скучно. Расскажи лучше о золотом вертолете, который в данный момент летит к нам. Ты приготовил для меня вертушку с бриллиантовыми винтами, Арт? А за штурвалом малышка с огромными титьками.

Что это были за выстрелы?

На мониторе камеры с телеобъективом в проеме окна появилась десятилетняя Эмили Стоддард. Лицо сердечком, широко открытые глаза, развевающиеся на ветру светлые волосы. На щеке серебристый отблеск от ножа Хэнди.

— Он собирается ее порезать, — прошептала Анжи, и в первый раз за весь день ее голос взволнованно дрогнул. Потому что психолог, как и Поттер, знала, что Хэнди не откажется от своего намерения.

— Лу, мы достали тебе вертолет. Он в пути.

«Почему этого Хэнди никак не удается сломать? — думал Поттер. — Для большинства преступников, захвативших заложников, срок был бы достаточным, чтобы они лезли на стену. И пошли бы на что угодно, лишь бы заключить сделку».

— Подожди, Лу; кажется, меня вызывает пилот. Я на минуту отойду и вскоре вернусь.

— Не трудись. Просто предоставь мне вертушку через четырнадцать минут.

— Жди у телефона.

Переговорщик нажал на кнопку выключения микрофона и спросил:

— Что скажешь, Анжи?

Психолог поглядела в окно и вдруг объявила:

— Он не шутит. Сделает что пообещал. Устал от торговли и все еще злится из-за того, что затевался штурм.

— Тоби?

— Связь есть, но он не отвечает.

— Черт, неужели сунул телефон в карман? Лу, ты на связи?

— Время поджимает, Арт.

Задавая следующий вопрос, Поттер старался, чтобы его голос звучал смущенно.

— Все-таки, Лу, что это были за выстрелы?

Хэнди негромко усмехнулся.

— Понимаю, тебе это не дает покоя.

— Так у вас в самом деле стреляли?

— Без понятия. Может, это грохнуло у тебя в голове. Может, ты чувствуешь вину из-за того, что случайно убили вашего парня, после того как вы случайно затеяли штурм. И у тебя от этого возникают галлюцинации.

— Нам выстрелы казались настоящими.

— Или Сонни чистил оружие и случайно пальнул в себя.

— Это верно?

— Какой позор: кто-то рассчитывал, что он выступит свидетелем и все такое, а он стал протирать свой «глок», не проверив, нет ли в патроннике патрона.

— У нас с ним нет сговора, Лу.

— Теперь уж точно нет. Херушки вам. Я это гарантирую.

Лебоу и Анжи посмотрели на Поттера.

— Так Боннер мертв? — спросил переговорщик у Хэнди.

«Ты совершал когда-нибудь что-то плохое, Арт?»

— У тебя осталось двенадцать минут, — раздался веселый голос Хэнди.

Щелк.

— Ответьте. Бадд на проводе.

Поттер схватил трубку.

— Чарли, вы где?

— В аэропорту. Здесь есть вертолет. Но я не могу найти того, кто бы мог поднять его.

— Должен быть кто-нибудь.

— Рядом находится школа — авиационная, — и какой-то парень живет в ее здании, но он не открывает дверь.

— Мне нужен вертолет через десять минут. Чтобы он поднял шум над рекой и сел на большое поле к западу отсюда. То, что в полумиле от бойни. Чарли, это все, что от тебя требуется.

— Все? О Господи!

— Удачи, Чарли!

Бадд пробежал под вертолетом. Это был «Сикорский» — большой аппарат старой модели из тех, что во времена, когда в космос летали «Джемини» и «Аполло», вылавливали из океана мокрых астронавтов. Вертолет был покрашен в белый, оранжевый и красный цвета. Расцветка береговой охраны, хотя опознавательные знаки давно замазали.

Аэропорт оказался маленьким. Вышки управления не было — только рядом с полем матерчатый флюгер указывал направление ветра. С полдюжины стоящих без дела одномоторных «пайперов» и «сессн» были надежно закреплены от ураганов страны Оз.

Бадд треснул кулаком в дверь домика за первым ангаром. Табличка рядом сообщала, что в доме жил господин Д. Д. Пемброук, дававший уроки управления вертолетом и возивший пассажиров с почасовой и поденной оплатой.

Но несмотря на табличку, место казалось скорее жилым, чем служебным. На пороге скопилась куча корреспонденции, и через окно в двери Бадд заметил внутри желтый свет, гору одежды в пластиковой корзине и свисающую с койки мужскую ногу. Из дырки в носке торчал палец. Капитан ударил сильнее.

— Давайте открывайте! Полиция!

Палец дернулся, сделал круг и замер.

Новые удары.

— Откройте!

Палец больше не шевелился.

Окно легко поддалось под напором плеча Бадда. Просунув руку, Чарли открыл замок и вошел внутрь.

— Эй, мистер!

На койке лежал мужчина лет шестидесяти, в комбинезоне и майке. Соломенные волосы разметались. Он храпел так же громко, как двигатель «Сикорского».

Бадд схватил его за руку и сильно тряхнул.

Д. Д. Пемброук, если это был он, тут же открыл слезящиеся красные глаза, посмотрел мимо капитана и перевернулся на другой бок. Но хотя бы храпеть перестал.

— Мистер! Я из полиции штата. Срочное дело! Вставайте! Нам немедленно нужен ваш вертолет.

— Отвали, — пробормотал Пемброук.

Дыхание спящего не оставляло сомнений, и рядом с ним лежала пустая бутылка из-под виски «Дюарс».

— Черт вас возьми, мистер! Просыпайтесь! Нам надо лететь!

— Я не могу лететь. Никак. Уходите. — Пемброук не шевельнулся и не открыл глаза. — Как вы сюда попали? — спросил он без тени любопытства.

Капитан перевернул его и встряхнул за плечи. Бутылка упала на цементный пол и разбилась.

— Вы Пемброук?

— Да. Что с моей бутылкой?

— Послушайте: проводится срочная федеральная операция. — Бадд заметил на грязном, замусоренном столе банку с растворимым кофе. Налил воды из крана над ржавой раковиной и бросил в нее четыре полные столовые ложки порошка. Затем сунул грязную кружку в руки Пемброука. — Выпейте, мистер. Нам пора. Вы должны отвезти меня к бойне, что стоит дальше по шоссе.

Пемброук, не открывая глаз, сел и понюхал кружку.

— Что за бойня? А это что за дерьмо?

— Та, что у реки.

— Где моя бутылка?

— Выпейте кофе, это поможет вам проснуться.

Крупинки не растворились и плавали на поверхности как черные льдинки. Пемброук втянул напиток в рот, тут же выплюнул на кровать, а кружку отшвырнул в сторону.

— Фу! — Только тут он понял, что перед ним стоит мужчина в синем костюме и бронежилете. — Кто, вашу мать, вы такой? Где моя…

— Мне нужен ваш вертолет. И немедленно. Идет срочная федеральная операция. Вы отвезете меня к бойне у реки.

— Это к которой? К той старой? Она в каких-то трех дерьмовых милях отсюда. Быстрее доедете на машине. А то и дотопаете пешком. Вот дьявол… моя голова! О-о-о!

— Мне нужен вертолет. Немедленно. Я уполномочен заплатить вам любую сумму.

Пемброук с закрытыми глазами повалился на кровать. Капитан понял: даже если они умудрятся взлететь, то все равно разобьются и оба погибнут.

— Пошли! — Он потянул пьяницу за лямку комбинезона.

— Когда?

— Сейчас. Сию минуту.

— Я не могу лететь в таком сонном состоянии.

— Ничего. Обойдется. Какова ваша такса?

— Сто двадцать за час.

— Плачу вам пятьсот.

— Завтра. — Пемброук начал снова укладываться и, закрыв глаза, пошарил рукой по грязной простыне в поисках бутылки. — Убирайтесь.

— Мистер, откройте глаза.

Пьяница послушался и увидел перед собой дуло автоматического пистолета.

— Сэр, — начал капитан нарочито тихим, уважительным голосом, — вы сейчас встанете, пойдете к вертолету и доставите меня туда, куда я вам скажу. Ясно?

Кивок.

— Вы трезвый?

— Как стеклышко. — На этот раз Пемброуку удалось продержать глаза открытыми пару секунд, но затем он опять отключился.

Мелани, привалившись к стене, поглаживала светлую потную головку Беверли. Несчастной девочке каждый вдох давался с трудом.

Учительница потянулась вперед и выглянула из зала забоя. Эмили стояла у окна и плакала. Внезапно Брут обернулся, посмотрел на нее и поманил к себе.

«Не ходи, — сказала себе Мелани. — Сопротивляйся».

Мгновение она колебалась, затем встала и направилась в главное помещение. К нему.

«Иду, потому что не могу себя перебороть. Иду, потому что он требует меня».

Мелани почувствовала, как в нее проникает холод — от цементного пола, металлических цепей и крюков, от блестящих струй воды с потолка, от сырых стен, покрытых плесенью и очень старой кровью.

«Я иду, потому что боюсь. Иду, потому что мы с ним вместе убили человека. Я иду, потому что могу его понять…»

Брут притянул ее к себе.

— Думаешь, ты лучше меня? Думаешь, ты хорошая. — Мелани поняла, что он говорит шепотом. Когда люди шепчут, у них меняются лица. Кажется, они говорят истинную правду, а на самом деле шепчут, чтобы убедительнее лгать.

«Почему мы его продаем? Дорогая, ты же знаешь, что сказал доктор. Да, сейчас ты еще что-то слышишь, но это уйдет. Не забывай, так говорят врачи. Тебе не следует начинать то, что через несколько лет придется бросить. Мы сделали это ради тебя».

— Смотри: через три минуты, если не прибудет вертолет, я собираюсь порезать ее. Убил бы, если бы у меня было больше заложников. А так, не могу себе позволить потерять еще одного — во всяком случае, сейчас.

Эмили так и стояла с молитвенно сложенными руками, смотрела в окно, дрожала и всхлипывала.

— Вот видишь. — Безжалостно-сильные пальцы Брута сомкнулись на запястье Мелани. — Если бы ты была хорошим человеком, по-настоящему хорошим, ты бы сказала: «Возьми меня вместо нее».

— Довольно!

Брут ударил ее.

— Не закрывай глаза! Итак, если ты не абсолютно хороший человек, в тебе есть нечто плохое. Где-то засело. И из-за этого плохого ты позволишь порезать малышку вместо себя. Ты не умерла бы. Я не собираюсь убивать ее. Только причиню немного боли. Чтобы те кретины снаружи… знали, что со мной шутки плохи. Неужели ты не способна вытерпеть немного боли ради подружки? Значит, ты плохая? Как я?

Мелани покачала головой.

Брут обернулся. Горностай тоже. И она догадалась, что зазвонил телефон.

— Не отвечай, — приказал Брут Горностаю. — Слишком много разговоров. Я устал от болтовни. — Он провел по лезвию большим пальцем. Мелани замерла. — Так, значит, взять тебя? Вместо нее? — Он провел ножом вверх-вниз, сделал в воздухе несколько восьмерок.

Как поступила бы на ее месте Сьюзан?

Мелани колебалась, хотя прекрасно знала ответ. И наконец, кивнула.

— Вот как? — Брут удивленно изогнул брови. — В самом деле?

— Две минуты, — объявил Горностай.

Девушка снова кивнула, затем обняла всхлипывающую Эмили, прижалась головой к ее щеке и осторожно отвела от окна.

Теперь Хэнди был совсем с ней рядом, голова в нескольких дюймах от ее головы, нос у самого уха. Мелани, конечно, не слышала его дыхания, но ей показалось, что он втягивает воздух — запах ее страха. Она не могла оторвать глаз от ножа. Лезвие чертило фигуры у ее лица: рядом со щекой, носом, перед губами и шеей. Ласково прошлось по груди, скользнуло к животу.

Она ощутила вибрацию его голоса и повернулась.

— ...так что тебе порезать? Титьку? Не будет никакого урона. У тебя все равно нет приятеля, который ее щупает.

Или ухо? От него тебе тоже нет проку. Видела фильмец «Бешеные псы»[46]?

Лезвие скользнуло вверх по щеке.

— А как насчет глаза? Слепая и глухая. Ты будешь настоящей уродиной.

Мелани не могла больше этого выдержать и зажмурилась. Старалась вспомнить мелодию «Изумительной благодати» — не получилось.

«В голове одна „Могила девы“. Ничего, ничего, кроме тишины. Музыка может быть либо вибрациями, либо звуком, но никак и тем и другим. И для меня в том числе. Ну, давай, — думала она, — делай что собираешься, и покончим с этим».

Но в следующую секунду руки грубо отпихнули ее, и она открыла глаза, едва удержавшись на ногах. Брут смеялся, и Мелани поняла, что вся эта сцена с самопожертвованием только игра. Он снова потешался над ней.

— Нет-нет, мышка, у меня на тебя другие планы. Ты будешь моим подарком Прис. — Он передал девушку Горностаю, и тот с силой вцепился в нее. Мелани попробовала вырываться, но его мертвая хватка была крепче тисков. Брут снова поставил Эмили в окно. Девочка встретилась взглядом с Мелани, молитвенно сложила руки и заплакала.

Брут зажал голову Эмили в изгиб локтя и поднес острие ножа к ее глазам. Мелани тщетно вырывалась из железных объятий Горностая. Хэнди посмотрел на часы.

— Время.

Эмили разрыдалась, ее сложенные вместе пальцы подергивались в жаркой молитве. Брут еще крепче сжал ее голову, отвел назад нож и прицелился в середину ее правого закрытого глаза.

Горностай отвернулся.

И вдруг его руки дрогнули от удивления. Он поднял глаза к мрачному потолку. Брут повторил его движение.

Наконец и Мелани тоже почувствовала.

Тяжелые удары сверху, словно раскаты литавр. Звук приближался, пока не превратился в непрерывный, направленный сверху вниз бас. Невидимый поток, который Мелани ощущала лицом, руками, шеей и грудью.

Музыка — это вибрация или звук. Но никак и то и другое.

Их вертолет парил над зданием бойни.

Брут высунулся из окна и вгляделся в небо. Затем своими худыми пальцами эффектно нажал на кнопку фиксатора и, как решила Мелани, с громким щелчком сложил нож. Рассмеялся и что-то сказал Горностаю, а она почему-то разозлилась, не поняв ни одного из его слов.

21:31

— Чарли, у вас бледный вид.

— Такой уж попался пилот. — В фургон нетвердой походкой вошел Бадд. — Господи, я еще слишком молод, чтобы отправляться на тот свет! Он промахнул поле и сел посреди шоссе Триста сорок шестого — чуть не на крышу пожарной машины. То еще ощущение, я вам скажу. Потом его стошнило из окна, и он улегся спать. А я выключал там все подряд, пока не заглох двигатель. И здесь, от этого запаха гари, мне что-то совсем нехорошо. — Куда девалась достойная подражания выправка капитана? Он опустился на стул и обмяк.

— Вы все сделали правильно, — успокоил его Поттер. — Хэнди согласился дать нам еще немного времени. Группа спасения заложников ФБР прибудет с минуты на минуту.

— И что тогда?

— Тогда посмотрим, — ответил переговорщик.

Бадд твердо посмотрел на Поттера.

— По дороге на аэродром я слушал переговоры по рации. В здании бойни стреляли?

Лебоу оторвался от клавиатуры компьютера.

— Хэнди застрелил Боннера. Так мы считаем.

— Судя по всему, Хэнди и Уилкокс отнеслись к нашей игре чуть серьезнее, чем мы предполагали, — объяснил переговорщик. — К тому, что Боннер будто бы заключил с нами сепаратную сделку. Решили, что он крысятничает.

— Что поделаешь, — небрежно бросил аналитик. — Всего не предусмотришь.

— Невозможно было предсказать, — повторил Тоби фразу киборга из своего любимого фантастического романа.

Чарли Бадд, самозваный федеральный прокурор и наивный полицейский штата Канзас, оказался единственным искренним человеком в этой компании: он молча смотрел на переговорщика, пока их взгляды не встретились. Поттер понял: Бадд догадался, что он не исключал такой развязки, давая ему сценарий игры. Специально хотел, чтобы капитан возбудил в Хэнди недоверие к сообщнику.

Но во взгляде Бадда было кое-что еще. Его глаза говорили: «Да, Поттер, я понимаю. Вы воспользовались мною, чтобы убить человека. Что ж, все по-честному. Я же шпионил за вами. Но грехи очистили нас друг перед другом. И чего мы достигли предательством? Одним преступником меньше — это даже к лучшему. Только имейте в виду: я больше ничего вам не должен».

Зазвонил мобильник капитана. Бадд некоторое время слушал, отвечая «так». Затем закрыл рукой микрофон и поднял голову.

— Как поступить? Это Тед Франклин, командир на моей территории. Говорит, что в Макферсоне, это недалеко отсюда, объявилась некая женщина-полицейский. Она утверждает, что вела переговоры с Хэнди о сдаче, когда пять лет назад он совершил налет на ночной магазин.

— Хэнди сдался ей?

Бадд задал вопрос в телефон и выслушал ответ.

— Судя по всему, да. В тот раз, кажется, вообще не было заложников — всем удалось убежать, и спецназ собирался ворваться в здание. Ситуация, совсем не похожая на нашу.

Переговорщик и аналитик обменялись взглядами.

— Пусть в любом случае приезжает, — кивнул Поттер. — Сумеет она нам реально помочь или нет, это мы посмотрим, а Лебоу уже потирает руки, предвкушая дополнительную информацию о плохих парнях.

— Хорошо.

Бадд отдал команду своему подчиненному, и у Поттера потеплело на душе при мысли, что у него появится союзник. Он откинулся на спинку стула и стал размышлять вслух:

— Нет ли способа вытащить еще одну или двух заложниц до того, как прибудет спецназ?

— Что мы можем предложить Хэнди, чего он еще не требовал? — спросила Анжи.

— Он требовал транспорт, еду, спиртное, оружие, электричество…

— Классика, — кивнула психолог. — Все преступники, захватившие заложников, это требуют.

— Но не требовал денег, — вмешался Бадд.

Поттер нахмурился и посмотрел на лист под заголовком «Обещания», где было отмечено все, что они уже дали Хэнди.

— Вы правы, Чарли.

— Неужели не просил? — удивилась Анжи.

Лебоу просмотрел свои записи и подтвердил, что Хэнди ни разу не упоминал о деньгах. Он повернулся к капитану.

— Как вы об этом вспомнили?

— Видел в кино, — признался тот.

— Хэнди не планировал захват заложников, — продолжил аналитик. — Он не искал выгоды, а бежал из тюрьмы.

— Как тот парень, — добавил Бадд. Поттер и Лебоу посмотрели на полицейского. Капитан покраснел и объяснил: — Это тоже было в кино. Его играл Джин Хэкмен. Или он играл переговорщика, как вы, Артур. Хороший он актер, этот Хэкмен.

— Генри, я согласна с Чарли, — кивнула Анжи. — Это факт, что многие преступники, захватившие заложников, не хотят денег. Но в Хэнди есть корыстолюбие. Именно за кражи он получил свои главные сроки.

— Давайте-ка попробуем выкупить парочку заложниц, — предложил Поттер. — Мы же ничего не теряем. — Он повернулся к Бадду. — Можете достать какую-нибудь сумму наличными?

— Прямо сейчас? Вечером?

— Немедленно.

— Что ж, пожалуй, смогу. В управлении есть кое-какая наличность. Сотни две наберется. Хватит?

— Речь идет о сотне тысяч долларов в мелких купюрах, причем непомеченных. Скажем, через двадцать минут.

— Ох! — задохнулся Бадд. — В таком случае это не ко мне.

— Позвоню в Управление по борьбе с наркотиками, — предложил Лебоу. — В Уичито или Топике должны быть деньги, конфискованные у покупателей наркоты. Устроим трансфер между организациями. — Он кивнул Тоби, тот пролистал ламинированный телефонный справочник и набрал номер. Аналитик заговорил в гарнитуру — таким же тихим, но решительным голосом, как его удары по клавишам компьютера.

Поттер взял телефон и вызвал Хэнди.

— Привет, Арт.

— Как дела, Лу? Готовишься к отлету?

— А ты как думал? Забурюсь в какую-нибудь теплую хижину. Или в гостиницу. Или на необитаемый остров.

— Сообщишь свое местонахождение? Может, я соберусь тебя навестить.

«А ты, Арт, не без чувства юмора».

— Знаешь, сукин сын, а мне нравятся копы с чувством юмора. Где мой вертолет?

— Ближе посадить не сумели, Лу. Приземлился на поле за деревьями. На реке все-таки слишком большое волнение. А теперь послушай: ты видел вертушку — шестиместная машина. Я знаю, ты хотел восьмиместную, но это все, что нам удалось наскрести. — Поттер надеялся, что Хэнди не очень хорошо рассмотрел вертолет. В такую модель «Сикорского» можно усадить половину футбольной команды «Вашингтонских краснокожих». — Поэтому у меня к тебе предложение: позволь мне выкупить пару заложниц.

— Выкупить?

— Ну да. Мне разрешено заплатить за каждую по пятьдесят тысяч. Все равно места для вас шестерых и пилота не хватит. И багажных сеток в салоне нет. Так что продай мне парочку.

«Какие проблемы, Арт? Я могу пристрелить одну, и тогда мест хватит на всех».

Но ответ будет сопровождаться смехом.

— У меня идея: вместо того чтобы отдать заложницу вам, я застрелю ее. И места будет навалом. И для нас, и для наших чемоданов.

Его смех походил на карканье.

— Но, убив ее, не получишь денег. Как говорит мой племянник, будет облом. — Поттер произнес это добродушно, почувствовав, что взаимоотношения восстановлены. Крепкие, налаженные. Хэнди, судя по всему, серьезно обдумывал его предложение.

— Пятьдесят тысяч?

— Наличными. Мелкими непомеченными купюрами.

Несколько мгновений колебания, а затем:

— Хорошо. Но только одну. Остальные побудут со мной.

— Колись на две. И две останутся у тебя. Не мелочись.

«Не пойдет, Арт. Давай сто тонн за одну. Вот это по мне».

— Нет, — отрезал Хэнди. — Получишь одну за пятьдесят тысяч. На этом и порешим.

Поттер посмотрел на Анжи, психолог озадаченно покачала головой. Хэнди не торговался. Переговорщик был готов изображать, что бьется до

последнего, но в конце концов согласился бы отдать сто тысяч за одну девочку.

— По рукам, Лу. Договорились.

— Только знаешь что, Арт? — В голосе Хэнди появились нотки, которых Поттер раньше не слышал, и это встревожило его. Он не представлял себе, что последует дальше. Неужели где-то подставился?

— Что?

— Ты должен сам сказать, которую из них.

— Что ты имеешь в виду, Лу?

Снова смешок.

— Очень простой вопрос, Арт: какую из них ты хочешь купить? Ты же знаешь, приятель, как это происходит: идешь в автосалон и говоришь: «Мне нужен „шеви“ или „форд“». Платишь и забираешь то, что выбрал. Ну и каков твой выбор?

Сердце. Вот где Поттер не поставил защиты. В своем сердце.

Бадд и Анжи смотрели на агента ФБР.

Тоби склонил голову и не отрывал глаз от живых циферблатов приборов.

— Дай подумать, Лу… — Переговорщик больше не нашел что сказать. Впервые за этот день в его душу закралась нерешительность. Хуже того — она слышалась в его голосе. Как он допустил это? Колебание — убийственная вещь на переговорах. Преступники сразу улавливают его, и это придает им силу, неумолимую силу. А в случае с Хэнди, помешанном на том, что должен всегда владеть ситуацией, даже секундная заминка переговорщика могла убедить его в своей непобедимости.

Поттер чувствовал, что своей нерешительностью подписывает смертный приговор всем четырем заложницам. И попытался пошутить:

— Трудноразрешимый вопрос.

— Похоже, так и есть. По-моему, ты в тупике.

— Я только…

— Давай-ка я помогу тебе, Арт. Прогуляемся по нашему убежищу. Согласен? Вот старушка — та, что учит. Машина с большим пробегом.

Совершенно изношена. Драндулет, барахло. Дело рук Боннера. Совсем ее заездил. Радиатор до сих пор течет.

— Господи! — пробормотал Бадд.

— Вот подонок! — бросила всегда спокойная Анжи.

Глаза Поттера были прикованы к окнам бойни, освещенным желтым светом.

«Нет! — думал он. — Не надо этого делать со мной!»

— Есть другая, посимпатичнее. Блондинка Мелани.

«Откуда он знает ее имя? — удивился Поттер и беспричинно разозлился. — Она сама ему сказала? Разговаривала с ним? Запала на него?»

— Мне самому она симпатична. Но если хочешь, будет твоей. Еще у нас есть малявка, которая не может дышать. И симпатичная девчушка в платье, которая чуть не стала мисс Одноглазой. Выбор за тобой.

Поттер поймал себя на том, что смотрит на фотографию Мелани. «Прекрати, — приказал он себе. — Отвернись. — Отвернулся. — А теперь думай! Кто в наибольшей опасности?»

Кто больше других помешает ему владеть ситуацией?

Старшая учительница? Ничего подобного. Эмили? Нет. Слишком хрупкая, женственная и юная. Беверли? Ее болезнь, как предположил Бадд, раздражает Хэнди.

А как насчет Мелани? Замечание Хэнди, что она симпатична ему, намекает на появление элементов стокгольмского синдрома. Но достаточно ли этого, чтобы он дрогнул, если потребуется убить ее? Возможно, нет. Но она старше девочек. Разве можно спасать взрослую женщину, когда в опасности дети?

«Мелани! — вопило сердце переговорщика. — Я хочу спасти ее!» И то же сердце горело яростью оттого, что Хэнди оставил решение за ним.

Поттер открыл рот, но говорить не мог. Бадд нахмурился.

— У нас не много времени. Он может передумать, если мы будем слишком долго тянуть.

Лебоу коснулся руки переговорщика.

— Артур, выбирай кого хочешь. Это, в сущности, не важно.

Но это было важно. Всякое решение, принимаемое во время кризисов с заложниками, является определяющим. Поттер снова посмотрел на фотографию Мелани. Светлые волосы, большие глаза.

«Стерегись, де л'Эпе».

Поттер выпрямился и сказал в трубку:

— Беру Беверли. Девочку с астмой. — И закрыл глаза.

— Мм… отличный выбор, Арт. Ее хрипы действуют мне на нервы. Из-за этих чертовых хрипов я был близок к тому, чтобы поступить с ней по понятиям. По рукам; как только ты получишь бабло, я отправлю ее к тебе.

Хэнди разъединился.

Все долго не могли произнести ни слова.

— Ненавижу этот звук, — наконец проговорила Фрэнсис. — Это чувство останется у меня навсегда. Не хочу слышать, как вешают трубку.

Поттер откинулся на спинку стула. Бадд и Лебоу не сводили с него глаз. Он медленно повернулся к окну и посмотрел наружу.

«Прости меня, Мелани».

— Привет, Артур! Наслышан, что здесь все очень плохо. Фрэнк Данжело, долговязый, усатый, был спокоен, как летний пруд. Он командовал группой спасения заложников ФБР и участвовал в пятидесяти или шестидесяти горячих операциях, когда переговоры с преступниками вел Поттер. Бойцы спецназа, успешно справившиеся с критическими ситуациями в Сиэтле и Флориде, только что прибыли и сосредоточились в овражке за командным пунктом.

— Это был долгий день, Фрэнк.

— У него там заряжена ловушка?

— Вроде бы так. Я склонен выманить его из здания на коротком поводке, а затем взять или нейтрализовать. Но это уже по твоей части.

— Сколько осталось заложниц? — спросил Данжело.

— Четыре, — ответил переговорщик. — И минут через десять получим одну из них.

— Собираешься предложить ему сдаться?

Главная цель переговоров — убедить преступника капитулировать. Но если предложить ему сдаться до того, как он получит вертолет или иное средство для бегства, он расценит предложение — и небезосновательно — как завуалированный ультиматум и попытку схватить его. С другой стороны, если дать добро на захват, не обойтись без жертв, и переговорщик проведет остаток жизни, задавая себе вопрос: нельзя ли было взять преступников, избежав кровопролития?

Еще существует комплекс иуды. Предательство. Поттер обещал Хэнди одно, а дает совсем иное. И как бы ни был плох этот Хэнди, они с переговорщиком своего рода партнеры. Предав его, Поттер будет долго-долго жить с этим.

— Нет, — ответил агент ФБР. Никаких предложений о сдаче. — Он решит, что это ультиматум и мы планируем захват. И тогда нам не выманить его из здания.

— Что здесь произошло? — Данжело кивнул на закопченный фургон командного пункта.

— После расскажу, — ответил переговорщик.

Вместе с Лебоу и Баддом они изучили строительные планы, карты местности и изображения аэрокосмического сканирования.

— Заложницы находятся вот здесь, — объяснил Поттер. — Данные часовой давности. — Но насколько нам известно, бензиновая бомба все еще на взводе.

Лебоу нашел описание канистры с бензином и прочел вслух.

— Вы уверены, что получите девочку? — спросил командир спецназа.

— Покупаем за пятьдесят тысяч долларов.

— Вот она и скажет нам, как обстоят дела с ловушкой, — проговорил Данжело.

— Думаю, это уже не важно. — Поттер посмотрел на Анжи, и та кивнула. — Есть бомба или нет бомбы, Хэнди все равно расправится с заложницами. Если у него будет хоть сколько-нибудь времени — хотя бы одна-две секунды, — расстреляет их или швырнет в них гранату.

— Гранату? — нахмурился Данжело. — У вас есть список его оружия?

Лебоу уже распечатывал лист. Командир спецназовцев прочитал и удрученно покачал головой.

— У него есть «МП-5» с прицелом и глушителем?

В борт фургона постучали, и на пороге появился молодой офицер из команды спасения заложников.

— Сэр, мы закончили предварительную разведку.

— Докладывай. — Данжело кивнул на план.

— Эта дверь деревянная, но снаружи обита металлическим листом. Похоже, ее уже сверлили пробным буром.

Данжело посмотрел на Поттера.

— Нашлись энтузиасты из местных. Так он и завладел «хеклером».

Данжело коротко кивнул и разгладил пышные усы.

— Есть еще одна дверь, — продолжил спецназовец. — С южной стороны, тоже деревянная и намного тоньше первой. Со стороны реки имеется грузовой причал. Дверь приоткрыта достаточно, чтобы в нее проскользнула тоннельная крыса, но при условии, если снимет экипировку. Можно запустить туда парочку ребят из тех, что помельче. Рядом дверь меньшего размера, укреплена железом, вся проржавела, закрыта. Здесь же обнаружена сточная труба двадцати четырех дюймов в диаметре, отверстие закрыто металлической сеткой. Окна на втором этаже зарешечены прутьями толщиной три восьмых дюйма. Вот эти три окна с нашей позиции не видны. Крыша обита железными листами толщиной пять шестнадцатых дюйма, шахта лифта закрыта. В нее ведет металлическая дверь. По моей оценке, от момента проникновения в эту дверь до открытия огня пройдет от двадцати до тридцати секунд.

— Много.

— Да, сэр. Если мы пойдем на прорыв под прикрытием огня из окон четырьмя бойцами, по двое в каждую дверь, и еще двое воспользуются дверью на пристани, то вступим в контакт с противником и выполним задачу через восемь-двенадцать секунд.

— Спасибо, Томми, — сказал Данжело и повернулся к Поттеру. — Неплохо, если бы не та ловушка. — А затем спросил: — Как насчет стокгольмского синдрома?

— Не просматривается, — ответила Анжи. — Хэнди утверждает, что чем больше узнает человека, тем более склонен его убить.

Данжело снова провел рукой по усам.

— Они хорошие стрелки?

— Скажем так: под огнем ведут себя хладнокровно.

— Это даже важнее, чем быть хорошим стрелком.

— И он убивал полицейских, — добавил Бадд.

— И в перестрелках, и казнил, — объяснил переговорщик.

— Так, — протянул Данжело. — Похоже, нам нельзя идти на приступ. Из-за риска, что он подожжет бензин и воспользуется гранатами. А также из-за его склада ума.

— Принудить его выйти из здания, чтобы сесть в вертолет? — спросил Поттер. — Вертушка находится здесь. — Он постучал пальцем по карте.

Спецназовец посмотрел на ту ее часть, которая изображала поле, и кивнул:

— Полагаю, да. Оттянем людей, чтобы их не было видно, и заставим преступников и заложников идти через лес вот здесь.

— Хэнди сам выберет путь, — перебила его Анжи. — Как ты считаешь, Артур?

— Ты права. Он захочет сам разрабатывать маршрут. И надо думать, этот маршрут окажется не самым прямым.

Спецназовец и переговорщик наметили четыре вероятных пути от бойни до вертолета, и Лебоу нанес их на карту.

— Я рассажу снайперов на деревья здесь, здесь и здесь, — показал Данжело. — А тех, кто останется на земле, одену в камуфляж и размещу вдоль всех четырех маршрутов. Когда преступники окажутся рядом, снайперы возьмут их на мушку. Затем оглушим всю группу свето-шумовой гранатой. Бойцы повалят заложниц на землю, а снайперы нейтрализуют преступников, если те будут представлять угрозу. Ну как тебе?

Поттер продолжал смотреть на карту.

Бежали секунды.

— Артур?

— Все прекрасно, Фрэнк. Очень хорошо.

Данжело вышел инструктировать бойцов.

Поттер взглянул на фотографию Мелани и снова поднял глаза на бойню.

— Ждать — это самое тяжелое, Чарли. Хуже всего остального.

— Понимаю.

— Нашу сегодняшнюю ситуацию можно назвать экспресс-кризисом, — прокомментировал Тоби, не отрывая взгляда от своих приборов и экранов. — Всего одиннадцать часов. Можно сказать, пустяк.

Внезапно кто-то так стремительно ворвался в фургон, что все, кроме переговорщика, потянулись за оружием. На пороге стоял Роланд Маркс.

— Агент Поттер, — холодно спросил он, — я правильно понял: вы собираетесь брать его?

Переговорщик посмотрел мимо него на раскачивающееся неподалеку дерево. Ветер усилился, словно подкрепляя ложь, что на реке слишком сильное волнение, поэтому сажать вертолет на воду нельзя.

— Собираемся.

— Я разговаривал с вашим товарищем, агентом Данжело, и он поделился со мной тревожной информацией.

Поттер не верил Марксу. На протяжении нескольких часов тот дважды чуть не провалил переговоры и при этом сам едва не расстался с жизнью. И вот теперь снова наседает на него. Секунду-другую он боролся с желанием арестовать наглеца, чтобы больше никогда не видеть его. Но только удивленно изогнул брови.

— Шансы пятьдесят на пятьдесят, что одна из заложниц погибнет.

Поттер оценил бы эти шансы как шестьдесят к сорока в пользу заложниц. Но Мариан всегда упрекала его в неисправимом оптимизме. Агент поднялся, вышел из сожженного проема двери и поманил за собой Маркса. Достал из кармана кассету, многозначительно подержал в руке и положил обратно. В глазах у Маркса мелькнул огонек.

— Хотите еще что-нибудь сказать? — спросил переговорщик.

Лицо Маркса смягчилось, словно он, почувствовав, что у него с языка готовы сорваться извинения, подавил их. И вместо этого сказал:

— Я не хочу, чтобы девочки пострадали.

— Я тоже не хочу.

— Ради Бога, позвольте ему сесть в вертолет, только заставьте отпустить заложниц. А когда он приземлится в Канаде, канадцы накинутся на него, как пресловутые ассирийцы из поговорки.

— Все так. — Поттер нетерпеливо махнул рукой. — Только Хэнди не собирается лететь в Канаду.

— Как же?.. А специальный коридор, который вы устроили для него?

— Он не поверил ни единому слову. А если и поверил, то прекрасно понимает, что мы можем установить в вертолет второй ответчик. Он направится прямо на стадион «Буш мемориал». Или в другое место, где, как сообщит ему его телевизор, сегодня вечером состоится большая игра.

— Что?!

— Или, может быть, на стоянку Университета Миссури к тому времени, когда кончатся вечерние занятия. Или в «Маккормик-плейс»[47]. Приземлится там, где собралась большая толпа. При таком развитии событий нам не взять его. Могут погибнуть сотни людей.

Глаза у Маркса выразили понимание. То ли он представил, как прощаются с жизнью эти люди, то ли прощался со своей карьерой. Или вспомнил о безнадежном состоянии своей несчастной дочери. Но как бы то ни было, кивнул:

— Конечно. Этот тип способен на такое. Вы правы.

Поттер, сочтя это признание извинением, решил оставить Маркса в покое. Из фургона высунулся Тоби.

— Артур, я принимаю телефонный звонок. Это детектив Шэрон Фостер полиции штата Канзас, о которой говорил нам Чарли.

Поттер сомневался, что эта Фостер чем-нибудь поможет им. Появление нового переговорщика в ходе кризиса способно привести к непредсказуемым результатам. Но обнадеживало одно: Фостер — женщина. У Поттера сложилось впечатление, что Хэнди опасался

мужчин. Преступник забаррикадировался с десятью заложницами, а это означало, что он готов общаться с женщиной, не проявляя мгновенного раздражения. В фургоне переговорщик прислонился к стене и взял трубку.

— Детектив Фостер? С вами говорит Артур Поттер. Какое ваше расчетное время прибытия?

Женщина-полицейский сообщила, что едет с сиреной и мигалкой и будет на месте кризиса в десять тридцать — десять сорок. Голос показался Поттеру молодым, деловым и очень спокойным, хотя она, вероятно, вела машину со скоростью сто миль в час.

— Ждем, — бросил он и повесил трубку.

— Удачи, — пожелал ему Маркс. Однако он не уходил, словно размышляя, что бы еще сказать. И наконец добавил: — Боже, спаси девочек! — после чего ушел.

— Ребята из Управления по борьбе с наркотиками в пути, — объявил Тоби. — Скоро привезут наличность. Летят на конфискованном турбинном вертолете. У этих пацанов самые лучшие игрушки.

— И доставят нам сто тысяч долларов? — вмешался Бадд.

Поттер кивнул.

— Где же хранить столько денег? Пятьдесят штук — приличная сумма.

Переговорщик поднес палец к губам.

— Разделим, между мной и вами.

Капитан оторопело заморгал глазами.

Поттер выждал несколько секунд и подмигнул.

Бадд расхохотался, а за ним Анжи и Фрэнсис.

Тоби и Лебоу вели себя сдержаннее. Люди, давно знакомые с Артуром, знали: он редко шутил. А если шутил, значит, сильно нервничал.

22:01

В зале забоя холод пробирал до костей.

Беверли и Эмили прижались к Мелани и все смотрели на миссис Харстрон. Женщина лежала в десяти футах от них. У нее были открыты глаза, и она дышала, но в остальном ничем не отличалась от мертвого Медведя, чье тело по-прежнему загораживало выход в другое помещение. От трупа в их сторону медленно тянулись три щупальца темной крови.

У Беверли так хрипело внутри, что, казалось, ей не удастся сделать очередной вдох. Девочка не отрывала глаз от кровавых следов.

В соседнем зале что-то происходило. Мелани не видела ясно, но ей казалось, что Брут и Горностай собирают вещи: оружие, патроны, маленький телевизор. Они расхаживали по просторному помещению, осматриваясь по сторонам. Зачем? Словно испытывали теплые чувства к этому месту и теперь прощались с ним.

Может, решили сдаться...

«Ничего подобного, — подумала Мелани. — Они хотят сесть в вертолет, взять с собой нас и удрать. Нам придется снова и снова переживать весь этот кошмар. Лететь неизвестно куда, где будут новые заложники и новые смерти. И другие темные комнаты».

Мелани запустила руку в волосы и накрутила на пальцы пряди, влажные и сальные. Впереди никакого света, никакой надежды. Она опустила руку.

В зал вошел Брут и бросил взгляд на миссис Харстрон, на ее изборожденный морщинами лоб. На лице у него была та легкая усмешечка, которую Мелани уже узнавала и ненавидела. Он потянул за собой Беверли.

— Она отправляется домой. Домой. — Хэнди вытолкнул девочку из зала забоя. Затем обернулся, вынул из кармана нож, открыл и перерезал проволоку, ведущую к канистре с бензином. После чего связал Мелани за спиной руки, потом ноги. Проделал то же самое с Эмили.

— Связать тебе руки, — рассмеялся он, — все равно что вставить в рот кляп. Что ты об этом думаешь?

И ушел, бросив в зале забоя трех оставшихся заложниц.

«Ничего, — думала Мелани, — раз это удалось сестрам-близняшкам, удастся и нам». Они выберутся на волю, следуя на запах реки. Она повернулась спиной к Эмили и протянула ей связанные руки. Девочка

поняла и начала трудиться над узлами. Но тщетно. Эмили нравились длинные ногти, но у нее самой таких не было.

Ну давай же, постарайся!

Мелани поежилась, почувствовав, как детские пальцы ткнули ее в запястье. Вздрогнула — это Эмили в отчаянии потянула ее за пальцы. И вдруг все прекратилось. Кто-то оторвал от нее девочку!

В чем дело?

Мелани быстро обернулась.

Медведь!

На искаженном от ярости лице пузырилась кровь. Он потянул Эмили к стене, толкнул на пол. Девочка упала. Мелани хотела закричать, но Медведь прыгнул вперед, сунул ей в рот грязную тряпку, сжал окровавленной рукой плечо.

Девушка опрокинулась назад. Необъятное лицо Медведя обрушилось ей на грудь, и она почувствовала мокрый, кровавый поцелуй. Влага сочилась сквозь блузку. Затуманенный взгляд раненого шарил по ее телу, а она тщетно пыталась выплюнуть кляп. Медведь вынул из кармана нож и открыл окровавленной рукой и зубами.

Мелани извивалась, но он продолжал тискать ее грудь. Затем приподнялся на локте и скатился с нее. Она попыталась изо всей силы лягнуть его, но связанные ноги дернулись вверх всего на дюйм или два. Из брюк Медведя полилась скопившаяся за прошедший час кровь, и холодная густая жидкость залила Мелани ноги.

Она в ужасе разрыдалась, отпихивала Медведя, но он с отчаянной силой держал ее за блузку на груди. Затем занес ногу и, положив ей на бедро, пригвоздил к полу. Из брюк хлынула новая порция крови.

«Пожалуйста, помогите! Кто-нибудь! Де л'Эпе! Кто-нибудь! О нет, нет! Мелани в ужасе содрогнулась. Только не это! Пожалуйста, нет!»

Рукой с ножом он задрал ей юбку на пояс. Сдернул ее черные колготки. Нож скользнул по бедру к ее розовым трусикам.

«Нет!» Мелани уворачивалась, но усилия были напрасны. На нее навалился огромный живот Медведя, из которого лилась кровь. Лезвие коснулось мыска между ее ног, и острие прорезало ткань трусиков. Ощутив холодную сталь, Мелани дернулась.

Какая омерзительная ухмылка на его губах. Он смотрел на нее ледяными дисками глаз. Нож прорезал трусики еще в одном месте, и они сползли.

У Мелани все поплыло перед глазами. Только не потерять сознание! Не лишиться еще и зрения!

Прижатая к полу, она боялась пошевелиться. Нож парил в дюйме над ее промежностью, бледной кожей.

Свободной рукой Медведь потянулся к ширинке и расстегнул молнию. Кашлянул, обрызгав Мелани кровью, чмокнул в шею и грудь. Когда он полез в брюки, нож нырнул вниз. Девушка почувствовала укол между ног, вскрикнула и чуть не подавилась кляпом.

Медведь вытащил свой огромный блестящий пенис, и нож опять поднялся. Она боролась, но Медведь, бросив на мгновение свой член, опять схватил ее за грудь и заставил замереть.

Потерся о ее ногу — кровь хлынула из его органа на бедро Мелани. Прижался к ее коже — еще, еще. Потянулся вверх, перенося свой вес.

А затем...

Затем...

Затем ничего не произошло.

Мелани никогда не подумала бы, что способна так часто дышать. Ее грудь сотрясалась. Застывшие глаза Медведя всего в дюйме от ее глаз, рука на ее груди, в другой — нож острием вниз между ее ног, всего в нескольких миллиметрах от ее плоти.

Она выплюнула кляп и, ощутив гнилостную вонь и густой, кислый запах крови, втянула воздух.

Почувствовала, как пару раз дернулось, оцарапав кожу, лезвие ножа, а затем замерло. Прошло не меньше минуты, прежде чем Мелани поняла, что Медведь умер.

Она боролась с тошнотой, не сомневаясь, что ее вырвет. Но затем это чувство прошло. Ноги затекли — навалившееся на нее тяжелое тело нарушило циркуляцию крови. Мелани крепко уперлась связанными за спиной руками в цементный пол и оттолкнулась. Она вложила в это движение все силы, скользя на разлитой по бетону крови, и выползла из-под Медведя на несколько дюймов. Еще одно усилие. И еще одно.

Вскоре ее ноги были почти свободны.

Еще рывок.

Ноги выскользнули из-под Медведя, и лодыжки оказались в том месте, где он держал нож. Девушка напрягла мышцы живота, слегка приподняла ступни и принялась пилить о стальное лезвие проволоку.

Оглянулась на дверь. Никаких признаков Брута или Горностая. От движений ног, пока она пилила путы, болели мышцы живота. Наконец... легкий треск. И она свободна. Мелани встала на ноги. Пнула левую руку Медведя — раз, другой. Его пальцы разжались, и нож упал на пол. Мелани отшвырнула нож Эмили и знаком показала, чтобы девочка взяла его. Та сидела и беззвучно плакала. Посмотрев на лежащий в луже крови нож, замотала головой: «Не могу». Мелани ответила яростным кивком. Девочка закрыла глаза, отвернулась и потянулась к красной блестящей луже за оружием. Наконец, содрогаясь от отвращения, схватила нож и повернула лезвием вверх. Мелани подошла и начала перетирать об острую кромку проволоку на запястьях. Через несколько минут путы распались. Она схватила нож и освободила Эмили.

Затем подкралась к двери. Брут и Горностай стояли у окон и смотрели в противоположную от зала забоя сторону. Беверли ждала у двери. Мелани увидела, что к зданию бойни идет полицейский с чемоданчиком. Значит, они обменивают на что-то девочку. И если повезет, будут несколько минут заняты — вполне достаточно времени, чтобы ей вместе с другими выбраться на причал.

Мелани склонилась над миссис Харстрон. Одежда учительницы намокла в крови Медведя. Женщина смотрела в потолок.

— Пойдемте, — позвала ее знаком Мелани. — Вставайте.

Женщина не шелохнулась.

— Скорее! — настойчиво повторила девушка.

Миссис Харстрон пошевелилась, а затем показала такие слова, которые Мелани еще не видела в американском знаковом языке.

— Убей меня.

— Вставайте!

— Не могу. Идите без меня.

— Ну же! — Руки Мелани молотили воздух. — Нет времени! — Она шлепнула женщину, попыталась поставить на ноги, но учительница оказалась невероятно тяжелой.

Девушка поморщилась от отвращения.

— Пошли, или мне придется оставить вас!

Миссис Харстрон покачала головой и зажмурилась. Положив раскрытый нож в карман юбки, Мелани потянула Эмили за руку. Они проскользнули в дверной проем, затем направились ко входу, который вел к реке с задней стороны бойни, и растворились в сумраке коридоров.

Хэнди посмотрел на деньги — пачка оказалась на удивление маленькой для такой значительной суммы.

— Надо было раньше об этом подумать. Бабло нам не помешает.

Уилкокс взглянул в окно.

— Как ты думаешь, сколько снайперов в нас целятся?

— Да уж никак не меньше сотни. А после того как мы завалили их парня, пара-тройка готовы в нас пальнуть, а потом сделать вид, что не слышали приказа не открывать огня.

— Я всегда считал тебя хорошим снайпером, Лу.

— Меня? Нет, я слишком нетерпелив. Но знавал снайперов на службе. Знаешь, что им чаще всего приходится делать? Лежать два-три дня на животе, прежде чем появится возможность сделать единственный выстрел. Замереть, чтобы ни один мускул не дрогнул. Какая от этого радость?

Хэнди вспомнил военную службу. Те дни казались и проще, и тяжелее жизни в бегах и очень напоминали тюремный быт.

— Но ведь стрелять — это интересно.

— Предоставлю тебе такую возможность. Ах ты, дьявол! — Хэнди обернулся и увидел кровавые следы, выводящие из зала, где находились девчонки.

— Что за хренотень?

По мнению Уилкокса, Лу Хэнди управляли реальные, практичные силы. Он редко терял самообладание и, хотя был убийцей, лишал человека жизни из-за выгоды, а не в приступе ярости. Но и в жизни Хэнди случались моменты, когда в его душе вскипал неистовый гнев. В такие

мгновения он становился самым жестоким человеком на земле. И ничто не могло остановить его.

— Ах ты, сука, — прошептал он, и его голос дрогнул. — Маленькая мразь!

Они подбежали к двери, за которой скрывались кровавые следы.

— Оставайся здесь! — приказал Хэнди.

— Лу…

— Делай, что я тебе сказал. — Хэнди дрожал от ярости. — Я ей покажу. Давно надо было с ней разобраться. — Он скрылся в мрачной утробе бойни. Нож Хэнди держал лезвием вверх — так его научили не в армии, а на улицах Миннеаполиса.

22:27

Зрение — это чудо и самое главное из наших чувств. Но нередко мы получаем информацию при помощи нашего другого органа — ушей.

Вид реки сообщает нам, что это такое, но звук воды дает понятие о ее характере — спокойная, но смертельно опасная. У лишенной слуха Мелани Черрол эту функцию выполняло обоняние. Реки с быстрым течением были воздушными и наэлектризованными. Медленные отдавали затхлостью. Река Арканзас отличалась зловещим запахом — жгуче-острым, гнилостным, словно была могилой множества ее придонных обитателей.

Но вместе с тем звала к себе: «Иди сюда — я твой единственный путь к спасению».

Мелани безошибочно шла на ее зов. В лабиринте заброшенной бойни вела за собой девочку в безнадежно испорченном дорогом платье. Доски пола во многих местах прогнили, но лампы в основном зале горели так ярко, что их свет проникал даже сюда и показывал путь. Время от времени она останавливалась и принюхивалась, желая убедиться, что они идут правильно. Затем снова поворачивала к реке, но когда страх становился невыносимым, оглядывалась через плечо.

Обоняние не могло заменить слух в системе предупреждения об опасности, доставшейся человеку с первобытных времен.

Но Брут и Горностай, судя по всему, еще не заметили их бегства.

Учительница и ученица брели в сгущающейся темноте, то и дело спотыкаясь и находя дорогу на ощупь. Единственным спасением Мелани

были узкие полосы света, и она часто поднимала голову и смотрела на наверх. Стены под потолком были все в гнили, но оттуда струилось божественное сияние, озарявшее беспросветное подземелье бойни.

И вот они дошли. Над узкой дверью висела табличка «Причал». Мелани крепче сжала руку Эмили и потянула девочку за собой. Они протиснулись в дверь и оказались в просторной погрузочной зоне, где почти ничего не было, кроме нескольких бочек из-под масла. Похоже, такие держались на плаву. Однако большие ворота на пристань были приподняты чуть больше чем на фут. Мелани и Эмили могли пролезть под ними, но бочка наверняка застряла бы.

Учительница и ученица выползли на причал.

Свобода! — подумала Мелани, вдыхая хмельной воздух.

И рассмеялась про себя иронии судьбы: она до слез радовалась тому, что вырвалась во Внешний мир из этого ужасного Внутреннего мира. Какое-то движение насторожило ее, и Мелани заметила недалеко от берега лодку с двумя полицейскими. Те, тоже увидев их, гребли к пристани.

Девушка повернула Эмили к себе и знаками приказала:

— Жди их там, не высовывайся, прячься за столбом.

Девочка замотала головой.

— А вы?

— Я возвращаюсь. Не могу бросить ее там одну.

— Ну пожалуйста! — По лицу Эмили текли слезы. Ветер разметал ее волосы. — Она не хотела с нами.

— Ступай!

— Пойдемте со мной. Так угодно Богу. Он сам мне сказал. Правда.

Мелани улыбнулась, обняла маленькую ученицу и сделала шаг назад. Окинула взглядом ее разорванное грязное платье.

— Мы с тобой договорились. На следующей неделе пойдем в магазин.

Эмили вытерла слезы и подошла к краю причала. Полицейские были уже близко — один улыбался девочке, другой, поводя ружьем, оглядывал темные окна над их головами.

Мелани посмотрела на них, махнула рукой, скользнула под погрузочные ворота, вынула из кармана окровавленной юбки нож Медведя и двинулась на бойню, инстинктивно выбирая ту же дорогу, по которой они пришли сюда.

Вдруг у нее зашевелились волосы на затылке. Мелани охватило чувство, иногда возникающее у глухих и называемое шестым. Она всмотрелась во мрак — да-да, он был там, Брут, футах в пятидесяти от нее. Пригнулся и переходил от одного механизма к другому. В руке он тоже держал короткий нож.

Съежившись от страха, Мелани нырнула за шкафчики рабочих. Сначала подумала, не забраться ли в один из них, но тут вспомнила, что Брут услышит любой звук и ей лучше не шуметь. Затем к ней вернулось шестое чувство, и по шее побежали мурашки. Девушка тут же поняла, что в этом нет ничего сверхъестественного — просто она ощущает вибрации голоса Брута, который что-то кричит Горностаю. Что он ему сказал?

Мгновением позже Мелани узнала. Погас свет, и она погрузилась в черноту.

Парализованная страхом, девушка опустилась на пол. Глухая, а теперь еще и слепая. На секунду свернулась калачиком, желая одного: лишиться сознания, — таким сильным был охвативший ее ужас. До Мелани вдруг дошло, что она выронила нож. Девушка пошарила по полу, но быстро бросила это занятие. Сообразила, что Брут услышал, как оружие звякнуло о цемент, и теперь, наверное, направляется в ее сторону. Он-то мог расшвыривать по пути все, что угодно, — она все равно не услышит. А ей приходится передвигаться очень осторожно, чтобы не задеть какую-нибудь железку, деревяшку или старое оборудование.

«Я должна...»

Нет!

Что-то задело ее плечо. Охваченная паникой, она начала отмахиваться ладонями. Но это оказалась свисающая с потолка проволока.

Где Брут? Там? Или с другой стороны?

«Спокойствие. Только спокойствие может спасти тебя».

Затем пришла ободряющая мысль: «Да, он слышит, но видит не лучше меня».

«Сьюзан, знаешь такую шутку? Кто хуже птицы, которая не слышит? Лиса, которая не видит».

Восемь серых птичек сидят на проводах в темноте…

«Если я замру и не буду издавать ни звука, он никогда не узнает, где я».

Удивительный внутренний компас, который подарила Мелани несправедливая к ней во всех других отношениях чертовка-судьба, сказал ей, что она двигается в правильном направлении — прямо к залу забоя. Бог свидетель: Мелани решила, если понадобится, тащить Донну Харстрон на плечах, и она сделает это.

«Иди медленно.

Неслышно. Не производя шума».

Похоже, будет легче, чем он думал.

Лу Хэнди, как никогда, свалял дурака, и сам это понимал. Он кипел от злости, ему было горько, не терпелось отомстить, но теперь Лу стал рассуждать здраво. Как обычно, когда убивал, мучил и необыкновенно наслаждался этим. Он шел по кровавым следам до самой пристани и там решил, что обе мерзавки удрали. Но когда повернул обратно, услышал звук — звяканье металла и скрежет. Всмотрелся в коридор и увидел ее — Мелани: убогая мышка возвращалась в главный зал бойни.

Хэнди приблизился к ней, и что же он услышал?

Хлюп, хлюп.

Ее шаги. Кровавые шаги. Старина Боннер, чье жирное тело до самой смерти извергало из себя потоки крови и мочи, залил ей туфли. И теперь каждый ее шаг точно сообщал, где она находится. Поэтому Хэнди крикнул Уилкоксу, чтобы тот выключил свет.

Темнота стала кромешной. Хоть глаз выколи. Не рассмотреть собственной руки. Сначала Хэнди старался не шуметь, а потом вспомнил: какого черта? — она все равно ничего не слышит. И бросился за ней, замирая через каждые несколько минут и прислушиваясь к хлюпающим звукам.

Там.

Прекрасный, сладостный звук.

Все ближе.

Слушай…

Хлюп, хлюп.

Теперь не дальше тридцати футов. Туда. Она там.

Хэнди увидел перед собой призрачный силуэт — Мелани шла в главный зал бойни.

Хлюп, хлюп.

Он еще приблизился. Перевернул стол, но ее походка не изменилась и она продолжала идти. Ни черта не слышала. Хэнди еще сократил дистанцию: пятнадцать футов, десять, пять… И вот он прямо за ее спиной.

Так он когда-то шел за Руди, ощущал запах его лосьона, видел осевшую на его рубашке после рабочего дня дубовую пыль и выпирающий задний карман, в котором лежал бумажник с тем, что не должно было там находиться.

— Говнюк! — закричал брату Хэнди, почти теряя сознание, уже не побагровев, а почернев от бушевавшей в нем неистовой ярости. Руди усмехнулся и продолжал идти, и пистолет в руке Хэнди начал стрелять. Это был маленький пистолет двадцать второго калибра, заряженный патронами от мелкашки. Он оставлял на шее брата крошечные красные точки, и тот, прежде чем упасть и умереть, исполнил страшный, пугающий танец. Хэнди вновь почувствовал безудержную злобу к Поттеру за то, что тот заставил его вспомнить о Руди. Очень похоже на то, как во время драки на тюремном дворе вкладывают в руку камень. Разозлился на Поттера, на жирного мертвого Боннера и на Мелани, эту трусливую сучонку.

До нее два фута, какая же у нее робкая походка!

Она и не подозревает, что он у нее за спиной.

Как здорово следовать за ней шаг в шаг. Столько возможностей. Привет, мисс Мышка… Но Хэнди выбрал самое простое: потянулся и лизнул ее сзади в шею.

Он думал, Мелани сломает себе спину — так поспешно она отскочила в сторону и упала на груду ржавых листов железа. Он схватил ее за волосы и потянул за собой, а она, пытаясь вывернуться, извивалась.

— Эй, Шеп, давай врубай свет.

Через секунду здание тускло осветилось, и Хэнди различил проход в главное помещение бойни. Мелани все силилась оторвать его руки от своих волос, но он держал крепко — она могла драться до второго пришествия, все равно ничего не добилась бы.

— Очень ты неприятно пищишь. Мне не нравится. Заткнись! Заткнись, я сказал! — Он ударил ее по лицу. Мелани вряд ли поняла его слова, но тем не менее замолчала. Хэнди проволок ее под каскадами воды по проходам среди всякой рухляди. Прямо к гильотине для отсечения голов животных.

Место представляло собой огромную мясницкую колоду со специальными углублениями для свиней и молодых бычков. Наверху на раме крепилось треугольное лезвие, которым управляли при помощи длинной рукоятки с резиновой ручкой. Похоже на резак для бумаги, только очень большой. Уилкокс посмотрел на него.

— Ты в самом деле собираешься...

— А что? — огрызнулся Хэнди.

— Да просто, старина, нам скоро выбираться отсюда...

Хэнди не обратил на него внимания. Схватил с пола кусок проволоки и, обмотав вокруг правого запястья Мелани, крепко скрутил. Девушка боролась, ударив его в плечо левым кулаком.

— Чертова ненормальная, — процедил Хэнди сквозь зубы и ударил ее по спине. Мелани рухнула на пол, свернулась комочком и с ужасом смотрела, как синеет ее кисть. Хэнди достал зажигалку «Бик» и провел пламенем по острию ножа гильотины. Мелани, широко раскрыв глаза, от страха замотала головой. — Надо было прежде думать, а не переть на меня. — Хэнди подхватил ее с пола и швырнул под гильотину.

Мелани всхлипывала и отбивалась — мышка старалась удрать. Хэнди понял, что боль в ее правой, уже побагровевшей кисти стала невыносимой. Он прижал девушку животом к основанию гильотины, толкнул лицом вниз и подставил правую ее руку под нож. Затем приподнял ее ноги, и она, потеряв точку опоры, беспомощно повисла на колоде. После чего Хэнди легко прижал ее руку в отсечном пазу.

Секунду он колебался — смотрел Мелани в лицо и прислушивался к вырывающемуся из ее горла сдавленному дыханию.

— Господи, как же я ненавижу этот дерьмовый звук! И зачем только люди так сопят? Шеп, подержи ее.

Уилкокс помедлил, затем сделал шаг вперед и ухватил руку Мелани пониже локтя.

— Не думай, что мне приятно на это смотреть. — Он отвернулся.

— А мне приятно, — пробормотал Хэнди и, не в силах сдержаться, наклонился к лицу Мелани, вдохнул ее запах, потерся щекой о ее залитую слезами щеку. Погладил по волосам.

Затем потянулся к рычагу механизма, разрабатывая, подергал туда-сюда, опустил нож так, что лезвие коснулось кожи на руке девушки. Отвел и поднял на полную высоту. А потом взялся за резиновую рукоять обеими руками.

В этот момент зазвонил телефон.

Хэнди посмотрел на трубку.

Наступила пауза. Уилкокс выпустил руку Мелани и отошел от гильотины.

Проклятие! Хэнди прикидывал, как поступить.

— Ответь.

— Алло? — сказал Уилкокс в микрофон. И стал слушать. Пожал плечами и посмотрел на застывшего с рычагом в руках Хэнди.

— Это тебя.

— Скажи Поттеру, чтобы он катился к дьяволу.

— Это не Поттер — какая-то баба. И судя по тому, что она несет, очень даже клевая телка.

22:58

Поттер сидел у окна и смотрел в полевой бинокль, а за его спиной нервно расхаживала молодая напористая Шэрон Фостер, детектив. Десять минут назад она сломя голову прикатила в передовую зону, и теперь как заправский матрос поносила Луиса Хэнди последними словами.

— Мать твою, Лу! — Как многие женщины, служащие в полиции, Фостер обладала непоколебимой твердостью, которую не смягчали ни ее собранные в задиристый хвост белокурые волосы, ни симпатичная мордашка.

— Постой, лялька. Ты теперь детектив?

— Да. Получила повышение. — Девушка наклонилась и посмотрела из окна командного фургона на бойню. Ее голова оказалась всего в нескольких дюймах от головы Поттера. — Ну и что ж ты сотворил со своей жизнью, Лу? Кроме того, что все окончательно изгадил?

— А вот я вполне доволен своими достижениями.

Переговорщик услышал в динамике так хорошо знакомую ему холодную усмешку.

— Я всегда знала, что ты первостатейный дебил. Таких, как ты, надо описывать в учебнике.

Поттер понял стратегию молодого детектива. Она действовала не так, как он. Сам Поттер предпочитал более добродушный подход, вел себя на манер Уилла Роджерса[48]. В случае необходимости проявлял жесткость, но старался избегать стычек, нередко перераставших в психологическую войну. Артур Поттер никогда не провоцировал ни жену, ни друзей. Но иногда, обычно с наглыми и чрезмерно самоуверенными преступниками, метод этой девушки — обмен колкостями и шутками — приносил результаты.

Переговорщик продолжал смотреть в окно, тщетно стараясь разглядеть Мелани. Последнюю из учениц подобрали дежурившие в ялике за бойней ребята Стиллуэла. Фрэнсис перевела сказанное девочкой. Мелани вывела ее из здания, а сама вернулась за миссис Харстрон. Но это случилось двадцать минут назад, и никто не заметил, чтобы последним двум заложницам удалось бежать. Поттер заключил, что Хэнди обнаружил Мелани. Ему отчаянно хотелось узнать, все ли с ней в порядке, но он ни при каких обстоятельствах не стал бы прерывать работу переговорщика.

— Болван ты, Лу! — продолжала Фостер. — Хочешь улететь на вертолете? Валяй. Только тебя все равно поймают. Думаешь скрыться в Канаде? Экстрадируют в два счета под зад так, что покатишься вверх тормашками.

— Пусть сначала найдут.

— Думаешь, за тобой будут гоняться люди в красных жилетах с косолапым на шляпе[49], которые только и умеют свистеть вслед воришкам? Ты убивал заложников и полицейских. Теперь ни один коп в мире не успокоится, пока тебя не возьмут.

Лебоу и Поттер переглянулись. Переговорщик начинал нервничать. Уж слишком Фостер давила на Хэнди. Он нахмурился, но девушка то ли не заметила, то ли не обратила внимания на выражение его лица, считая себя выше критики этого пожилого человека и к тому же фэбээровца. Поттер почувствовал укол ревности. Он провел долгие часы, чтобы установить отношения с Хэнди. Он уже насквозь пропитался стокгольмским синдромом. И тут прилетает эта пташка, эта белобрысая потаскушка, и уводит у него доброго товарища и друга.

Переговорщик незаметно кивнул на компьютер. Лебоу понял и вызвал базу сотрудников правоохранительных органов. Через секунду он повернул экран к Поттеру. Шэрон Фостер, на вид юной и неопытной, уже исполнилось тридцать четыре года, и она имела солидный послужной список: неоднократно участвовала в переговорах во время кризисов с заложниками. В двадцати четырех случаях из тридцати ей удалось добиться того, что преступники сдались. В остальных ситуация осложнилась, и спецназу пришлось идти на штурм. Но в те разы захватившие заложников были явно на взводе. Если преступники эмоционально неуравновешенны, переговорные методы действуют лишь в десяти процентах эпизодов.

— Арт мне больше нравится, — заявил Хэнди. — Он не пудрит мозги.

— Узнаю тебя, Лу. Как всегда, ищешь, где попроще.

— Да пошла ты! — рявкнул Хэнди.

— Вот о чем я подумала, Лу, — с напускным испугом продолжала Фостер. — Ты в самом деле собрался в Канаду?

Теперь Поттер покосился на Данжело. Их оперативный план предполагал, что Хэнди и Уилкокс пойдут к вертолету через лес. Если Лу благодаря усилиям Фостер решит, что ему не верят, то заподозрит ловушку и не выйдет из здания.

Поттер поднялся и покачал головой. Детектив взглянула на него, но явно собиралась гнуть свою линию. Ее неуважение к авторитету старшего поразило Лебоу и Анжи. А сам переговорщик сел, скорее озадаченный, чем обиженный.

— Конечно, в Канаду, куда же еще? Даже выхлопотал себе специальный коридор. Сам говорил с каким-то хмырем из Федерального авиационного агентства.

Фостер словно не услышала его и продолжила со своим южным выговором:

— Ты убийца полицейских, Лу. Стоит тебе приземлиться где-нибудь в Штатах — с заложниками или без них, — и ты покойник. Каждому копу известно твое лицо. И Уилкокса тоже. Поверь, в тебя сначала выстрелят, а уж потом зачитают права твоему истекающему кровью телу. И обещаю тебе, Лу, «скорая помощь», которая повезет тебя в тюремную больницу, поедет с прохладцей.

С Поттера было достаточно ее грубой тактики. Он не сомневался, что Фостер загоняет преступника обратно в его берлогу. И уже собирался похлопать ее по плечу, но замер, когда услышал ответ Хэнди:

— Никто меня не поймает. Я худший из всех, с кем вы имели дело. Я холодная смерть.

Его остановили не слова Лу, а тон, которым он их произнес. Теперь он напоминал испуганного ребенка. Почти жалкого. Каким бы необычным ни показался метод Фостер, он что-то затронул в Хэнди. Детектив повернулась к Поттеру.

— Можно сделать ему предложение сдаться?

Лебоу, Бадд и Данжело повернули головы к переговорщику. Что творится в мозгу у Хэнди? — размышлял Поттер. Внезапно осознал, насколько безнадежна ситуация? Может, кому-нибудь из репортеров удалось сообщить, что федеральный спецназ окружил бойню, и Хэнди узнал об этом по своему телевизору? Или просто устал? Такое случается — в одно мгновение человека покидает энергия. Только что преступники собирались вырваться на волю, паля во все стороны, но вот безвольно сидят на полу, и когда в дверь вламывается группа захвата, даже не в силах поднять над головой руки.

Но существовала и другая возможность, о которой Поттер даже не хотел думать: просто эта женщина лучше, чем он.

Вихрем ворвалась сюда, оценила Хэнди и нанесла правильный удар. В душу снова закралась ревность. Как поступить?

Внезапно он вспомнил о Мелани. Что вернее ее спасет?

И кивнул детективу:

— Конечно. Давайте.

— Лу, что ты потребуешь в обмен на то, чтобы выйти и сдаться?

«Дашь себе засадить?» — подумал Поттер.

— Дашь себя трахнуть?

— Это ты должен спросить у моего мужа, но он ответит «нет».

Пауза.

— Мне ничего не надо, кроме свободы, а она у меня есть.

— Разве? — мягко спросила Фостер.

Снова пауза. Дольше, чем первая.

Переговорщик прикидывал, что скажет преступник. «Еще как есть. И никто ее у меня не отберет». Но Хэнди сказал совсем противоположное:

— Я… не хочу умирать.

— Никто не собирается в тебя стрелять, Лу.

— Все хотят в меня стрелять. А если я сдамся, судья пропишет мне иглу.

— Мы это обсудим. — Теперь голос Фостер звучал нежно, почти по-матерински. Поттер смотрел на желтый квадратик света. И в глубине души заподозрил, что совершил в этот день серьезные ошибки. Ошибки, которые стоили людям жизни. Детектив повернулась к агенту.

— Кто может гарантировать, что штат не станет добиваться вынесения смертного приговора?

Поттер сообщил ей, что где-то неподалеку находится Роланд Маркс, и послал Банда искать его. Вскоре помощник Генерального прокурора штата появился в командном фургоне. Фостер объяснила ему, каких гарантий требует Хэнди.

— Он сдастся? — Холодные глаза Маркса сверлили Поттера, и переговорщик почувствовал, что все упреки и презрение, которые он в этот день адресовал помощнику Генерального прокурора штата, тот теперь возвращает ему. Впервые он не выдержал его взгляда.

— Думаю, мне удастся убедить его, — ответила Фостер.

— Передайте, что я гарантирую ему все, что угодно. Приложите к моим словам большую красную печать. И украсьте ленточками. Но я не могу скостить ему уже вынесенный приговор.

— И не надо. Не сомневаюсь, что он это понимает.

— Зато гарантирую, что мы не станем колоть его в руку иголками.

— Лу, рядом со мной помощник Генерального прокурора штата. Он гарантирует, что, если ты сдашься, они не станут добиваться вынесения смертного приговора.

— Вот как? — Хэнди помолчал. Раздались такие звуки, словно он потирал пальцами трубку. — И то же самое для моего товарища Шепа?

Фостер нахмурилась. Лебоу повернул к ней компьютер, и она прочитала справку на Уилкокса. Затем посмотрела на Маркса. Тот кивнул.

— Разумеется. Гарантии распространяются на вас обоих.

А что с вашим третьим?

«Говнюк устроил себе несчастный случай», — подумал Поттер.

— Несчастный случай, — рассмеялся Хэнди.

Фостер вопросительно посмотрела на переговорщика.

— Мы считаем, что он мертв, — ответил тот.

— Хорошо, — заключила блондинка-детектив. — Ты и Уилкокс. Будем считать, что мы заключили сделку.

Такое же предложение Поттер делал Хэнди через Чарли Бадда. Почему он принимает его теперь? Через мгновение переговорщик понял.

— Постой, фригидная сучонка, это еще не все.

— Лу, мне нравится, когда ты ругаешься.

— Мне нужна гарантия, что я не окажусь в Каллане. Я убил тамошнего охранника. Стоит мне там очутиться, и меня как пить дать забьют до смерти. Никаких федеральных сроков.

Фостер снова посмотрела на Поттера.

— Звони в министерство юстиции, — шепнул он Тоби. — Дику Аллену, помощнику Генерального прокурора в Вашингтоне.

— Лу, — сказала в трубку Фостер, — мы сейчас будем работать над этим вопросом.

«А пока то да се, давай потрахаемся. А то у меня свербит», — подумал переговорщик.

Хэнди явно повеселел, к нему вернулся прежний настрой, и он начал прикалываться.

— Пока ждем, приходи посидеть на моем петушке.

— Может, и пришла бы, да не знаю, где он у тебя.

— Засиделся в трусах.

— Вот пусть еще там и посидит.

Поттера соединили с Алленом: выслушав его, тот нехотя согласился с тем, что если Хэнди сдастся, то будет сначала отбывать срок по приговору штата. Аллен откажется предъявлять обвинение в побеге, но не может снять обвинение в убийстве охранника. Практически это означало, что Хэнди не попадет в федеральную тюрьму раньше чем лет через пятьдесят после того, как умрет от старости.

Фостер передала все это Хэнди. Он долго молчал, наконец послышался его голос:

— Хорошо, по рукам.

Детектив опять вопросительно посмотрела на Поттера.

Потрясенный переговорщик молча кивнул.

— Только все это должно быть в письменном виде, — потребовал Хэнди.

— О’кей, Лу. Мы это организуем.

Поттер уже писал от руки условия договора. Затем передал лист Лебоу, чтобы тот напечатал текст.

— Ну вот, — проговорил аналитик, не отводя глаз от голубого экрана. — Один — ноль в пользу хороших парней.

В фургоне послышался смех. Поттер вспыхнул, заметив, какая бурная радость охватила Бадда и федеральных агентов. Он тоже улыбнулся, понимая при этом, как никто другой в его команде, что одновременно выиграл и проиграл. И еще он знал, что его подвела не сила, не отвага, не умственные способности, а проницательность.

А это самое страшное поражение, какое может испытать человек.

— Вот. — Лебоу протянул ему распечатку.

Поттер и Маркс подписали документ, и Стиви Оутс сделал последнюю ходку на бойню. Он вернулся озадаченный и с бутылкой пива «Корона», которую дал ему Хэнди.

— Агент Поттер? — Переговорщик поднял глаза. Шэрон Фостер произносила его имя явно не в первый раз. — Вы хотите координировать процесс капитуляции?

Он мгновение смотрел на нее.

— Конечно. Тоби, позвони Дину Стиллуэлу, попроси его явиться сюда.

Техник вызвал шерифа. Невозмутимый Лебоу продолжал сосредоточенно вносить информацию в журнал. Шэрон Фостер посмотрела на Поттера, как ему показалось, с сочувствием. И это унижало и причиняло более сильную боль, чем ехидная улыбка победителя. Взглянув на нее, Поттер внезапно почувствовал себя очень старым, словно все, что он знал и делал в жизни, то, как смотрел на вещи, каждое слово, которое говорил незнакомым и друзьям, — все это вдруг устарело и потеряло смысл. Если не превратилось в откровенную ложь.

Он был в камуфляже, поэтому никто не заметил долговязого человека, лежащего в рощице белых берез неподалеку от командного фургона.

Он сжимал во вспотевших ладонях бинокль ночного видения.

Дэн Тримэйн неподвижно лежал на этом месте уже час; в это время прилетел и улетел вертолет, прибыл и сосредоточился поблизости федеральный спецназ, потом к командному пункту, взвизгнув покрышками, подкатила машина с молодой женщиной-полицейским.

Тримэйн услышал новость, которая распространялась от полицейского к полицейскому как пожар на пшеничном поле: Хэнди решил сдаться в обмен на обещание, что ему не вынесут смертный приговор.

Но для Дэна Тримэйна это было неприемлемо.

Не для того погибли его молодой боец Джоуи Уилсон и та несчастная девушка, чтобы этот Хэнди прожил долгую жизнь, опять убивал, злорадствовал и испытывал извращенное удовольствие, вспоминая, сколько вреда причинил другим, пока влачил свое бессмысленное существование.

Жертва — это то, что иногда необходимо. И кому, как не солдату, отдать свою жизнь ради справедливости?

— Сдача через десять минут, — объявил голос за его спиной. Тримэйн не мог сказать, был ли это полицейский или Божий ангел спустился с небес, чтобы сделать предупреждение. Он не стал разбираться, кивнул и поднялся на ноги. Распрямился, смахнул с лица слезы, одернул форму и провел пальцами по волосам. Тримэйн был не из тех, кто любил прихорашиваться, но решил, что в то мгновение, когда ярко, как он задумал, завершится его служба, надо выглядеть гордым и решительным.

23:18

Капитуляция — самый горячий момент разрешения кризиса с заложниками.

Во время капитуляций погибло больше людей, чем во время любой другой фазы кризисов, если не считать штурма. Вот и сейчас, в этом Поттер не сомневался, все будет совсем не просто, ведь для Хэнди суть капитуляции — возмездие, означающее утрату контроля над ситуацией.

Природное нетерпение побуждало переговорщика подхлестнуть события и поскорее взять Хэнди под стражу, но, подавив это желание, он повел процесс как по учебнику и первым делом собрал на командном пункте всю группу чрезвычайного реагирования. Как только появился шериф, он пожал ему руку.

— Дин, я передаю функции сдерживания и выполнения оперативной задачи Фрэнку и спецназу ФБР. Вы прекрасно поработали. Просто мы с Фрэнком не разделали это в прошлом.

— Никаких проблем, Артур. Я рад, что вы разрешили вам помочь. — К смущению переговорщика, шериф отдал ему честь, и агенту ФБР пришлось ответить тем же.

Бадд, Лебоу, Тоби и Данжело склонились над картами местности и планами бойни, а Поттер намечал последовательность операции. Анжи,

не имеющая опыта в тактических вопросах и бесполезная для Данжело и спецназа, повезла Эмили и Беверли в «Дейз инн». Детектив Шэрон Фостер, молодая и напористая, выйдя из фургона, курила — самый настоящий «Кэмел». А Фрэнсис осталась на командном пункте и терпеливо ждала.

— Все уже на взводе и начинают терять голову, — начал Поттер. — Устали и наши люди, и преступники. Возможны всякие оплошности, поэтому мы должны скоординировать каждый шаг. — Он замолчал и посмотрел в желтые квадратные глаза бойни.

— Артур, — позвал его Лебоу. Он хотел напомнить товарищу, что время поджимает.

— Да-да, конечно.

Все склонились над картами, и переговорщик стал отдавать приказы. Ему казалось, что он совершенно потерял голос, и удивлялся, когда стоящие рядом мужчины мрачно кивали в ответ на его слова, которые он сам едва слышал.

Через двадцать минут, когда Поттер лежал в пахучей траве и жал на телефоне кнопку быстрого набора номера, у него возникло ощущение, будто что-то происходит не так и Хэнди расставил им ловушку.

Он вспомнил, как Бадд предположил, что Хэнди задумал что-то хитроумное, вызывающее. Может быть, прорыв, побег.

«Чутье. Прислушайся к нему. Оно обычно не обманывает».

Теперь это чувство стало вполне определенным.

Раздался щелчок — на вызов ответили.

— Лу! — Поттер начал, вероятно, свой последний разговор с Хэнди по забрасываемому телефону.

— Ну, каковы наши планы, Арт?

— Последуем нескольким основным правилам. — Переговорщик находился в пятидесяти ярдах от входа в здание бойни. Рядом с ним лежали Фрэнк Данжело и Чарли Бадд. Лебоу и Тоби остались на командном пункте. — Женщина, та, что постарше, в сознании? Учительница?

— Вырубилась. Я ведь уже говорил тебе, Арт. Провела трудную ночь. Боннер — он был парень не промах. Во всех отношениях.

— А другая учительница? — Поттер заметил, что его голос дрогнул.

— Блондиночка? Маленькая мышка? — Помолчав, Хэнди ухмыльнулся. — Почему ты так интересуешься ею, Арт? Помнится, ты уже пару раз спрашивал о ней.

— Хочу знать, как обстоят дела с последними заложницами.

— Естественное желание, — рассмеялся Хэнди. — Думаю, у нее бывали ночки и получше.

— Что ты хочешь сказать, Лу? — осторожно спросил Поттер. На какое ужасное возмездие обрек ее преступник?

— Она слишком молода для такого старого пердуна, как ты, Арт.

«Дьявол! — сердито подумал Поттер. — Этот Хэнди словно читает мои мысли». Агент заставил себя забыть о девушке и мысленно вернулся к девятой главе своего учебника: «Фаза капитуляции». Они с Данжело решили, что тоннельные крысы — передовые бойцы спецназа — пролезут под погрузочными воротами на причале, чтобы контролировать внутренность здания и обеспечить безопасность заложниц. Преступники же выйдут через переднюю дверь.

— Дальше, Лу, — продолжил переговорщик. — По моей команде положи на землю оружие и выходи с вытянутыми в стороны, а не поднятыми над головой руками.

— Подобно Иисусу Христу на кресте?

Ветер усилился; он гнул молодые деревца, осоку, бородач, дикую морковь и поднимал тучи пыли. Жуткий геморрой для снайперов.

— Скажи мне правду: Боннер мертв или только ранен? — Поттер навестил бедную, задыхающуюся Беверли в одной из медицинских палаток и узнал от нее, что в Боннера действительно стреляли. Но девочка сказала, что избегала смотреть на толстяка, поэтому точно не знает, умер он или нет.

— Устал я от разговоров, Арт. Мы несколько минут поболтаем с Шепом, а затем закончим наши дела. Эй, Арт?

— Слушаю тебя, Лу.

— Ты тоже выдвигайся к нам. Встань так, чтобы я видел тебя. Иначе не выйду.

«Все исполню, — машинально подумал Поттер. — Все, что тебе угодно».

— Хорошо, Лу.

— Сюда, поближе к нам.

— Сделаю. — Переговорщик помолчал. — А теперь вот что я тебе хочу сказать...

— Пока, Арт. Все было очень забавно.

Щелк.

Поттер сообразил, что все еще сжимает телефон, хотя голос Хэнди пропал, осталось только потрескивание в трубке. Внезапно появилась мысль: он задумал самоубийство. Ситуация безнадежна: побег невозможен, его ждут погоня и невыносимые условия в тюрьме, — а так мгновенная вспышка, и все.

«Острелла, любовь моя...»

И при этом он вернет себе полный контроль над ситуацией.

Данжело прервал его размышления:

— Пока не получим подтверждения, что Боннер мертв, ' будем считать, что он жив и вооружен.

Переговорщик кивнул, нажал на кнопку разъединения и положил телефон в карман.

— Скоординируй все как следует, Фрэнк. Мне кажется, он может начать стрелять.

— Вы считаете? — Бадд прошептал это очень тихо, словно Хэнди мог подслушать его на таком расстоянии.

— Только интуиция. Но предусмотри и такую возможность.

Данжело кивнул. Связался по рации со своими людьми, удвоил количество снайперов на деревьях и включил взрывотехников в первоначальную группу захвата. Когда все были на местах, он повернулся к Поттеру:

— Ну что, Артур, начнем?

Переговорщик кивнул, командир спецназа отдал команду в микрофон, и четыре бойца начали движение вдоль фасада здания. Двое задержались у открытых окон, двое других растворились в тени по обеим сторонам двери. Те, что стояли под окнами, надели кевларовые куртки, чтобы защититься от осколков фанат.

Командир спецназа вызвал по рации двух пробравшихся в здание тоннельных крыс. Несколько секунд слушал, а затем передал их доклад Поттеру. Две заложницы, судя по всему, живы. Лежат на полу в помещении, которое и было указано. Ранены, но неизвестно, серьезно ли. Боннер по виду мертв. В бесстрастном голосе Данжело вдруг прозвучала тревога.

— Слушай, там повсюду кровь.

«Чья?» — подумал переговорщик.

— Хэнди и Уилкокс вооружены?

— В руках у них оружия нет, но на них топорщатся рубашки. Не исключено, что прячут.

«Ранены, но неизвестно, серьезно ли».

— Они привезли с собой инструменты, — проинформировал Поттер командира спецназа. — Среди прочего могла оказаться и липкая лента, которой они прикрепили под рубашками оружие.

Данжело кивнул.

«Повсюду кровь».

К мужчинам на холме присоединилась Шэрон Фостер в тяжелом бронежилете.

«Как же все это кончится?» — думал Поттер, прислушиваясь к заунывному вою ветра. Его непреодолимо тянуло еще раз поговорить с Хэнди. И он нажал на телефоне кнопку быстрого набора.

Десяток звонков, два десятка. Никакого ответа.

Данжело и Лебоу смотрели на него. И он нажал отбой.

В здании бойни погас свет. Бадд насторожился, но переговорщик успокоил его: преступники, захватившие заложников, часто, перед тем

как выйти, выключают электричество — хотя и сдаются, не хотят выделяться на светлом фоне и представлять собой хорошую мишень.

Месяц прошел по ветреному небу большую часть пути. Часто там, где переговорщики провели часы и даже дни, у них возникает ощущение знакомой обстановки и чувство какого-то патологического спокойствия. Но теперь, глядя на черные и красные кирпичи здания, Поттер думал лишь о фразе Хэнди: «Я холодная смерть».

Дверь медленно приоткрылась. Сначала наполовину. Затем еще.

Но за ней никакого движения.

«Что это значит? — гадал переговорщик. — Хороший или плохой признак? И что за этим последует: мир или насилие?»

«Ах, моя прекрасная Острелла».

Во время капитуляций он насмотрелся всякого. Террористы падали на землю и плакали как дети. Бросались наутек безоружные преступники. Появлялись спрятанные пистолеты. Молодая сирийка, ласково ему улыбаясь, медленно, с разведенными в стороны, как и положено, руками, вышла из израильского консульства. И вдруг у нее в бюстгальтере взорвались гранаты: ее и трех бойцов спецназа разнесло на куски.

«Стерегись».

Лишь в третий или в четвертый раз за свою карьеру Поттер потянулся к кобуре, достал пистолет и, передернув затвор, дослал патрон в патронник. Затем, не поставив на предохранитель, сунул обратно в кобуру.

— Почему ничего не происходит? — раздраженно прошептал Бадд.

Поттер подавил неожиданное, необъяснимое желание истерически расхохотаться.

— Арт! — Из глубины бойни долетел голос, показавшийся на фоне ветра слабым и прерывающимся.

— Да, — ответил переговорщик в мегафон.

— Ты где, черт тебя возьми? Я не вижу тебя.

Поттер покосился на Бадда.

— Вот за что я получаю зарплату. — Он неловко поднялся и протер очки о лацкан спортивного пиджака. Шэрон Фостер спросила, уверен ли он, что ему стоит подставляться. Поттер, взглянув на нее, сделал несколько шагов вниз по склону, перешагнул через разделяющий загоны старый забор и остановился ярдах в тридцати от входа в здание бойни.

— Я здесь, Лу. Выходи!

И они вышли. Сначала Хэнди. За ним Уилкокс.

Первое, что заметил переговорщик: они держали руки на затылке.

«Все в порядке, Острелла. Выходи, как тебе нравится. Пошли домой. Все будет хорошо».

— Лу, вытяни руки в стороны!

— Успокойся, Арт, — ответил Хэнди. — Не доводи себя до инфаркта. — Он щурился на мощный свет ослепляющих ламп. И удивленно оглядывался по сторонам.

— Лу, в тебя целится дюжина снайперов...

— Только дюжина? Черт возьми, я думал, что достоин большего.

— Лу, руки в стороны, иначе они будут стрелять.

Хэнди остановился. Посмотрел на Уилкокса. На их лицах появились улыбки.

Ладонь переговорщика легла на рукоятку пистолета.

Преступники медленно развели руки.

— Арт, у меня вид как у обосранной балерины.

— Ты все делаешь правильно, Лу.

— Тебе легко говорить.

— Двигайтесь вперед в разных направлениях футов десять, — приказал переговорщик. — Затем ложитесь на землю лицом вниз.

Хэнди и Уилкокс отошли от бойни дальше, чем им велели, но затем упали на колени и распростерлись на животах. Двое спецназовцев у двери навели им в спины пистолеты-пулеметы, а сами отодвинулись от

входа на случай, если Боннер все-таки не мертв или в здании находятся другие преступники, о которых не знали даже заложницы.

Прятавшиеся под окнами бойцы забрались внутрь, двое других вынырнули из тени и бросились за товарищами в дверь. По залам бойни хлестали лучи прикрепленных к их оружию мощных фонарей.

Бойцов проинформировали об устроенной Хэнди огненной ловушке, и они двигались с большой осторожностью, оглядываясь, чтобы не задеть натянутую проволоку. Никогда в жизни Поттер так сильно не волновался. Каждую секунду ждал, что в бойне вспыхнет оранжевый огонь.

Подошли два новых бойца прикрыть товарищей, что были у двери, а те приблизились к Хэнди и Уилкоксу.

Нет ли у преступников спрятанных гранат на взводе?

Не скрывают ли они на себе ножи?

Только когда на Хэнди и Уилкокса надели наручники, Артур Поттер понял, что кризис разрешился. Он остался цел и невредим.

И в очередной раз не разобрался в Хэнди.

Он вернулся к Бадду, Данжело и Фостер. Попросил командира спецназа связаться по рации с бойцами, взявшими Хэнди и Уилкокса, и дать им указание, как обращаться с преступниками. Вспомнил, что заводилой в компании был Уилкокс — импульсивнее других, — и велел сковать его не только наручниками, но и прикрепить цепь к поясу. Однако с Хэнди не делать этого. Поттер понимал, что Лу скорее пойдет на сотрудничество, если сохранит хоть частично контроль над ситуацией.

Молча подошли другие бойцы, окружили лежащих на земле. Поставили на ноги, еще раз тщательно обыскали. Быстро спустили в овраг и повели прочь от бойни.

Затем в здании зажегся свет.

Долго-долго не раздавалось ни звука, хотя на самом деле прошло, наверное, лишь несколько секунд.

Где она?

— Докладывайте, — приказал по рации Данжело. Минуту слушал, затем повернулся к Поттеру. — Все чисто. Больше никаких преступников.

Никаких ловушек. В зале нашли что-то вроде бензиновой бомбы, но она уже разряжена.

Все поднялись на ноги и смотрели, как по оврагу вели Хэнди.

— Что с заложницами? — поспешно спросил Поттер.

Данжело выслушал доклад.

— Боннер мертв.

«Ну же, ну!»

— Обнаружены две женщины. Одна, белая, лет под сорок, в сознании, но плохо осознает происходящее.

«Господи, что с ней?»

— Вторая, белая, около двадцати пяти лет. Тоже в сознании. — Командир спецназовцев поморщился. — Мне сообщают, что она серьезно ранена.

«Боже, неужели?»

— Что?! — воскликнул Поттер. — Что с ней? — Переговорщик схватил свою рацию и настроился на канал. — Что с молодой женщиной?

Ответил боец, находящийся внутри здания.

— Кажется, сэр, Хэнди здорово поиздевался над ней.

— Точнее! — вспылил переговорщик. Бад и Данжело во все глаза смотрели на него. К ним, сопровождаемый бойцами с каждой стороны, приближался Хэнди. Поттер не мог поднять на него глаза. Спецназовец в здании продолжал докладывать по рации:

— Сэр, у нее нет серьезных повреждений. Но он, наверное, забил ее до того, что она не слышит ни слова.

Капитуляция происходила настолько стремительно, что Поттер забыл предупредить спецназовцев о глухоте Мелани.

Данжело что-то сказал ему, и Чарли Бадд тоже. Но он ничего не слышал — их слова заглушил его громкий, безумный, истерический смех. Шэрон Фостер и окружающие полицейские встревоженно посмотрели на него. И Поттер понял: они решили, что он просто сумасшедший старикашка, каков он и есть на самом деле. И еще он понял, что это ему совершенно безразлично.

— Лу!

— Арт, ты выглядишь совсем не так, как я представлял. Тебе в самом деле надо сбросить несколько фунтов.

Хэнди стоял за командным фургоном со скованными за спиной руками. Шэрон Фостер присматривала за преступниками. Хэнди скользнул глазами по ее фигуре и ухмыльнулся. Она ответила ему презрительным взглядом. Поттер знал, что после трудных переговоров, особенно если во время них произошло убийство, человек испытывает потребность уколоть или унизить врага. Сам он сдерживал себя, но Фостер была моложе и эмоциональнее. Насмешливо скривив губы, она еще раз посмотрела на Хэнди и пошла прочь. Тот расхохотался и повернулся к Поттеру.

— На фотографии ты совсем не такой, — заметил переговорщик.

— На этих долбаных фотографиях мы все не такие, — ответил тот.

Как обычно случалось после капитуляции, преступник показался Поттеру гораздо меньше, чем тот злодей, которого он воображал, говоря с ним. Лицо Хэнди, бледное, хмурое, с мелкими резкими чертами, покрывали морщины. Поттер знал рост и вес Лу, но удивился, обнаружив, что он такой замухрышка.

Обведя глазами окружающих, Поттер не увидел Мелани. У дверей бойни толпились полицейские, пожарные, врачи и парни из уже распущенной команды сдерживания шерифа Стиллуэла. Автомобиль, на котором приехал Хэнди, школьный автобус и здание — все это представляло собой место преступления. И поскольку в соответствии с заключенным соглашением проведением операции формально занимался штат, капитан Балл официально арестовал Хэнди и Уилкокса и теперь старался сохранить улики для судебных экспертов.

Где же она?

Когда Поттер арестовывал Хэнди по федеральным обвинениям, произошел инцидент. Глаза преступника стали холодными.

— Какого хрена?

— Соблюдаю наши права, — ответил переговорщик. Старший специальный агент Хендерсон объяснил, что это обычная формальность, а Роланд Маркс подтвердил, что в дальнейшем все будут следовать письменному соглашению. Поттер пережил неприятный момент: ему

вдруг показалось, что помощник Генерального прокурора вот-вот бросится на Хэнди.

— Убийца детей! — прошипел он и пошел прочь.

Лу рассмеялся ему вслед.

Шеп Уилкокс скалил зубы и озирался по сторонам. Видимо, он был разочарован, что вокруг него не толпятся журналисты.

Старшую учительницу Донну Харстрон вынесли из здания на носилках. Поттер пошел рядом с врачами.

— С ней все в порядке, — прошептал в ответ на его вопросительный взгляд молодой медик. — Физически.

— Ваш муж и дети ждут вас в «Дейз инн», — сообщил женщине переговорщик.

— Это было так... — начала она и, замолчав, покачала головой. — Не могу никого видеть. Пожалуйста, не надо. Никогда... — И забормотала что-то невнятное.

Поттер, пожав ей руку, наблюдал, как носилки несут к машине «скорой помощи».

Он повернулся к бойне как раз в тот момент, когда оттуда выводили Мелани Черрол. Ее светлые волосы растрепались. Она, как и Хэнди, оказалась меньше ростом, чем ожидал переговорщик. Поттер сделал к ней шаг, но замер. Мелани не замечала его. Не сводя глаз с Донны Харстрон, быстро шла вперед в серой юбке, черных чулках, темно-вишневой блузке. Поттеру показалось, что вся ее одежда пропитана кровью.

— Почему на ней столько крови? — спросил он у вышедшего из бойни спецназовца.

— Не ее кровь, — ответил тот. — Видимо, Боннера. Из него вылилось столько кровищи, будто свежевали здоровенного лося. — Хотите поговорить с ней?

Поттер колебался.

— Позже. — Но в его уме это слово прозвучало как вопрос, и он не знал на него ответа.

К нему подошла детектив Шэрон Фостер и пожала руку.

— Доброй ночи, агент Поттер.

— Спасибо за все.

— А, ерунда. — Она грубовато ткнула его пальцем. — Прекрасно провели капитуляцию. Прошло как по маслу. — Оставив Поттера, она вернулась к своему автомобилю.

Из гостиницы вернулась Анжи Скапелло. Она хотела забрать свои вещи и попрощаться с Поттером и остальными. Ей еще предстояла работа в «Дейз инн» — поговорить с потерпевшими и убедиться в том, что у их родственников есть фамилии врачей — специалистов по посттравматическому синдрому.

Бадд и Данжело, присоединившись к Анжи, отправились в тыловую зону, а Поттер и два полицейских повели преступников к командному фургону. Неподалеку ждали патрульные машины; им предстояло отвезти арестованных в полицейское управление, находящееся в десяти милях от бойни.

— Похоже, у вас тут был пожар, — заметил Хэнди, разглядывая черные полосы копоти. — Надеюсь, уж в этом-то меня не станут обвинять.

Посмотрев на арестованного, Поттер вдруг заметил, что ' из темного оврага к ним направляется человек. Переговорщик не придал этому значения — их окружали десятки полицейских. Однако незнакомец, не обращая ни на кого внимания, быстро и очень уверенно приближался к ним. Шел прямо на Поттера.

— У него оружие! — крикнул переговорщик. И в этот момент Дэн Тримэйн начал поднимать пистолет.

Уилкокс и державший его полицейский упали на землю. Так же поступил второй полицейский из их охраны. На ногах остались только Хэнди и Поттер. Оба на дистанции пистолетного выстрела.

Хэнди, взглянув на Тримэйна, улыбнулся. Поттер, вытащив оружие, направил его на командира канзасского спецназа. И, сделав шаг, заслонил собой арестованного.

— Отставить, капитан! — твердо сказал он.

— Убирайся с дороги, Поттер!

— Ты и так нажил себе неприятности.

Пистолет в руке Тримэйна полыхнул огнем. Поттер почувствовал, как рядом с головой просвистела пуля, и услышал смех Хэнди.

— Убирайся!

— Ну давай, — прошептал ему на ухо Лу. — Жми на курок. Завали этого козла.

— Заткнись! — рявкнул агент.

Четверо или пятеро полицейских, выхватив оружие, целились в капитана. Никто не знал, как поступить.

— Он мой! — объявил Тримэйн.

— Все по закону, — шептал Хэнди. — Убей его, Арт. Ты же хочешь этого, и сам это знаешь.

— Тихо! — бросил Поттер и вдруг понял, что Лу прав: он в самом деле хотел этого. Да, хотел. И более того: чувствовал, что у него есть оправдание, если он убьет человека, который чуть не сжег Мелани.

— Действуй! — уговаривал Хэнди. — Тебе же до смерти хочется.

— Не делай этого, Дэн, — произнес Поттер, не обращая внимания на своего пленника. — Убийство не принесет тебе ничего, кроме горя. Ты же сам не хочешь этого.

— И ты туда же, Арт: рассказываешь людям, чего они хотят. А я тебе говорю, чего хочешь ты. Хочешь застрелить этого говнюка, который чуть не поджарил твою подружку. Ведь она твоя девчонка, эта Ме-ла-ни.

— Да закрой ты свой поганый рот.

— Давай, Арт, пали!

Тримэйн снова выстрелил. Поттер съежился, когда пуля жикнула у самого его лица и ударила в лежащий неподалеку от бойни чурбан.

Капитан водил стволом, метясь в противника. И тогда Артур Поттер развел руки, загораживая своего пленника. И, надо признаться, друга.

— Да сделай же ты хоть что-нибудь дурное, — упрашивал его ровным, спокойным шепотом Хэнди. — Отодвинься на дюйм, и пусть он убьет меня. Или убей его.

Поттер обернулся.

— Заткнешься ты наконец или нет?..

Несколько агентов ФБР вытащили оружие и кричали Тримэйну, чтобы он бросил пистолет. Полицейские штата молча переживали за командира канзасского спецназа.

Поттер думал: «Хэнди чуть не убил Мелани».

«Просто отступи на несколько дюймов».

«И Тримэйн тоже чуть не убил ее».

«Так не медли, стреляй!»

— Если бы его дело выгорело, — шептал Хэнди, — твоя девчонка получила бы ожог третьей степени. У нее не осталось бы ни одной волосинки. Титьки тоже сгорели бы. И даже такой старый пердун, как ты, не захотел бы ее трахать.

Переговорщик резко повернулся и выбросил вперед руку. Его кулак врезался Хэнди в челюсть, тот отлетел назад и рухнул на землю. Тримэйн стоял в десяти футах от них и снова целился арестованному в грудь. Поттер поспешно встал к нему лицом.

— Брось пистолет, Дэн! — приказал он. — Брось! Твоя жизнь еще не кончена. Но это будет именно так, если ты сейчас спустишь курок. Подумай о семье. — Вспомнив, что видел на пальце командира спецназа кольцо с крестом, он мягче продолжал: — Господь не хочет, чтобы ты пропадал из-за такого никчемного существа, как Хэнди.

Пистолет дрогнул и упал на землю.

Не глядя ни на Поттера, ни на Хэнди, Тримэйн подошел к Чарли Бадду и подставил руки, чтобы тот надел на него наручники. Капитан посмотрел на коллегу, что-то хотел сказать, но промолчал.

Хэнди, с трудом поднявшись на ноги, повернулся к переговорщику.

— Профукал верное дело, Арт. Не у всякого появляется шанс убить человека и...

Поттер схватил его за волосы и ткнул дулом пистолета под уже пострадавшую челюсть.

— Ни слова больше!

Арестованный попятился. Он, тяжело дыша, впервые по-настоящему напуганный, отвернулся. Но только на мгновение. В следующую секунду он рассмеялся.

— Какой же ты хлам, Арт. Да, сэр. И покончим на этом.

Полночь

Артур Поттер остался один.

Он посмотрел на свои руки и заметил, что они дрожат. До происшествия с Тримэйном он был тверд как скала. Переговорщик принял воображаемый валиум, но лекарство не помогло. И вскоре понял, что его тревожное состояние вызвано не поединком, а всепоглощающим чувством разочарования. Ему необходимо поговорить с Хэнди. Больше узнать о нем, о том, что им руководило.

«Зачем он убил Сьюзан? Что планировал? Что произошло в том месте — этом зале забоя? И что он думает обо мне?»

Поттеру казалось, что полицейские уводят часть его самого. Он смотрел в косматый затылок Хэнди. Мужчина покосился на него, и Поттер увидел на его лице выражение гиены. Мелькнул остроконечный подбородок.

«Стерегись».

Он вспомнил о своем пистолете. Извлек патрон из патронника, зарядил в обойму и убрал оружие в кобуру. А когда снова поднял глаза, две патрульные машины, увозившие Хэнди и Уилкокса, исчезли из вида. В этот миг Поттеру казалось, что возникшее между ним и преступником уродливое чувство товарищества никогда не исчезнет. Какая-то его часть тяжело страдала из-за того, что от него отрывают Хэнди.

Затем он стал думать о работе, которую еще полагалось выполнить. Предстояло написать отчет по форме ИР-1002. Сегодня же вечером доложить по телефону местному директору тактических операций. А затем появиться перед адмиралом, когда тот ознакомится с отчетом об инциденте. Готовиться надо начинать уже сейчас. Директор ФБР ценил доклады сотрудников, такие же краткие, как выжимки новостей, но реальные события редко удавалось изложить лаконично. Поттер заскочил на пресс-конференцию, которую проводил Хендерсон, но, ответив на несколько вопросов, направился к двери. Пусть старший специальный агент примет сколько его душе угодно похвал, восторгов и упреков. А самому Поттеру все это стало безразлично.

Еще он должен решить, как поступить с канзасскими спецназовцами, предпринявшими неудачную попытку захвата. Поттер понимал, что Тримэйн никогда не решился бы на такое без санкции сверху — не исключено, что от самого губернатора. Но если это так, главный человек штата уже сделал все возможное, чтобы его имя никто не связал с капитаном. Наверное, он даже планировал коварный наступательный маневр со своей стороны — например публичное распятие некоего Артура Поттера, — и агенту следовало продумать оборону.

Еще один вопрос: не стоит ли ему на несколько дней задержаться в Канзасе? Или сразу вернуться в Чикаго? Или ехать в Вашингтон?

Поттер стоял у закопченного, покинутого всеми фургона и ждал Мелани. Смотрел на здание бойни и думал, что он ей скажет. Неподалеку, прислонившись к своему автомобилю, стояла Фрэнсис Уитинг и выглядела такой же измотанной, как и он. Поттер подошел к ней.

— Найдется время дать мне урок?

— Еще бы.

Через десять минут они шли к медицинской палатке.

Мелани Черрол сидела на смотровом столе. Врач забинтовал ей шею и плечи. Она, наверное, для того, чтобы ему было удобнее, заплела волосы в косичку.

Поттер сделал к девушке шаг и поступил так, как приказывал себе не делать — понимал, что не следует, — обратился скорее не к Мелани, а ко врачу, втирающему в ее ногу бетадин:

— С ней все в порядке?

Мелани кивнула и широко улыбнулась. Единственный раз отвела взгляд от глаз Поттера, когда он заговорил, и посмотрела на его губы.

— Это не ее кровь, — объяснил врач.

— Медведя?

Улыбаясь, девушка кивнула, но Поттер заметил пустоту в ее глазах. Врач дал ей таблетку. Мелани проглотила и запила двумя стаканами воды.

— Я оставлю вас на несколько минут, — сказал молодой медик.

Вместо него в палатку вошла Фрэнсис. Женщины обменялись быстрыми знаками.

— Она спросила о девочках, — объяснила переводчица. — Я в основном просветила ее.

Мелани не сводила глаз с Поттера. Их взгляды встретились.

Девушка, подавленная, забинтованная, была красивой, как и думал Поттер. С невероятно выразительными голубовато-серыми глазами.

Он поднял руки, чтобы сказать ей то, чему его научила Фрэнсис, но его отличная память на этот раз подвела. И он, признавая поражение, покачал головой. Мелани смотрела на него снизу вверх.

Поттер поднял палец: «Постой», — и на несколько секунд, вспоминая, застыл. Фрэнсис подсказала ему, и он начал:

— Я Артур Поттер. Рад с тобой познакомиться.

— Нет, ты Шарль Мишель де л’Эпе, — перевела Фрэнсис.

— Ну уж не настолько древний. — Он заговорил обычным языком и улыбнулся. — Офицер Уитинг сказала мне, что он родился в восемнадцатом веке. Как ты себя чувствуешь?

Мелани поняла без перевода, показала на свою одежду, шутливо нахмурилась и сделала несколько знаков руками.

— Видите, что с моей блузкой и юбкой? Почему вы не вытащили нас оттуда чуть раньше?

— Это как в сериале: каждый эпизод должен кончаться драматической ситуацией.

С Мелани, как и с Хэнди, он терялся; хотелось задать ей тысячу вопросов, но язык не слушался его.

Он подошел к ней ближе, и оба замерли. Затем Поттер вспомнил еще одну фразу на знаковом языке, которой научила его Фрэнсис.

— Ты очень храбрая.

Мелани, казалось, обрадовалась похвале. Начала отвечать, но переводчица в недоумении покачала головой. Девушка повторила.

— Не понимаю, что она хочет сказать, — призналась Фрэнсис. — Буквально: «Если бы вас не было со мной, я бы ничего не смогла».

Но он понял.

Послышалось пыхтение двигателя. Поттер повернулся и увидел комбайн. Ему показалось, что неуклюжая машина гонит перед собой тучи насекомых. Но в следующее мгновение он понял, что это уборочные ножи поднимают к небу пыль и шелуху.

— Они будут убирать всю ночь, — перевела Фрэнсис.

Поттер посмотрел на Мелани.

— Влажность становится критической. Когда позволяют условия, приходится выкладываться.

— Откуда ты все это знаешь?

— Мелани говорит, что она с фермы.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза. Поттер попытался представить себе, что это взгляд Мариан. Это объяснило бы его ощущения, вызванные сентиментальностью или тоской. Нет, ничего подобного! Взгляд молодой женщины и вызванные им ощущения были иными, ранее никогда не испытанными.

Поттер вспомнил последнюю фразу, усвоенную от Фрэнсис. Он смешался, а затем импульсивными знаками показал слова. Ему почудилось, что он с абсолютной ясностью ощущает форму руки и только движением кисти может выразить мысль.

— Я хочу снова увидеться с тобой. Может быть, завтра?

Мелани не отвечала бесконечно долго. Потом кивнула и улыбнулась.

Внезапно потянувшись к его руке, она накрыла ее ладонями. И он прижал свою забинтованную кисть к ее плечу. В таком неловком объятии они провели несколько мгновений. Затем он коснулся волос на ее затылке. Мелани опустила голову, и его губы почти коснулись толстой светлой косы. Но тут Поттер почувствовал мускусный запах ее волос, запах пота и слабый аромат духов. Запахи плотской любви. И не смог поцеловать ее.

Как она молода! Стоило ему подумать об этом, и желание обнять ее пропало. Его стариковские фантазии — не выраженные словами и едва оформившиеся — исчезли.

Поттер понял, что пора уходить.

И еще: что он больше никогда не увидит ее.

Он внезапно отступил, и Мелани, смутившись, подняла на него глаза.

— Мне надо поговорить с федеральным прокурором, — сказал он.

Девушка кивнула и протянула руку. Поттер счел это знаком из языка глухих и потупился в ожидании. И вдруг она тепло тронула его пальцы. Оба рассмеялись его ошибке. Мелани потянула его к себе и поцеловала в щеку.

Уже на пороге Поттер остановился и обернулся.

— «Стерегись!» Ты это мне сказала?

Мелани кивнула. И ее глаза снова стали пустыми. Пустыми и жалкими. Фрэнсис перевела ее ответ.

— Я хотела, чтобы вы знали, насколько он опасен. Чтобы были осторожны.

Она улыбнулась и сделала еще несколько знаков. Поттер рассмеялся, выслушав перевод.

— Из-за вас я лишилась блузки и юбки. И надеюсь, что вы все возместите мне. Пожалуйста, не забудьте. Я глухая с характером. Я вам не завидую.

Вернувшись в фургон, Поттер поблагодарил Тоби Геллера и Генри Лебоу. Они улетали домой коммерческими рейсами. Их увезла патрульная машина. Снова пожал руку Дину Стиллуэлу и испытал странное желание сделать ему какой-нибудь подарок: ленту, медаль или отличительное кольцо федерального агента. Шериф откинул назад копну волос и приказал своим бывшим подчиненным — местным и федералам, — чтобы они ходили осторожно и не очень топтали: все-таки здесь место преступления и экспертам еще придется собирать улики.

Поттер стоял под одним из галогенных прожекторов и смотрел на пустую бойню.

— До свидания, сэр, — послышался за спиной голос.

Переговорщик обернулся. Там стоял Стиви Оутс. Он пожал ему руку.

— Без тебя у нас ничего не получилось бы.

Парень, ловко уворачивавшийся от пуль, смутился.

— Ну да, а как же…

— Вот тебе мой совет.

— Слушаю, сэр.

— Не вызывайся добровольцем слишком часто.

— Слушаюсь, сэр, — улыбнулся полицейский. — Я запомню это.

Затем Поттер нашел Чарли Бадда и попросил подвезти его в аэропорт.

— А вы не хотите немного задержаться? — спросил молодой капитан.

— Надо лететь.

Они залезли в машину Бадда без опознавательных знаков и быстро тронулись в путь. Поттер в последний раз оглянулся на здание бойни — кладка из красного и белого кирпича производила впечатление обнаженной, окровавленной кости. Переговорщик поежился и отвернулся.

— Спасибо, что дали мне шанс, — проговорил Бадд.

— Вы были достаточно любезны и кое в чем мне признались…

— После того как чуть не подставил вас и не вынудил бросить дело.

— …поэтому хочу вам тоже кое в чем признаться.

Капитан взъерошил свои рыжевато-каштановые волосы, отчего Поттеру показалось, что он ходит в одну парикмахерскую с Дином Стиллуэлом. Это, видимо, означало: «Продолжайте, я вынесу все».

— Я держал вас при себе в качестве помощника, желая показать всем, что идет федеральная операция, а полиция штата при мне только на подхвате. Я держал вас на поводке. Вы умный человек и, думаю, догадались сами.

— Да. Судя по всему, вам вовсе не был нужен такой дорогостоящий мальчик на побегушках, как я. Заказывать «Фритос», пиво и вертолеты. Отчасти по этой причине я и положил в карман диктофон. Но то, как вы разговаривали и обращались со мной, заставило меня вынуть его.

— Вы были вправе чертовски злиться на меня, но, должен сказать, повели себя гораздо лучше, чем я предполагал. Стали настоящим членом

команды. Отлично провели разговор с Хэнди — держались совершенно естественно. Готов в любое время взять вас с собой на переговоры.

— Нет уж, Артур, спасибо, ни за какие деньги. Лучше я буду ловить преступников на земле, а вы выковыривайте их из всяких дыр.

— Вполне откровенно, — рассмеялся Поттер.

Они молча ехали среди полей. Колеблемая ветром пшеница казалась живой в лунном свете — словно шелковистая шкура зверя, который вот-вот бросится наутек.

— У меня такое ощущение, — медленно начал Бадд, — будто вы считаете, что сегодня совершили ошибку.

Поттер молча смотрел в паучьи глаза ползающих по полю комбайнов.

— Думаете, что если бы поступили как детектив Фостер, то заставили бы Хэнди сдаться раньше. И может быть, спасли жизнь девушки и Джоуи Уилсона.

— Это приходило мне в голову, — ответил переговорщик. «О как же нам не нравится, когда нас удается раскусить. Неужели так притягательна мысль, что наша суть — тайна для всех, кроме нас? Посвящу тебя в свои тайны, Мариан. Но только тебя. Наверное, это одна из граней любви и с этой точки зрения вполне оправданна. Но как нам претит, когда нас видит насквозь посторонний!»

— Однако вам удалось сохранить заложницам жизнь, после того как истекло время трех или четырех ультиматумов, — продолжил капитан.

— Эта девушка, Сьюзан...

— Хэнди убил ее фактически до того, как вы начали переговоры. Вам не удалось бы отговорить его. Кроме того, у него было много возможностей попросить о том, что предложила ему Шэрон, но он этого не сделал. Ни разу.

Бадд говорил правду. Но, разбираясь в тонкостях своей профессии, Артур Поттер не сомневался, что во время кризисов с заложниками переговорщик — самый близкий к Богу человек и любая смерть ложится камнем, и только на его совесть. Но еще он понял — и это многие годы спасало его, — что одни смерти тяготят меньше, чем другие.

Они проехали еще три мили. Поттера завораживал вид залитой лунным светом пшеницы. Капитан снова заговорил, теперь на вполне нейтральную тему — о жене и детях. Поттер смотрел вперед и слушал.

В самолете он сунул в рот две пластинки «Риглиз» и помахал на прощание капитану. Тот ответил. Но в салоне царил полумрак, и Поттер не был уверен, что полицейский видел его.

Утонув в мягком бежевом кресле самолета «Гольфстрим Грумман», он вспомнил о фляжке ирландского виски в своем чемоданчике, но понял, что пить не в настроении.

«Что скажешь, Мариан? Я не на службе, а выпить рюмочку на ночь не хочется. Что со мной такое?»

Заметив на консоли телефон, Поттер хотел позвонить Линден и сказать, чтобы она не ждала его. Или лучше сделать это, когда они поднимутся? Он позовет Шона — мальчику будет интересно узнать, что дядя Артур говорит с ним с высоты двадцать тысяч футов. Поттер рассеянно посмотрел в иллюминатор на созвездия цветных огней, обозначающих взлетные полосы и рулежные дорожки. Достал из кармана еще сырую записку от Мелани. Прочитал. Скомкал бумажку и сунул в кармашек сиденья перед собой.

Моторы мощно взревели, и после толчка ускорения самолет не побежал по полосе, а почти с места, как отправляющийся на Марс космический корабль, взмыл в небо. Они поднимались все выше и выше, к луне, которая жутковатым серпом висела в туманном небе. Самолет устремился к черному диску, окруженному белым сиянием. Придя в необычное для себя поэтическое настроение, Поттер стал придумывать названия для этого образа: ледяные пальцы ведьмы, тянущиеся сорвать сонную одурь[50].

Потом закрыл глаза и откинулся на мягкую спинку сиденья. «Грумман» внезапно накренился. Маневр был настолько резким, что Поттер подумал о мгновенном конце. Он отнесся к этому спокойно. Видимо, оторвалось крыло или двигатель. Или тот самый болт, который скрепляет весь фюзеляж, в конце концов не выдержал усталости. Его веки дрогнули, и Поттер — да-да, поверил, что наяву увидел в блестящем ободке пронесшейся мимо луны лицо Мариан. Он понял: то, что долгие годы жизни объединяло их, никуда не ушло, и Мариан манит его к себе.

Снова закрыв глаза, Поттер ощутил абсолютный покой. Но нет, ему еще не пришло время умереть.

Самолет завершил крутой разворот и, направляясь обратно в аэропорт, выпустил закрылки и шасси. Он снижался к плоским просторам Канзаса.

Переговорщик схватил телефонную трубку и, приложив к уху, слушал, что говорил ему мрачным, срывающимся голосом старший агент Питер Хендерсон. Детектива Шэрон Фостер час назад нашли убитой и полуголой неподалеку от ее дома. Подозревали, что женщина, игравшая роль Шэрон во время переговоров с Хэнди, была его подружкой.

Четыре полицейских, конвоировавших арестованных, были застрелены, как и Уилкокс, — все погибли в жестокой перестрелке в пяти милях от бойни.

Хэнди и эта женщина бесследно исчезли.

IV Могила девы

01:01

Они ехали вдвоем в своем «ниссане» среди полей при тусклом свете луны и вспоминали вечер в доме дочери в Иниде — малоприятный, как и предполагалось.

Но в разговоре не касались ни жалкого трейлера, в котором жили их дети, ни неумытого внука, ни патлатого зятя, выбегавшего в запущенный двор приложиться к спрятанной там бутылке «Джек Дэниелс». Нет, они обсуждали только погоду и непривычные дорожные знаки, попадавшиеся им на пути.

— В этом году осень будет очень дождливая. Совсем зальет.

— Не исключено.

— Что-то я читал насчет форели в Миннесоте.

— Форели?

— Да, там жуткие дожди.

— Слушай, через пять километров будет кафешка «У Стаки». Не хочешь заскочить?

Их дочь Харриет приготовила совершенно несъедобный ужин: все пережарено, переварено и пересолено. А в суккотаче[51] муж обнаружил нечто очень напоминавшее пепел от сигареты. И теперь оба изрядно проголодались.

— Давай. Но только на кофе. Видишь, какой ветер? Жуть! Надеюсь, ты закрыл в доме окна? Ну может, еще на кусочек пирога.

— Закрыл.

— А в прошлый раз забыл, — сурово напомнила жена. — Не хочется снова остаться без света. Знаешь, сколько стоит трехрожковая люстра?

— Эй, в чем дело? — удивился муж.

— В смысле?

— Меня тормозят. Полицейская машина.

— Так останавливайся.

— Я это и делаю. Какой смысл удирать? Только наживешь неприятности.

— Ты что-то нарушил?

— Ничего не нарушил. Ехал со скоростью пятьдесят семь миль в час, где разрешено пятьдесят пять. Это ни по каким меркам не преступление.

— Сворачивай.

— А я что делаю? Ты наконец успокоишься? Теперь довольна?

— Смотри, — удивилась жена, — там за рулем женщина-полицейский.

— Ничего странного. Сейчас в полиции много женщин. Ты же смотрела сериал «Копы». Как думаешь, мне надо выходить или они сами подойдут?

— Лучше выйди, — посоветовала она. — Сделай усилие. Если они колеблются, штрафовать тебя или нет, может, если выйдешь, простят.

— Здравая мысль. Только я все равно не понимаю, что нарушил.

Он вылез из машины. Расплывшись в улыбке и нащупывая в кармане бумажник, пошел к патрульному автомобилю.

Когда Лу Хэнди, оставляя за собой колею, въехал на полицейской машине подальше в пшеничное поле, то вспомнил другое поле — где утром на перекрестке их подбил «кадиллак».

Вспомнил серое небо над головой и ощущение стилета в руке. Напудренное лицо женщины, темные морщинки в ее макияже и брызги крови, когда он погружал лезвие в ее мягкое тело. Вид ее глаз —

скорбных и безнадежных. Ее жуткие крики, сдавленные, хриплые. Звериные звуки.

Она умерла, как и эти двое из «ниссана» — те, что лежали теперь в багажнике патрульной машины, которую он вел по полю. И тем и другим супругам было суждено отправиться на тот свет, поскольку они владели машинами, необходимыми ему. «Кадиллаком» и «ниссаном». Рут и Хэнк разнесли к черту его «шеви». Ехать с Прис в патрульном автомобиле нельзя. Невозможно. Требовалась другая машина. Ее обязательно нужно было добыть.

И, получив, что ему причиталось, ублажив себя, Лу Хэнди стал самым довольным человеком на земле.

Он спрячет пропахшую порохом и кровью полицейскую машину в поле, в пятидесяти ярдах от дороги. Утром ее найдут, но это не беда. Через несколько часов ни его, ни Прис в штате не будет. Они сядут в самолет компании «Техас-Мексика» и полетят в Сан-Идальго.

Ух ты… Держись. Чертов ветер все крепчает — лупит в машину, пригибает навстречу стебли пшеницы, и они, как дробь, колотят в ветровое стекло.

Хэнди выбрался из патрульного автомобиля и поспешил назад, к дороге, где на водительском месте «ниссана» его ждала Прис. Выбросив в канаву полицейскую форму, она надела свитер и джинсы. Глядя на свою девчонку, Лу больше всего хотел стащить с нее «левайсы», а затем дешевые нейлоновые трусики из тех, что она обычно носила, и отодрать прямо на капоте их японской жестянки. И при этом держать в правой руке ее волосы, собранные в конский хвост.

Но вместо этого он прыгнул на пассажирское сиденье и дал ей знак трогаться. Прис щелчком выкинула из окна окурок и нажала на газ. Машина рванула с обочины, заложила крутой разворот и набрала скорость шестьдесят миль в час.

Они направились туда, откуда только что прибыли. На север.

Сумасшествие? Да. Но Хэнди именно тем и гордился, что при всем своем невероятном сумасбродстве все еще оставался жив. Однако сейчас в их действиях был смысл — они стремились в такое место, где их стали бы искать в последнюю очередь.

«Черт с ним, пусть сумасшествие, — думал он. — Решение принято». У него там дела. Кое-кто ему остался должен.

Сочиненное Бетховеном для братьев в 1802 году «Хайлигенштадтское завещание» — это исповедь отчаявшегося музыканта, страдавшего от надвигавшейся глухоты, которая через полтора десятилетия станет полной.

Мелани Черрол знала об этом, поскольку Бетховен был не только ее духовным наставником и ролевой моделью, но часто приходил в ее музыкальную комнату, где, что неудивительно, прекрасно слышал. Как и она. Они мило беседовали о теории музыки и композиции. Оба сетовали на современную тенденцию, то есть на то, что в новых сочинениях не было ни мелодии, ни гармонии. Мелани называла это «лекарственной музыкой» — формулировка, которую с воодушевлением одобрил Людвиг.

Теперь Мелани сидела в своей гостиной, глубоко дышала, думала о великом композиторе и размышляла, уж не пьяна ли она.

В баре, в Вороньей Гряде, она вместе с переводчицей полиции Фрэнсис Уитинг и несколькими родителями заложниц проглотила две порции бренди. Фрэнсис связалась с родителями Мелани в Сент-Луисе и сообщила, что с их дочерью все в порядке. Завтра, сразу после операции Дэнни, они вернутся и задержатся в Хевроне — эта новость почему-то расстроила ее. Она сама не понимала, хочется ли ей, чтобы родители провели в ее доме несколько дней. Не долго думая Мелани выпила еще бренди.

Затем пошла прощаться с девочками и их родителями.
Сестры-близняшки уже спали. Киэл сразу начала ругаться, но Мелани знала детей — их настроение переменчиво как погода — и не сомневалась, что вскоре девочка заскочит в ее комнатушку в школе и разложит на аккуратном столе свои последние картинки Людей Икс или открытки с «Могучими рейнджерами». Эмили, в дамской ночной рубашке с нелепыми оборками, крепко спала. Шэннон, Беверли и Джойслин никак не могли угомониться. С ними нянчились, любовно опекали, а они веселились и не слушались. По их жестам Мелани поняла, что девочки подробно вспоминают события ушедшего дня, о которых она сама предпочла бы поскорее забыть. Они придумали себе прозвище — Десятка из Вороньей Гряды. Даже поговаривали, что хорошо бы заказать майки с картинками. Понимание беды придет потом, когда все почувствуют отсутствие Сьюзан. А пока — ну почему не повеселиться? Как бы Мелани ни жаловалась де л’Эпе на поведение Глухих, она не могла не признать, что главное качество членов сообщества — жизнерадостность.

Мелани пожелала всем доброй ночи и отказалась от десятка приглашений переночевать. Никогда до этого вечера ей не приходилось столько раз подряд благодарить знаками и отвечать: «Нет, спасибо».

И вот она дома, где заперты все двери и окна. Зажгла благовония, выпила еще бренди — ежевичного, которым бабушка лечилась от судорог, — и теперь сидела в кожаном кресле и думала о де л'Эпе... то есть об Артуре Поттере. Потирая на запястье отметины от проволоки Брута, надела наушники «Косс» и так громко включила Четвертый фортепьянный концерт Бетховена, что уровень воспроизведения стало зашкаливать. Это была прекрасная музыка, сочиненная в то время, которое музыковеды называют «вторым периодом» Бетховена, подарившим миру «Героическую» симфонию. Композитор уже знал, что теряет слух, мучился сознанием этого, но еще не оглох.

Слушая фортепьянный концерт, Мелани размышляла, почему Бетховен написал его именно так. Наверное, ощущая надвигающуюся глухоту, придумал аккорды и соединил их в определенном темпе, чтобы даже неслышащий старик понял хотя бы душу его произведения. Ведь были и такие пассажи, которые она вовсе не слышала (тихие и невесомые словно дым), а волнение музыки передавалось низкими нотами, когда обе руки исполнителя падали на басовые клавиши и тема спиралью рушилась вниз, как заметивший добычу коршун. Фортепьяно поддерживали литавры и струнные оркестра, и это, как считала Мелани, сообщало концерту оптимистическое настроение.

Ощущая вибрации звуков и читая ноты с листа, она представляла все произведение и, как обычно, думала, что отдала бы душу за то, чтобы слышать его по-настоящему.

Послушать хоть раз, перед тем как умереть.

Во время исполнения второй части Мелани посмотрела в окно и заметила, что напротив ее дома внезапно замедлила ход какая-то машина. Странно, подумала она. В этой части улицы редко бывают посторонние. Улица кончалась тупиком, и девушка знала всех соседей по кварталу и их машины.

Сняв наушники, Мелани подошла к окну. Машина с двумя пассажирами остановилась напротив дома Альбертсонов. Это тоже показалось ей странным, поскольку она знала, что хозяева на неделю уехали. Мелани присмотрелась к машине: два человека — она не могла разглядеть их как следует, видела только силуэты. Пассажиры вылезли из автомобиля, прошли через ворота Альбертсонов и скрылись за живой высокой изгородью, отделявшей от улицы их владения. Затем она вспомнила, что у соседей несколько кошек. Наверное, друзья кормят животных, пока

супруги в отъезде. Вернувшись в кресло, Мелани снова надела наушники. Да. Да...

Музыка, даже такой, какой она слышала ее, все-таки хорошо успокаивала. Больше, чем бренди, больше, чем общество родителей ее учениц, больше, чем мысли о непостижимом Артуре Поттере и его удивительной притягательности. Музыка волшебным образом избавляла ее от страхов минувшего июльского дня, наполненного порывами ветра.

Мелани закрыла глаза.

01:20

За последние двенадцать часов капитан Чарли Бадд заметно постарел.

Поттер разглядывал его в безжалостном люминесцентном свете тесного кабинета шерифа Вороньей Гряды, расположенного в одноэтажном деловом здании. Бадд уже не казался молодым — на вид ему было лет на десять больше, чем тому неискушенному полицейскому, каким он предстал перед Поттером утром. И, как у всех, кто провел здесь эту ночь, на его лице запечатлелось отвращение.

И — неуверенность. Потому что никто из них не мог сказать, не следствие ли предательства их провал. А если да, кто их предал. Бадд и Поттер сидели за столом напротив Дина Стиллуэла. Шериф, мрачно кивая, вслушивался в то, что ему говорили по телефону, затем передал трубку Бадду.

После бешеной гонки из аэропорта появились Тоби и Генри Лебоу, и аналитик уже оживил компьютеры, казавшиеся частью его самого. Самолет Анжи сделал разворот над Нашвиллом, и ее ожидали в Вороньей Гряде через полчаса.

— Понятно, — сказал Бадд и положил трубку. — Вот детали — и хорошего мало.

Два полицейских автомобиля с Хэнди и Уилкоксом, покинув бойню, направились на юг в расположенное в десяти милях полицейское управление Клементса. Между Вороньей Грядой и тюрьмой штата водитель первой машины — женщина, которая, вероятно, и была Присциллой Гандер, — резко затормозила (колеса оставили на дороге след длиной двадцать футов) и вынудила свернуть следовавший за ней автомобиль. Затем выхватила пистолет и убила сидевших рядом с ней и на заднем сиденье полицейских.

Эксперты решили, что Уилкокс, ехавший во второй машине, открыл наручники ключом, который ему потихоньку сунула Гандер. После чего завладел оружием сидевшего рядом полицейского. Но так как, по настоянию Поттера, его приковали еще и за пояс, освобождение заняло больше времени, чем планировалось. Уилкокс застрелил сидевшего рядом полицейского. Однако водитель успел выскочить из машины и, сделав выстрел, ранил преступника до того, как Хэнди и Гандер уложили пулями в спину его самого.

— Уилкокс умер не сразу, — продолжал Бадд, приглаживая волосы, что ему всегда хотелось делать в присутствии Стиллуэла. — Он выбрался из машины и пополз к первому автомобилю. Но кто-то — предполагается, что это был Хэнди, — добил его выстрелом в лоб.

В ушах Поттера зазвучал голос: «Людей убиваешь, если они не делают того, что от них требуется. А слабых убиваешь, потому что они могут погубить тебя. Что в этом неправильного?»

— Что случилось с детективом Фостер? — спросил он.

— Ее нашли рядом с угнанной машиной примерно в миле от дома. По словам мужа, она выехала примерно через десять минут после того, как получила вызов из Вороньей Гряды. Предполагается, что Гандер остановила ее у шоссе, убила, забрала форму и воспользовалась ее патрульным автомобилем. Предварительная экспертиза выявила несколько отпечатков пальцев подружки Хэнди.

— Что еще, Чарли? Договаривайте до конца. — Поттер заметил, что капитан колеблется.

— Раздев настоящую Фостер до нижнего белья, Гандер заткнула ей кляпом рот и надела наручники. А затем, орудуя ножом, сделала то, в чем не было никакой необходимости. Но она сделала это. Гнусный поступок. Фостер умирала медленно.

— А затем эта Гандер явилась к нам, — подытожил переговорщик, — и улизнула с Хэнди.

— Куда они поехали? — спросил Лебоу. — Все еще двигаются на юг?

— Никаких следов, — ответил капитан.

— Они же в полицейской машине, — удивился Стиллуэл. — Разве трудно их найти?

— На поиск подняты вертолеты, — сообщил Бадд. — Шесть вертушек.

— Да он уже сменил машину, — бросил Поттер. — Следите за сообщениями об угонах автомобилей на юге центрального Канзаса. Обращайте внимания на все.

— Моторный отсек патрульных автомобилей сохраняет тепло в течение трех часов после того, как выключен двигатель. На ваших вертолетах есть инфракрасные камеры? — спросил Тоби.

— На трех.

— Какой путь они выбрали, чтобы отъехать как можно дальше? — размышлял Лебоу. — Хэнди должен понимать, что очень скоро мы за ними погонимся.

В невзрачном рабочем кабинете шерифа ярким пятном выделялись пять стоящих на боковом столике ослепительно красных цветов — таких великолепных комнатных растений Поттеру не приходилось видеть. Сам Стиллуэл застыл у карты четырех округов.

— Он мог свернуть на номер тридцать пять — эта магистраль ведет на северо-восток. Или на восемьдесят первую, с которой можно перескочить на 1–70.

— А если по восемьдесят первой до Небраски, а дальше по двадцать девятой? — предположил Бадд.

— Можно и так, — кивнул шериф. — Долгий путь, но он ведет в Виннипег. Если он сможет добраться туда.

— Значит, разговор о Канаде лишь дымовая завеса? — спросил Тоби.

— Понятия не имею, — ответил Поттер. Он чувствовал, что споткнулся в шахматной партии, а его партнер то ли великий гроссмейстер, то ли даже не знает, как переставлять фигуры. Он встал и потянулся, что было непросто в тесном помещении. — Единственный способ найти его, если только не рассчитывать на особую удачу, — выяснить, как он все это проделал. Генри, напомни нам хронологию.

Аналитик, постучав по клавишам компьютера, начал читать:

— В двадцать один тридцать три капитан Бадд сообщил, что ему позвонил один из его подчиненных, коммандер полиции, и доложил о женщине-детективе, которая несколько лет назад вела переговоры с Хэнди и принудила его сдаться. Она проживала в Макферсоне, штат Канзас. Коммандер поинтересовался, не нужно ли направить ее в Воронью Гряду. Капитан Бадд посовещался с агентом Поттером, и было принято решение попросить детектива прибыть к месту переговоров.

В двадцать один сорок девять из патрульного автомобиля позвонила женщина, представившаяся детективом Шэрон Фостер, и сказала, что приедет в Воронью Гряду в двадцать два тридцать или двадцать два сорок.

В двадцать два сорок пять на место кризиса с заложниками прибыла женщина в форме канзасской полиции, назвалась детективом Шэрон Фостер и начала переговоры с объектом Хэнди.

— Чарли, — спросил Поттер, — кто такой этот ваш человек?

— Тед Франклин, коммандер, начальник второго участка. — В руке у капитана появился телефон, и он набрал номер. — Коммандера Франклина, пожалуйста. Это срочно. Тед? Говорит Чарли Бадд. Нет, никаких новостей. Я вывожу тебя на громкую связь. — Раздался щелчок, и комнату наполнило потрескивание помех. — Здесь собралась половина ФБР. Главный — агент Артур Поттер.

— Здравствуйте, джентльмены, — раздалось из динамика.

— Добрый вечер, коммандер, — ответил Поттер. — Мы пытаемся установить, что произошло. Вы помните, кто звонил вам вечером по поводу Шэрон Фостер?

— Все ломаю голову, пытаюсь вспомнить, сэр. Кто-то из полицейских. Честно говоря, я не отметил, кто он такой, хотел разобраться, что он говорит.

— Вы сказали «он»?

— Да, сэр, это был мужчина.

— И он сказал вам о детективе Фостер?

— Именно так, сэр.

— Вы знали ее раньше?

— Только слышал о ней. Подавала большие надежды. Хорошие отзывы как о переговорщике.

— И вы связались с ней после того, как вам позвонил полицейский?

— Нет. Сначала соединился с Чарли Баддом, находившимся в Вороньей Гряде. Хотел выяснить, нужна она вам или нет. А уж потом позвонил ей.

— Следовательно, — вмешался шериф Стиллуэл, — кто-то перехватил этот звонок и поджидал Фостер, когда она выехала из дома.

— Но как это могло произойти? — удивился капитан. — Ее муж сказал, что она ушла через десять минут после того, как получила вызов. Подружка Хэнди не успела бы до нее добраться.

— Тоби, — повернулся к технику Поттер, — нет ли способа установить возможность прослушки?

— Коммандер Франклин, — заговорил в микрофон Тоби, — ваш кабинет проверялся на предмет «жучков»?

Полицейский хмыкнул.

— У меня нет таких средств.

Тоби взглянул на Поттера.

— Мы, конечно, можем все прочесать, но это только покажет, есть прослушка или нет. Невозможно установить, кто и когда перехватил разговор.

«Бадд прав, — думал Артур. — У Присциллы Гандер не хватило бы времени доехать до дома Фостер после звонка Франклина».

— На ситуацию с подслушиванием не похоже, — заключил Лебоу. — И кроме того, кому понадобилось прятать «жучок» в кабинете коммандера Франклина?

— Скорее все было спланировано заранее, — предположил шериф.

Поттер согласился.

— Тот, кто позвонил вам, коммандер Франклин, был не полицейским, а сообщником Хэнди. Подружка Хэнди, когда он вам звонил, уже поджидала у дома Фостер.

— Но для этого кто-то должен был знать факты из жизни настоящей Шэрон Фостер, — заметил Бадд. — Что Хэнди когда-то сдался ей. Кто мог владеть такой информацией?

Наступила тишина — сидящие в комнате неглупые мужчины ломали головы над тем, каким хитроумным способом посторонний получил сведения о некогда состоявшихся переговорах полиции с преступниками: из новостей, компьютерной базы данных или от источника в самом управлении?

Гонку выиграли Бадд и Лебоу.

— Хэнди и есть источник!

Артур, только что сам придя к такому мнению, кивнул.

— Действительно, кому лучше знать такие вещи, как не ему? Давайте вернемся мысленно назад. Хэнди засел на бойне и окружен полицией. Он подозревает, что не получит вертолет, а если даже получит, то, несмотря ни на какие коридоры М-4, мы будем преследовать его до края земли. Вот он и сообщает своему сообщнику о Фостер. Сообщник звонит его подружке, и они составляют план спасения Хэнди. Но Хэнди не мог звонить по забрасываемому телефону. Мы узнали бы об этом. — Поттер закрыл глаза и снова перебрал в уме события вечера. — Тоби, а те зашифрованные сообщения, которые не давали тебе покоя... Мы тогда решили, что это Тримэйн и его канзасский спецназ. А если кто-то еще?

Молодой человек потянул себя за проколотую мочку уха, вынул из пластикового конверта несколько компьютерных дисков и протянул Лебоу. Тот засунул один из них в ноутбук. Тоби склонился над компьютером и несколько раз ударил по клавишам. На экране появилось изображение двух медленно двигающихся, пересекающихся высоких синусоид.

— Их две! — От этого открытия глаза исследователя радостно засветились. — Две разных частоты! — Он снова посмотрел на экран. — Обе принадлежат правоохранительным органам и закодированы по принципу ретросигнала.

— И обе Тримэйна? — удивился Поттер.

— Что за частоты? — спросил Тед Франклин.

— Четыреста тридцать семь и четыреста восемьдесят и четыре десятых мегагерца, — ответил Тоби.

— Первая присвоена нашему спецназу, — объяснил Франклин. — Что до второй, я такой не знаю. У полиции штата такой частоты нет.

— Следовательно, у Хэнди на бойне был еще один телефон, — заключил переговорщик.

— Не телефон, — уточнил Тоби. — Рация. А частота четыре восемьдесят, Артур, нередко резервируется для федеральных операций.

— Вот как? — Поттер задумался. — Но ведь никакой рации на бойне не нашли?

Бадд порылся в черном чемоданчике и достал лист со списком улик, найденных на месте преступления, и первичный протокол ареста.

— Рации не было.

— Мог спрятать. На этой бойне миллион всяких щелей и закоулков. — Переговорщик помолчал. — Есть способ обнаружить место, откуда велись передачи?

— Поздно, — ответил Тоби. — Для этого необходимо произвести триангуляцию сигнала в реальном времени. — У него был такой вид, словно Поттер спросил его, может ли выпасть в июле снег.

— Коммандер Франклин, — начал агент, — вам поступил вызов, так? От мнимого полицейского. Он вызвал вас по рации?

— Нет. Звонок был по городской телефонной линии. Без переадресовки с радиоканала. Это всегда слышно.

Поттер, рассматривая цветок, помолчал. Что это — бегония? Или фуксия? Мариан занималась садоводством.

— Таким образом, Хэнди связался по рации с неким мистером Икс, который позвонил коммандеру Франклину. Затем Икс созвонился с подружкой Хэнди и послал ее на перехват Шэрон Фостер. Я правильно излагаю, Тоби?

В глазах молодого человека мелькнула догадка. Он щелкнул пальцами и выпрямился на стуле.

— Вы ухватили самую суть, Артур. — И, предвосхищая просьбу переговорщика, сказал в телефон: — Коммандер Франклин, нам нужны данные автоматического регистратора всех входящих звонков в ваш кабинет. Не возражаете?

— Конечно, нет. Я, так же как и вы, хочу взять этого типа.

— У вас прямая линия? — спросил Тоби.

— Да, но половина звонков поступает через коммутатор. Поднимая трубку, я не знаю, каким образом дозвонился человек.

— Учтите все, — терпеливо, но твердо попросил техник.

«Кто же сообщник Хэнди?» — размышлял Поттер.

Тоби повернулся к аналитику.

— Генри, распечатайте запрос на ордер.

Лебоу сделал распечатку на принтере «НЕК» Стиллуэла и подал лист Поттеру. Тоби вывел на экран федеральный юридический справочник, и переговорщик, набрав номер судьи федерального суда Канзаса, объяснил суть просьбы. Час был поздний, судья оказался дома и согласился подписать ордер на основе представленных Поттером улик. Он смотрел Си-эн-эн и был в курсе событий.

Поттер, как член коллегии адвокатов округа Колумбия и Иллинойса, подписал запрос, Тоби факсом переправил его судье, и тот, поставив свою подпись на документе, тут же вернул его. Затем Лебоу пробежал глазами справочник агентства «Стэндарт энд пур корпорэйшн», нашел фамилию главного юрисконсульта телефонной компании «Мидвестерн белл» и отправил ему ордер факсом домой. Затем последовал телефонный разговор, и через пять минут нужная информация была в компьютере аналитика. Он изучил список.

— Коммандер Франклин, судя по всему, сегодня в ваш кабинет поступило семьдесят семь звонков. Из них тридцать шесть было принято по вашей персональной линии.

— Вы занятой человек, — заметил переговорщик.

— Так и есть. Мои родные могут это засвидетельствовать.

Поттер спросил, когда поступила информация о том, что Фостер вела переговоры с Хэнди.

— Примерно в половине десятого.

— Пусть это будет временной промежуток с девяти двадцати до девяти сорока.

Пальцы Лебоу застучали по клавишам.

— Количество звонков свелось к шестнадцати. С этим уже можно работать.

— Если у Хэнди была рация, — размышлял вслух капитан Бадд, — то какой у нее радиус действия?

— Хороший вопрос, Чарли, — кивнул Тоби. — Это сужает круг наших поисков. Если Хэнди пользовался обычной рацией правоохранительных органов, то, как я вспоминаю, дальность ее действия — три мили. Наш мистер Икс находился недалеко от места событий.

Поттер наклонился к экрану.

— Я не знаю здешних населенных пунктов, кроме Вороньей Гряды. А оттуда коммандеру никто не звонил. Чарли, взгляните, что из перечисленного здесь находится поблизости?

— Хисфорд примерно в семнадцати милях, Биллингз тоже далеко.

— Оттуда звонила женщина, — вмешался коммандер Франклин.

— А вот это что такое? Трехминутный разговор с Таусендом в двадцать один двадцать шесть? Вы примерно столько говорили с тем полицейским?

— Около того, сэр.

— Где этот Таусенд?

— Граничите Вороньей Грядой, — объяснил Бадд. — Довольно большой город. — Он повернулся к Тоби. — Адрес можно выяснить?

Файлы, полученные из телефонной компании, не содержали адресов, но, сделав всего один звонок в компьютерный центр «Мидвестерн белл», они узнали, что звонили из таксофона.

— Пересечение двести тридцать шестого шоссе и Рузвельт-хайвэй.

— Самый главный перекресток, — расстроился Стиллуэл. — Рестораны, гостиницы, заправочные станции. Это шоссе соединяет магистрали между двумя штатами. Мог говорить кто угодно и уехать куда угодно.

Поттер не отрывал глаз от пяти растений с красными цветами. И вдруг поднял голову и потянулся к телефону. Но тут же, встревожившись, отдернул руку так, словно устыдился непростительного промаха на званном обеде. Ладонь соскользнула с трубки.

— Генри, Тоби, поехали со мной. И вы, Чарли, тоже. Дин, а вас я попрошу остаться здесь и держать все под контролем. Хорошо?

— Будет исполнено, сэр.

— Куда мы едем? — спросил Бадд.

— Поговорить с человеком, который знает Хэнди лучше, чем мы.

02:00

Поттер размышлял, как сообщить о своем приезде.

На косяке входной двери находилась кнопка, ничем не отличающаяся от других таких же. Переговорщик посмотрел на Бадда. Тот, пожав плечами, нажал.

— Кажется, я слышал в доме звук. Дверной звонок. Зачем он здесь?

Поттер тоже что-то слышал. Но еще заметил сквозь кружевные занавеси вспышку красного света.

Никто не ответил.

Где она?

Поттер поймал себя на том, что хочет крикнуть: «Мелани!» А когда сообразил, что это бессмысленно, поднял кулак, собираясь стучать в дверь. Но только покачал головой и опустил руку. От вида освещенных окон безжизненного дома его кольнула тревога, и он отвел полу пиджака на бедре, где висела кобура с «глоком». Лебоу заметил его движение, но ничего не сказал.

— Ждите здесь, — приказал переговорщик трем спутникам и, заглядывая в окна, медленно пошел вдоль галереи викторианского дома. Внезапно он остановился — на диване в неудобной позе застыли босые ноги.

Встревоженный, почти охваченный паникой, он закончил осмотр галереи. Но ни с одной точки не сумел разглядеть Мелани всю, только неподвижные ноги. Громко стукнул в стекло, позвал по имени.

Бесполезно.

«Должна бы почувствовать вибрацию», — подумал он. А красный свет все мигал — ее особенный «дверной звонок», — и мигал прямо у нее на виду.

— Мелани!

Поттер вытащил пистолет. Потрогал окно. Оно оказалось закрытым.

Давай!

Он с грохотом вышиб плечом стекло, и на паркет посыпался дождь осколков. Просунув руку, Поттер поднял шпингалет и собрался влезть в комнату, но тут же замер: Мелани выпрямилась и полными страха глазами смотрела на незваного гостя в окне. Остатки сна улетучились, она тяжело дышала. Поттер, словно сдаваясь, протянул к ней руки. При

мысли о том, как он напугал ее, его лицо исказилось от ужаса. Но еще больше Поттера удивило, что она надела на голову стереонаушники.

Мелани Черрол открыла дверь и пригласила посетителей войти. Поттеру сразу бросилось в глаза большое, написанное акварелью изображение скрипки в окружении сюрреалистических, всех цветов радуги четвертных и половинных нот.

— Прошу прощения за окно, — проговорил он. — Можете удержать стоимость разбитого стекла из ваших налогов.

— Добрый вечер, мэм, — сказал Чарли Бадд.

Поттер познакомил ее с Тоби Геллером и Генри Лебоу.

Мелани посмотрела в окно на машину у соседнего дома и двух людей за забором, глядящих в их сторону. Переговорщик увидел выражение ее лица и успокоил:

— Это наши.

Девушка нахмурилась.

— Двое полицейских. Я послал их сюда еще раньше приглядеть за тобой, — объяснил Поттер.

Она непонимающе покачала головой.

Зачем?

Переговорщик замялся.

— Давай сначала войдем в дом.

С включенной мигалкой к ним подкатил автомобиль полицейского управления Хеврона. Из него вышла и поспешила к лестнице усталая, но уже без следов копоти Анжелин Скапелло. Всем кивнула, и коллеги из группы чрезвычайного реагирования ответили ей тем же.

В доме Мелани было уютно. Тяжелые шторы. В воздухе пряный аромат благовоний. На стенах старинные гравюры, на многих — портреты композиторов, авторов классической музыки. Сами стены оклеены зелеными в золотую полоску обоями. Самая большая гравюра изображала Бетховена. Комнату украшали антикварные столики и вазы в стиле арт нуво. Поттер смутился, вспомнив свою квартиру в Джорджтауне. Убогое место. Он перестал украшать ее тринадцать лет назад.

На Мелани были синие джинсы и черный кашемировый свитер. Волосы распущены. На лице и руках синяки, ссадины и рыжие пятна от бетадина. Поттер повернулся к ней и, выбирая слова, которые можно выразительно показать губами, сказал:

— Лу Хэнди сбежал.

Мелани сначала не поняла, а когда до нее дошел смысл сказанного, ее глаза расширились от ужаса. Она попыталась объясниться знаками, но, тут же отказавшись от этого намерения, схватила бумагу.

Лебоу тронул ее за руку.

— Умеете печатать? — Он изобразил, будто работает на клавиатуре.

Мелани кивнула. Аналитик открыл оба своих ноутбука, включил, запустил программы работы с текстами, связал кабелем через последовательные порты и поставил рядом. Сел за один, Мелани устроилась за другим и напечатала:

«Куда он направился?»

«Мы не знаем, поэтому приехали повидаться с вами».

Девушка кивнула.

«Он убил кого-нибудь во время побега?» Она печатала слепым методом, поэтому, задавая вопрос, смотрела на Поттера.

Тот кивнул.

«Погиб Уилкокс, тот, которого ты называла Горностаем. И полицейские».

Мелани снова кивнула и нахмурилась, обдумывая значение того, что ей сказали.

«Хочу попросить тебя кое о чем, что тебе будет неприятно», — напечатал переговорщик.

Девушка прочитала фразу и ответила:

«Я уже прошла через самое худшее». Ее руки летали над клавиатурой, и при этом она не сделала ни одной ошибки.

Господь вознаграждает за ущерб.

«Тебе придется вернуться на бойню. Мысленно».

Пальцы Мелани замерли. Она ничего не напечатала, только кивнула.

«Нам не все понятно из того, что случилось. Если ты поможешь, думаю, мы сумеем вычислить, куда он сбежал».

— Генри, выведи на экран описание его психологического портрета и хронологию. — Поттер поднялся и стал расхаживать по комнате. Лебоу и Тоби переглянулись. — Что мы о нем знаем? — Аналитик начал читать, но Поттер перебил его: — Давайте просто поразмышляем.

— Изворотливый тип, — начал Бадд. — Прикидывается простаком, а сам хитрюга.

«Строит из себя клоуна, но, думаю, в большей части случаев это игра», — напечатал переговорщик.

«Аморален», — добавила Мелани.

«Принято».

«Опасен», — предложил капитан.

«Оставим это. Пойдем дальше».

«Он зло, — написала Мелани. — Воплощенное зло».

«Но какое зло?»

На минуту воцарилось молчание, а затем к компьютеру подошла Анжи.

«Холодная смерть».

Поттер кивнул и заговорил:

— Правильно. Лу Хэнди холодное, а не вспыльчивое зло. Нужно иметь это в виду.

«Не садист, — продолжала психолог. — Иначе был бы горяч. Не испытывает эмоций, причиняя боль. Если ему необходимо причинить кому-то боль или убить, он делает это. Например, ослепить заложника. Для него это одно из средств достижения цели».

Поттер наклонился к клавиатуре.

«Следовательно, он расчетлив?»

— И что из того? — спросил Бадд.

Переговорщик покачал головой.

— Да, он расчетлив, но вы правы, Чарли: что из того?

Мужчины замолчали, а пальцы Мелани порхали по клавиатуре компьютера. Поттер обошел ее и встал рядом. Его рука коснулась ее плеча, и ему показалось, что она потянулась в его сторону.

«Все, что он делает, имеет цель. Он один из немногих людей, которых не жизнь ведет, а они сами управляют жизнью».

«Власть, власть и еще раз власть», — добавила Анжи.

Переговорщик заметил, что положил ладонь девушке на плечо. Она склонилась щекой к его руке. Может быть, это произошло случайно — просто так повернула голову, а может, и нет.

— Значит, власть и целесообразность. Генри, напечатай, чтобы она тоже это видела. Все, что он сегодня делал, имеет определенную цель. Даже если казалось, что его поступки случайны. Убив Сьюзан, он дал нам понять, что его намерения серьезны. Затем потребовал восьмиместный вертолет, хотя легко отдал большинство заложниц. Почему? Хотел нас занять. Потянуть время, чтобы его сообщник и подружка получили возможность добраться до настоящей Шэрон Фостер. Он привез с собой телевизор, рацию с кодированным каналом и оружие.

Анжи наклонилась над клавиатурой и напечатала:

«И какова же его цель?»

— Сбежать, какая же еще? — рассмеялся Бадд. И двумя пальцами выстукал слово: «Сбежать».

«Нет!» — ответила Мелани.

— Верно! — воскликнул Поттер и, указав на девушку, кивнул. — Побег для него не приоритет. Иначе и быть не может. Он фактически позволил загнать себя в ловушку. После аварии с «кадиллаком» у него на хвосте был всего один полицейский. Втроем преступники могли без труда устроить ему засаду, завладеть полицейской машиной и удрать. С какой стати кому-то надо самому загонять себя в западню?

— Напуганный кролик, ни о чем не думая, прячется в лисьей норе, — сказал Бадд и исполнительно, но неловко забил свои слова в компьютер.

«Нет, — ответила Мелани. — Не стоит забывать, что он постоянно думает. И не напуган».

«Совсем не напуган, — добавила Анжи. — Вспомним хотя бы тест его голоса на стресс».

Поттер кивнул, улыбнулся Мелани и снова тронул ее за плечо.

«Был спокоен, словно заказывал в магазине чашку кофе».

«Я назвала его Брутом, хотя он больше похож на хорька», — напечатала Мелани.

«Хорек никуда не сунется, если не уверен, что его не загонят в ловушку. Что есть путь к отступлению», — продолжил Бадд.

Девушка объяснила: когда они только попали на бойню, Медведь сказал, что оттуда нет выхода. А Брут ответил, что это не важно. Совершенно не важно.

— Он мог бежать, — размышлял Поттер, — но предпочел рискнуть — сделать крюк и попасть на бойню, чтобы там его взяли в осаду. Но риск был не так уж велик, поскольку он знал, что сумеет выбраться. Он имел оружие, рацию для переговоров с сообщником и заранее разработанный план спасения. Возможно, он уже обдумал, как подменить Фостер своей подружкой. — Артур повернулся к Мелани и написал: «Расскажи нам точно, что произошло после того, как он захватил вас».

«Мы увидели аварию. Он убил людей. Не спеша».

«Был уверен в себе?»

«Очень. Смаковал процесс». Девушка помрачнела.

Переговорщик развернул карту.

«Каким путем вы ехали?»

«Я не знаю дорог, — ответила она. — Мимо радиостанции, фермы, где много коров. — Мелани на мгновение задумалась и провела линию на карте. — Наверное, здесь».

«Тюрьма находится на расстоянии примерно девяносто миль от бойни, — напечатал Поттер. — Трое преступников двигались вот так на север. В этом месте произошло столкновение с „кадиллаком“, они захватили автобус и продолжили путь». Переговорщик показал пальцем далеко за бойню, сделал петлю и вернулся обратно.

«Нет, — напечатала Мелани, — мы поехали прямо сюда. Мне уже тогда это показалось странным. Он как будто знал это место».

«Но если вы направились прямо сюда, когда же вы проезжали аэропорт?»

«Мы не проезжали».

«Значит, он знал о нем заранее. Ведь когда требовал у меня вертолет, упомянул, что в двух-трех милях дальше по дороге есть аэродром. Откуда он узнал о нем?»

«Заранее все устроил, чтобы оттуда улететь», — предположил Бадд.

«Нет, — возразил Лебоу. Он печатал так же быстро, как говорил. — Если аэропорт был в двух-трех милях пути и если там его ждал самолет или вертолет, зачем он завернул на бойню?»

— В самом деле, зачем? — пробормотал переговорщик. — Генри, расскажи все, что нам известно. Начиная с того, что он имел при себе.

Ключ, волшебный меч, пять камней и ворона в клетке.

Он приехал на ферму с заложниками, оружием, канистрой с бензином, патронами, телевизором и набором инструментов…

— Да-да, инструментов, — повторил Поттер, пока аналитик печатал. Он посмотрел на Мелани. — Вы видели, чтобы он пользовался инструментами?

«Нет, — ответила она. — Но большую часть времени я находилась в зале забоя. Помню, в конце они бродили по зданию и разглядывали механизмы и оборудование. Я решила, что это ностальгическое прощание, хотя, возможно, они что-то искали».

Переговорщик щелкнул пальцами.

— Нечто подобное говорил нам и Дин.

Лебоу пробежал глазами хронологию событий.

— В девятнадцать пятьдесят шесть шериф Стиллуэл доложил, что один из его подчиненных заметил, как Хэнди и Уилкокс обыскивают помещение фабрики, пробуют двери и приспособления. Причина осталась неизвестной.

— Хорошо. Давайте на время забудем об инструментах. Это вещи, которые он привез с собой. А что дали ему мы?

— Только еду и пиво, — ответил Бадд. — Ах да, еще деньги.

— Деньги! — воскликнул Поттер. — А ведь деньги-то он и не просил.

«Хэнди не пытался выторговать пятьдесят тысяч, — напечатала Анжи. — Почему?»

«Есть только одна причина, по которой человек не хочет денег, — написал ей в ответ Лебоу. — У него их больше, чем нужно».

Поттер энергично закивал.

Деньги были спрятаны в здании. Хэнди с самого начала планировал заехать на бойню и забрать их.

«Для этого взял инструменты, чтобы извлечь их из тайника», — напечатал капитан. Переговорщик кивнул.

— Откуда они взялись у него? — удивился Тоби.

— Ограбил банк, — криво усмехнулся Бадд. — Откуда же еще?

— Генри, — попросил Поттер, — залезь-ка в «Лексис-нексис»[52]. Просветимся на предмет того ограбления. С поджогом.

Через пять минут Лебоу был на связи с «Мид дейта», прочитал газетные публикации и суммировал информацию.

— Его взяли с двадцатью тысячами, украденными им в банке «Фармерз энд мерчантс» в Уичито.

— До этого он что-нибудь поджигал?

Аналитик сверился с заметками журналистов и собственной шестнадцатистраничной справкой о Луисе Хэнди.

— Нет, никаких поджогов не было.

«Тогда зачем ему понадобился огонь?» — напечатал переговорщик.

«У него всегда есть определенная цель», — ответила Анжи.

Мелани кивнула, вздрогнула и закрыла глаза. Какое-то ужасное воспоминание посетило ее, подумал Поттер. Они с Баллом,

вопросительно подняв брови, переглянулись. Переговорщик наклонился к клавиатуре.

Хэнди проник в банк не для того, чтобы ограбить его, а ' чтобы сжечь.

Лебоу продолжил читать из справки:

— Когда полиция обложила их, Хэнди выстрелом в спину убил сообщника. Возможно, для того, чтобы никто не догадался об истинном смысле его действий.

«Но зачем он так поступил?» — напечатал Бадд.

«Его кто-то нанял?» — предположил Поттер.

— Конечно, — кивнул Лебоу.

— И кто бы это ни был, он заплатил ему кучу денег. Гораздо больше пятидесяти тысяч. Вот почему он не потребовал у нас наличные. Он и без того богат. Генри, зайди в базу данных траст-компаний, найди документы по интересующему нас банку.

Аналитик покинул сайт «Мид дейта» и переключился на информацию об уставных нормах, организации и портфеле ценных бумаг «Фармерз энд мерчантс».

— Закрытого типа, так что информация для широкого круга ограничена. Но тем не менее известно, что его директора по совместительству члены правления. Вот их имена: Клифтон Барбэнк, Стэнли Л. Пул, Синтия Г. Гролч, Герман Галлахер. У всех сходные почтовые индексы — проживают неподалеку от Уичито: Барбэнк и Галлахер — в самом городе, Пул — в Огасте, госпожа Гролч — в Дерби. — Поттер не знал ни одной из фамилий, но любой из этих людей мог быть каким-то образом связан с Хэнди. Как и совершивший растрату кассир, уволенный работник или получивший отставку любовник или любовница кого-нибудь из директоров. Но Артур Поттер предпочитал выбирать из множества возможностей.

— Чарли, какие гостиницы расположены поблизости от того таксофона, с которого мистер Икс звонил Теду Франклину? В Таусенде?

— Черт, там их навалом. По крайней мере четыре или пять. «Холидей инн», «Рамада». Вроде бы «Хилтон» и какая-то местная. «Таусенд мотор додж». И как будто еще парочка.

Поттер попросил Тоби позвонить в каждую из них.

— Узнай, не зарегистрировался ли сегодня кто-нибудь из директоров или из жителей этих городков.

Через пять минут они получили ответ. Тоби щелкнул пальцами, и все, кроме Мелани, повернули к нему головы.

— Был зарегистрирован человек из Дерби, штат Канзас. Из того же городка, что Синтия Гролч.

— Слишком необычное совпадение. — Поттер взял телефонную трубку, представился и несколько минут разговаривал. Наконец покачал головой и сурово спросил: — Какой номер? — Черкнул на листочке: «„Холидей инн“, номер 611», — и, бросив клерку: — Никому не упоминайте о нашем разговоре, — положил трубку и постучал по бумажке пальцем. — Не исключено, что это и есть наш иуда. Прокатимся поговорим с ними, Чарли.

Мелани посмотрела на листок.

«Кто? Кто это?» — спрашивали ее глаза. Она встала и сняла с вешалки кожаную куртку.

— Пусть с этим разбираются они, — сказала Анжи.

Мелани посмотрела на Поттера. Ее глаза горели.

«Кто это?» — напечатала она.

— Пожалуйста. — Переговорщик взял ее за плечи. — Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Она нехотя кивнула, сняла куртку и накинула на плечо.

— Генри, Анжи и Тоби, вы остаетесь здесь, — распорядился Поттер. Хэнди знает про Мелани. Он может вернуться. — Переговорщик посмотрел на девушку: — Я скоро буду. — И поспешил к двери. — Пошли, Чарли.

После того как они удалились, Мелани улыбнулась оставшимся агентам и напечатала: «Чай? Кофе?»

— Мне не надо, — сказал Тоби.

— Спасибо, не хочу. Может, разложить «Солитер»? — Лебоу запустил игру.

Мелани покачала головой.

«Пойду приму душ. У меня выдался очень длинный день».

— Ясно.

Девушка ушла, и вскоре из ванной послышались звуки льющейся воды. Анжи начала составлять отчет о происшествии, а Тоби открыл в ноутбуке «Дум-2» и начал играть. Через пятнадцать минут его разорвали монстры. Он встал, потянулся, посмотрел поверх плеча Лебоу, сделал предложение насчет красной королевы, но, получив весьма недвусмысленный отказ, вышел в гостиную. Взглянул на комод, где оставил ключи от казенного автомобиля, и обнаружил, что они исчезли. Вернулся к окну на фасаде и посмотрел на пустую улицу. «И зачем, — подумал он, — Поттер и Бадд поехали в „Холидей инн“ в разных машинах?»

Но неизбывная жажда крови заставила Тоби забыть о подобных пустяках, и он, вернувшись к компьютеру, приготовился пробиваться с боем из крепости Рока.

02:35

В «Холидей инн» устраивали гавайский вечер.

Из колонок все еще бухали стил-гитары, и на шеях ночной обслуги красовались гирлянды пластиковых цветов.

Агент Артур Поттер и капитан полиции Чарлз Бадд, пройдя между двумя искусственными пальмами, поднялись на лифте на шестой этаж.

Теперь увереннее держался полицейский, Поттер же чувствовал себя не в своей тарелке. В последний раз он принимал участие в силовых операциях, когда вместе с коллегами арестовывал злодея в роскошном бирюзовом пиджаке и серебристой цветастой рубашке. Это событие относилось к 1977 году.

Поттер помнил, что не следует стоять напротив двери. А что еще? Он почувствовал себя увереннее, взглянув на Бадда — у него на ремне висела блестящая кожаная сумочка с наручниками. Сам Поттер никогда не надевал наручники на преступника — только на добровольцев во время учебных операций по спасению заложников на тренировочной площадке в Квонтико.

— На этот раз, Чарли, полностью полагаюсь на вас, — сказал он, и Бадд удивленно покосился на него.

— Разумеется, Артур.

— Но буду прикрывать вас.

— Хорошо.

Оба вытащили оружие. Поттер снова загнал патрон в патронник — второй раз за один вечер. Три года назад он проделывал это во время кризиса с заложниками. Теперешнюю ситуацию он считал серьезной.

У номера 611 мужчины остановились и переглянулись. Переговорщик кивнул. Бадд постучал — негромко, по-дружески. Мол, не угодно ли чего?

— Да? — ответил грубоватый голос. — Кто там?

— Это Чарли Бадд. Откройте на минутку. У меня для вас есть кое-что интересное.

— Чарли? В чем дело?

Цепочка звякнула, щелкнул замок, и Роланд Маркс, открыв дверь, увидел направленные на него два одинаковых автоматических пистолета. Только один подрагивал, а другой смотрел уверенно в грудь. И оба были спущены с предохранителей.

— Синтия хоть и директор банка, но лишь формально занимает эту должность, а заправляю всем я. Мы воспользовались ее девичьей фамилией. Она ни в чем не виновата.

Помощник Генерального прокурора штата мог протестовать сколько угодно, но решать судьбу его жены предстояло большому жюри присяжных и суду.

Маркс больше не подшучивал — теперь он разыгрывал честного простака. Его влажные глаза покраснели, но Поттер, не чувствуя ничего, кроме презрения, даже не ответил на его взгляд.

Помощнику Генерального прокурора зачитали его права. Все было кончено, и он, понимая это, решил пойти на сотрудничество. Его показания записали на тот самый диктофон, который он днем сунул капитану Бадду.

— И чем же вы занимались в банке? — спросил его Поттер.

— Устраивал поддельные ссуды самому себе. Выдавал фиктивным людям и компаниям, затем списывал невзысканные долги, а деньги присваивал. — Маркс пожал плечами, словно хотел сказать: «Разве не понятно?»

Обвинитель, специализирующийся на экономических преступлениях, Маркс многому научился утех, для кого требовал наказания. Он обескровил держателей акций из Уичито, обокрав организации и частных лиц почти на пять миллионов, и большую часть денег уже потратил.

— Думал, прокручу средства на рынке недвижимости, принесут отдачу легальные вложения банка — и выкрутимся: покроем недостачу. Но когда стал сводить концы с концами, понял, что не получается.

Вот-вот банком должна была заняться Трастовая корпорация для урегулирования — правительственное агентство, действующее в соответствии с законом о спасении от банкротства или ликвидации ссудно-сберегательных институтов.

— И вы решили нанять Хэнди, чтобы он сжег банк, — заключил Бадд. — И таким способом уничтожить все документы.

— Как вы с ним познакомились? — спросил Поттер.

Но Маркс не успел ответить — его опередил Бадд.

— Пять лет назад вы сами предъявили ему обвинение. Ограбление магазина, захват заложников. Тогда переговоры с ним вела Шэрон Фостер.

Помощник Генерального прокурора кивнул.

— О да, я запомнил его. А как не запомнить — такой хитрющий проходимец. Сам взялся защищать себя и чуть не заткнул меня за пояс. Вы же понимаете: чтобы привлечь его к делу с банком, пришлось постараться — провести работу с полицейским надзирателем, задействовать свои связи на улице. Предложил ему двести тысяч за то, чтобы он будто бы в ходе ограбления сжег банк. Но его поймали. И мне, хочешь не хочешь, пришлось заключить с ним сделку: я обещал устроить ему побег, иначе он грозил донести на меня. Это стоило мне еще трехсот тысяч.

— Каким образом вы вытащили его из тюрьмы? Каллана — заведение самого строго режима.

— Подкупил двух охранников. Заплатил каждому наличными по годовой зарплате.

— И одного из этих охранников Хэнди убил?

Маркс кивнул.

— А вы на этом сэкономили? — ехидно спросил Чарли Бадд.

— Потом вы оставили ему машину с оружием, радиостанцией, защищенной скремблером, и телевизором, — продолжил Поттер. — И с инструментами, с помощью которых он должен был достать деньги, спрятанные для него вами на бойне.

— Черт! Не мог же я оставить ему деньги в машине. Слишком рискованно. Поэтому запечатал их в старом, проведенном рядом с фасадным окном паропроводе.

— Каков был план его бегства?

— Я договорился, чтобы Хэнди с товарищами вывел из Вороньей Гряды частный самолет. Ему надо было добраться до маленького аэропорта, расположенного дальше по дороге. Но все пошло не так, как планировалось: Хэнди попал в аварию с «кадиллаком» и опоздал на полчаса.

— Зачем ему понадобились девочки?

— Без них он не обошелся бы. Понимал, что получасовая задержка все испортила — он не успел бы забрать деньги и попасть в аэропорт. Копы уже висели у него на хвосте. А без денег он улетать не собирался. Лу решил: если у него будут заложники и я сделаю все, чтобы вытащить его, не важно, сколько полицейских обложат бойню. Рано или поздно он выберется. Он связался со мной по рации, и я согласился убедить ФБР дать ему вертолет. Это не получилось, но к тому времени я вспомнил о Шэрон Фостер, которая несколько лет назад вела с ним переговоры. Выяснив, где она проживает, я связался с Прис Гандер, подружкой Хэнди, и сказал, чтобы она подъехала к ее дому. Затем притворился копом и позвонил Теду Франклину из полиции штата.

— Таким образом, — Поттер посмотрел на него, — когда вы самоотверженно предложили себя вместо заложниц, это было не более чем игрой?

— Я действительно хотел, чтобы он отпустил их. И уж точно не желал, чтобы кто-нибудь погиб. Вот уж нет.

«Рассказывай», — подумал переговорщик.

— Где сейчас Хэнди?

— Понятия не имею. Я предупредил его: как только выберется с бойни, мои дела с ним кончаются. Дальше пусть действует сам.

Поттер покачал головой.

— Скажите, каково вам теперь, после того как погибли полицейские? — холодно осведомился Бадд.

— Нет! Он обещал мне, что никого не убьет! Мы договорились, что его подружка только наденет на Фостер наручники. Он...

— А другие? Из конвоя?

Маркс посмотрел на капитана, но, так и не придумав ничего правдоподобного, прошептал:

— Это произошло случайно. Мы так не договаривались.

— Вызовите охрану, — сказал капитану Поттер.

Но тот не успел выполнить приказ: зазвонил его телефон.

— Да? — Выслушав сообщение, полицейский проговорил в трубку: — Где? Хорошо. Едем.

Поттер вопросительно посмотрел на него.

— Найдена вторая полицейская машина — та, в которой был Хэнди с подружкой. Похоже, он движется на юг. В сторону Оклахомы. Машина обнаружена в двадцати милях от места ареста. В багажнике мужчина и женщина. Мертвые. Судя по всему, Хэнди с подружкой воспользовались их тачкой. На трупах нет удостоверений, поэтому их личности и номер их машины пока не установлены. — Бадд сделал шаг к помощнику Генерального прокурора и добавил: — Слава Богу, Хэнди спешил, и эти люди умерли скорой смертью.

Развернув Маркса, капитан с силой приложил его о стену. Поттер не вмешался. Соединив руки Маркса пластиковыми фиксаторами запястий, Бадд приковал его наручниками к спинке кровати.

— Очень жмет, — пожаловался Маркс.

Капитан толкнул его на матрас.

— Пойдемте, Артур. Хэнди уже сильно оторвался от нас. Может, уже подъезжает к Техасу.

Ее окружал Внешний мир. Но все оказалось не так трудно, как она представляла.

Секунду назад, когда она пересекла осевую, ей, наверное, яростно сигналили. А в остальном, учитывая обстоятельства, все получалось очень даже неплохо. Мелани Черрол никогда не водила машину. Многие глухие садятся за руль, даже если им не разрешено, а она не решалась. Мелани не боялась попасть в аварию. Ее пугало то, что она совершит ошибку и не сможет выйти из положения. Например, заедет не в тот ряд. Или, когда загорится красный свет, остановится слишком близко или слишком далеко от светофора. Люди столпятся у ее машины и будут смеяться над ней.

Но теперь она двигалась по Шестьсот шестьдесят седьмому шоссе как настоящий профессионал. Уже не имея слуха музыканта, она обладала руками музыканта — сильными и тонко чувствующими. Пальцы быстро научились не слишком дергать рулем, и Мелани ехала к конечному пункту своего маршрута.

У Лу Хэнди была цель, и у нее тоже.

«Зло — это просто, а добро сложно. Простое всегда побеждает сложное. Таков закон природы, и тебе прекрасно известно, сколько людей наживают неприятностей, если противятся природе».

Ночь. Сорок миль в час, пятьдесят, шестьдесят.

Мелани посмотрела на приборную панель. Она не имела понятия о назначении многих стрелок и ручек, но радио узнала и настраивала, пока не засветились цифры 103,4. Скользнув взглядом, определила, где регулируется громкость, и прибавляла, пока светодиодный индикатор не показал предел. Сначала Мелани ничего не слышала, но, подкрутив басы, различила глухое буханье и иногда мимолетные звуки нот. В нижнем регистре — бетховенском. В этом сегменте она не потеряла слух до конца.

Может быть, исполнялась Девятая симфония — высоко парящая, вдохновляющая «Ода к радости». Точно она не знала. Это было бы слишком большим совпадением, учитывая то, что ей предстояло сделать. Тем более что радио 103,4 большую часть времени скорее всего посвящало рэпу и хэви метал. Но у нее в груди возник мощный, властный ритм. И этого было довольно.

Вот то, что нужно!

Мелани резко нажала на тормоз, и машина, скрипнув покрышками, остановилась на пустой парковке у магазина хозяйственных товаров. В витрине она увидела то, что ей нужно.

Разбив кирпичом стекло, она наклонилась вперед и выбрала, как ей показалось, самый острый из всех ножей. Произведенный известной чикагской фирмой, он имел лезвие длиной десять дюймов. Им работали мясники. Мелани вернулась в машину, бросила нож на соседнее сиденье, включила скорость и уехала.

Разогнав машину до семидесяти миль в час и мчась навстречу сильным порывам не слышимого ею ветра, Мелани думала о Сьюзан Филлипс, которая скоро уснет в могиле. Такой же безмолвной, какой была вся ее жизнь. В могиле девы...

«Ох, Сьюзан, Сьюзан! Я не ты, и не могу быть тобой. Даже не могу просить у тебя за это прощения, хотя, наверное, и следовало бы. После сегодняшнего дня я поняла, что не хочу до конца жизни слушать только воображаемую музыку. Знаю, если бы ты осталась жива, то осудила бы меня. Но мне хочется различать слова, слышать цепочки гулких согласных и гласных. Слышать мою музыку.

Ты была Глухой, рожденной от Глухих, Сьюзан. И это делало тебя сильной, хотя в конце концов убило. Я осталась жива, потому что слабая. Но я не могу больше быть слабой. Я Иная, и с этим ничего не поделать».

Мелани потрясло, когда до нее дошло, почему она так хорошо понимала этого негодяя Брута. Потому что она похожа на него. Чувствует то же, что он.

Ей хотелось причинить боль, хотелось всем отплатить: судьбе, которая отняла у нее музыку, отцу, который делал все возможное, чтобы держать ее подальше от музыки, Бруту и нанявшему его человеку. Их взяли в заложницы, с ними забавлялись, заставляли страдать — всех: учениц, миссис Харстрон, несчастного полицейского и, конечно, Сьюзан.

Машина неслась сквозь ночь. Изящная рука девушки покоилась на руле, другая поглаживала приятную на ощупь рукоять ножа.

О, Благодать,

Спасен Тобой я из пучины бед.

Ветер немилосердно бил в ветровое стекло автомобиля, по небу мчались черные облака.

Был мертв и чудом стал живой,

Был слеп и вижу свет.

Мелани бросила нож на сиденье, взялась за руль обеими руками и стала прислушиваться к сотрясающему ее грудь басовому ритму. Ей казалось, что ветер завывает, как взбесившийся волк, но точно она, конечно, не знала этого.

«Как ни крути, тебе надо вернуться домой».

«Никогда!»

* * *

Они были в трех милях от Вороньей Гряды и спешили на юг, когда Бадд распрямился, отчего его великолепная выправка стала еще лучше. Он повернулся к Поттеру.

— Артур!

Агент ФБР вздрогнул.

— Конечно! О черт!

Машина так резко затормозила, что ее занесло и она, встав на дороге боком, перегородила два ряда.

— Как туда быстрее добраться?

— В полумиле отсюда есть перекресток. — Бадд показал направо. — Мы только что проехали его. Так мы срежем путь и сразу попадем куда надо.

Обычно Артур Поттер водил машину так осторожно, что это многих выводило из себя. Но на этот раз, развернувшись, оставил на асфальте следы резины и едва не угодил в кювет.

— Господи, — пробормотал капитан. Но он сетовал не на безумный пируэт переговорщика, а на собственную глупость. — Как мне раньше не пришло в голову?

Поттер тоже злился на себя. Он понял, где должен находиться Хэнди. Он ехал вовсе не на юг, а стремился к своим деньгам. Полиция собрала на бойне улики, но среди прочего не оказалось ни рации, ни денег. Он спрятал их там.

Пригнувшись к рулю, Поттер попросил Бадда позвонить оставшемуся в доме Мелани Тоби. И когда тот ответил, взял у капитана трубку.

— Где Фрэнк и спецназ? — спросил он.

— Подождите, — ответил техник, — сейчас узнаю.

Вскоре его голос снова послышался в телефоне: — Совершают посадку в Виргинии.

— Не везет, — вздохнул переговорщик. — Ладно, свяжись с Тедом Франклином и Дином Стиллуэлом, скажи, чтобы прислали к бойне людей. Хэнди направляется туда, если уже не там. Но очень важно, чтобы его не вспугнули. Не исключено, что это единственный шанс взять его. Пусть подъезжают без света и сирен и остановятся на боковых дорогах не ближе полумили от здания. Не забудь предупредить, что Хэнди вооружен и очень опасен. И скажи, что мы будем внутри. Чарли и я.

— Где вы теперь?

— Подожди. — Поттер повернулся к Бадду. Тот объяснил, и переговорщик продолжил: — Чарли говорит, что мы на Хичкок-роуд рядом с Триста сорок пятым шоссе. В двух минутах езды.

Тоби на мгновение умолк, а затем неуверенно спросил:

— Чарли Бадд рядом с вами?

— А где же еще? Ты же видел, что мы уезжали вместе.

— Но вы же взяли обе машины.

— Нет, только мою.

Снова короткая пауза.

— Не разъединяйтесь, Артур.

Поттер забеспокоился. Что-то там не так. У Мелани.

«Ну же, Тоби, отвечай».

Вскоре снова послышался голос молодого агента.

— Мелани исчезла. Оставила включенным душ и взяла вторую машину.

Переговорщик похолодел.

— Она поехала в «Холидей инн» убить Маркса.

— Что?! — воскликнул капитан.

— Она не знает его фамилии, но ей известно, в каком он остановился номере, — видела, что я написал на бумажке.

— А я оставил его там без охраны и даже забыл позвонить своим людям.

Поттер вспомнил выражение глаз Мелани — они светились холодным огнем.

— У нее есть оружие? В машине что-нибудь оставалось? — спросил он.

Тоби переговорил с Лебоу.

— Нет, наше — при нас. В машине ничего нет.

— Быстро пошлите нескольких полицейских в гостиницу. — Переговорщик представил, как Мелани пытается прорваться к Марксу, несмотря на то что рядом находится охрана. Если у нее в руке окажется пистолет или нож, ее моментально убьют.

— Хорошо, Артур, — ответил Тоби. — Мы займемся этим.

В этот момент мрачный пейзаж приобрел знакомые очертания — дежавю из повторяющегося кошмара. Секундой позже впереди замаячило здание бойни. Поле битвы было усеяно пластиковыми кофейными чашками и пестрело следами колес — но не ободьев фургонов, а полицейских машин. Поттер сложил телефон и отдал Бадду, заглушил двигатель и последние пятьдесят футов неслышно проехал по склону.

— Что с Мелани? — прошептал капитан.

Но сейчас не было времени думать о ней. Агент ФБР приложил палец к губам и показал на дверцу. Мужчины вышли на пронизывающий ветер.

Они двигались по тому же оврагу, по которому Стиви Оутс тащил Шэннон и Киэл.

— Через переднюю дверь? — шепотом спросил Бадд.

Поттер кивнул. Она была распахнута настежь, поэтому можно было не опасаться, что скрипнут петли. Кроме того, окна здесь располагались в пяти футах над землей. Бадд мог в них влезть, но уставший переговорщик понимал, что ему это не под силу.

Несколько минут они не двигались, но не заметили никаких признаков Хэнди. Поблизости ни машин, ни света фар, ни лучей фонариков. И ни единого звука, кроме безумного воя ветра. Поттер кивнул в сторону двери.

Они пригнулись и поспешили между буграми к фасаду бойни, построенной из красно-белого кирпича, так напоминающего кровь на оголенной кости. Задержались у того места, куда выбросили тело бойца Тримэйна. «Труба рядом с окном, — вспомнил Поттер. — Набита полумиллионом долларов. Вот та приманка, которая приведет Хэнди к нам». Они встали снаружи по обе стороны двери. «Зачем я здесь? — внезапно подумал Поттер. — Это же совсем не мое, не то, что мне положено делать. Я не солдат, мое оружие слово. Не могу сказать, что мне страшно. Но мне это не по силам».

«Не боюсь, не боюсь».

Но он боялся.

Почему? Наверное, потому, что в его жизни впервые за долгие годы кто-то появился. И каким-то образом за последние двенадцать часов собственное существование приобрело для него большую ценность. «Да, я хочу говорить с ней — с Мелани. Хочу о многом рассказать, послушать, как она провела день. И да, да, да, хочу взять за руку, повести после ужина по лестнице вверх, почувствовать рядом с ухом жар ее дыхания, ощутить под собой волнение ее тела. Я этого хочу. Я...»

Бадд похлопал его по плечу. Поттер кивнул, и они с оружием на изготовку вошли в здание.

Словно в пещеру.

Повсюду темнота. В дыры в стенах с ревом врывался ветер, и суставы старой постройки так сильно громыхали, что больше ничего нельзя было расслышать. Они инстинктивно шагнули за большую металлическую конструкцию, что-то вроде огромного кожуха. И ждали. Постепенно глаза Поттера начали привыкать к чернильной тьме. Он стал различать два более светлых прямоугольника — окна с обеих сторон двери. Рядом с ближайшим проходила пузатая труба диаметром фута в два и, возвышаясь над полом, загибалась под прямым углом наподобие вентиляционного канала на корабле. Переговорщик указал на трубу, Бадд покосился на нее и кивнул.

Они продвигались вперед как слепые, и Поттер понял, что пришлось испытать здесь Мелани. Ветер лишил его слуха, темнота — зрения, а холод притупил обоняние и осязание.

Они постояли, и переговорщик почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок страха. Капитан предостерегающе поднял руку. У Поттера перехватило дыхание, и он низко пригнулся. Поттер тоже заметил колеблющуюся тень, но оказалось, что это болтающийся на сквозняке лист железа.

До трубы оставалось пять ярдов. Поттер остановился и медленно огляделся. Никаких звуков, кроме ветра. Он снова повернул к трубе, но Бадд похлопал его по плечу и прошептал:

— Не поскользнитесь. Здесь что-то разлито. Похоже на масло.

Переговорщик посмотрел под ноги — на полу у подножия трубы блестели большие пятна серебристой жидкости, больше похожей на ртуть, чем на воду или масло. Поттер нагнулся и тронул пятно — под пальцем оказался холодный металл. Не масло — стальные гайки.

Концевая заглушка трубы была снята. Значит, Хэнди здесь был и...

Выстрел раздался не дальше чем в десяти футах. Разрывающий барабанные перепонки грохот болезненным эхом отразился от плиток, металла и голого мокрого кирпича. Поттер и Бадд мгновенно обернулись.

В глазах ничего, кроме черноты. Лишь едва заметное движение тени, когда облака прикрыли луну. Затем послышался сдавленный шепот Чарли:

— Виноват, Артур.

— Что?

— Я... Извините, я ранен.

Бадду выстрелили в спину. Он упал на колени, и Поттер заметил внизу его живота рваное выходное отверстие пули. Капитан опрокинулся на бок.

Переговорщик бросился ему на помощь, но тут же замер. «Берегись! — Он повернулся в ту сторону, откуда прозвучал выстрел. — Позаботься сначала о себе».

И в этот момент, получив удар трубой по плечу, моментально обмяк, повалился на пол и почувствовал, как сильная рука вырывает у него пистолет.

— Вы одни? Вас только двое? — прошептал Хэнди.

Переговорщик не мог выговорить ни слова.

Бандит заломил ему руку за спину и жестоко согнул мизинец. Боль пронзила до самой челюсти, стрельнула в голову.

— Да-да, только двое.

Хэнди довольно хрюкнул, повернул его к себе лицом и крепко связал руки на животе проволокой, так что витки впились глубоко в кожу.

— У тебя нет никаких шансов… — начал Поттер, но в этот момент перед глазами что-то пронеслось и Хэнди отлетел к трубе, где были спрятаны деньги. С громким, гулким звуком врезался головой в металл.

Лицо Чарли Бадда заливал пот, и так же обильно лилась из живота кровь, но он нашел в себе силы снова замахнуться и ударить кулаком бандита по почкам. Хэнди захрипел от боли и согнулся.

Поттер тщетно пытался подняться, а капитан тем временем шарил в темноте рукой, пытаясь отыскать свой пистолет. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Бадд сделал неверный шаг в сторону. Чуть отдышался и, шатаясь, привалился к большой, заляпанной колоде мясника. Хэнди, рыча от злости, кинулся за ним, схватил за шею, свалил на пол. Бандит пострадал от удара — это было видно, — но в нем еще осталось много сил. А силы Бадда быстро таяли.

— Ох! — кашлянул раненый. — Не могу…

Хэнди схватил его за волосы.

— Ну-ка распрямись, приятель. Это еще только первый раунд.

— Катись к черту, — прошептал полицейский.

Хэнди обхватил его руками и поднял на ноги.

— Шевелись! Что, не слышал гонг? Болельщики ждут.

Бадд истекал кровью, его глаза затуманились, но вдруг он нацелился кулаком в худое лицо бандита и неожиданно сильно ударил. Голова Хэнди дернулась назад, он удивленно посмотрел на полицейского. Но боль после первой вспышки прошла, и он рассмеялся.

— Давай, — поддразнивал он. — Бей еще, Сладкий Рэй[53].

Капитан замахнулся, но бандит обрушил на его лицо с полдюжины ударов, и Бадд рухнул на колени.

— Можно открывать счет.

— Оставь его, — крикнул Поттер.

Хэнди вытащил из-за пояса пистолет.

— Нет!

— Артур…

Хэнди повернулся к Поттеру.

— Ему повезло, что я делаю это так. Было бы больше времени, он бы не умер безболезненно. Вот уж нет!

— Послушай меня, — в отчаянии начал Поттер.

— Ш-ш-ш, — прошептал бандит.

Порыв ветра пролетел по зданию скорбным стоном.

Три выстрела грохнули один за другим. Наступила тишина — затем раздался голос Поттера:

— О, Чарли! Нет, нет, нет!

03:00

Они шли по темным настилам, по которым между прямоугольными глыбами мясницких колод некогда водили обреченных коров, а наверху, точно колокола, бренчали тысячи ржавых крюков…

Ветер, врывающийся сквозь щели в стенах и разбитые окна, завывал, словно пароходная сирена.

У Поттера от проволоки жгло огнем запястья. Он вспомнил руки Мелани, ее великолепные ногти. Представил медвяные пряди ее волос. Как он жалел, что не поцеловал ее этим вечером! Тронул языком шатающийся после падения зуб — зуб ни на чем не держался, и он его выплюнул. Рот чем-то наполнился, Поттер снова сплюнул, и на пол брызнула кровь.

— Жалкий ублюдок, — проговорил явно довольный Хэнди. — Что, взял меня, Арт? Ничего у тебя не вышло.

Впереди забрезжило что-то вроде зарева — даже не зарево, просто темнота стала не такой густой. Снаружи пробивался слабый свет звезд и серебристые блики луны.

— Ты не должен был его убивать, — зачем-то сказал агент ФБР.

— Сюда. Иди вперед. — Хэнди толкнул его в коридор, пахнущий плесенью. — Сколько ты занимаешься своим ремеслом, Арт? — Поттер не ответил. — Думаю, лет двадцать — двадцать пять. И все это время ты только и делал, что говорил с гнусными типами вроде меня. — Несмотря на небольшой рост бандита, его хватка была беспощадной. У Поттера иголками кололо пальцы.

Они прошли десяток помещений — темных и зловонных, оставшихся кровавым напоминанием о господах Штольце и Уэббере.

Хэнди толкнул переговорщика в темный проем задней двери, и они, оказавшись на улице, согнулись под порывами ветра.

— Вау! Тряское будет путешествие. — Бандит повлек Поттера к рощице, где чернел силуэт автомобиля.

Мотор остывает за три часа. Если бы у полиции был улавливатель инфракрасного излучения, машину засекли бы.

И Чарли Бадд остался бы жив...

— Двадцать пять лет! — крикнул Хэнди сквозь ветер. — И все эти двадцать пять лет ты находился по ту сторону оцепления. В полной безопасности. Ты хоть пытался представить себе, что значит оказаться в заложниках? Чертовски интересный опыт. Ну, поворачивайся, Арт. Хочу познакомить тебя с Прис. Она такая, что заткнет за пояс любого мужика.

Вот так-то. А тебе предстоит побывать в заложниках. Знаешь, большинство людей очень многого не испытали. Большинство людей никогда не стреляли в себе подобных. Входя в банк, не вытаскивали пистолет. Не смотрели на девчонку молча, но так, что она начинала скулить, как побитый щенок, и раздеваться. Потому что понимала, что ты этого от нее ждешь.

И большинство людей не видели, как рядом кто-то умирает. То есть не прикасались к человеку, когда это происходило. А у меня все это было. У тебя и в голове не укладывается, каково все это прочувствовать. Так, как прочувствовал я. Вот что такое настоящий опыт.

Ты пытался остановить меня. Не стоило этого делать. Я собираюсь убить тебя — ты, наверное, это понимаешь. Но не сейчас, немного позже. Я

беру тебя с собой. И у тебя не найдется слов, чтобы помешать мне. Ты не можешь предложить мне упаковку пива. Или этот долбаный М-как-его-там-че-тыре коридор в Канаду. Когда мы благополучно выберемся, моим единственным желанием будет увидеть тебя мертвым. И если не выберемся — тоже.

Внезапно задрожав от ярости, Хэнди схватил Поттера за лацканы пиджака.

— Ты не должен был пытаться остановить меня!

В кармане пиджака переговорщика что-то зашуршало. Бандит улыбнулся.

— Что это у нас там?

«Только не это!» — подумал, отворачиваясь, Артур. Но Хэнди уже запустил руку ему за пазуху и вынул фотографию.

— Ну-ка, ну-ка...

Это был снимок Мелани Черрол, висевший на доске оперативной информации в командном фургоне.

— Твоя подружка, Арт?

— В мире нет такого места, где ты будешь в безопасности, — ответил Поттер.

Бандит не обратил внимания на его слова.

— Мы с Прис ненадолго отлучимся. Но я захвачу это фото. Когда вернемся, мы навестим ее. Эту Мелани. Она молоток. Треснула меня по спине так, что я задохнулся. Видишь царапины — тоже ее работа. Я пикнуть не успел, как она выставила из двери ту соплячку. И другую, смазливенькую, на которую Сонни положил глаз. Мелани передо мной в долгу. — И, словно выдавая коммерческий секрет, добавил: — Мужчина не может позволить, чтобы им помыкали. Особенно женщина. Пройдет месяц, от силы два, и она обнаружит в своей постели нас с Прис. А она даже визжать не может, чтобы позвать на помощь.

— Надо быть совсем ненормальным, чтобы вернуться сюда. Каждый коп в штате знает тебя в лицо.

Хэнди снова разозлился.

— Мне сильно задолжали. Чертовски большой долг. — Он потянул переговорщика за собой.

«Они собираются в аэропорт, — подумал Поттер. — Тряское будет путешествие». Его убьют, как только почувствуют себя в безопасности. Может, выбросят из самолета на пшеничное поле с высоты три тысячи футов.

— Сейчас познакомишься с Прис, — кивнул бандит на стоящий под деревьями «ниссан». — Вот девка так девка! Был случай, меня подстрелили — угодили в бок. И тот же дерьмовый коп взял на мушку Прис. У нее тоже был в руке пистолет, но она не успела бы его поднять. Так она знаешь что сделала? Невозмутимо расстегнула блузку и при этом еще улыбалась. Не веришь? Тот козел хотел ее застрелить — точно хотел. Но не смог. И как только вперился в ее титьки, Прис вскинула «глок», и — бах! бах! бах! — три пули в грудь. А потом подошла и, на тот случай если на нем бронежилет, пустила четвертую в голову. Думаешь, твоя подружка так же хладнокровна? Готов поспорить, что нет, Арт.

Хэнди замер и заставил остановиться Поттера. Огляделся, принюхался к воздуху, нахмурился. Мелани назвала его Брутом, а его сообщникам дала имена животных, но агент ФБР понимал, что из троих бандитов в Хэнди было больше всего звериного. Его взгляд остановился на машине.

Поттер заметил открытую водительскую дверцу и женщину, сидевшую за рулем и смотревшую в ветровое стекло. Ту самую, что недавно изображала Шэрон Фостер. Светлые волосы все так же забраны на затылке в конский хвост. Но она сменила одежду: вместо полицейской формы — черные брюки и темный свитер с высоким воротом.

— Прис? — прошептал Хэнди.

Женщина не ответила.

— Прис? — громче позвал он. — Присси! — Ветер подхватил и унес его слова.

Бандит толкнул Поттера на землю. Переговорщик беспомощно покатился по траве, но видел, как Хэнди подскочил к водительскому месту, обхватил подружку руками и завыл, в ужасе и ярости.

Поттер скосил глаза. Нет, никакой это не свитер с высоким воротом. И вообще не одежда. У Присциллы было перерезано горло от одной яремной вены до другой. А то, что сначала показалось воротом темного свитера, было кровью, которая струилась из раны на плечи и грудь. Прис

пыталась позвать на помощь, но сумела лишь протянуть руку и оставить кровавый отпечаток пальца на грязном ветровом стекле.

— Нет, нет, нет! — Хэнди с безумным видом баюкал и прижимал к груди убитую.

Поттер перевернулся на бок и, приподнявшись, попытался отползти в сторону. Но не успел удалиться и на три фута, как услышал топот. Ботинок врезался ему в ребра, и он, рухнув на землю, закрыл связанными руками лицо.

— Это ты! Ты, говнюк, подкрался и убил ее! Твоих рук дело!

Переговорщик пытался заслониться от жестоких ударов.

Хэнди сделал шаг назад и поднял пистолет. Поттер закрыл глаза и опустил руки. Он попытался представить Мариан, но ничего не получалось — перед глазами была только Мелани. Второй раз за эту ночь Поттер приготовился к смерти.

Но вдруг он почувствовал дуновение — стон и шипение, обретшие форму слов. Но слов не от мира сего: словно ' слоги рождались в утробе привидения, передразнивающего язык жалких смертных. Сначала агент не разобрал смысла — с отвращением и яростью бесконечно повторялась одна и та же фраза, — но вот звуки слились в единое целое, и когда Хэнди резко обернулся назад, переговорщик узнал коряво выговариваемое слово: «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!» Нож глубоко погрузился бандиту в плечо. Он вскрикнул от боли, когда сильные руки Мелани выдернули из его тела лезвие, и она ударила снова — на этот раз в правую руку. Пистолет упал на землю. Поттер подкатился вперед и схватил оружие.

Хэнди замахнулся кулаком в лицо Мелани, но она, держа перед собой нож, легко отскочила назад. Бандит повалился на колени, закрыл глаза и зажал руку, с которой не переставая текла кровь и, сбегая крученой струйкой, падала с пальца — оттопыренного и указующего, как у Господа на фреске в Сикстинской капелле.

Переговорщик с трудом поднялся на ноги, обошел Хэнди и встал рядом с Мелани. Она взглянула на его руки и разрезала проволоку. Девушка дрожала. Значит, и она сделала тот же вывод, что они с Баддом: Хэнди должен вернуться за деньгами на бойню. Значит, ей вовсе не было дела до Маркса.

— Давай кончай, — прорычал Хэнди, словно не другие, а он был той несчастной жертвой, которую мучили весь сегодняшний вечер.

Поттер, ощущая вес пистолета в руке, взглянул на его сморщенное, искаженное злобой лицо. Агент ФБР ничего не сказал и ничего не сделал.

«Ты когда-нибудь совершал что-то дурное?»

Артур Поттер внезапно понял, какие они разные с Хэнди, и всегда были такими. Во время переговоров агент ФБР вел себя как актер — перевоплотился в человека, которому не верил, которого опасался и ненавидел. Но этот дар, к счастью, компенсировался умением выйти из роли и вновь обрести свое «я».

Поэтому не он, а Мелани Черрол сделала шаг вперед и вонзила длинный нож по самую рукоять между ребрами Хэнди. Плюгавый человечек задохнулся, закашлялся кровью и, весь сотрясаясь, повалился на спину. Девушка медленно вытащила из раны клинок.

Поттер отобрал у нее оружие, вытер рукоять полой пиджака и бросил нож на землю. А потом стоял и смотрел, как Мелани, присев рядом с Хэнди, наблюдала за его последними конвульсиями. В сумраке ночи Поттер не видел выражения ее лица, но ему показалось, что он заметил легкую улыбку — улыбку любопытства.

Он заметил также, что Мелани словно вдыхает муку умирающего, как курящиеся в ее доме пряные благовония.

У Лу Хэнди дернулись губы, и с них, вместе с пузырем крови, сорвался какой-то звук, но такой тихий, что переговорщик не расслышал его. По телу умирающего прошла судорога — раз, другой, — и он наконец застыл. Поттер помог девушке подняться.

Обняв Мелани за плечи, он вел ее по темному полю, где пронизывающий ветер нещадно трепал траву и пригибал к земле молодые деревца. В пятидесяти ярдах от них, на дороге, стояла казенная машина, взятая Мелани.

Она повернулась к Поттеру и застегнула на молнию его видавшую виды коричневую кожаную куртку.

Обнимая девушку, он чувствовал, как ее волосы касаются его руки. Ему хотелось сказать очень многое, хотелось спросить, все ли с ней в порядке и что она чувствует, объяснить, какую версию он предложит полиции, признаться, как часто думал о ней во время переговоров.

Но он ничего не сказал. Луна скользнула за черные облака, и на поле стало совсем темно. «Она все равно не видит моих губ», — подумал он. И внезапно, притянув к себе, поцеловал — поспешно, готовый отступить, если Мелани проявит хоть малейшее колебание. Но ничего подобного не случилось, и Поттер, крепко прижав ее к себе, коснулся щекой прохладной девичьей шеи. Одно мгновение они стояли обнявшись. А когда он отступил, луна снова вышла из-за туч и осветила их лица бледным сиянием. Но Поттер все равно ничего не сказал — просто отвел ее к машине и усадил на водительское место.

Мелани завела мотор, подняла на него глаза, а затем, оторвав руки от руля, сделала несколько знаков на языке глухих.

«Зачем ей это понадобилось? — удивился Поттер. — Что она хочет мне сообщить?» Но прежде чем он успел попросить ее задержаться и написать все на бумаге, девушка включила скорость, и машина, медленно переваливаясь, поехала по изрытому полю. Затем развернулась и скрылась за деревьями. В последний раз мигнул огонек стоп-сигнала, и все снова погрузилось в темноту.

Поттер пошел к залитому кровью «ниссану», стер все отпечатки пальцев, кроме своих, расположил измазанный в крови нож и оба трупа так, чтобы место преступления представляло собой пусть не соответствующую действительности, но убедительную картину.

«Но что такое, в сущности, ложь, Чарли? Правда — вещь очень ненадежная. Существуют ли вообще на сто процентов честные слова?»

Поттер уже оценивал дело рук своих, когда его внезапно осенило: он понял, что несколько минут назад сказала ему Мелани. Эти жесты были в числе тех, что составляли его скудный словарь знакового языка. Он сам такими же знаками сказал ей сегодня вечером: «Я хочу снова увидеться с тобой». Правильно? Поттер поднял руки и повторил фразу. Сначала неловко, затем вполне профессионально. Да, все верно.

Вдали показалась машина. Защищаясь от нескончаемых порывов ветра, Артур Поттер поднял воротник, сел на каменистую землю и стал ждать.

От автора

Выражаю особую благодарность редактору Памеле Дорман из издательства «Викинг», которая с таким терпением и настойчивостью (не говоря уже о мужестве) добивается от авторов того же уровня совершенства, какого достигла в своем деле сама. Я также признателен Деборе Шнайдер, дорогому другу и лучшему на свете агенту. Всему коллективу издательства «Викинг»/НАЛ и особенно Барбаре Кроссман,

Элейн Костер, Михаэле Гамильтон, Джо Питтману, Кэти Хэмминг, Мэтью Брэдли (сто раз заслужившему звание Боевого пресс-агента) и Сьюзан Хэнс О'Коннор. Моя благодарность была бы неполной, если бы я не упомянул милейших сотрудников лондонского литературного агентства «Куртис Браун», особенно Диану Маккей и Вивьен Шустер и моего английского издателя «Ходдер Хэдлайн», в частности моего редактора Кэролин Мэйс, и Сью Флетчер, и Питера Лэвери. Большое спасибо Кэти Глисон и Гелфман-Шнайдер, спасибо и привет моей бабушке Этель Райдер, моей сестре и коллеге-писателю Джулии Рис Дивер, а также Трейси, Керри, Дэвиду, Тейлору, Лизе (миз Икс-Мэн), Кейси, Крису, Брайану Большому и Брайану Маленькому.

Примечания

1

Лорен, Клерк (1785–1869) — вместе с Томасом Хопкинсом Галлаудетом основал в Хартфорде (штат Коннектикут) первую в Северной Америке школу для глухих.

2

Handy — близкий, доступный (англ.).

3

В 1993 г. в городе Уэйко произошли печальные события на укрепленной базе воинственной секты «Ветвь Давидова». База сгорела во время штурма, предпринятого агентами ФБР. Погибло около восьмидесяти человек, в том числе дети.

4

Вирджиния Элизабет Дэвис (р. 1956) — американская актриса, продюсер, сценарист; бывшая фотомодель.

5

Рэкхэм, Артур (1867–1939) — плодовитый английский иллюстратор классической детской английской литературы.

6

Рэзер, Дэн (р. 1931) — известный американский тележурналист, автор и ведущий информационных программ.

7

Брокау, Том (р. 1941) — известный американский тележурналист.

8

Ковбойская песня. Написана в 1874 г. Официально признана гимном штата Канзас в 1947 г. Авторство не установлено. Слова приписываются Б. Хигли, а музыка — Д. Келли.

9

Авиационная скорая помощь.

10

Томас Лео Клэнси-младший (р. 1947) — американский писатель, работает в жанре технотриллера.

11

Главный герой американского комического телесериала (1964–1969) про солдата морской пехоты, увальня и недотепу.

12

Инцидент с применением оружия произошел в 1992 г. в местечке Руби-Ридж. В него были вовлечены Рэнди Уивер, члены его семьи, друг семьи Кевин Хэррис, а также сотрудники Службы маршалов США и ФБР. В ходе федерального уголовного процесса над Уивером и Хэррисом, последовавшего вслед за инцидентом, адвокат Уивера обвинил в нарушении закона все вовлеченные в инцидент государственные организации.

13

Галлодет, Томас Хопкинс (1787–1851) — пионер обучения глухонемых.

14

Кристофер Пайк — псевдоним американского писателя Кевина Кристофера Макфадденса (р. 1954). Работает в жанре детской и юношеской литературы, а также триллера.

15

Холлидей, Джон Генри (1851–1887) — известная личность в освоении Фронтира. Участник знаменитой перестрелки с бандой Айка Клэнтона (1881) неподалеку от города Тумстона.

16

Банди, Теодор Роберт (1946–1989) — американский серийный убийца, известный как Нейлоновый Убийца. Казнен на электрическом стуле во Флориде.

17

Дамер, Джеффри Лайонел (1960–1994) — американский серийный убийца. Приговорен к пожизненному заключению. В 1994 г. убит сокамерником.

18

Шутливый парафраз сообщения коммодора Оливера Хаззарда Перри генералу Уильяму Генри Харрисону после битвы на озере Эри (1813): «Я встретил врага, они теперь наши».

19

Ориентал, Джеймс (О. Джей) Симпсон (р. 1947) — игрок в американский футбол. Получил скандальную известность после того, как был обвинен в убийстве своей бывшей жены и ее друга, но оправдан, невзирая на улики.

20

Научно-исследовательский центр в г. Санта-Моника, штат Калифорния; один из крупнейших «мозговых трестов» страны.

21

Должностное лицо, осуществляющее надзор за условно освобожденными.

22

Дешифратор зашифрованных телефонных или радиопереговоров.

23

Арнетт, Питер Грегг (р. 1934) — американский журналист новозеландского происхождения. Благодаря своей работе в «горячих точках» стал одним из самых известных военных корреспондентов конца XX — начала XXI в.

24

Установленный законом день выборов в США.

25

Клэнси, Том (р. 1947) — американский писатель. Работает в жанре технотриллера и описывает альтернативную историю.

26

Дэвид Майкл Леттерман (р. 1947) — американский комик, ведущий популярной программы «Вечернее шоу с Дэвидом Леттерманом» на канале Си-би-эс.

27

Эмблема «Макдоналдса» — желтая буква М с закругленными верхними кончиками — напоминает сдвоенные арки.

28

Однострунный ударный музыкальный инструмент, родом из Бразилии.

29

Коллинз, Джуди (р. 1939) — американская фолк- и поп-певица, имевшая большой успех в конце 1960-х — начале 1970-х гг.

30

Старая гавайская песня. Английский текст написан Уэбли Эдвардсом и Леоном Побером.

31

Ежеквартальная газета Ассоциации по делам американских индейцев.

32

Цимбалист-младший, Ефрем (р. 1918) — американский актер, сын известного скрипача и композитора Ефрема Цимбалиста. Исполнял роль в телесериале «ФБР».

33

Один из псевдонимов Натаниэля Эссекса, героя комиксов о Людях Икс.

34

Келлер, Хеллен Адамс (1880–1968) — известная деятельница Американского общества слепых. После болезни, перенесенной в полуторагодовалом возрасте, осталась слепоглухонемой.

35

Один из основных путей периода освоения Фронтира.

36

Национальное общественное радио США.

37

Брат Марфы и Марии, воскрешенный Христом на четвертый день после погребения.

38

Слова из патриотической песни «Америка прекрасная».

39

Система стабилизации камеры при съемке.

40

Американская щука длиной около 80 см.

41

Холмистое плато, большая часть которого расположена в южной части штата Миссури и на севере Арканзаса.

42

Свиная сарделька с большим количеством специй.

43

Меннониты — последователи Менно Симонса (XVI в.), проповедуют отказ от насилия, выступают за самосовершенствование человека.

44

День высадки союзных войск на Атлантическом берегу Европы (6 июня 1944 г.).

45

Известная американская ковбойская баллада.

46

Фильм Квентина Тарантино (1992), в котором реально-событийные кадры с большим количеством жестокостей переводятся в пародийный план постоянными отсылками к жанру традиционного гангстерского кино.

47

Театрально-концертный и выставочный комплекс в Чикаго.

48

Роджерс, Уилл (1879–1935) — американский актер, сценарист.

49

Изображение медвежонка Смоуки на шляпе — символ Службы охраны леса. Форма полиции штата похожа, особенно шляпами, на форму лесников.

50

Беладонна.

51

Национальное блюдо североамериканских индейцев из кукурузы и бобов.

52

Американская компания, работающая в сфере информационных услуг.

53

Настоящее имя Робинсон Рэй (1920–1989) — профессиональный боксер, выступал в полусреднем и среднем весе.